

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Номер 11

Ноябрь 2025

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институту государства и права
Российской академии наук – 100 лет*

Академик Венедиктов: право для советской экономики • Правовые архетипы в русской культуре и их зарождение в православных произведениях древнерусской литературы • К вопросу о зарождении и становлении академической военно-юридической науки в России • Защита Славянского мира как политико-правовой концепт русской цивилизационной идентичности: грани юридической историографии • История политических и правовых учений: проблемы методологии • Правовой обычай как источник частного права и его отграничение от смежных регуляторов частных отношений • Возбуждение уголовного дела: оставить как есть, упразднить или реформировать? • Легитимность как принцип государственного контроля (надзора) • Налог на добавленную стоимость: экономико-правовой анализ и современные юридические проблемы • Цифровая трансформация как правовой феномен и ее влияние на развитие информационного права и законодательства

НАУКА

— 1727 —

Российская Академия Наук

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО/ STATE AND LAW

2025 № 11 Ноябрь

Основан в феврале 1927 г.

Выходит 12 раз в год

ISSN 1026-9452 (Print)

ISSN 2713-0398 (Online)

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)

«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)

«Советское государство» (1932–1938 гг.)

«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)

«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством

Отделения общественных наук РАН

Институт государства и права

Главный редактор

А.Н. Савенков,

академик РАН,

доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (*председатель*);

О.В. Белявский, к.ю.н.; В.С. Груздев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);

М.И. Клеандров, чл.- корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;

Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, иностранный член РАН, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);

С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);

С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкарев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;

Г.А. Василевич, чл.- корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);

Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.- корр. РАН; Л.В. Головкин, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;

А.А. Гришконец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (*ответственный секретарь*);

А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);

И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;

В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);

А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*);

Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);

С.В. Маликов, д.ю.н. (*заместитель главного редактора*); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;

А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);

Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);

В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;

А.Н. Савенков, акад. РАН (*главный редактор*);

Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);

А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;

В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чуча, д.ю.н.;

А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкаревецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

e-mail: gospravo@igpran.ru, <http://gospravo-journal.ru/>

Москва

ФГБУ «Издательство «Наука»

Российская Академия Наук

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО/ STATE AND LAW

2025 No. 11 November

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Institute of State and Law

Editor-in-Chief

A.N. Savenkov,

Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);
O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;
V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;
A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;
I.M. Ragimov, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law (Azerbaijan Republic);
S.V. Stepashin, Doctor of Law; T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);
S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;
A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;
A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;
V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);
Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;
Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;
Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);
Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;
S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Academician of the RAS (*Editor-in-Chief*);
R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);
A. Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);
S. Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchaev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
e-mail: gospravo@igpran.ru, <http://gospravo-journal.ru/>

Moscow
“Nauka” Publishers”

© Russian Academy of Sciences, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 11, 2025

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Академик Венедиктов: право для советской экономики

А.В. Габов, С.М. Мотуренко

7

* * *

Правовые архетипы в русской культуре и их зарождение в православных
произведениях древнерусской литературы

В.С. Горбань, А.И. Овчинников, А.С. Конопий

31

К вопросу о зарождении и становлении академической военно-юридической науки в России

А.В. Кудашкин

44

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Защита Славянского мира как политико-правовой концепт
русской цивилизационной идентичности: грани юридической историографии

С.Н. Бабурин

75

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

История политических и правовых учений: проблемы методологии

Е.А. Фролова

84

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

Общественная власть в публичной сфере Российской Федерации

Г.Н. Чеботарев

93

СУД, ПРОКУРАТУРА, АДВОКАТУРА

Работа военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации
в условиях проведения специальной военной операции

О.И. Александрова

108

Международная подсудность и применимое право в трансграничных семейных спорах: *juncta juvant?*

Е.П. Войтович

113

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Объективность как методологический принцип познания государства и права и правовой идеализм

В.В. Кожевников

123

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Правовой обычай как источник частного права и его отграничение
от смежных регуляторов частных отношений

В.Н. Лисица

135

Социальные роли физического лица и их отражение в гражданском праве

Е.А. Останина

145

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Правовые основы российских государственных проектов и программ
в экологической сфере

Е.Е. Шевченко

155

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Возбуждение уголовного дела: оставить как есть, упразднить или реформировать?

С.Б. Россинский

170

Некоторые спорные вопросы объективной стороны и субъекта принуждения к даче показаний

Е.А. Мельников

177

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Легитимность как принцип государственного контроля (надзора)

С.А. Агамагомедова, В.Н. Плигин

186

БЮДЖЕТ, НАЛОГИ, БАНКИ

Налог на добавленную стоимость: экономико-правовой анализ и современные юридические проблемы

М.В. Карасева

194

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Цифровая трансформация как правовой феномен и ее влияние на развитие информационного права и законодательства

Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, Н.В. Кроткова

204

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

К вопросу о понятии «справедливого» договора в праве Византии и средневековой Европы

О.Л. Лысенко

220

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Междисциплинарные взгляды на искусственный интеллект и право / под ред. Э.С. Антунеша и др. Изд-во Springer Nature, 2024

И.Р. Бегишев, И.А. Филипова

229

CONTENTS

Number 11, 2025

ON THE 100th ANNIVERSARY OF THE INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Academician Venediktov: law for the Soviet economy

A.V. Gabov, S.M. Moturenko

7

* * *

Legal archetypes in Russian culture and their origin in orthodox work
of ancient Russian literature

V.S. Gorban, A.I. Ovchinnikov, A.S. Konopy

31

On the origin and development of academic military legal science in Russia

A.V. Kudashkin

44

PHILOSOPHY OF LAW

The protection of the Slavic world as a political and legal concept of Russian civilizational identity:
the return of the geopolitical principle

S.N. Baburin

75

LEGAL, POLITICAL, PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

The history of political and legal doctrines: problems of methodology

E.A. Frolova

84

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA

Civil society in the public sphere of the Russian Federation

G.N. Chebotarev

93

COURT, PROCURATOR'S OFFICE, THE BAR

The work of the military investigative bodies of the Investigative Committee
of the Russian Federation in the conditions of the special military operation

O.I. Aleksandrova

108

International jurisdiction and applicable law in cross-border family disputes: *juncta juvant?*

E.P. Voytovich

113

DISCUSSIONS AND DEBATES

Objectivity as a methodological principle of knowledge of the state and law and legal idealism

V.V. Kozhevnikov

123

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

Legal custom as a source of private law and distinguishing it from other regulators
of private legal relations

V.N. Lisitsa

135

Social roles of individuals and their reflection in Civil Law

E.A. Ostanina

145

ENVIRONMENTAL LAW

The legal basis of Russian government projects and programs in the environmental field

E.E. Shevchenko

155

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Initiation of criminal case: leave as is, abolish or reform?

S.B. Rossinskiy

170

Some controversial issues of the objective side and the subject of compulsion to give evidence

E.A. Melnikov

177

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

Legitimacy as a principle of state control (supervision)

S.A. Agamagomedova, V.N. Pligin

186

BUDGET, TAXES, BANKS

Value-added tax: economic and legal analysis and current legal issues

M.V. Karaseva

194

INFORMATION LAW AND INFORMATION SECURITY

Digital transformation as a legal phenomenon and its impact on the development of Information Law and legislation

T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, N.V. Krotkova

204

PAGES OF HISTORY

On the concept of a “just” treaty in Byzantine and medieval European law

O.L. Lysenko

220

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Multidisciplinary perspectives on artificial intelligence and the law /
ed. by H.S. Antunes et al. Springer Publishing, 2024

I.R. Begishev, I.A. Filipova

229

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УДК 346; 347

**АКАДЕМИК ВЕНЕДИКТОВ:
ПРАВО ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ**

© 2025 г. А. В. Габов*, С. М. Мотуренко**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: gabov@igpran.ru

**E-mail: spp@igpran

Поступила в редакцию 16.09.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена жизненному и творческому пути выдающегося советского правоведа, академика Академии наук СССР, доктора юридических наук, профессора, сотрудника Института права Академии наук СССР (ныне – Институт государства и права Российской академии наук) Анатолия Васильевича Венедиктова (1887–1959), научные идеи и концепции которого, в особенности касающиеся права собственности при социализме (государственной социалистической собственности), сущности юридического лица в советском праве, организационно-правовых аспектов хозяйственной деятельности государственных предприятий, оказали значительное влияние и на развитие отечественной юридической мысли, и на формирование советского гражданского и хозяйственного законодательства. Идеи А. В. Венедиктова также оказали весомое влияние на формирование научных школ и направлений в СССР. Сохраняют они свое значение и в настоящее время. Авторы отмечают, что это влияние касается и формирования новых институтов при реформировании законодательства (что хорошо проявилось при обсуждении вопросов реформы гражданского законодательства в 2010-е годы). Жизнь и творчество А. В. Венедиктова достаточно исследованы, тем не менее в год 100-летия Института государства и права РАН, учитывая тесную связь А. В. Венедиктова с Институтом, а также избрание его академиком Академии наук СССР именно в этот период, в рамках научного проекта Института государства и права РАН «Российская академия наук: выдающиеся правоведы. XX век» авторы считают важным изложить основные вехи биографии и научные идеи Анатолия Васильевича Венедиктова. При подготовке статьи использовались уникальные материалы, хранящиеся в архиве Института государства и права РАН, в том числе личное дело А. В. Венедиктова.

Ключевые слова: Венедиктов Анатолий Васильевич, Институт государства и права Российской академии наук, государственная социалистическая собственность, кодификация гражданского законодательства, право оперативного управления, реорганизация, слияние, собственность, управление промышленностью, юридическое лицо.

Цитирование: Габов А. В., Мотуренко С. М. Академик Венедиктов: право для советской экономики // Государство и право. 2025. № 11. С. 7–30.

DOI: 10.7868/S3034543X25110012

ACADEMICIAN VENEDIKTOV: LAW FOR THE SOVIET ECONOMY

© 2025 A. V. Gabov*, S. M. Moturenko**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: gabov@igpran.ru

**E-mail: spp@igpran

Received 16.09.2025

Abstract. The article is devoted to the life and creative path of the outstanding Soviet lawyer, Academician of the USSR Academy of Sciences, Doctor of legal sciences, Professor, long-term employee of the Institute of Law of the USSR Academy of Sciences (now the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences) Anatoly Vasilyevich Venediktov (1887–1959), whose scientific ideas and concepts, in particular those concerning the right of ownership under socialism (state socialist property), the essence of a legal entity in Soviet law, organizational and legal aspects of economic activity of state enterprises, had a significant impact on the development of domestic legal thought and on the formation of Soviet civil and economic legislation. The ideas of A.V. Venediktov had a significant impact on the formation of scientific schools and trends in the USSR. They retain their significance today. The authors believe that this influence also concerns the formation of new institutions during the reform of legislation (which was clearly demonstrated during the discussion of issues of civil legislation reform in the 2010^s). The life and work of A.V. Venediktov have been well studied, and, nevertheless, in the year of the 100th anniversary of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, given the close connection of A.V. Venediktov with the Institute (it was during his work at the Institute of Law of the USSR Academy of Sciences that A.V. Venediktov was elected an Academician), within the framework of the scientific project of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences “Russian Academy of Sciences: Outstanding Legal Scholars. 20th century” the authors consider it important to outline the main milestones in the biography and scientific ideas of Anatoly Vasilyevich Venediktov. In preparing the article, unique materials stored in the archive of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences were used, including the personal file of A.V. Venediktov.

Key words: Venediktov Anatoly Vasilyevich, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, state socialist property, codification of civil legislation, law of operational management, reorganization, merger, property, industrial management, legal entity.

For citation: Gabov, A.V., Moturenko, S.M. (2025). Academician Venediktov: law for the Soviet economy // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 7–30.

A.V. Venediktov, февраль 1947 г. (Архив ИГП РАН)

И. Анатолий Васильевич Венедиктов, выдающийся ученый-юрист, академик Академии наук СССР, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Сталинской премии, кавалер ордена Ленина – высшей награды в наградной системе СССР, автор более 230 работ в области права, истории и экономики, ряд которых переведен на несколько иностранных языков. Это только внешнее атрибутирование глубокой и разносторонне одаренной личности, оставившей заметный след в отечественной науке. Биография и творчество академика А.В. Венедиктова были предметом изучения многих ученых¹, что, конечно, осложняет задачу не повторить

¹ См., напр.: Иоффе О.С., Райхер В.К., Толстой Ю.К. Творческое наследие академика А.В. Венедиктова // Проблемы гражданского и административного права: сб. ст. / под ред. О.С. Иоффе, Б.Б. Черепахина, Ю.К. Толстого. Л., 1962. С. 5–38; Райхер В.К. Памяти академика А.В. Венедиктова (к 80-летию со дня рождения) // Правоведение. 1967. № 3. С. 159–162; Иоффе О.С., Райхер В.К., Толстой Ю.К. Анатолий Васильевич Венедиктов (очерк жизни и деятельности). Л., 1968; Толстой Ю.К. Анатолий Васильевич Венедиктов (1887–1959) // Правоведение. 1976. № 1. С. 80–90; Его же. Академик А.В. Венедиктов // Соц. законность. 1987. № 7. С. 57–59;

написанное. Вместе с тем это же и стимулирует к написанию настоящей работы, поскольку в упомянутых выше мало говорится о его связи с Институтом права Академии наук СССР (ныне — Институтом государства и права Российской академии наук).

В архиве Института государства и права РАН хранится личное дело академика А.В. Венедиктова, из которого видно, что работа в Институте была важной вехой его жизненного пути.

В обращении к руководству Института письме от 27 января 1954 г. Анатолий Васильевич пишет: «За 25 лет (с 1928 г.) моей научной связи с “улицей Фрунзе 10”² организационные формы этой связи неоднократно менялись, но от этого она не становилась менее интенсивной»³. В том же письме автор обращения наглядно демонстрирует глубину этих отношений ссылкой на публикационную активность: за семь лет работы в Институте по совместительству опубликовал под грифом Института две монографии и семь статей в изданиях Академии наук СССР, и за тот же период времени в изданиях Университета⁴ — только три статьи. В другом письме (П.Е. Орловскому), хранящемся в личном деле, указывая на необходимость освобождения от обязанностей старшего научного сотрудника по совместительству, А.В. Венедиктов высказывает надежду на сохранение «научной связи с Институтом»⁵.

В числе последних из представленных в личном деле документов — заявление академика А.В. Венедиктова от 4 июля 1958 г. с просьбой зачислить его на должность старшего научного сотрудника Института права Академии наук СССР по совместительству и соответствующий приказ по Институту. С учетом даты скорострительной смерти, 9 августа 1959 г.,

Толстой Ю.К. Концепция А.В. Венедиктова о праве собственности и современность // Правоведение. 1988. № 2. С. 15–27; *Иванов А.А.* Ученый и власть. Жизнь и деятельность А.В. Венедиктова (1887–1959) // Венедиктов А.В. Избр. труды по гражданскому праву: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 7–68; *Маркова М.Г.* Памяти академика А.В. Венедиктова (к 125-летию со дня рождения) // Юридическая мысль. 2012. № 2 (70). С. 129–236; *Крашенинников П.В.* Анатолий Васильевич Венедиктов // Заповеди советского права. Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. 2-е изд. М., 2019. С. 154–161.

² С 1925 по 1990 г. так именовалась улица Знаменка в г. Москве, на которой располагался Институт права Академии наук СССР (впоследствии Институт государства и права Академии наук СССР, ныне — Институт государства и права Российской академии наук).

³ Архив ИГП РАН. Личное дело Венедиктова А.В. Инв. № 350. Л.л. 83, 84.

⁴ Имеется в виду Ленинградский ордена Ленина государственный университет им. А.А. Жданова (наименование Университета на момент написания цитируемого документа; ныне — Санкт-Петербургский государственный университет).

⁵ Архив ИГП РАН. Личное дело Венедиктова А.В. Инв. № 350. Л. 82.

Анатолий Васильевич до последнего своего дня сохранял связь с Институтом права АН СССР.

Юные годы ученого связаны с Башкирией⁶. Здесь 18 (по новому стилю 30) июня 1887 г. он родился в селе Зирган Стерлитамакского уезда Уфимской губернии⁷, где участковым земским врачом служил его отец.

Прочный образовательный фундамент А.В. Венедиктов приобрел в Уфимской мужской гимназии — старейшем в Уфе образовательном учреждении. В гимназию на обучение принимали юношей в 10-летнем возрасте, курс обучения был рассчитан на VIII классов⁸. В аттестате зрелости, который он получил в 1905 г., администрация характеризует выпускника продемонстрировавшим за все время обучения в гимназии хорошее поведение, исправность в посещении и приготовлении уроков, достаточную исполнительность письменных работ, отличные прилежание и любознательность по всем предметам. Из 12 предметов, внесенных в аттестат, нет ни одной оценки ниже пяти, в том числе за знание русского с церковнославянским, двух древних (латинский и греческий) и двух иностранных (французский и немецкий) языков⁹.

А.В. Венедиктов
в гимназические годы
в г. Уфе

В том же 1905 г. А.В. Венедиктов поступил на экономическое отделение недавно учрежденного Санкт-Петербургского политехнического института, состоявшего в ведомстве Министерства финансов, а после 1905 г. — Министерства торговли и промышленности¹⁰, которое в последующем стипендиата А.В. Венедиктова направит на обучение за границу.

⁶ О семье А.В. Венедиктова см.: *Иоффе О.С., Райхер В.К., Толстой Ю.К.* Анатолий Васильевич Венедиктов (Очерк жизни и деятельности). С. 3; *Мацнева Н.Г., Яцук Е.А., Анисимов О.В.* Знаменитые студенты Санкт-Петербургского университета. Юридический факультет. СПб., 2012. С. 127; *Толстой Ю.К.* Из пережитого. 7-е изд., доп. М., 2017. С. 213.

⁷ Этот населенный пункт существует и ныне (Республика Башкортостан, Мелеузовский район) — имеет статус села, является административным центром муниципального образования — Зирганского сельского совета.

⁸ См.: *Поликарпов А.Ф.* Краткий исторический очерк 75-летия Уфимской мужской гимназии (1828–1903). Уфа, 1904.

⁹ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56583. Л. 9.

¹⁰ См.: Архивы Санкт-Петербурга/Инф. ресурсы/ЦГИА СПб/Путеводитель/Фонды учебных и воспитательных заведений/Высшие учебные заведения/Петроградский политехнический институт. URL: <https://spbarchives.ru/infres/-/archive/cgia/guide/200/39742> (дата обращения: 05.08.2025).

В учебном плане экономического отделения был широкий набор дисциплин: экономических, общеобразовательных и юридических, а их соотношение свидетельствовало о фактическом получении, «наряду с экономическим, и весьма солидного юридического образования»¹¹.

Юность А.В. Венедиктова совпала с социальными потрясениями российского общества, начало кото-

А.В. Венедиктов,
студент Петербург-
ского университета
(сентябрь 1910 г.)
(ЦГИА СПб)

рых — события 1905 г. Волна этой «встряски» не прошла мимо Уфимской гимназии, учащиеся которой в разной степени были увлечены революционными идеями, разбросавшими в дальнейшем некоторых по разные стороны. Гимназический друг А.В. Венедиктова Сергей Иванович Ковалев, впоследствии ставший известным историком-антиковедом, за участие в первомайской демонстрации 1905 г. был арестован и исключен из VIII класса гимназии. Гимназист Венедиктов подобной участи избежал¹², успешно окончил гимназию и поступил в Политехнический институт, где в октябре 1905 г. в силу вовлеченности студенчества в революционные дела учебные занятия были приостановлены. Молодой студент в это время возвратился на малую родину — в Уфимскую губернию — и включился в агитационную работу среди рабочих на Симском и Миньярском железяделательных заводах¹³.

¹¹ Иоффе О.С., Райхер В.К., Толстой Ю.К. Анатолий Васильевич Венедиктов (очерк жизни и деятельности). С. 5.

¹² Хотя, как отмечается в ряде исследований, где даются сведения о биографии А.В. Венедиктова, дисциплинарным взысканиям за участие в протестных акциях в период обучения в гимназии он подвергался (см.: там же. С. 4).

¹³ См.: Архив ИГП РАН. Личное дело Венедиктова А.В. Инв. № 350. Л. 6.

В ряде личных документов А.В. Венедиктов описывает это следующими словами: «в 1905—1906 гг. участвовал в агит.-проп. работе Уфимской (большевистской) организации РСДРП». (см.: Архив ИГП РАН. Личное дело Венедиктова А.В. Инв. № 350. Л. 6; ГАРФ. Ф. 539. Оп. 4. Д. 8572. Л. 29). Вместе с тем из личного дела А.В. Венедиктова, других архивных документов усматривается отрицательная принадлежность к РСДРП или ВКП(б), а встречающаяся информация о принадлежности к РСДРП противоречивая. Так, в некоторых документах он пишет, что в «1905—1906 г.г. состоял в Уфимской организации и в 1906—1908 г.г. в большевистской фракции с.д. группы Политехнического Института, которая в 1908 г. распалась, в связи с чем [он] утратил связь с партией» (см.: АРАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 39. Л. 1, 2; Ф. 411. Оп. 6. Д. 539. Л.л. 1, 2). В документах Комакадемии указаны иные сроки принадлежности

После спада в России революционного движения и возобновления 4 сентября 1906 г. в Политехническом институте учебных занятий он вернулся к дальнейшему обучению. Учеба на экономическом отделении заинтересовала и поглотила молодого человека. В дипломе об окончании в 1910 г. Политехнического института из 30 оценок лишь одна хорошая, а все иные — отличные, что лишний раз подчеркивает трудолюбие студента, своим упорством приобретшего право на звание кандидата экономических наук, утверждение в котором предполагалось после представления диссертации, а до этого он сохранял звание действительного студента, дававшее при поступлении на государственную службу право на производство в чин XII класса¹⁴.

В том же 1910 г. А.В. Венедиктов начинает педагогическую деятельность преподавателем законовения и торгового права в коммерческих 8-классных училищах (это были Коммерческое училище В.П. Тугорского и Выборгское коммерческое училище¹⁵).

В том же году он поступает на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, который оканчивает в 1912 г. с дипломом 1-го разряда. П.В. Крашенинников отмечает, что сплав экономического и юридического образования даст удивительные плоды как в практической, так и в научной деятельности¹⁶. Как верно подметил А.А. Иванов, «то, что А.В. начинал свое образование как экономист, оказало глубокое влияние на всю его последующую научную деятельность. Он не стал “чистым” догматиком права, которого интересует лишь толкование норм само по себе, в отрыве от тех социальных условий, в которых они формируются. Все годы работы насыщены экономическими подробностями, статистическими выкладками. Богатейший справочный материал, знание закономерностей современного хозяйства позволяли ему точнее раскрывать смысл изучаемых правовых норм»¹⁷.

В годы учебы в Санкт-Петербургском университете Венедиктов трудился над диссертацией по заинтересовавшей его еще в студенческие годы теме слияния акционерных компаний. Основой работы

А.В. Венедиктова к РСДРП (1905—1907 гг.) (см.: там же. Ф. 350. Оп. 3. Д. 174. Л. 23). По нашему мнению, с учетом времени составления упомянутых выше документов и последующим многолетним нейтральным поведением к восстановлению партийной принадлежности следует воспринимать критически встречающуюся безапелляционную информацию о партийной принадлежности А.В. Венедиктова к РСДРП (см.: Крашенинников П.В. Указ. соч. С. 154).

¹⁴ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 56583. Л.л. 7, 30.

¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 4. Д. 8572. Л.л. 13, 14.

¹⁶ См.: Крашенинников П.В. Указ. соч. С. 154.

¹⁷ Иванов А.А. Ученый и власть. Жизнь и деятельность А.В. Венедиктова (1887—1959) // Венедиктов А.В. Избр. труды по гражданскому праву: в 2 т. С. 9.

послужила ситуация слияния трех банков в единый Соединенный Банк и сделанный в рамках учебных занятий доклад¹⁸. Оттолкнувшись от учебного доклада, он глубоко вник в актуальную, вследствие особенностей развития в начале XX в. капитализма в России, тему слияния акционерных обществ. В год выпуска из Университета (1912) им была представлена в Политехнический институт диссертация на тему «Слияние акционерных компаний»; после публичного диспута он был утвержден в звании кандидата экономических наук и оставлен при кафедре торгового права для приготовления к научной деятельности. В последующем диссертация подверглась значительной переработке, дополнению законодательным материалом и литературными источниками, в том числе полученными во время научных командировок в университеты Гейдельберга (1912), Геттингена, Мюнхена и Лозанны (1913–1914). Итогом труда стала его первая монография — «Слияние акционерных компаний»¹⁹.

Возвратившись перед началом Первой мировой войны в Россию, А.В. Венедиктов был прикомандирован для научных занятий к Политехническому институту. В это же время он приступает к работе помощником юрисконсульта Министерства торговли и промышленности, а весной 1917 г. его статус повышается до юрисконсульта того же министерства со званием чиновника особых поручений V класса²⁰. В сферу ведения указанного министерства входили все дела по части торговли и промышленности, за исключением дел о промысловых налогах и сборах, все дела по горной части — казенных и частных горных заводов, частных золотых промыслов и ряд других, все дела по купеческим обществам, Департамент железнодорожных дел, который также включал Совет по тарифным делам, Тарифный комитет, Главное управление торгового мореплавания и портов, некоторое другое²¹. Осенью 1917 г. А.В. Венедиктов ста-

новится юрисконсультom Главного экономического комитета при Временном правительстве России²², основной задачей которого было согласование проведения отдельными ведомствами и учреждениями всех мероприятий по регулированию хозяйственной жизни страны.

В силу должностных обязанностей А.В. Венедиктову приходилось вникать в разнообразные хозяйственные проблемы и обозначившиеся с началом боевых действий острые вопросы в промышленности, переведенной на военные рельсы, а также вопросы транспорта и торговли. Актуализировалась проблематика положения промышленных предприятий, о военных заказах, об исполнении договоров, включая заключенные до 1 августа 1914 г., экономической и юридической невозможности их исполнения и ряд других²³.

В 1916 г. молодой ученый привлекается к чтению лекций по гражданскому праву на Высших коммерческих курсах М.В. Побединского, которые имели статус частного высшего учебного заведения²⁴, а 16 ноября 1918 г. его избирают профессором кафедры промышленного права Ярославского государственного университета, где он будет состоять в этой должности по сентябрь 1919 г., приезжая из Москвы — где он в это время проживал — для чтения лекций по промышленному праву со включением рабочего законодательства, и разработал первую учебную программу по рабочему праву, которая предусматривала изучение правовой основы организации частнокапиталистической промышленности, организацию производства в переходный период, национализацию промышленных предприятий и управление такими предприятиями, право на промышленное изобретение, на фабричные рисунки и модели и на товарный знак, организацию трудовых отношений и распределение рабочей силы, социальное обеспечение трудящихся и ряд других²⁵. При этом он оставался сотрудником редакции периодических изданий нового финансового ведомства — Народного комиссариата финансов (далее — НКФ), продолжая в них

¹⁸ Из предисловия профессора А. Гусакова к монографии А.В. Венедиктова «Слияние акционерных компаний» (1914).

¹⁹ Венедиктов А.В. Слияние акционерных компаний. Пг., 1914.

²⁰ Прикомандирование после окончания обучения к Политеху, как и служба в Министерстве торговли и промышленности, стали основанием для зачисления А.В. Венедиктова ратником ополчения 2 разряда и основанием отсрочки от призыва на действительную военную службу в годы Первой мировой войны, но было поставлено под сомнение как достаточное для освобождения от отбывания воинской повинности в пору его профессорства в Ярославле, совпавшей с непростым периодом для молодой советской власти в годы Гражданской войны, и только заступничество администрации Университета и Наркомпроса республики позволило подтвердить законность его права на отсрочку от воинской повинности как профессора промышленного права со включением рабочего законодательства, относящегося к числу главных предметов, преподаваемых в Ярославском университете, и невозможностью его замены (см.: ГАЯО ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 574. Л.л. 10, 16, 18–20).

²¹ См. о компетенции министерства: ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1908. Т. 25. № 26851.

²² Был учрежден постановлением Временного правительства России от 21 июня 1917 г. (см.: ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 235. Л. 3.) и ликвидирован 17 ноября 1917 г. Декретом СНК РСФСР (см.: СУ. 1917. № 3, ст. 38).

²³ См.: Венедиктов А.В. Война, рост цен и старые контракты. Пг., 1917; *Его же*. Законодательство о предприятиях неприятельских подданных // Вестник финансов. 1917. № 10.

²⁴ В последующем — Торгово-промышленный институт М.В. Побединского (см.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 4. Д. 8572. Л. 16).

²⁵ См.: ГАЯО ЦДНИ. Ф. 7867. Оп. 2. Д. 574. Л.л. 1–3, 18, 19, 26–28, 51, 52.

Об организации учебного процесса в период трудоустройства А.В. Венедиктова в Ярославском университете см. подр.: Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С.А. Егорова, А.М. Лушниковой, Н.Н. Тарусиной. Ярославль, 2009. С. 164–180, 698.

свои публикации²⁶. Как А.В. Венедиктов пишет в своей автобиографии, в 1919 г. он был переведен в Петроградский политехнический институт в качестве преподавателя гражданского и промышленного права. Дальнейшая судьба ученого в течении многих лет будет связана с *alma mater* и вузами, созданными на основе экономического факультета Политеха, разукрупненного в 1930 г., — с Финансовой академией (1930—1940) и Плановым институтом (1933—1942, 1945—1947).

В 1925 г. А.В. Венедиктов возглавил в Политехе кафедру гражданского права, в последующем объединенную с кафедрой хозяйственного права, оставаясь далее руководителем учебно-научного подразделения в Плановом институте до дня своей эвакуации в июле 1942 г. из осажденного немецко-фашистскими захватчиками Ленинграда.

Параллельно с педагогической работой он привлекается консультантом, а затем становится ученым секретарем Института экономических исследований НКФ и трудится в этом учреждении восемь лет. Институт экономических исследований являлся структурным подразделением образованного в марте 1922 г. Финансово-экономического бюро НКФ. Задачами Института были научное освещение и научная разработка всех вопросов финансово-экономического строительства Республики в связи с положением народного хозяйства РСФСР, в том числе разработка программ, вырабатываемых по соглашению с отдельными управлениями НКФ, Госбанком и Госстрахом; заданий Коллегии НКФ и отдельных ее членов; поручений отдельных управлений НКФ, Госбанка и Госстраха; а также вопросов, выдвинутых самим Институтом. Члены Института экономических исследований в обязательном порядке привлекались к работе комиссий и совещаний, образуемых в составе отдельных управлений НКФ, Госбанка и Госстраха²⁷. За годы своей работы А.В. Венедиктов изучил проходившие в молодой Республике хозяйственные процессы, приобрел огромный практический опыт и понимание того, как устроена экономика и организовано народное хозяйство Страны Советов.

Успешно складывались дела и на педагогическом поприще — 29 декабря 1922 г. Государственный Ученый Совет Наркомпроса РСФСР утвердил его в ученом звании профессора по кафедре гражданского права, что усматривается из выданного А.В. Венедиктову 5 сентября 1945 г. аттестата профессора.

²⁶ См., напр.: Венедиктов А.В. Государство, синдикаты и тресты // Торгово-промышленная газ. 1918. № 5, 10, 15, 20, 41, 46.

²⁷ См.: Положение о Финансово-экономическом бюро НКФ // По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 4: Опыт исследований в области денег и кредита в Наркомфине и Госбанке СССР в 1920-е годы. О подготовке плана денежного обращения на третью пятилетку (1938—1942 годы) / сост. и науч. ред. Ю.И. Кашин. М., 2007. С. 11, 12.

Обращает внимание, что в этот период он также привлекается к педагогической деятельности в ряде других учебных заведений: в Военно-политическом институте (с мая 1925 г. — Военно-политической академии) им. Н.Г. Толмачева (1920—1924), Военно-морской академии (1924—1926) и др.

При анализе публикаций ученого этого периода привлекает внимание расширение круга научных интересов, в который входит исследование концессий, смешанных обществ, банков, вопросов кодификации валютного, кредитного и финансового законодательства. Очевидно, выбор был обусловлен активной вовлеченностью его в законопроектную деятельность по линии Наркомфина, поскольку долгое время в вышеуказанном Институте А.В. Венедиктов был председателем Кодификационной комиссии²⁸, составившей проекты уставов налоговых (1919—1920), кредитного, денежного, валютного (1924—1925)²⁹, так необходимых в условиях реализуемой в стране новой экономической политики (нэп).

Между тем отрицавшаяся в первые послереволюционные годы необходимость правопорядка, а следовательно, обеспечивающий его юридический аппарат и система подготовки необходимых для этого кадров, постепенно сменяется противоположным вектором — укрепления революционной законности, в том числе через образование кадров, выдвигаемых из пролетарских элементов в управленческий аппарат. Созданные вместо юридических, закрытых после революционных событий 1917 г., факультеты общественных наук в 20-е годы преобразовываются в факультеты советского права. Такая метаморфоза в Ленинградском государственном университете произошла в 1925 г.³⁰, куда в 1929 г. приходит преподавать профессор А.В. Венедиктов, связав на долгие годы (с перерывами) свою судьбу с этим вузом.

Следуя общему вниманию к индустриализации страны и, как следствие, увеличению в экономике доли государственного сектора за счет сокращения сектора частного, одним из центров своих исследований он делает государственное предприятие, которое постепенно становится основным экономическим агентом, чему посвящает монографию «Правовая природа государственных предприятий» (1928)³¹.

²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 4. Д. 8572. Л. 27.

²⁹ См.: Мацнева Н.Г., Яцук Е.А., Анисимов О.В. Указ. соч. С. 23.

³⁰ См.: Венедиктов А.В. Основные проблемы банковского законодательства (К проекту кредитного устава СССР). М., 1925.

³¹ См.: Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. Л., 1928.

Монография привлекла широкое внимание, и автора пригласили выступить 29 мая 1928 г. на заседании Секции права и государства Комакадемии с докладом об организационной структуре государственных предприятий. Участвовавшие в прениях ученые: Л.Я. Гинцбург, Г.Н. Амфитеатров, А.П. Павлов, П.И. Стучка, С.Я. Булатов, С.М. Прушицкий

Устремление ученого соответствовало активности, проявляющейся в эти годы в сфере юридической науки, в недрах которой предпринимались усилия переосмыслить практику социалистического и государственно-правового строительства. Процесс переосмысления действительности с марксистских позиций развивался довольно бурно, сопровождался поиском новых форм и понятий³², для которых использовались уже хорошо известные феномены. Активно в этот процесс были вовлечены Институт советского строительства³³ и Секция права и государства ЦИК СССР при Коммунистической академии, которые плотно занимались проблемами теории советского строительства, изучением путей развития советского права и революционной законности, выстраивания и укрепления хозрасчетных и договорных отношений, охраны социалистической собственности, рядом других вопросов. Важное внимание уделялось оптимизации структуры научно-исследовательских учреждений, в том числе укреплению их потенциала. В связи с этим в 1929 г. Институт советского строительства сливается с Секцией права и государства³⁴. Образованное учреждение, переименованное далее в Институт советского строительства и права, в апреле 1930 г. принимает в свой состав Институт права Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), а в последующем некоторые другие учреждения³⁵. Эти процессы не оставили в стороне Ленинград, где на базе местного института марксизма было образовано обособленное подразделение Ком-академии, в котором был организован Институт советского строительства и права под руководством ученого-юриста, специалиста в области уголовного процесса В.С. Ундревича³⁶. А.В. Венедиктов в марте 1936 г.³⁷ был зачислен на должность старшего научно-сотрудника Ленинградского отделения указанного

Института³⁸ и пребывал в этом качестве до момента ликвидации отделения в сентябре 1937 г.³⁹

Научные изыскания ученого этого периода посвящаются договорной дисциплине и вопросам ответственности за ее нарушение — следует отметить монографию «Договорная дисциплина в промышленности»⁴⁰ и цикл статей⁴¹, в которых автор обращается к вопросу о правовой природе хозяйственного договора и договорной дисциплины в условиях плановой экономики.

В 1936 г. (15 июня) Президиум Академии наук СССР присудил А.В. Венедиктову ученую степень доктора государственных и правовых (юридических) наук без защиты диссертации, учитывая его фундаментальные работы в области советского строительства, в частности его работу «Договорная дисциплина в промышленности»⁴².

Великую Отечественную войну ученый встретил в Ленинграде, где, несмотря на тяжелую болезнь сердечно-сосудистой системы, продолжал работать в Плановом институте до эвакуации из блокадного города в Елабугу. В период эвакуации (июль 1942 г. — апрель 1944 г.) он был трудоустроен профессором в Елабужском государственном учительском институте на кафедре истории, где читал лекционные курсы по Конституции СССР и истории СССР, вел большую научно-исследовательскую и общественную работу,

и др., — несмотря на замечания, доклад оценили высоко (см.: АРАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 246), после этого между ученым и Секцией установилась устойчивая связь.

³² См., напр.: *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий). М., 1924.

³³ Институт советского строительства и права является правопродолжителем Института государства и права РАН (см. подр.: *Савенков А.Н.* Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 9).

³⁴ См.: постановление Президиумов ЦИК СССР и ВЦИК от 05.07.1929 г. «По докладу о деятельности Института Советского Строительства» // СЗ СССР. 1929. № 45, ст. 390.

³⁵ См.: АРАН. Ф. 350. Обзор фонда // <https://isaran.ru/?q=ru/fund&ida=1&guid=3EF20DDDB-AC73-5D8F-4BFF-BFD74A011357>

³⁶ Позднее репрессирован (см., напр.: *Кроткова Н.В.* Отражение становления советского права и государственного аппарата в юридических журналах первых десятилетий Советской России // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 86).

³⁷ Архив ИГП РАН. Личное дело Венедиктова А.В. Инв. № 350.

³⁸ Как сообщает А.В. Венедиктов, после сделанного в 1928 г. доклада, он, не занимая штатного места, стал принимать регулярное участие в работе Секции права, а при образовании правовой группы Ленинградского Института Марксизма (1929 г.) был включен в ее состав, вслед затем принял непосредственное участие в работе Института советского строительства и права Ленинградского отделения Ком-академии, где в октябре 1935 г. был утвержден действительным членом этого Института. В эти годы он публиковал статьи в журнале «Революция права» и в дополнительных томах «Энциклопедии государства и права» (1928–1929 гг.), участвовал в составлении вариантов к проекту Основ гражданского законодательства СССР (1929 г.), чтении докладов (1928, 1930, 1934 и 1935 гг.). После преобразования указанного Института в Институт Академии наук СССР его зачислили в марте 1936 г. в штат учреждения и назначили старшим сотрудником, в этой должности он и состоял по день ликвидации Ленинградского отделения Института, по сентябрь 1937 г., продолжая, однако, с 1938 г. участие в работах Института права Академии наук СССР по договору (см.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 4. Д. 8572. Л. 27; АРАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 39. Л.л. 3–5).

³⁹ См.: *Ратнер Л.И., Тадевосян В.С.* Институт государства и права Академии наук СССР за 50 лет / ред. кол.: Л.Я. Гинцбург и др. М., 1976. С. 28.

⁴⁰ См.: *Венедиктов А.В.* Договорная дисциплина в промышленности. Л., 1935.

⁴¹ См.: *Венедиктов А.В.* Договорные санкции в советском праве // Сов. государство. 1934. № 5; *Его же.* Ответственность за исполнение договора // Социалистическая промышленность и хозяйственное право: сб. ст. / под ред. Б.М. Рубинштейна и В.С. Ундревича (отв. ред.). Л., 1935. С. 157–194; *Его же.* Договорная дисциплина и ее роль в борьбе за план // Записки Планового института. 1936. Вып. 1.

⁴² См.: АРАН. Ф. 407. Оп. 6. Д. 39. Л. 10.

выступая с лекциями как в институте, так и по поручению райкома ВКП(б) в учреждениях и на предприятиях г. Елабуги⁴³. В архиве ИГП РАН, который в 1943 г. реэвакуировался из Ташкента в Москву, также хранятся выписки из приказов о его зачислении с 1 сентября 1943 г. старшим научным сотрудником Института по секции гражданского права, однако по причине невозможности в 1943 г. получить в Москве постоянную жилую площадь в необходимом для него и его семьи «метраже» он просит отчислить его из Института с 27 сентября 1943 г. В годы Великой Отечественной войны А.В. Венедиктов за научные достижения был удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» (28.12.1942), награжден медалью «За оборону Ленинграда» (27.11.1944)⁴⁴.

В 1944 г. А.В. Венедиктов получает предложение возглавить восстановленный в составе Ленинградского государственного университета юридический факультет, а еще через месяц он также возглавил кафедру гражданского права того же факультета. К порученному делу он подошел ответственно и постарался пригласить на факультет лучших специалистов в городе. «Многие ученые, которые составили костяк профессорско-преподавательского корпуса, — вспоминает академик Ю.К. Толстой, — в свое время были питомцами Санкт-Петербургского университета. Вернувшись в alma mater спустя несколько десятилетий после многих житейских и социальных бурь на сей раз маститыми профессорами и доцентами, <...> с юношеским энтузиазмом окунулись в кипучую деятельность по восстановлению факультета, организации его кафедр, чтению лекционных курсов, написанию учебников и монографий, активному участию в законотворчестве»⁴⁵. Благодаря организаторскому таланту и высоким личным качествам А.В. Венедиктову удалось на факультете «воссоздать творческую атмосферу, в которой стали формироваться научные школы, а когда началась “охота на ведьм” (борьба с космополитизмом и пресловутое “ленинградское” дело) — уберечь профессорско-преподавательский состав от прямых расправ», — отмечает А.А. Иванов⁴⁶.

В год восстановления факультета А.В. Венедиктов организовал активное участие педагогического коллектива факультета в Научной сессии, посвященной 125-летию Ленинградского университета. Участвуя

лично, в своих докладах он затрагивал актуальные вопросы государственной социалистической собственности и охраны личной собственности военнослужащих и эвакуированных лиц⁴⁷, тем самым положив начало исследованию института социалистической собственности⁴⁸.

Трудовые усилия А.В. Венедиктова 4 августа 1946 г. были отмечены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»⁴⁹.

Между тем в послевоенном Ленинграде воссоздается Ленинградский сектор Института права Академии наук СССР. Предложение возглавить образованное подразделение А.В. Венедиктовым было встречено положительно. Вместе с ним в январе 1947 г. в ряды сотрудников Института также вливаются профессор В.М. Догадов, В.К. Райхер, М.Д. Шаргородский и Я.М. Магазинер. Его сотрудничество в этот период с Институтом права было весьма плодотворным: после написания ряда статей⁵⁰ он завершил работу над своим главным монографическим произведением — «Государственная социалистическая собственность»⁵¹ (1948, изданным под грифом Института права АН СССР), за которое в 1949 г. автор был удостоен Сталинской премии второй степени (по юридическим наукам) в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 8 апреля 1949 г. № 1394 «О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области науки и изобретательства за 1948 год»⁵².

Проблематика собственности не оставляла А.В. Венедиктова и в последующие годы. В частности, он продолжил свои исследования в направлении раскрытия феномена социалистической собственности в работе «Вопросы социалистической собственности в трудах Иосифа Виссарионовича Сталина» (1949)⁵³, монографии «Гражданско-правовая охрана

⁴⁷ См.: Научная сессия, посвященная 125-летию Ленинградского ун-та: тезисы докладов. Л., 1944.

⁴⁸ См.: Иоффе О. С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Л., 1978. Ч. 2.

⁴⁹ Медаль была учреждена Указом Президиума Совета Министров СССР от 06.06.1945 «Об учреждении медали “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.”» (см.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. № 33) в ознаменование одержанной победы над Германией.

⁵⁰ См., напр.: Венедиктов А. В. Право государственной социалистической собственности // Вопросы советского гражданского права. М. — Л., 1945. С. 74—113; *Его же*. Государственная социалистическая собственность и органы управления ею // Вестник Ленинградского ун-та. 1946. № 4—5. С. 180—185; *Его же*. Об основных проблемах советского гражданского права // Там же. 1947. № 11. С. 99—123.

⁵¹ См.: Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М., Л., 1948.

⁵² См.: СП СССР. 1949. № 5, ст. 48.

⁵³ См.: Венедиктов А. В. Вопросы социалистической собственности в трудах Иосифа Виссарионовича Сталина // Сов. государство и право. 1949. № 12. С. 53—78.

⁴³ См.: ГАРФ. Ф. 539. Оп. 4. Д. 8572. Л.л. 7, 22, 26.

⁴⁴ Медаль «За оборону Ленинграда» была учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР и вручалась всем участникам обороны Ленинграда из числа военнослужащих Красной Армии, ВМФ и войск НКВД, а также гражданского населения, принимавших непосредственное участие в обороне города (см.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 47 (206)).

⁴⁵ Толстой Ю. К. Портреты заговорили... М., 2014. С. 18.

⁴⁶ См.: Иванов А. А. Ученый и власть. Жизнь и деятельность А. В. Венедиктова (1887—1959) // Венедиктов А. В. Избр. труды по гражданскому праву: в 2 т. С. 31.

социалистической собственности в СССР» (1954)⁵⁴ и ряде других исследований.

С 1947 г. связано еще одно важное событие в биографии ученого — он был назначен председателем рабочей группы Комиссии законодательных предположений Совета Союза Верховного Совета СССР по выработке заключения на проект Гражданского кодекса СССР. Как пишет академик Ю.К. Толстой, «Анатолий Васильевич относился к этой работе в высшей степени ответственно»⁵⁵. Эта кодификация так и осталась только проектом (работа над проектом началась еще до Великой Отечественной войны после принятия Конституция СССР 1936 г. и уже к 1940 г. был подготовлен проект для обсуждения⁵⁶; работу прервала война, и лишь после ее окончания вернулись к вопросу о подготовке проекта⁵⁷). Однако идеи, которые обсуждались советскими учеными⁵⁸, включая и А.В. Венедиктова⁵⁹, в рамках подготовки проекта, впоследствии нашли свое отражение в последующих кодификациях гражданского законодательства.

В 1957 г. выходит первый том исследования «Организация государственной промышленности в СССР»⁶⁰. Второй том был выпущен уже посмертно, в 1961 г. В это же время готовится к печати монография «Правовое положение совнархоза и подведомственных ему предприятий»⁶¹, которая была опубликована в 1959 г. также посмертно.

⁵⁴ См.: Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М.; Л., 1954.

⁵⁵ Толстой Ю.К. Из пережитого... С. 215.

⁵⁶ См.: Проект Гражданского кодекса Союза ССР (второй предварительный вариант). Всесоюзный институт юридических наук НКЮ Союза ССР. М., 1940.

⁵⁷ См.: Габов А.В. Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2022. Т. 47. № 2. С. 279, 280.

⁵⁸ В частности, см.: Братусь С.Н. 25 лет Гражданского кодекса РСФСР и некоторые проблемы разработки Гражданского кодекса СССР // V научная конференция, посвященная тридцатилетию советского государства и права: тезисы докладов. 4—10 декабря 1947 г. Военно-юридическая академия Вооруженных Сил Союза ССР. М., 1947. С. 47—51; *Его же*. Некоторые вопросы проекта ГК СССР // *Сов. государство и право*. 1948. № 12. С. 10—23; Генкин Д.М. Содержание и система Гражданского кодекса СССР // *Соц. законность*. 1946. № 11—12. С. 30—34; Дозорцев А.В. О предмете советского гражданского права в системе Гражданского кодекса СССР // *Сов. государство и право*. 1954. № 7. С. 104—108; и др.

⁵⁹ См.: Венедиктов А.В. К проекту Гражданского кодекса СССР // *Соц. законность*. 1947. № 1. С. 7—11; *Его же*. О системе гражданского кодекса СССР // *Сов. государство и право*. 1954. № 2. С. 26—40.

⁶⁰ Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР. Л., 1957. Т. 1.

⁶¹ Венедиктов А.В. Правовое положение совнархозов и подведомственных ему предприятий. Л., 1959.

27 октября 1953 г. за плодотворную научную и общественную деятельность А.В. Венедиктов был награжден высшей советской наградой — орденом Ленина⁶².

Вершиной оценки результатов научного творчества А.В. Венедиктова стало его выдвижение и последующее избрание в члены Академии наук СССР. Изначально он выдвигался в члены-корреспонденты Академии наук, в чем его поддерживал Институт права Академии наук СССР. Так, в материалах личного дела имеется выписка из протокола заседания Ученого совета Института права Академии наук СССР от 3 марта 1950 г., из которой усматривается, что, заслушав информацию директора Института Е.А. Коровина о выдвижении кандидата в члены-корреспонденты Академии наук СССР, а также выступления профессоров В.И. Серебровского и А.В. Карасса, давших положительную характеристику А.В. Венедиктову, Ученый совет по итогам обсуждения рекомендовал А.В. Венедиктова в члены-корреспонденты АН СССР и выдал соответствующую характеристику⁶³. Однако на состоявшихся 21 октября 1953 г. выборах Анатолий Васильевич нужного количества голосов не набрал — предпочтение было отдано профессору П.Е. Орловскому, который в 1952 г. возглавил Институт права Академии наук СССР⁶⁴. Из стенограммы заседания общего собрания Отделения экономических, философских и правовых наук от 21 октября 1953 г., посвященного выдвижению кандидатов в действительные члены АН СССР и выборам членов-корреспондентов, усматривается, что экспертная комиссия делала сложный выбор между двумя очень достойными кандидатами, внимательно изучала научные труды кандидатов, а также предшествующий опыт каждого. Председательствовавший на общем собрании академик Г.Ф. Александров, на тот момент директор Института философии АН СССР, отмечал, что «мы единодушно пришли к выводу о необходимости поддержать кандидатуру проф. Орловского Павла Ефимовича...», что, впрочем, комиссия и рекомендовала сделать. Участвовавшие в обсуждении кандидатов члены-корреспонденты АН СССР Е.А. Коровин, М.С. Строгович, А.Н. Трайнин, поддерживая кандидатуру П.Е. Орловского, дали положительную оценку кандидату А.В. Венедиктову, как крупному теоретику в области собственности, гражданского права. Эти мнения предопределили итоги голосования, проводившегося сразу по всем претендентам (экономистам, философам и юристам), результаты которого

⁶² См.: *Сов. государство и право*. 1958. № 10. С. 130.

⁶³ См.: Архив ИГП РАН. Личное дело Венедиктова А.В. Инв. № 350. Л. 43.

⁶⁴ О П.Е. Орловском подробнее см.: Габов А.В., Мотуренко С.М. Человек своего времени // *Государство и право*. 2025. № 5. С. 57—80.

оказались не в пользу Анатолия Васильевича⁶⁵, что в последующем было утверждено на Общем собрании Академии наук СССР⁶⁶.

Институт права АН СССР продолжал поддерживать стремление А.В. Венедиктова к членству в Академии наук СССР. В марте 1958 г. было проведено совместное заседание Бюро Отделения по экономическим, философским и правовым наукам АН СССР с Ученым советом Института права АН СССР, на котором Анатолий Васильевич выступил с докладом на тему: «Реорганизация управления промышленностью и вопросы ее материально-технического снабжения». В работе совместного заседания приняли участие члены Бюро Отделения: академики В.С. Немчинов, Е.С. Варга, члены-корреспонденты АН СССР В.П. Дьяченко, П.Е. Орловский, М.С. Строгович, Т.С. Хачатуров, ученый секретарь И.П. Качалов, другие ученые общим количеством 200 человек. Доклад вызвал широкую дискуссию, участие в которой приняли специалисты разного профиля (экономисты, философы, юристы и др.): Е.С. Варга, Т.С. Хачатуров, В.П. Дьяченко, Р.О. Халфина, С.Н. Братусь, В.В. Лаптев, В.А. Дозорцев и другие. Собрание постановило: считать результаты обсуждения доклада А.В. Венедиктова исключительно полезными для развития разносторонних научных исследований⁶⁷. Возможно, этот доклад и его широкое одобрение в научных кругах положительно сказались на результатах А.В. Венедиктова на состоявшихся 20 июня 1958 г. выборах в Академию наук СССР. На состоявшемся 9 и 12 июня 1958 г. заседании экспертной комиссии по выборам в академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР по Отделению экономических, философских и правовых наук на одну вакансию в академики по праву рассматривалось четыре кандидата. Наиболее широкую поддержку имел А.В. Венедиктов, которого выдвинули Институт права Академии наук СССР, Ленинградский государственный университет, Тартуский государственный университет, юридический факультет Киевского государственного университета, Латвийский государственный университет, а также поддерживавшие его выдвижение Совет юридического факультета Томского государственного университета, Ученый совет Всесоюзного Института юридических наук, Ученый совет Свердловского юридического института, Ученый совет Иркутского государственного университета, Ленинградский финансово-экономический институт, Совет народного хозяйства Ленинградского экономического

административного района, Таджикский государственный университет. Конкурировавшие с ним кандидаты — члены-корреспонденты Академии наук СССР С.А. Голунский, Е.А. Коровин, М.С. Строгович — такой широкой поддержки не имели, что, вероятно, предопределило решение экспертной комиссии рекомендовать Общему собранию Отделения избрать кандидатом в академики по специальности «право» А.В. Венедиктова⁶⁸, поддержанное в итоге Общим собранием Академии наук СССР, избравшим ученого академиком Академии наук СССР (Отделение экономических, философских и правовых наук, специальность «Право»)⁶⁹.

Следует также вспомнить и международное признание, которое ученый получил, удостоившись присвоения ему звания почетного доктора права Варшавского университета.

Умер А.В. Венедиктов скоропостижно 9 августа 1959 г. в Ленинграде и был похоронен на Серафимовском кладбище.

Память о видном советском ученом, академике АН СССР А.В. Венедиктове бережно сохраняется. Это один из немногих ученых-правоведов советского периода, о котором вышло значительное число работ, посвященных как его биографии, так и научному творчеству.

В 1987 г. отмечалось 100-летие со дня рождения академика А.В. Венедиктова: было проведено заседание ученого совета Ленинградского ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А.А. Жданова, на котором принято решение о проведении на юридическом факультете университета Венедиктовских чтений⁷⁰. Эти чтения состоялись 27 ноября 1987 г.; на чтениях выступили ведущие ученые-правоведы СССР — С.Н. Братусь, В.А. Дозорцев, Н.Д. Егоров, Н.С. Малеин, В.А. Рясенцев, А.А. Собчак, Ю.К. Толстой, В.Ф. Яковлев. Обзор этого мероприятия, помещенный в журнал «Правоведение», показывает, что работы, идеи А.В. Венедиктова обсуждались не как достояние истории, своего рода «памятники прошедшей эпохи», а в теснейшей связи с проходившими в тот период изменениями общественной жизни и обсуждавшимися путями и направлениями изменений советского права⁷¹.

⁶⁵ После подсчета бюллетеней, результаты среди юристов распределились так: Орловский П.Е. — 7/0, Венедиктов А.В. — 1/6 (см.: АРАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 284. Л.л. 46–56).

⁶⁶ См.: там же. Ф. 2. Оп. 4а. Д. 85.

⁶⁷ См.: Протокол заседания Бюро ОЭФПН АН СССР совместно с Ученым советом Института права АН СССР // Там же. Ф. 499. Оп. 1. Д. 547.

⁶⁸ См.: Протокол № 1 заседания экспертной комиссии по выборам в академики и члены-корреспонденты Академии наук СССР по отделению экономических, философских и правовых наук Академии наук СССР от 9 и 12 июня 1958 года (см.: там же. Д. 332. Л.л. 94, 95).

⁶⁹ Официальная информация об избрании: Вестник Академии наук СССР. 1958. № 8. С. 32.

⁷⁰ См.: Ю.Ф. Столетие академика А.В. Венедиктова // Правоведение. 1987. № 5. С. 113, 114.

⁷¹ См.: Иванов А.А., Медведев Л.А. Венедиктовские чтения // Правоведение. 1988. № 2. С. 99–102.

С 2023 г. в г. Уфе (Республика Башкортостан), на малой родине А.В. Венедиктова, на базе Уфимского университета науки и технологий (в прошлом — Башкирский государственный университет), где многое делается для сохранения памяти о выдающемся ученом, проводятся Венедиктовские чтения — ежегодное научное мероприятие, организуемое указанным Университетом и Институтом государства и права РАН, в котором принимают участие ведущие ученые-цивилисты Российской Федерации.

В 2017 г. Башкортостанским отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» учреждена — как форма признания особых заслуг в развитии юридической науки, образования законодательства — региональная юридическая премия имени Анатолия Васильевича Венедиктова. Эта премия вручается ежегодно начиная с 2017 г. ведущим российским ученым и государственным деятелям⁷².

Памятная доска, посвященная академику А.В. Венедиктову, установлена (в 2002 г.) на здании юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; 1 декабря 2023 г. в Уфе открыт бюст академику А.В. Венедиктову.

Бюст академику
А.В. Венедиктову
(г. Уфа)

Такое внимание к памяти академика А.В. Венедиктова не случайно — это прямое следствие масштаба его научного творчества, того влияния, которое его идеи, концепции оказывали и оказывают на отечественное право, и эти идеи требуют отдельного анализа.

⁷² Лауреатами этой премии стали: в 2017 г. — 3.3. Байгусков (депутат Государственной Думы ФС РФ); в 2018 г. — В.В. Блажеев (председатель ООО «АЮР», ректор Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)); в 2019 г. — Н.М. Кропачев (ректор Санкт-Петербургского государственного университета); в 2020 г. — С.Н. Бабурин (президент Ассоциации юридических вузов, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ); в 2021 г. — Б.М. Гонгало (зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета, директор Уральского филиала Российской школы частного права, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ); в 2022 г. — С.В. Степашин (председатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»); в 2023 г. — Г.А. Галжиев (судья Конституционного Суда РФ в отставке, профессор гражданского права и научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского филиала НИУ «Высшая школа экономики», заслуженный юрист РФ); в 2024 г. — К.П. Беляев (председатель Арбитражного суда Уральского округа).

II. При взгляде на большое научное наследие академика А.В. Венедиктова прежде всего задумываешься о времени, в которое ему была предоставлена судьбой возможность творить. А время это было непростым... Становление А.В. Венедиктова как исследователя проходило в 1910-е годы — с одной стороны, бурное развитие капитализма в России (до 1913 г.), с другой — мировая война и революционные изменения в стране. 1920—1930 гг. — становление советского строя, в том числе его экономической основы (индустриализация, коллективизация, переход командных высот в экономике к государству, преобладание государственных предприятий в экономике); 1940—1950 г. — Великая Отечественная война, мобилизация, эвакуация и реэвакуация, восстановление народного хозяйства, построение новой социалистической экономики.

Эти события имели для права самое непосредственное, прямое значение. Своего рода революция права (гражданского, даже, можно сказать, экономического) настоятельно требовалась еще дореволюционной России (Российской Империи); развитие капитализма в эти годы (годы становления А.В. Венедиктова) сопровождалось концентрацией капиталов, объединением усилий предпринимателей для решения крупных проектов в промышленности, появлялись новые акционерные общества, активно развивалось никем официально не признанное (частно и преследуемое, даже) кооперативное движение. Однако предоставить прочную основу для развития нормальных экономических отношений, в том числе связанных с указанной концентрацией капиталов, государство своевременно не смогло — достаточно посмотреть на историю создания нового Гражданского уложения и кооперативного закона. И даже начавшаяся Первая мировая война не смогла ускорить необходимые для экономики изменения в праве (они начались только в период Временного правительства).

И вот с этой точки зрения стоит взглянуть на монографию А.В. Венедиктова «Слияние акционерных компаний» (1914), в которой он показал себя глубоким исследователем. И это не просто слова — эта монография является редким в российской дореволюционной юридической науке примером анализа собственно русского права в части реорганизации⁷³ в форме слияния, тогда как большая часть дореволюционных исследований — это анализ права иностранного, но не многочисленных русских законов в соответствующей области (в основном, кстати, уставов конкретных акционерных обществ). И в этой части надо отдать должное молодому ученому: при том, что он очень хорошо знал зарубежное право (Германии, Италии, Англии и Франции), оно (зарубежное право) было им изучено, однако именно А.В. Венедиктовым

⁷³ См.: Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М., 2014. С. 31—33.

в этой монографии впервые в истории отечественного права была проведена большая исследовательская работа по анализу подходов к слиянию *именно в русском праве*, причем с формулированием весьма интересных и практически значимых выводов относительно целей слияния, его определения, правопреемства и проч. Важной частью этой монографии является критический анализ соответствующего проекта Гражданского уложения. С некоторой долей критики, но в целом благосклонно эта работа была встречена современниками. К примеру, В.Н. Шретер, отмечая недостаточную эффективность некоторых предлагаемых автором вариантов урегулирования вопросов о правах акционеров поглощаемой в процессе слияния компании, писал, тем не менее, что эта работа «производит прекрасное впечатление богатством привлеченных материалов, продуманностью и стройностью изложения»; «прекрасные образы западных законодательств и нашей практики, сделанные автором, <...> критика соответствующей части Гражд. Улож. <...>», — как отмечал В.Н. Шретер, — «окажут большую услугу законодателю»⁷⁴.

К вопросам, затронутым в указанной монографии (различные организационные изменения юридического лица, переход прав и обязанностей при таких изменениях и пр.), А.В. Венедиктов будет обращаться в своих работах и далее, в том числе исследовать их уже применительно к новой социально-экономической реальности в своих трудах «Правовая природа государственных предприятий» (1928), «Государственная социалистическая собственность» (1948). Следует отметить, что многие идеи, обсуждавшиеся в монографии А.В. Венедиктова «Слияние акционерных компаний» (1914), до сих пор остаются на повестке дня для целей обсуждения проектов реформирования (до сих пор пока неудачных) законодательства о реорганизации юридических лиц.

Радикальное изменение общественных основ в 1917 г. привело уже не просто к изменению права, а к необходимости создания новых правовых форм. Они особенно понадобились в период индустриализации, фактического отказа от идеи мировой революции и перехода к построению социализма в одной стране — СССР, еще и окруженной недружественными государствами, открыто ставившими в ее отношении самые агрессивные цели. Именно тогда стало понятно, что право — это вовсе не отживший феномен, а самый что ни на есть необходимый советской власти механизм реализации своих политических установок. Советскому государству надо было создать то, чего ранее не было — советское право. Для правоведа, ученого это было время, сопряженное

с многими рисками, но ведь и какие возможности открывались для реализации! Анализируя творчество А.В. Венедиктова, можно сказать, что ему удалось как избежать многих рисков своего времени, так и в полной мере реализовать свое творческое начало — стать создателем (автором) целого ряда идей, концепций, многие из которых до сих пор являются продуктивной основой для формирования как теоретических идей, так и конкретных правовых решений. По существу, как думается, *А.В. Венедиктов стал одним из создателей этого нового — советского — права*, описав с правовой точки зрения советскую экономику, ее управление, среди прочего, модель того, как в рамках социалистического хозяйствования функционирует институт собственности (и что он собой представляет), как осуществляют деятельность государственные юридические лица (и на каких основах они вообще существуют), как работает институт договора в советской экономике.

Как отмечается в отдельных работах, посвященных творчеству ученого, «при всем многообразии вопросов, находившихся в поле научного внимания А.В. Венедиктова, центральной проблемой, объединяющей его научное творчество в целом, является проблема управления социалистическим народным хозяйством, главным образом управления государственной социалистической промышленностью»⁷⁵. Эта оценка в полной мере соответствует действительности.

Соответствующие вопросы А.В. Венедиктов начинает системно исследовать уже в своей работе «Правовая природа государственных предприятий» (1928); эту работу чаще всего оценивают применительно к его идеям, концепциям о собственности и о государственном юридическом лице (о чем будет сказано ниже), однако стоит обратить внимание на то, что *названные вопросы исследуются в общем контексте анализа проблем управления в советской промышленности*: автор анализирует понятия хозяйственного и коммерческого расчета, исследует правовое положение советского треста, его внешние отношения с государством и иными лицами, пределы его самостоятельности и ответственности, специфику отношений треста и входящих в него (трестированных) предприятий (заводов), методы планирования деятельности треста. И этот стиль — исследование частных, отдельных вопросов на более общем фоне — мы видим во многих последующих работах, к примеру, посвященных вопросам договорной дисциплины и ответственности («Договорная дисциплина в промышленности» (1935), «Ответственность за исполнение договора» (1935)), а также собственности («Государственная социалистическая собственность» (1948), «Вопросы

⁷⁴ Шретер В.Н. А.В. Венедиктов. Слияние акционерных компаний // Юридический вестник. Журн. Моск. юрид. о-ва, изд. при содействии С.-Петерб. юрид. о-ва и о-ва им. А.И. Чупрова для разработки обществ. наук. 1915. № 1 (9). С. 255–260.

⁷⁵ Иоффе О.С., Райхер В.К., Толстой Ю.К. Творческое наследие академика А.В. Венедиктова. С. 17.

социалистической собственности в трудах Иосифа Виссарионовича Сталина» (1949)⁷⁶ и др.).

Однако в наследии академика А.В. Венедиктова есть большая группа работ (позднего периода), прямо делающих своим предметом народное хозяйство и государственную промышленность в целом: «Учение Ленина об организации социалистического хозяйства» (1950)⁷⁷, «Организация государственной промышленности в СССР» (в 2 т.; 1957–1961), «Правовое положение совнархозов и подведомственных ему предприятий» (1959), «Задачи дальнейшего совершенствования управления промышленностью» (1959)⁷⁸, «Организационные вопросы промышленности» (1959)⁷⁹ и др. Среди этих работ, конечно, выделяется фундаментальный труд «Организация государственной промышленности в СССР». При его анализе читателя не должна отпугивать идейная составляющая, выраженная, среди прочего, в обильном цитировании работ политического характера. Дело в том, что А.В. Венедиктов никогда не был (по крайней мере это не видно ни в одной из его работ) хоть сколько-нибудь оппозиционно настроенным к советской власти: он всегда опирался на имеющиеся политические установки, относясь к Советскому государству именно как к *своему* государству, на благо которого он трудился и для реализации целей которого создавал соответствующие теоретические конструкции. Кроме того, если откинуть идеологические части работы, то в виде этого двухтомника перед нами — история развития (экономической и правовая) советского народного хозяйства (к сожалению, оконченная только 1934 годом) и создания системы управления им. Причем история очень тщательно исследованная и описанная с использованием огромного (применим именно это слово) числа источников.

Эти обстоятельства делают данный труд в полной мере «вечным» как минимум с точки зрения его исторической ценности. А.В. Венедиктов на богатом документальном материале показывает становление государственной социалистической промышленности — от момента ее национализации как изначально вынужденной меры против разрушения государственной экономики и саботажа со стороны владельцев предприятий до политического утверждения

такого способа ведения хозяйства. Автор показывает организацию управления государственной социалистической промышленностью через описание истории рабочего контроля и национализации промышленных предприятий, поднимает вопросы организации центрального, местного и низового управления государственными промышленными предприятиями, описывает организацию и планирование их деятельности.

В других работах 1959 г. мы видим не просто юридический анализ тех или иных решений, а формулирование (опять же, конечно, с учетом имевшихся политических установок) направлений, задач совершенствования управления промышленностью. Эти направления и задачи формулируются в части разграничения полномочий совнархозов и отраслевых органов, особенно в части технического управления; интересно, что, говоря о сокращении аппарата, А.В. Венедиктов указывает и такое направление, как «слияние совнархозов соседних экономических административных районов»⁸⁰, т.е. создание укрупненных экономических районов (обратим внимание, что акцент здесь делался ученым на экономическом развитии, вопросах эффективности управления, без какой-либо привязки к национально-территориальному делению).

Следующая важная проблема, над решением которой работал академик А.В. Венедиктов, — это собственность в социалистической экономике. Его вклад в разработку соответствующих вопросов огромен; результаты его исследований в ряде работ именуются «концепцией А.В. Венедиктова о праве собственности»⁸¹.

Первая работа, в которой он сформулировал подходы к ее решению, — «Правовая природа государственных предприятий» (1928). Проблема, которую решал в ней ученый, вытекала из анализа правового положения государственного предприятия — треста: «различие в объеме принадлежащих тресту в отношении отдельных категорий его имуществ осложняет вопрос о юридической природе названных прав. Является ли трест собственником предоставленного ему государством имущества?»⁸² — так ставился вопрос в этой работе. Отвечая на него, автор пишет: «Создавая для управления отдельными комплексами своих имуществ специальные органы с правами юридического лица и признавая за ними право собственности на уставное имущество, государство тем самым отнюдь не “лишает” себя права собственности на государственное имущество “в пользу” этих органов: оно

⁷⁶ См.: Венедиктов А.В. Вопросы социалистической собственности в трудах Иосифа Виссарионовича Сталина // Сов. государство и право. 1949. № 12. С. 53–78.

⁷⁷ См.: Венедиктов А.В. Учение Ленина об организации социалистического хозяйства // Сов. государство и право. 1950. № 4. С. 30–55.

⁷⁸ См.: Венедиктов А.В. Задачи дальнейшего совершенствования управления промышленностью // Вестник Академии наук СССР. 1959. № 5. С. 48–55.

⁷⁹ См.: Венедиктов А.В. Организационные вопросы промышленности // Сов. государство и право. 1959. № 3. С. 13–29.

⁸⁰ Венедиктов А.В. Задачи дальнейшего совершенствования управления промышленностью. С. 51; *Его же*. Организационные вопросы промышленности. С. 24.

⁸¹ Маркова М.Г. Указ. соч. С. 132.

⁸² Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий // Венедиктов А.В. Избр. труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. С. 283.

создает лишь особую форму своего участия в товарном (гражданском) обороте. Иными словами, *право собственности треста на предоставленное ему имущество есть лишь особая форма собственности государства, созданная в целях введения в товарный (гражданский) оборот определенного комплекса государственного имущества* (курсив авт.), форма, применение которой ограничивается сферой товарного оборота»⁸³.

А.В. Венедиктов отвергал, опираясь прежде всего на социально-экономическую природу сравнения такой модели с трестом, моделью разделенной собственности, частной собственности, отмечая, что «только признание за трестом права собственности на уставное имущество как особой формы права собственности государства в сфере товарно-денежного (гражданского) оборота и полный отказ от какого бы то ни было противопоставления прав треста правам государства или планово-регулирующих органов вне этой сферы могут привести к правильному пониманию внешних и внутренних отношений в государственной промышленности»⁸⁴.

Такого рода замысловатые построения⁸⁵ — «право собственности государственного предприятия как товарная форма собственности государства» — конечно, носили вынужденный характер: советские юристы искали ответ на понятный и практический вопрос — как обеспечить, обосновать теоретически имущественную самостоятельность государственного предприятия, как квалифицировать «присвоенность» ему имущества и права на определение его юридической судьбы (пользование, распоряжение), при том что имущество уже имеет хозяина (государство). В указанной работе эта проблема фактически была решена путем признания собственником одного и того же имущества сразу двух лиц, при том что второе лицо — предприятие — выступало скорее управляющим имуществом. Такой подход (два собственника), конечно, мог получить какое-то практическое развитие, однако и самому А.В. Венедиктову, видимо, он показался непродуктивным, и уже в другой, основной своей работе, посвященной вопросам собственности, — «Государственная социалистическая собственность» (1948) — для решения соответствующих проблем он предложил иной подход.

Работа А.В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» (1948) в целом занимает особое место в его творческом наследии. И дело не только в ее оценке — присуждении автору Сталинской премии. Дело в том, что это фундаментальная работа, в которой ее

автор — А.В. Венедиктов — на обширном российском и зарубежном историческом и правовом материале показывает развитие понятий «собственность» и «право собственности» (от рабовладельческих обществ и государств Древнего Востока, через различные решения этого вопроса в условиях феодализма и в буржуазном обществе к современному ему периоду 1940-х годов). Несмотря на довольно продолжительный период после ее опубликования, довольно радикальную смену социально-экономических основ, эта монография продолжает оставаться одним из самых крупных исследований проблем права собственности, и в особенности государственной социалистической собственности. Не потеряла она своей актуальности и потому, что участие государства в экономике никуда не делось (и не только в качестве регулятора), и по-прежнему актуальны многие вопросы о формах его участия в экономической жизни общества. Интересно, что современные исследователи указывают на актуальность именно тех частей этой работы, за которые А.В. Венедиктова критиковали (исследование права собственности в эксплуататорском обществе⁸⁶). Однако для своего времени — времени, когда эта работа появилась, — наибольший интерес представляла ее часть 2: «Право государственной социалистической собственности».

А.В. Венедиктов подвергает тщательному анализу сущность государственной собственности в социалистическом обществе, которая вся и полностью принадлежит единственному собственнику — социалистическому государству. Для раскрытия института права государственной социалистической собственности ученый проводит анализ объектов, его составляющих, в том числе средств производства и средств потребления, основных и оборотных средств, средств для капитального строительства и для эксплуатационных нужд, выявляет правовой режим этих объектов как основное условие для защиты этого права. А.В. Венедиктов полагал, что общее понятие права собственности нуждается в большей увязке с экономическим базисом, который выражается в присвоении, как совокупности производственных отношений, так и в узком смысле как отношение коллектива или индивида к средствам и продуктам производства. Следуя соображениям экономической сущности собственности через присвоение материальных благ, А.В. Венедиктов формулирует общее понятие собственности как отношение индивида или коллектива к средствам и продуктам производства как к своим, что позволяет «использовать средства и продукты производства своей властью и в своих интересах на основе существующей в данном обществе системы классовых отношений и в соответствии с нею»⁸⁷.

⁸³ Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий. С. 285, 286.

⁸⁴ Там же. С. 342, 343.

⁸⁵ Критический анализ этой концепции см.: Иванов А.А. Указ. соч. С. 18–22.

⁸⁶ См.: Иванов А.А. Указ. соч. С. 36–38.

⁸⁷ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. С. 34.

В более поздней работе (по сути, ответе на критику отдельных положений монографии 1948 г.) А.В. Венедиктов пишет, что «основой и отправным моментом для исследования права государственной социалистической собственности является учение классиков марксизма-ленинизма о социалистической собственности как общественном присвоении средств и продуктов производства»⁸⁸.

А.В. Венедиктов приходит к выводу, что традиционная триада правомочий не отражает правомочий собственника. В условиях совпадения единого собственника и владельца всех государственных имуществ, который хозяйствует и ведет производственную деятельность, а также управляет своим имуществом, вопрос управления государственной социалистической собственностью приобретает особую важность. Многообразие функций и соответствующих прав и обязанностей по управлению предприятием и закрепленным за ним государственным имуществом выходит далеко за рамки «администрации» как организующего деятельность института и, соответственно, не тождественно управлению административному. Так же правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, считает А.В. Венедиктов, не отождествляются исключительно с правом собственности, так как эти правомочия могут принадлежать не только собственнику, но и лицам, отличным от собственника, которые действуют «властью собственника и в его интересах», осуществляя таким образом правомочия в отношении переданного им имущества. Для передачи смысла этого явления А.В. Венедиктов вводит понятие «оперативное управление», которое отражается в правоспособности определенных субъектов, в частности государственных социалистических органов, государственных предприятий и бюджетных учреждений⁸⁹. Концепция оперативного управления прошла испытание временем и подтвердила свою жизнеспособность в процессе кодификации советского (при создании Основ гражданского законодательства 1961 и 1991 гг., Гражданский кодекс РСФСР 1964 г.) и российского гражданского законодательства (Гражданский кодекс РФ 1994 г.)⁹⁰. Уже в период обсуждения последней по времени реформы гражданского законодательства 2010-х годов А.А. Иванов, ранее (в 2004 г.) дававший характеристику судьбы концепции «непосредственного оперативного

управления» как «блестящей»⁹¹, отмечал (в 2013 г.), что «в сложившихся в настоящее время условиях доминирования государственного сектора в экономике идея оперативного управления государственным имуществом, высказанная А.В. Венедиктовым, по-прежнему значима»⁹².

Монография «Государственная социалистическая собственность» (1948) получила после ее выхода много откликов. Интересным получилось и обсуждение этой монографии, состоявшееся в 1948 г. (1–2 октября) на ученом совете Института права АН СССР⁹³. Несмотря на общее признание этой работы как события в науке советского права, тем не менее интересно, что ряд положений монографии был подвергнут критике как в части методов исследования, так и в части выводов (М.А. Аржанов, В.И. Серебровский и др.). Крайне интересно для современного читателя (на фоне дискуссий об экономическом анализе права) звучат обвинения А.В. Венедиктова в «экономизме», к примеру, М.А. Аржанов указывал, что «А.В. Венедиктов иногда сбивается на дословный перевод экономических понятий на юридический язык, вследствие чего-то, что специфично для права, остается при этом иногда в тени»⁹⁴.

На монографию также вышел ряд интересных рецензий (С.Н. Братусь⁹⁵, Н. Казанцева⁹⁶). В первой (С.Н. Братусь) отмечалось, что «развитые А.В. Венедиктовым взгляды являются первой развернутой попыткой теоретического раскрытия юридической природы института государственной собственности и связанного с ним института государственного юридического лица»⁹⁷. Во второй (Н. Казанцев) среди прочего в качестве критики указывалось, что «в книге явно недостаточно разобран такой вопрос, как защита государственной собственности административно-правовыми и уголовно-правовыми способами»⁹⁸.

⁹¹ Иванов А.А. Ученый и власть. Жизнь и деятельность А.В. Венедиктова (1887–1959) // Венедиктов А.В. Избр. труды по гражданскому праву: в 2 т. С. 42.

⁹² Иванов А.А. Идеи А.В. Венедиктова и их отражение в проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Закон. 2013. № 4. С. 78.

⁹³ См.: Обсуждение работы проф. А.В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» // Сов. государство и право. 1948. № 11. С. 68–78.

⁹⁴ Там же. С. 68.

⁹⁵ См.: Братусь С.Н. А.В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, М. – Л., 1948. 839 с. // Сов. государство и право. 1949. № 4. С. 52–55.

⁹⁶ См.: Казанцев Н. Ценный труд по вопросам государственной социалистической собственности // Большевик. 1949. № 11. С. 71–74.

⁹⁷ Братусь С.Н. А.В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, М. – Л., 1948. 839 с. С. 53.

⁹⁸ Казанцев Н. Указ. соч. С. 73

⁸⁸ Венедиктов А.В. О государственной собственности в СССР и организации управления ею. С. 42.

⁸⁹ См.: Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. С. 329, 337–349.

⁹⁰ Хотя попытки теоретического обоснования иных подходов, очевидно, были. Для понимания стоит посмотреть описание выступления Ю.К. Толстого на Венедиктовских чтениях 1987 г. (см.: Иванов А.А., Медведев Д.А. Указ. соч. С. 100).

В дальнейших работах А.В. Венедиктов развивает собственные идеи. В работе «Вопросы социалистической собственности в трудах Иосифа Виссарионовича Сталина» (1949) он подробно исследует социально-экономические основы отношений собственности сквозь призму работ И.В. Сталина. Затем в двух последующих работах — «Гражданско-правовая охрана социалистической собственности» (1952)⁹⁹ и монографии «Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР» (1954) А.В. Венедиктов детально исследует вопросы защиты и охраны социалистической собственности. Последняя из названных работ включает в себя исследование основных гражданско-правовых средств охраны социалистической собственности, анализ гражданского законодательства и обобщение судебно-арбитражной практики по гражданским делам об охране социалистической собственности, а также сильное участие в подготовке назревших изменений в законодательстве и практике. Общая глава посвящена неразрывной связи функции Советского государства по охране социалистической собственности с его хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функцией, единству задач охраны социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, а также сводной характеристике гражданско-, административно- и уголовно-правовых средств охраны социалистической собственности в СССР. При оценке этих работ, конечно, обращает на себя внимание широкий подход к вопросам охраны собственности (отсюда и терминология — «охрана»). «Гражданско-правовая охрана социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, — пишет А.В. Венедиктов, — охватывает все командные высоты Советского государства в народном хозяйстве: государственную (всенародную) собственность на орудия и средства производства и на предметы потребления; государственную финансовую и кредитно-денежную систему, монополию внешней торговли и советскую торговлю, а также кооперативно-колхозную (групповую) собственность и всю системы кооперативно-колхозного строительства в СССР»¹⁰⁰.

Весьма значителен вклад А.В. Венедиктова в исследование сущности юридического лица. Как уже было отмечено выше, эта проблематика была весьма сложной для советского права, исследователи которого пытались объяснить, почему существуют в советской действительности юридические лица и как они функционируют. В особенности остро стоял этот вопрос применительно к правосубъектности государственных юридических лиц (предприятий);

в 1938 году С.Н. Братусь указывал, что «проблема правосубъектности государственных хозяйственных организаций — одна из самых трудных проблем советского права»¹⁰¹. А.В. Венедиктов хорошо понимал специфику и сложность определения правового положения государственного предприятия, что было им показано еще в работе «Правовая природа государственных предприятий» (1928). О значимости своего исследования автор пишет следующим образом: «Вопрос о правовой природе государственного предприятия... является отправным пунктом для анализа всего круга отношений, складывающихся как внутри самого государственного сектора, так и между ним и остальными секторами народного хозяйства»¹⁰². Своеобразие авторского подхода к исследованию заключалось в совместном рассмотрении норм гражданского (частного) и административного (публичного) права. Автор приходит к выводу, что государственное предприятие (трест) является хозяйственным органом. Вместе с тем, как хозяйственный орган трест выступает по отношению к предприятиям, входящим в его структуру, а также во взаимоотношениях с вышестоящими государственными органами; в гражданские правоотношения трест вступает и действует как юридическое лицо.

В то же время ученый выявил совпадение некоторых формулировок, относящихся к праву собственности, в Гражданском кодексе РСФСР 1922 г.¹⁰³ и в Положении о государственных промышленных трестах от 29 июня 1927 г.¹⁰⁴, и пришел к выводу, что в форме треста как хозяйственного органа государства выступает само государство, а закрепляемое за трестом имущество является товарной формой собственности самого Советского государства. По этой причине, полагает автор, для общей системы планирования и регулирования хозяйства необходимо правильно разграничить организационно-технические и правовые элементы, прежде всего в отношениях, когда трест вступает в отношения с планово-регулирующими органами и, с другой стороны, со своими контрагентами. Складывающиеся между трестом и государством в лице ВСНХ отношения А.В. Венедиктов находит организационно-техническими, а не правовыми. В этой же работе он высказывал такие идеи относительно субстрата юридического лица: «Субъектом... права может быть только человек или человеческий коллектив — индивидуальный или коллективный хозяйствующий субъект, но не имущество, не какая-либо цель и не “любое имя или понятие”».

¹⁰¹ Братусь С.Н. К проблеме юридического лица в советском гражданском праве // Проблемы социалистического права: сб. 3. М., 1938. С. 42.

¹⁰² Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. С. 217.

¹⁰³ См.: СУ РСФСР. 1922. № 71, ст. 904.

¹⁰⁴ См.: СЗ СССР. 1927. № 39, ст. 392.

⁹⁹ См.: Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности // Сов. государство и право. 1952. № 12. С. 15–28.

¹⁰⁰ Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. С. 58.

За каждым субъектом права необходимо найти того индивидуального или коллективного хозяйствующего субъекта, того носителя интереса, который вступает в правоотношения как субъект права, называется ли он лицом физическим или юридическим»¹⁰⁵. Иными словами, им отрицались те (зарубежные) теории юридического лица, которые не рассматривали связи юридического лица и человеческого субстрата; человек, его интересы — вот, что, по его мнению, «лежало» за каждой фигурой юридического лица в обороте. В сущности, здесь А.В. Венедиктов больше следовал, как это ни покажется странным, тем отечественным подходам, которые сложились в части ответственности юридического лица еще в дореволюционном праве, где идея т.н. *шита* в виде юридического лица для ограниченной ответственности его участников приживалась с большим трудом, несмотря на отдельные акты еще начала XIX в.¹⁰⁶

Исследование А.В. Венедиктовым правового положения государственных предприятий было высоко оценено в юридической литературе, поскольку оно позволило выявить существенные недостатки положений Гражданского кодекса РСФСР в части ограничения круга юридически самостоятельных субъектов права («юридических личностей») лишь государственными предприятиями и их объединениями, переведенными на хозяйственный расчет и не финансируемыми в сметном порядке (ст. 19), формальным исключением из гражданского оборота государственных учреждений. Поддержку нашло предложение различать государственные бюджетные учреждения и органы государственного управления, а также необходимость признавать юридической личностью прежде всего реальных обладателей правом совершать сделки и самостоятельно участвовать в правоотношениях¹⁰⁷.

В работе «Государственная социалистическая собственность» (1948)¹⁰⁸ А.В. Венедиктов развивает теорию юридического лица, вошедшую в науку как «теория коллектива».

Раскрывая определение юридического лица, данное в ст. 13 ГК РСФСР 1922 г., он пишет, что в ней «удачно выражен самый характерный признак юридического лица, определяющий его юридическую

сущность и его основную функцию в советском гражданском обороте: способность коллектива (организации), обладающего юридической личностью, выступать в гражданском обороте именно в качестве коллектива..., способность быть самостоятельным носителем гражданских прав и обязанностей, способность от своего имени приобретать и отчуждать имущество, заключать договоры, искать и отвечать в суде и в арбитраже. Именно в этой способности к самостоятельному участию в гражданском обороте заключается решающий (конститутивный) признак, отличающий коллективы, обладающие юридической личностью, от коллективов, ею не обладающих»¹⁰⁹.

Юридическое лицо он определяет как «коллектив трудящихся, осуществляющий предусмотренные законом, административным актом или уставом задачи, имеющий урегулированную в том же порядке организацию, обладающий на том или ином праве и в той или иной мере обособленным имуществом и выступающий в гражданском обороте от своего имени — в качестве самостоятельного (особого) носителя гражданских прав и обязанностей»¹¹⁰.

Говоря о сущности советского государственно-юридического лица, А.В. Венедиктов для начала определяет правовую природу государственного органа оперативного управления государственной собственностью как *организованный государством, возглавляемый его ответственным руководителем коллектив рабочих и служащих, на который государство возложило выполнение определенных государственных задач*¹¹¹. Далее он пишет, что это определение «предрешает» для него «ответ на вопрос о том, кто стоит за госорганами, обладающими гражданской правоспособностью, т.е. за государственными юридическими лицами. За каждым из них стоят: 1) само социалистическое государство, весь советский народ в лице своего социалистического государства как единый и единственный собственник всего фонда государственной собственности, и 2) возглавляемый ответственным руководителем коллектив рабочих и служащих данного юридического лица как коллектив, который под руководством дирекции непосредственно осуществляет задачи, возложенные государством на это юридическое лицо, и в непосредственное оперативное управление которого государство выделило соответствующую часть единого фонда государственной собственности»¹¹². По мнению А.В. Венедиктова, «в этом выражаются как единство всего фонда государственной социалистической собственности, так и обособленность отдельных его частей, единство всей системы управления государственной

¹⁰⁵ Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий. С. 295–297.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Табов А. В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М., 2010.

¹⁰⁷ См., напр.: Генкин Д. М. О юридических лицах в проекте Гражданского кодекса СССР // Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 27 января — 3 февраля 1939 г. / под ред. И. Т. Голякова. М., 1940. С. 297.

¹⁰⁸ Аргументацию А.В. Венедиктова также можно увидеть в его работе «О государственной собственности в СССР и организации управления ею» (1951), где на С. 46–48 он дает ответ своим критикам.

¹⁰⁹ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. С. 656.

¹¹⁰ Там же. С. 657.

¹¹¹ См.: там же. С. 591, 664, 665.

¹¹² Там же. С. 665.

социалистической собственностью и необходимая оперативная самостоятельность отдельных звеньев этой системы...»¹¹³.

Как отметил академик Ю.К. Толстой, такой подход «достигал нескольких целей. Во-первых, оставался неизменным принцип единоначалия в управлении государственной собственностью независимо от того, идет ли речь о государственных предприятиях или государственных учреждениях. Во-вторых, сохранялся в неприкосновенности принцип единства фонда государственной собственности как всенародного достояния, поскольку соответствующая часть государственного имущества выделялась государственному юридическому лицу не в собственность, а в оперативное управление. В-третьих, юридическое значение придавалось волевым актам всего коллектива рабочих и служащих, так как без этих актов задачи, возложенные государством на данное юридическое лицо, не могли бы быть выполнены»¹¹⁴.

Теория коллектива как объяснение сущности юридического лица, вне всякого сомнения, была весьма продуктивной и интересной для своего времени, хотя и подверглась критике практически сразу после ее появления с разных позиций. В основе многих критических взглядов на нее лежал традиционный взгляд на юридическое лицо как на корпорацию, что хорошо видно из выводов В.И. Серебровского, высказанных им в 1948 г. при уже упоминавшемся выше обсуждении монографии «Государственная социалистическая собственность» (1948) на ученом совете Института права Академии наук СССР¹¹⁵. А.В. Венедиктов реагировал на критику, указывая на то, что его теория в полной мере соответствует сложившемуся положению вещей¹¹⁶. Он подчеркивал в части «субстрата»

юридического лица, что «при существующей организации производства и обращения, в условиях сознательного использования социалистическим государством закона стоимости в его преобразованном виде, государство наделяет свои оперативно-хозяйственные органы определенными полномочиями, необходимыми для выполнения возложенных на них функций и обязанностей, в том числе правом владения, пользования и распоряжения закрепленным за ними государственным имуществом, в установленных законом планом и всеми директивами партии и правительства пределах. При анализе правоотношений, в которые оперативно-хозяйственные госорганы вступают между собой, марксистско-ленинская теория государства и права должна указать тех живых людей, тех участников социалистического производства, общественно-производственные отношения которых опосредствуются как правовые отношения двух субъектов права — двух социалистических госорганов. Этими участниками являются организованные государством, во главе с назначенными государством ответственными руководителями, коллективы рабочих и служащих, на которые государство возлагает выполнение определенной части государственного плана при посредстве орудий и средств производства, принадлежащих единому и единственному собственнику всех государственных имуществ — социалистическому государству»¹¹⁷.

Еще одна часть критики (справедливой, с нашей точки зрения) заключалась в том, что решения принимает не коллектив, а руководящий им орган — директор, полномочия которого не зависят от воли коллектива и который несет персональную ответственность за свои действия по управлению вверенной собственностью¹¹⁸.

В рамках преобладающих современных объяснений юридического лица (как персонифицированного имущества)¹¹⁹ теория коллектива кажется не-

¹¹³ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. С. 665, 666.

¹¹⁴ Толстой Ю. К. К разработке теории юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. М., 2000. С. 88.

¹¹⁵ Он отмечал: «А.В. Венедиктов не определил... правового положения госпредприятия как коллектива рабочих и служащих. Никто не отрицает, что рабочие и служащие являются активными и непосредственными участниками процесса расширенного социалистического воспроизводства, но если коллективу рабочих и служащих, как признает А.В. Венедиктов, не принадлежит право на имущество предприятия, коллектив этим имуществом не распоряжается, административно-правовых и гражданско-правовых актов не совершает, то это означает, что коллектив, как таковой, правовой роли не играет» (см.: Обсуждение работы проф. А.В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность». С. 69).

¹¹⁶ А.В. Венедиктов писал в 1951 г. в ответ на критику его теории следующее: «предложенное нами понятие оперативно-хозяйственного госоргана позволяет раскрыть связь социалистического хозрасчета с социалистическим принципом распределения по труду, с использованием социалистическим государством закона стоимости в его преобразованном виде, показать специфику товарно-денежных отношений между госпредприятиями и действительное содержание правовых

отношений между ними, а также все значение принципа демократического централизма в управлении социалистическим хозяйством» (см.: Венедиктов А. В. О государственной собственности в СССР и организации управления ею. С. 46).

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Очень хорошо об этом написал академик Ю.К. Толстой в работе 2000 г.: «почему, скажем, автор этих строк в свое время не “примкнул” к теории коллектива, фундатором которой был его учитель? Да потому, что коллектив рабочих и служащих никак не мог быть признан ни волеобразующим, ни волеизъявляющим субстратом государственного юридического лица. Все вопросы жизни юридического лица решал пресловутый “треугольник”, в котором доминирующую роль играл обычно руководитель соответствующего предприятия (организации), из рук которого “кормились” остальные члены “тройки”: и секретарь парткома, и председатель завкома, профкома, месткома» (см.: Толстой Ю. К. К разработке теории юридического лица на современном этапе. С. 106).

¹¹⁹ Отметим, что некоторые ученики А.В. Венедиктова находят в действующем Гражданском кодексе РФ подтверждение

сколько устаревшей, однако заметим следующее. В реальности пока ни одна «субстративная» теория юридического лица, как оригинальная, так и построенная на «обломках» и критике прошлых теорий, объяснить в полной мере феномен юридического лица не смогла; каждая такая теория внесла лишь свой вклад в это объяснение, и не факт, что потенциал соответствующей теории не будет востребован в будущем. Если не обращать внимания на некоторые идеологические основы этой теории, которые сам А.В. Венедиктов всегда подчеркивал, то можно сказать, что в этой теории есть вполне рациональное зерно, заключающееся в учете при распределении результата экономической деятельности юридического лица не только интереса собственника, но и интересов лиц, трудом которых создается такой результат.

В настоящее время весьма интересны работы А.В. Венедиктова в части договорного права. К этим вопросам он обратился еще в период Первой мировой войны. Обращение к ним нельзя назвать случайным — Первая мировая война весьма существенно повлияла на экономические отношения, что привлекло довольно значительное внимание к экстраординарным институтам, таким как *vis major* и мораторий, что отразилось в вопросах правотворчества. В работе «Война, рост цен и старые контракты» (1917) А.В. Венедиктов выступает за определенность правового регулирования в части аннулирования или изменения договоров, ставших убыточными, настаивает, что этот вопрос не может быть «переложен» на суды, а должен найти законодательное решение.

Однако наиболее масштабным его исследованием в этой сфере стали монография «Договорная дисциплина в промышленности» (1935) и цикл статей 1934–1936 гг., в которых А.В. Венедиктов обращается к вопросу о правовой природе хозяйственного договора и договорной дисциплины в условиях плановой экономики. Автор исходит из того, что исполнение каждым хозорганом всех его договоров является такой же его обязанностью перед государством, как и выполнение плана, в связи с чем вполне обоснованной является установленная законом персональная ответственность руководителей хозорганов за надлежащее исполнение договоров. А.В. Венедиктов заявляет, что плано-договорная дисциплина — одна из важнейших форм социалистической законности, ее основными задачами являются охрана

и укрепление социалистической собственности¹²⁰; он стоял на позиции необходимости реального исполнения договоров, что может обеспечиваться договорной ответственностью в виде штрафов и возмещения убытков. В юридической литературе отмечается, что несмотря на ушедшее в прошлое социалистическое планирование, концептуальные взгляды А.В. Венедиктова о значимости принципа реального исполнения договоров, зачетной природе неустойки и принцип вины, как условия ответственности сохраняют значение в настоящее время и поддерживаются юридическим сообществом¹²¹.

Отдельно следует отметить работы А.В. Венедиктова, касающиеся проекта Гражданского кодекса СССР, которые обычно мало анализируются в трудах, посвященных его творчеству. В этих работах он предстает не просто как ведущий теоретик гражданского права, исследователь правовых основ экономической организации советского общества, а как создатель нового гражданского законодательства, имеющий собственное видение. На новый кодекс А.В. Венедиктов смотрел как на оформление тех реальных (социалистических) отношений, которые сложились в стране. Он пишет: «Задача кодификации гражданского законодательства заключается в том, чтобы оформить и закрепить в кодексе *основные* элементы имущественных отношений социалистического общества, которые уже достаточно определились для настоящего этапа его развития»¹²². Интересно, что А.В. Венедиктов считал необходимым отказаться при формировании структуры кодекса от общей и особенной частей.

Общим и основным наиболее характерным признаком для имущественных отношений, регулируемых гражданским правом, он признавал равноправие участников, отрицая понятие автономности¹²³. А.В. Венедиктов был сторонником сосредоточения в кодексе большого блока таких отношений, однако он отмечал, что будущий кодекс «не должен регламентировать имущественные отношения с такой степенью детализации, которая лишила бы правительство возможности в необходимых случаях и в предусмотренных кодексом границах регулировать те стороны этих отношений, которые нуждаются по тем или иным основаниям именно в правительственной или даже ведомственной регламентации»¹²⁴. А.В. Венедиктов был сторонником подхода, в рамках которого предлагалось регулировать все имущественные

теории коллектива в установлении ответственности юридического лица за вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей (п. 1 ст. 1068), а также ответственность хозяйственных товариществ и производственных кооперативов по возмещению вреда, причиненного его участниками (членами) при осуществлении последними предпринимательской, производственной или иной деятельности товарищества или кооператива (см.: *Маркова М.Г.* Указ. соч. С. 132).

¹²⁰ См.: *Венедиктов А.В.* Договорная дисциплина в промышленности. С. 6, 7.

¹²¹ См.: *Иванов А.А.* Идеи А.В. Венедиктова и их отражение в проекте изменений Гражданского кодекса РФ. С. 77–82.

¹²² *Венедиктов А.В.* О системе гражданского кодекса СССР. С. 28.

¹²³ См.: там же. С. 30.

¹²⁴ Там же. С. 28.

отношения одним (единым) кодексом¹²⁵. При этом он не отрицал и возможности частичной кодификации тех отношений, которые лежат на грани гражданского и административного права. Часть из тех идей, которые он высказывал, нашли свое место уже в новейшей истории, например, при кодификации норм о правах на результаты интеллектуальной деятельности. В этой сфере всегда было много «вкрапления» административного права, что могло бы помешать необходимой кодификации. Однако еще в 1954 г. А.В. Венедиктов прозорливо указывал, что наличие большого количества административно-правовых норм в изобретательском праве не может служить препятствием для включения в Гражданский кодекс СССР норм о гражданско-правовых взаимоотношениях ведомств и изобретателей¹²⁶.

Отдельно А.В. Венедиктов отмечал необходимость регулирования в новом кодексе обязанности социалистической организации возмещать ущерб, понесенный советским гражданином при предотвращении вреда, угрожавшего социалистической собственности¹²⁷.

* * *

Вклад академика А.В. Венедиктова в отечественную правовую науку трудно переоценить. Современники Анатолия Васильевича отзывались о нем как о человеке, способном глубоко и многосторонне

анализировать научные процессы¹²⁸, называли его «крупнейшим юристом XX века»¹²⁹, способным ощущать биение пульса хозяйственной жизни и с поразительной чуткостью улавливать малейшие отклонения практики от заданного курса.

За свою долгую научную жизнь он занимался такими актуальными для страны вопросами, как организация и управление промышленностью, собственность, договорная дисциплина, сущность и правовое положение юридических лиц, кодификация советского гражданского права. Его природный талант, помноженный на сплав блестящего дореволюционного отечественного университетского экономического и юридического образования, отточенного на практике, позволили создать такие концепции, которые были востребованы в науке и практике как в советское время, так и в новейший период истории нашей страны. Достаточно сказать, что концепция оперативного управления, выдвинутая и обоснованная им, пережила все изменения и реформы гражданского законодательства. Неудивительно, что к идеям А.В. Венедиктова было обращено внимание и в период обсуждения последней по времени реформы 2010-х годов (хотя и не завершенной в полной мере в той части, которая всегда находилась в центре внимания ученого — собственности). Любая отечественная работа, которая касается юридических лиц (их сущности), не может обойтись без анализа теории коллектива, которую обосновал ученый.

Идеи академика Венедиктова оказали значительное влияние на формирование научных школ и направлений как в Ленинграде (Санкт-Петербурге), так и в Москве. А.В. Венедиктов был внимательным и чутким педагогом и за свою многолетнюю научно-педагогическую деятельность взрастил плеяду выдающихся цивилистов. Один из его учеников — академик Ю.К. Толстой.

Большое творческое наследие академика А.В. Венедиктова — это не просто часть отечественной истории права, Института государства и права РАН. Это достойный пример научного подвига и блестящего академического анализа, результаты которого сохраняют актуальность для теоретических работ и правотворческого процесса. Память о видном ученом бережно сохраняется и увековечивается прежде всего не в материальных знаках внимания — бюстах, памятных досках, переиздаваемых научных трудах, а через осмысление научных идей прошлого, применительно к новым реалиям, для отыскания смысла права

¹²⁵ Он писал (в качестве отклика на работу Д.М. Генкина): «Необходимо прежде всего приветствовать идею создания единого Гражданского кодекса, охватывающего имущественные отношения между всеми участниками советского гражданского оборота: между социалистическими организациями, между социалистическими организациями и гражданами, между гражданами. Единство советского социалистического гражданского права, обусловленное единством его основы — социалистической собственности — и его принципов — принципов социализма, единством государственного народнохозяйственного плана, определяющего и направляющего (хотя и с использованием различных методов планирования) весь процесс развития имущественных отношений в СССР, с необходимостью диктует подчинение единому ГК СССР имущественных отношений не только между гражданами или между гражданами и социалистическими организациями, но и между самими социалистическими организациями. Мы останавливаемся на этом, казалось бы, твердо решенном самим ходом развития социалистических гражданских правоотношений вопросе потому, что за последнее время некоторыми цивилистами (как теоретиками, так и практиками) вновь ставится, правда, в порядке самого предварительного обсуждения, вопрос о целесообразности выделения норм, регулирующих имущественные отношения между социалистическими организациями, если не в самостоятельную отрасль советского права, то, во всяком случае, в особую отрасль советского гражданского права» (см.: Венедиктов А.В. К проекту Гражданского кодекса СССР. С. 7).

¹²⁶ См.: Венедиктов А.В. О системе гражданского кодекса СССР. С. 27.

¹²⁷ См.: Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности. С. 28.

¹²⁸ См.: Толстой Ю.К. Анатолий Васильевич Венедиктов (1887–1959) // Право и современные государства. 2017. № 1. С. 47–62.

¹²⁹ Иоффе О.С., Райхер В.К., Толстой Ю.К. Творческое наследие академика А.В. Венедиктова // Проблемы гражданского и административного права: сб. ст. / под ред. О.С. Иоффе, Б.Б. Черепанина, Ю.К. Толстого.

и законной справедливости в жизни народа¹³⁰, в чем и будет диалектика жизни и память об академике А.В. Венедикове.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братусь С.Н. 25 лет Гражданского кодекса РСФСР и некоторые проблемы разработки Гражданского кодекса СССР // V научная конференция, посвященная тридцатилетию советского государства и права: тезисы докладов. 4–10 декабря 1947 г. Военно-юридическая академия Вооруженных Сил Союза ССР. М., 1947. С. 47–51.
2. Братусь С.Н. А.В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. Изд-во АН СССР, М. – Л., 1948. 839 с. // Сов. государство и право. 1949. № 4. С. 52–55.
3. Братусь С.Н. К проблеме юридического лица в советском гражданском праве // Проблемы социалистического права: сб. 3. М., 1938. С. 42.
4. Братусь С.Н. Некоторые вопросы проекта Гражданского кодекса СССР // Сов. государство и право. 1948. № 12. С. 10–23.
5. Венедиктов А.В. Война, рост цен и старые контракты. Пг., 1917.
6. Венедиктов А.В. Вопросы социалистической собственности в трудах Иосифа Виссарионовича Сталина // Сов. государство и право. 1949. № 12. С. 53–78.
7. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., Л., 1948. С. 34, 329, 337–349, 591, 656, 657, 664–666.
8. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность и органы управления ею // Вестник Ленинградского ун-та. 1946. № 4–5. С. 180–185.
9. Венедиктов А.В. Государство, синдикаты и тресты // Торгово-промышленная газ. 1918. № 5, 10, 15, 20, 41, 46.
10. Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности // Сов. государство и право. 1952. № 12. С. 15–28.
11. Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. М.; Л., 1954. С. 58.
12. Венедиктов А.В. Договорная дисциплина в промышленности. Л., 1935. С. 6, 7.
13. Венедиктов А.В. Договорная дисциплина и ее роль в борьбе за план // Записки Планового института. 1936. Вып. 1.
14. Венедиктов А.В. Договорные санкции в советском праве // Сов. государство. 1934. № 5.
15. Венедиктов А.В. Задачи дальнейшего совершенствования управления промышленностью // Вестник АН СССР. 1959. № 5. С. 48–55.
16. Венедиктов А.В. Законодательство о предприятиях неприя- тельских подданных // Вестник финансов. 1917. № 10.
17. Венедиктов А.В. К проекту Гражданского кодекса СССР // Соц. законность. 1947. № 1. С. 7–11.
18. Венедиктов А.В. О государственной собственности в СССР и организации управления ею. М., 1951. С. 42, 46.
19. Венедиктов А.В. О системе гражданского кодекса СССР // Сов. государство и право. 1954. № 2. С. 26–40.
20. Венедиктов А.В. Об основных проблемах советского гражданского права // Вестник Ленинградского ун-та. 1947. № 11. С. 99–123.
21. Венедиктов А.В. Организационные вопросы промышленности // Сов. государство и право. 1959. № 3. С. 13–29.
22. Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР. Л., 1957. Т. 1.
23. Венедиктов А.В. Основные проблемы банковского законодательства (К проекту кредитного устава СССР). М., 1925.
24. Венедиктов А.В. Ответственность за исполнение договора // Социалистическая промышленность и хозяйственное право: сб. ст. / под ред. Б.М. Рубинштейна и В.С. Ундеревича (отв. ред.). Л., 1935. С. 157–194.
25. Венедиктов А.В. Право государственной социалистической собственности // Вопросы советского гражданского права. М. – Л., 1945. С. 74–113.
26. Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий. Л., 1928.
27. Венедиктов А.В. Правовая природа государственных предприятий // Венедиктов А.В. Избр. труды по гражданскому праву: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 217, 283, 285, 286, 342, 343.
28. Венедиктов А.В. Правовое положение совнархозов и подведомственных ему предприятий. Л., 1959.
29. Венедиктов А.В. Слияние акционерных компаний. Пг., 1914.
30. Венедиктов А.В. Учение Ленина об организации социалистического хозяйства // Сов. государство и право. 1950. № 4. С. 30–55.
31. Габов А.В. Кодификация отечественного гражданского законодательства: отдельные страницы истории // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 2. С. 279, 280.
32. Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. М., 2010.
33. Габов А.В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). М., 2014. С. 31–33.
34. Габов А.В., Мотуренко С.М. Человек своего времени // Государство и право. 2025. № 5. С. 57–80.
35. Генкин Д.М. О юридических лицах в проекте Гражданского кодекса СССР // Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 27 января – 3 февраля 1939 г. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1940. С. 297.
36. Генкин Д.М. Содержание и система Гражданского кодекса СССР // Соц. законность. 1946. № 11–12. С. 30–34.
37. Дозорцев А.В. О предмете советского гражданского права в системе Гражданского кодекса СССР // Сов. государство и право. 1954. № 7. С. 104–108.
38. Иванов А.А. Ученый и власть. Жизнь и деятельность А.В. Венедиктова (1887–1959) // Венедиктов А.В. Избр. труды по гражданскому праву: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 7–68.
39. Иванов А.А., Медведев Д.А. Венедиктовские чтения // Правоведение. 1988. № 2. С. 99–102.

¹³⁰ См.: Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 578.

40. *Иоффе О.С.* Развитие цивилистической мысли в СССР. Л., 1978. Ч. 2.
41. *Иоффе О.С., Райхер В.К., Толстой Ю.К.* Анатолий Васильевич Венедиктов (Очерк жизни и деятельности). Л., 1968. С. 3–5.
42. *Иоффе О.С., Райхер В.К., Толстой Ю.К.* Творческое наследие академика А.В. Венедиктова // Проблемы гражданского и административного права: сб. ст. / под ред. О.С. Иоффе, Б.Б. Черепашина, Ю.К. Толстого. Л., 1962. С. 5–38.
43. *Казанцев Н.* Ценный труд по вопросам государственной социалистической собственности // Большевик. 1949. № 11. С. 71–74.
44. *Крашенинников П.В.* Анатолий Васильевич Венедиктов // Заповеди советского права. Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. 2-е изд. М., 2019. С. 154–161.
45. *Кроткова Н.В.* Отражение становления советского права и государственного аппарата в юридических журналах первых десятилетий Советской власти // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 86.
46. *Маркова М.Г.* Памяти академика А.В. Венедиктова (к 125-летию со дня рождения) // Юридическая мысль. 2012. № 2 (70). С. 129–236.
47. *Мацнева Н.Г., Яцук Е.А., Анисимов О.В.* Знаменитые студенты Санкт-Петербургского университета. Юридический факультет. СПб., 2012. С. 23, 127.
48. Научная сессия, посвященная 125-летию Ленинградского ун-та: тезисы докладов. Л., 1944.
49. Обсуждение работы проф. А.В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность» // Сов. государство и право. 1948. № 11. С. 68–78.
50. *Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм (Опыт критики основных юридических понятий). М., 1924.
51. *Поликарпов А.Ф.* Краткий исторический очерк 75-летия Уфимской мужской гимназии (1828–1903). Уфа, 1904.
52. Положение о Финансово-экономическом бюро НКФ // По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 4: Опыт исследований в области денег и кредита в Наркомфине и Госбанке СССР в 1920-е годы. О подготовке плана денежного обращения на третью пятилетку (1938–1942 годы) / сост. и науч. ред. Ю.И. Кашин. М., 2007. С. 11, 12.
53. Проект Гражданского кодекса Союза ССР (второй предварительный вариант). М., 1940.
54. *Райхер В.К.* Памяти академика А.В. Венедиктова (к 80-летию со дня рождения) // Правоведение. 1967. № 3. С. 159–162.
55. *Ратнер Л.И., Тадевосян В.С.* Институт государства и права Академии наук СССР за 50 лет / ред. кол.: Л.Я. Гинцбург и др. М., 1976. С. 28.
56. *Савенков А.Н.* Государство. Право. Институт: 95 лет истории в лицах // Государство и право. 2020. № 3. С. 9.
57. *Савенков А.Н.* Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 578.
58. *Толстой Ю.К.* Академик А.В. Венедиктов // Соц. законность. 1987. № 7. С. 57–59.
59. *Толстой Ю.К.* Анатолий Васильевич Венедиктов (1887–1959) // Право и современные государства. 2017. № 1. С. 47–62.
60. *Толстой Ю.К.* Анатолий Васильевич Венедиктов (1887–1959) // Правоведение. 1976. № 1. С. 80–90.
61. *Толстой Ю.К.* Из пережитого. 7-е изд., доп. М., 2017. С. 213, 215.
62. *Толстой Ю.К.* К разработке теории юридического лица на современном этапе // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. М., 2000. С. 88, 106.
63. *Толстой Ю.К.* Концепция А.В. Венедиктова о праве собственности и современность // Правоведение. 1988. № 2. С. 15–27.
64. *Толстой Ю.К.* Портреты заговорили... М., 2014. С. 18.
65. *Шретер В.Н.* А.В. Венедиктов. Слияние акционерных компаний // Юридический вестник. Журн. Моск. юрид. о-ва, изд. при содействии С.-Петерб. юрид. о-ва и о-ва им. А.И. Чупрова для разработки обществ. наук. 1915. № 1 (9). С. 255–260.
66. *Ю.Ф.* Столетие академика А.В. Венедиктова // Правоведение. 1987. № 5. С. 113, 114.
67. Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С.А. Егорова, А.М. Лушникова, Н.Н. Тарусиной. Ярославль, 2009. С. 164–180, 698.

REFERENCES

1. *Bratus S.N.* 25 years of the Civil Code of the RSFSR and some problems of the development of the Civil Code of the USSR // V Scientific conference dedicated to the thirtieth anniversary of the Soviet state and law: abstracts of reports. December 4–10, 1947 Military Law Academy of the Armed Forces of the USSR. M., 1947. Pp. 47–51 (in Russ.).
2. *Bratus S.N.* A.V. Venediktov. State socialist property. Publishing House of the USSR Academy of Sciences. M., 1948. 839 p. // Soviet State and Law. 1949. No. 4. Pp. 52–55 (in Russ.).
3. *Bratus S.N.* On the problem of a legal entity in Soviet Civil Law // Problems of socialist law: collection 3. M., 1938. P. 42 (in Russ.).
4. *Bratus S.N.* Some issues of the draft Civil Code of the USSR // Soviet State and Law. 1948. No. 12. Pp. 10–23 (in Russ.).
5. *Venediktov A.V.* The war, rising prices and old contracts. Petrograd, 1917 (in Russ.).
6. *Venediktov A.V.* Issues of socialist property in the works of Joseph Vissarionovich Stalin // Soviet State and Law. 1949. No. 12. Pp. 53–78 (in Russ.).
7. *Venediktov A.V.* State socialist property. M., L., 1948. Pp. 34, 329, 337–349, 591, 656, 657, 664–666 (in Russ.).
8. *Venediktov A.V.* State socialist property and its management bodies // Herald of Leningrad University. 1946. No. 4–5. Pp. 180–185 (in Russ.).
9. *Venediktov A.V.* The state, syndicates and trusts // Commercial and Industrial Newspaper. 1918. No. 5, 10, 15, 20, 41, 46 (in Russ.).

10. *Venediktov A.V.* Civil law protection of socialist property // Soviet State and Law. 1952. No. 12. Pp. 15–28 (in Russ.).
11. *Venediktov A.V.* Civil protection of socialist property in the USSR. M.; L., 1954. P. 58 (in Russ.).
12. *Venediktov A.V.* Contractual discipline in industry. L., 1935. Pp. 6, 7 (in Russ.).
13. *Venediktov A.V.* Contractual discipline and its role in the struggle for a plan // Notes of the Planning Institute. 1936. Iss. 1 (in Russ.).
14. *Venediktov A.V.* Contractual sanctions in Soviet law // Soviet State. 1934. No. 5 (in Russ.).
15. *Venediktov A.V.* Tasks of further improvement of industrial management // Herald of the USSR Academy of Sciences. 1959. No. 5. Pp. 48–55 (in Russ.).
16. *Venediktov A.V.* Legislation on enterprises of enemy subjects // Bulletin of Finance. 1917. No. 10 (in Russ.).
17. *Venediktov A.V.* On the draft Civil Code of the USSR // Social legality. 1947. No. 1. Pp. 7–11 (in Russ.).
18. *Venediktov A.V.* On state property in the USSR and the organization of its management. M., 1951. Pp. 42, 46 (in Russ.).
19. *Venediktov A.V.* On the system of the Civil Code of the USSR // Soviet State and Law. 1954. No. 2. Pp. 26–40 (in Russ.).
20. *Venediktov A.V.* On the main problems of Soviet civil law // Herald of Leningrad University. 1947. No. 11. Pp. 99–123 (in Russ.).
21. *Venediktov A.V.* Organizational issues of industry // Soviet State and Law. 1959. No. 3. Pp. 13–29 (in Russ.).
22. *Venediktov A.V.* Organization of state industry in the USSR. L., 1957. Vol. 1 (in Russ.).
23. *Venediktov A.V.* The main problems of banking legislation (To the draft Credit Charter of the USSR). M., 1925 (in Russ.).
24. *Venediktov A.V.* Responsibility for contract performance // Socialist industry and Economic Law: collection of articles / ed. by B.M. Rubinstein and V.S. Undrevich (res. eds). L., 1935. Pp. 157–194 (in Russ.).
25. *Venediktov A.V.* The right of state socialist property // Issues of Soviet Civil Law. M., 1945. Pp. 74–113 (in Russ.).
26. *Venediktov A.V.* The legal nature of state enterprises. L., 1928 (in Russ.).
27. *Venediktov A.V.* The legal nature of state-owned enterprises // Venediktov A.V. Selected works on Civil Law: in 2 vols. M., 2004. Vol. 1. Pp. 217, 283, 285, 286, 342, 343 (in Russ.).
28. *Venediktov A.V.* The legal status of the Council of National Farms and its subordinate enterprises. L., 1959 (in Russ.).
29. *Venediktov A.V.* Merger of joint-stock companies. Petrograd, 1914 (in Russ.).
30. *Venediktov A.V.* Lenin's teaching on the organization of the socialist economy // Soviet State and Law. 1950. No. 4. Pp. 30–55 (in Russ.).
31. *Gabov A.V.* Codification of domestic civil legislation: separate pages of history // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. 2022. Vol. 47. No. 2. Pp. 279, 280 (in Russ.).
32. *Gabov A.V.* Limited and additional liability companies in Russian legislation. M., 2010 (in Russ.).
33. *Gabov A.V.* Theory and practice of reorganization (legal aspect). M., 2014. Pp. 31–33 (in Russ.).
34. *Gabov A.V., Moturenko S.M.* A man of his time // State and Law. 2025. No. 5. Pp. 57–80 (in Russ.).
35. *Genkin D.M.* On legal entities in the draft Civil Code of the USSR // Proceedings of the first scientific session of the All-Union Institute of Law, January 27 – February 3, 1939 / ed. by I.T. Golyakov. M., 1940. P. 297 (in Russ.).
36. *Genkin D.M.* The content and system of the Civil Code of the USSR // Social Legality. 1946. No. 11–12. Pp. 30–34 (in Russ.).
37. *Dozortsev A.V.* On the subject of Soviet civil law in the system of the Civil Code of the USSR // Soviet State and Law. 1954. No. 7. Pp. 104–108 (in Russ.).
38. *Ivanov A.A.* The scientist and the government. The life and work of A.V. Venediktov (1887–1959) // Venediktov A.V. Selected works on Civil Law: in 2 vols. M., 2004. Vol. 1. Pp. 7–68 (in Russ.).
39. *Ivanov A.A., Medvedev D.A.* Venediktov readings // Law studies. 1988. No. 2. Pp. 99–102 (in Russ.).
40. *Ioffe O.S.* The development of civilistic thought in the USSR. L., 1978. Part 2 (in Russ.).
41. *Ioffe O.S., Raicher V.K., Tolstoy Yu. K.* Anatoly Vasilyevich Venediktov (An essay on life and work). L., 1968. Pp. 3–5 (in Russ.).
42. *Ioffe O.S., Raicher V.K., Tolstoy Yu. K.* The creative legacy of academician A.V. Venediktov // Problems of Civil and Administrative Law: collection of articles / ed. by O.S. Ioffe, B.B. Cherepakhin, Yu. K. Tolstoy. L., 1962. Pp. 5–38 (in Russ.).
43. *Kazantsev N.* Valuable work on the issues of state socialist property // Bolshevik. 1949. No. 11. Pp. 71–74 (in Russ.).
44. *Krashenninnikov P.V.* Anatoly Vasilyevich Venediktov // The Commandments of Soviet Law. Essays on the state and law of the war and post-war period. 1939–1961. 2nd ed. M., 2019. Pp. 154–161 (in Russ.).
45. *Krotkova N.V.* Reflection of the formation of Soviet law and the state apparatus in law journals of the first decades of Soviet power // Law and State: theory and practice. 2018. No. 2. P. 86 (in Russ.).
46. *Markova M.G.* In memory of Academician A.V. Venediktov (on the 125th anniversary of his birth) // Legal Thought. 2012. No. 2 (70). Pp. 129–236 (in Russ.).
47. *Matsneva N.G., Yatsuk E.A., Anisimov O.V.* Famous students of St. Petersburg University. Faculty of Law. SPb., 2012. Pp. 23, 127 (in Russ.).
48. Scientific session dedicated to the 125th anniversary of Leningrad University: abstracts. L., 1944 (in Russ.).
49. Discussion of the work of Professor A.V. Venediktov “State socialist property” // Soviet State and Law. 1948. No. 11. Pp. 68–78 (in Russ.).
50. *Pashukanis E.B.* General theory of law and Marxism (Experience of criticism of basic legal concepts). M., 1924 (in Russ.).
51. *Polikarpov A.F.* A brief historical sketch of the 75th anniversary of the Ufa Men's Gymnasium (1828–1903). Ufa, 1904 (in Russ.).
52. Regulations on the Financial and Economic Bureau of the NKF // On the pages of the archival funds of the Central Bank of the Russian Federation. Iss. 4: The experience of research in the field of money and credit in the People's Commissariat

- of Finance and the State Bank of the USSR in the 1920^s. On the preparation of the monetary circulation plan for the third five-year plan (1938–1942) / comp. Yu. I. Kashin. M., 2007. Pp. 11, 12 (in Russ.).
53. Draft Civil Code of the USSR (second preliminary version). M., 1940 (in Russ.).
 54. *Raicher V.K.* In memory of Academician A.V. Venediktov (to the 80th anniversary of his birth) // *Jurisprudence*. 1967. No. 3. Pp. 159–162 (in Russ.).
 55. *Ratner L.I., Tadevosyan V.S.* Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences for 50 years / ed. by L. Ya. Gintsburg et al. M., 1976. P. 28 (in Russ.).
 56. *Savenkov A.N.* The State. Law. Institute: 95 years of history in person // *State and Law*. 2020. No. 3. P. 9 (in Russ.).
 57. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024. P. 578 (in Russ.).
 58. *Tolstoy Yu. K.* Academician A.V. Venediktov // *Social legality*. 1987. No. 7. Pp. 57–59 (in Russ.).
 59. *Tolstoy Yu. K.* Anatoly Vasilyevich Venediktov (1887–1959) // *Law and modern states*. 2017. No. 1. Pp. 47–62 (in Russ.).
 60. *Tolstoy Yu. K.* Anatoly Vasilyevich Venediktov (1887–1959) // *Jurisprudence*. 1976. No. 1. Pp. 80–90 (in Russ.).
 61. *Tolstoy Yu. K.* From the experience. 7th ed., supplement. M., 2017. Pp. 213, 215 (in Russ.).
 62. *Tolstoy Yu. K.* Towards the development of the theory of a legal entity at the present stage // *Problems of modern Civil Law: collection of articles*. M., 2000. Pp. 88, 106 (in Russ.).
 63. *Tolstoy Yu. K.* A.V. Venediktov's concept of ownership and modernity // *Jurisprudence*. 1988. No. 2. Pp. 15–27 (in Russ.).
 64. *Tolstoy Yu. K.* Portraits began to talk... M., 2014. P. 18 (in Russ.).
 65. *Schroeter V.N.* A.V. Venediktov. Merger of joint-stock companies // *Legal Herald. The journal of the Moscow Law Society, published with the assistance of the St. Petersburg Law Society and the A.I. Chuprov Society for the Development of Social Sciences*. 1915. No. 1 (9). Pp. 255–260 (in Russ.).
 66. *Yu. F.* Centenary of Academician A.V. Venediktov // *Law studies*. 1987. No. 5. Pp. 113, 114 (in Russ.).
 67. *Yaroslavl Law School: Past, Present, Future* / ed. by S.A. Egorov, A.M. Lushnikov, N.N. Tarusina. Yaroslavl, 2009. Pp. 164–180, 698 (in Russ.).

Сведения об авторах

ГАБОВ Андрей Владимирович —
 член-корреспондент РАН,
 доктор юридических наук,
 руководитель сектора гражданского
 и предпринимательского права
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

МОТУРЕНКО Сергей Михайлович —
 кандидат юридических наук,
 старший научный сотрудник сектора
 гражданского и предпринимательского права
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GABOV Andrey V. —
 Corresponding Member
 of the Russian Academy of Sciences,
 Doctor of Law,
 Head of the Civil and Business Law Sector,
 Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MOTURENKO Sergey M. —
 PhD in Law,
 Senior Researcher of the Civil
 and Business Law Sector,
 Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340

ПРАВОВЫЕ АРХЕТИПЫ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИХ ЗАРОЖДЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

© 2025 г. В. С. Горбань^{1, *}, А. И. Овчинников^{2, 3, **}, А. С. Конопий^{1, ***}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

³Донская духовная семинария

*E-mail: gorbany@gmail.com

**E-mail: k_fp3@mail.ru

***E-mail: konopy-anna@mail.ru

Поступила в редакцию 14.09.2025 г.

Аннотация. В статье обосновывается фундаментальная роль православной веры в формировании основных архетипов русского национального правосознания, выступающих опорным началом национальной правовой культуры. Авторами исследованы ключевые архетипы (симфонии властей, правды, закона и примирения), сохраняющие свое значение и свой основной смысловой образ в современном обществе, но уже на новом уровне и в новом историческом контексте. Установлена природа важнейших ценностей русского национального правосознания, зародившихся в лоне православной древнерусской культуры, показаны механизмы их отражения и зарождения внутри смысловых структур политико-правовой мысли, а также определено их происхождение и роль в становлении национальной правовой и политической культуры. Обращаясь к зарубежному опыту, авторы также приводят примеры проявления архетипических образов в различных культурах. Проведенное исследование доказывает важное значение обращения к отечественной традиции, духовно-нравственным установкам русского национального правосознания с целью сохранения национального единства и цивилизационной самобытности Российского государства.

Ключевые слова: правовые архетипы, правосознание, национальное правосознание, правовая культура, православие, религия и право.

Цитирование: Горбань В. С., Овчинников А. И., Конопий А. С. Правовые архетипы в русской культуре и их зарождение в православных произведениях древнерусской литературы // Государство и право. 2025. № 11. С. 31–43.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.7868/S3034543X25110022

LEGAL ARCHETYPES IN RUSSIAN CULTURE AND THEIR ORIGIN IN ORTHODOX WORKS OF ANCIENT RUSSIAN LITERATURE

© 2025 V. S. Gorban^{1, *}, A. I. Ovchinnikov^{2, 3, **}, A. S. Konopy^{1, ***}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Southern Federal University, Rostov-on-Don*

³*Don Theological Seminary*

*E-mail: gorbanv@gmail.com

**E-mail: k_fp3@mail.ru

***E-mail: konopy-anna@mail.ru

Received 14.09.2025

Abstract. The article substantiates the fundamental role of the Orthodox faith in the formation of the main archetypes of the Russian national legal consciousness, acting as the basic principle of the national legal culture. The authors have studied key archetypes (symphonies of power, truth, law, and reconciliation) that retain their significance and their basic semantic image in modern society, but at a new level and in a new historical context. The nature of the most important values of the Russian national legal consciousness, which originated in the bosom of the Orthodox Ancient Russian culture, is established, the mechanisms of their reflection and origin within the semantic structures of political and legal thought are shown, and their origin and role in the formation of national legal and political culture are determined. Referring to foreign experience, the authors also give examples of the manifestation of archetypal images in various cultures. The conducted research proves the importance of appealing to the national tradition, spiritual and moral principles of the Russian national legal consciousness in order to preserve national unity and the civilizational identity of the Russian state.

Key words: legal archetypes, legal consciousness, national legal consciousness, legal culture, Orthodoxy, religion and law.

For citation: Gorban, V.S., Ovchinnikov, A.I., Konopy, A.S. (2025). Legal archetypes in Russian culture and their origin in orthodox works of ancient Russian literature // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 31–43.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Введение

Для юридической науки последних лет стало очевидным влияние коллективной памяти и традиционных ценностей на правосознание и правовую культуру, несмотря на попытки изменить с помощью принятия нормативных правовых актов национальное правопонимание и правовое мышление. Либерально-индивидуалистическая концепция права и государства не нашла понимания

со стороны российского общества в силу совершенно иных культурно-цивилизационных установок национального правосознания. Основные идеи этой концепции были поняты искаженно, истолкованы ошибочно и неправильно. В результате ни один из институтов власти и правовой системы, скопированный в ценностном варианте у западных народов, не работает эффективно. Требуются изменения в методологии реформирования и обновления правовой системы Российской

Федерации с учетом исторической преемственности и культурной детерминации права.

Для этого необходимо привлекать методологический инструментарий социальной философии, антропологии, социальной психологии и культурологии. Одним из таких инструментов анализа преемственности в различных сферах и срезх культуры является понятие архетипа. Архетипы, как установки внутреннего мира личности, сформированные в лоне определенной культуры, как устойчивые схемы мышления и сознания, универсальные психические структуры, с одной стороны, конструируют основные мифологические представления народа, его религиозное сознание, произведения искусства и национальные традиции, с другой — фиксируются в них и передаются ими последующим поколениям. Каждое новое поколение, читающее эти сочинения, усваивает на новом уровне и в новом историческом контексте эти архетипы. Архетипы могут при этом несколько искажаться, но их основной смысловой образ остается неизменным в силу соответствия глубинной психологической структуре личности. Изучение архетипов позволяет исследовать глубинные механизмы формирования культурных кодов, которые передаются из поколения в поколение. Целью данной статьи является — установить природу правовых архетипов, механизмы их «отражения vs зарождения» внутри смысловых структур политико-правовой мысли, выраженной в литературных памятниках, а также определить их происхождение и роль в становлении национальной правовой и политической культуры. В статье проанализированы ключевые архетипы, сохраняющие значение и в нынешнем обществе, их связь с коллективным бессознательным, а также примеры проявления архетипических образов в различных культурах.

Вместе с тем представляется, что исследование первоидей русского национального правосознания во многом может способствовать укреплению социокультурной идентичности российского общества, что является одним из приоритетных направлений развития современного Российского государства (п. 6 Приоритетных направлений научно-технологического развития, утв. Указом Президента РФ от 18 июня 2024 г. № 529¹).

Обзор литературы и основные направления исследований правовых архетипов.

Термин «архетип» (от греч. *arche* — начало и *typos* — образ) введен в научный оборот швейцарским психологом Карлом Густавом Юнгом, согласно идее которого архетипы — это врожденные психические структуры, определяющие основу коллективного бессознательного и представляющие

собой образы и сюжеты, повторяющиеся в мифах, сказках, религиозных и культурных традициях разных народов. В дальнейшем концепция архетипа была подхвачена и развита в трудах российского филолога В. Проппа, который в работе «Морфология волшебной сказки» (1928) обосновывал идею о том, что сюжетные линии сказок разных народов строятся на повторяющихся схемах, что подтверждает архетипическую природу фольклора; в работах американского культуролога Дж. Кэмпбелла, в частности в сочинении «Тысячеликий герой» (1949), проанализирован и выделен универсальный «мономиф» — путь героя, который встречается в культурах по всему миру.

Исследования показывают, что архетипы формируются в процессе длительного культурного развития, фиксируются и сохраняются в коллективной памяти народа, отражая его отношение к природным явлениям и жизни (смерть и возрождение, смена времен года), социальным ролям (вождь, мудрец, трикстер), экзистенциальным проблемам (борьба добра и зла, поиск смысла жизни, правосудие и справедливость)².

Учитывая, что архетипы, отражая связь психологических и социальных явлений, есть фундамент национальной правовой культуры, а также что их анализ позволяет лучше понять механизмы культурной преемственности и идентичности, представители юриспруденции давно рассматривают их в своих исследованиях. С точки зрения юридической науки правовые архетипы — это установки правового сознания, фиксирующие и отражающие глубинные культурно-исторические предпосылки общественной среды. Их изучение позволяет понять, как национальные традиции, мифология и коллективное бессознательное влияют на формирование правовых систем. В зарубежной юридической науке исследование правовых архетипов ведется в рамках сравнительного правоведения, юридической антропологии и психологии права.

Американская юридическая наука активно исследует архетипические основы права, особенно в контексте мифологии и массовой культуры. Такие исследования крайне важны для разработки различных моделей развития правовых систем в традиционных обществах, например этнических коренных поселений индейцев.

В Великобритании исследование архетипов в контексте общего права имеет давнюю традицию, так как британские ученые фокусируют исследования на исторических архетипах. В частности, Ф. Мейтленд раскрывает роль архаичных

¹ См.: СЗ РФ. 2024. № 26, ст. 3640.

² См.: Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991; Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. Л., 1928; Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб., 1997; Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2001.

правовых архетипов в английском праве³, А. Хардинг дает характеристику мифологических корней и оснований британской правовой системы⁴.

В Германии правоведы традиционно обращают внимание прежде всего на философские и исторические аспекты архетипов права. Известный методолог и науковед К. Хюбнер исследует мифологические основы правовых концепций⁵, а Г. Радбрух еще в первой половине XX столетия обращал внимание на архетипы справедливости в разных правовых системах⁶.

Во Франции исследователи обращают внимание на правовые архетипы, используя методологию социологической юриспруденции. Известный политический мыслитель и философ М. Фуко в работе «Надзирать и наказывать», изданной в 1975 г., анализирует архетипы власти и наказания, связывая их с трансформацией политических, экономических и правовых институтов⁷. П. Лежандр изучает мифологические и религиозные корни западного права⁸. Социолог права Ж. Карбонье в знаменитом сочинении «Социология права» рассматривает правовые обычаи как архетипические формы социального регулирования⁹.

В Италии исследователи актуализируют изучение правовых архетипов в контексте преемственности римского права и его архетипических элементов в современных правовых системах. В этом направлении основными исследователями являются: Ф. Кальосо («Миф и право в Древнем Риме», 2003), который раскрывает сакральные основы римского права¹⁰; С. Родота в сочинении «Технологии и право» 2017 года анализирует трансформацию архетипов в цифровую эпоху¹¹; А. Грамши («Тюремные тетради», 1948–1951) рассматривает гегемонию как архетип правового господства¹². Таким образом, основные направления исследований в итальянской юридической науке: изучение архетипа справедливости (*iustitia*) от античности

до современности, исследование влияния католической традиции на правовую культуру, коррупция как архетипическая проблема итальянского правосознания.

Интересен исследовательский опыт Японии, где давно анализируется синтез традиционных и западных правовых архетипов. Японская правовая система и правовая культура сочетает конфуцианские, буддийские и западные (германские) элементы, что делает их крайне особенным, даже уникальным объектом исследования. Важнейшие направления исследований: архетип гармонии как основа японского права, взаимосвязь синтоизма и буддизма и их влияние на правовые нормы и правосознание, архетип примирения и отказа от судебных споров.

Вместе с тем следует обратить внимание и на китайскую научную правовую доктрину. Несмотря на то что предложенное К. Юнгом понятие «архетип» не применяется широко в китайской правовой литературе, тем не менее повторяющиеся универсальные образы и сюжеты можно отыскать в религиозных и культурных традициях Китая. В частности, в известных древнекитайских памятниках философской и политико-правовой мысли: «Лунь юй» (Беседы и суждения), «Мэн-цзы», «Да-сюэ» (Великое учение), «Чжун юн» (Срединное и неизменное), «Шан цзюнь шу» (Книга Владыки Шан), «Сунь-цзы» (Трактат о военном искусстве), «Люй-ши чунь-цзю» (Весны и осени господина Люя) и др. Из содержания которых можно выделить: универсальный «Дао», символизирующий естественный порядок, единство и гармонию, конфуцианский архетип «благородного мужа», являющийся нравственным идеалом государственного служащего, «Ли», устанавливающий моральные принципы и социальный порядок, «Небесный мандат», служащий архетипическим основанием легитимности власти китайских правителей.

Закрепленные в китайских классических текстах архетипы по настоящее время оказывают значительное влияние не только на правосознание китайского общества, но и на всю правовую систему Китая. Обращаясь к китайским исследователям, можно увидеть, что правовая культура Китая, по их мнению, сочетает в себе как архетипические компоненты китайской политико-правовой традиции, сформированные под влиянием культурных, философских и религиозных концепций (прежде всего конфуцианства, даосизма и легизма), так и наследие западной теории. При этом очевиден примат первых над вторыми.

В России исследования правовых архетипов ведутся достаточно давно. Одними из первых проблему архетипических представлений в политическом и правовом сознании раскрыли исследователи

³ См.: Maitland F.W. The Forms of Action at Common Law. Cambridge University Press, 1909.

⁴ См.: Harding A. The Law-Myth: A Social and Legal Anthropology. Routledge, 2020.

⁵ См.: Hübner K. Die Wahrheit des Mythos. München, 1985.

⁶ См.: Radbruch G. Rechtsphilosophie. Leipzig, 1932.

⁷ См.: Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. Gallimard, 1975.

⁸ См.: Legendre P. Leçons IX: Dogma et histoire en droit. Fayard, 1999.

⁹ См.: Carbonnier J. Sociologie juridique. PUF, 1978.

¹⁰ См.: Calasso F. Mitologia giuridica della modernità. Adelphi, 2003.

¹¹ См.: Rodotà S. Tecnopolitica: La democrazia e le nuove tecnologie della comunicazione. Laterza, 2017.

¹² См.: Gramsci A. Quaderni del carcere. Einaudi, 1948–1951.

начала XX столетия на стыке юриспруденции, философии права, культурологии и психологии. Российские исследователи рассматривают архетипы как устойчивые модели правосознания, сформированные под влиянием исторических, религиозных и социальных факторов.

Прежде всего стоит выделить психологическую теорию права Л.И. Петражицкого, построенную на идее эмоционально-интуитивного восприятия права. Здесь архетипы рассматриваются как глубинные правовые интуиции, влияющие на поведение¹³.

Представители русской юридической науки в эмиграции Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий связывали право с культурно-историческими архетипами России-Евразии. Им принадлежит глубокое исследование культурно-исторических аспектов права и правосознания русского народа, а также его политической культуры¹⁴.

В советской науке известен семиотический подход к праву (Ю.М. Лотман), в рамках которого исследователи изучали правовые символы и мифы в культуре¹⁵. В отечественной социологии права (В.Н. Кудрявцев) рассматривались архетипы правового поведения в советском обществе¹⁶.

Таким образом, обзор исследовательских практик в направлении правовых архетипов в зарубежных странах показывает, что исследователи давно исходят из антипозитивистской позиции, согласно которой право не сводится только к нормативным актам, а глубоко укоренено в культурных и мифологических структурах. Наиболее активно эта тема разрабатывается в США (нарративный подход), Германии (философский анализ) и Скандинавии (правовой реализм). В России дореволюционная правовая мысль заложила основы изучения правовой ментальности; советская юриспруденция сместила акцент на социальные аспекты архетипов; современные исследования интегрируют междисциплинарные подходы.

Архетип симфонии властей

Одним из древнейших и крайне важных в русской правовой культуре архетипов следует признать идею симфонии властей. Концепция симфонии властей (от греч. συμφωνία — согласие) — одна из ключевых политико-правовых концепций Византии, воспринятая Древней Русью, предполагающая гармоничное взаимодействие светской

и духовной власти при сохранении их самостоятельности. В отличие от западноевропейской модели, где часто возникал конфликт между папой и государями, в восточно-христианском богословии единственно приемлемой формой соотношения двух властей считалось сотрудничество царя и патриарха в служении Богу: первый — внешними или мирскими делами, второй — духовными.

Эта идея не могла остаться незамеченной и в древнерусской литературе, которая не только транслировала византийские политические теории, но и адаптировала их к местным условиям. С точки зрения философии права симфония властей — это не просто историческая модель, но и принцип, затрагивающий вопросы легитимности, справедливости и божественного промысла в управлении государством.

Если византийская концепция симфонии была сформулирована в шестой новелле Юстиниана, в Эпаногоге (IX в.) и Шестоднев Иоанна Экзарха, где подчеркивалось, что император и патриарх должны действовать согласованно, подобно душе и телу, то на Руси эта идея была воспринята через церковную литературу (творения отцов Церкви — Иоанн Златоуст, Василий Великий и другие подчеркивали нравственную ответственность власти, канонические тексты), княжеские уставы (например, Устав Владимира Святославича, где закрепились права Церкви) и через летописные своды, где легитимность князя часто связывалась с благословением духовенства.

В древнерусских текстах симфония властей содержится в сочинении «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, где присутствуют четкая мысль о богоустановленности власти князя и ее связи с христианской миссией¹⁷. Иларион прославляет князя Владимира как «равноапостольного» правителя, подчеркивая, что его деяния (Крещение Руси) были угодны Богу. Здесь симфония проявляется в том, что светская власть действует в согласии с Церковью, а ее авторитет освящен свыше.

В «Повести временных лет» содержится похвала Ярославу Мудрому за строительство храмов и поддержку веры¹⁸. Отсюда можно сделать вывод, что для русского летописца правитель достоин уважения лишь тогда, когда действует в союзе с Церковью. В то же время греховные поступки князей (как убийство Бориса и Глеба) осуждаются, что указывает на морально-религиозные ограничения светской власти.

В другом известном источнике — «Молении Даниила Заточника» (XII–XIII вв.) — раскрывается

¹³ См.: Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907.

¹⁴ См.: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.

¹⁵ См.: Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.

¹⁶ См.: Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.

¹⁷ См.: Иларион. Слово о Законе и Благодати. М., 1994.

¹⁸ См.: Повесть временных лет / под ред. Д.С. Лихачева. СПб., 1996.

христианская характеристика правильного государя; обращаясь к князю, автор напоминает ему о необходимости праведного суда и милосердия¹⁹. Текст нельзя признать религиозным сочинением, но он отражает ожидание народа от государя следования христианским идеалам, что развивает косвенно идею симфонии.

Особенно представительно идея и ценность симфонии властей отражена в житийной литературе. Например, в житии св. блгв. князя Александра Невского князь предстает не только как воин, но и как защитник веры христианской²⁰. Его поступки, политика и жизнь, важнейшие решения (вроде отказа от союза с католиками против Орды) понимаются и толкуются сквозь православные образы служения Богу и Церкви.

В «Уставе князя Владимира» (конец X — начало XI в.), одном из первых правовых документов Руси, закрепляющих привилегии Церкви, содержится норма, освобождающая духовенства от светского суда («митрополиту суд игуменов и попов»), установление церковной десятины («десятина от даней и торгу»)²¹. Этими нормами закрепляется передача Церкви части судебных и финансовых полномочий, что формировало ее автономию. В «Уставе Ярослава Мудрого» (XI в.) авторитет Церкви укрепляется еще и передачей в ее компетенцию норм семейного и уголовного права, регулируемых Церковью, бракоразводных дел, наказаний за «духовные» преступления (ересь, колдовство)²². Так формируется симфония светского и церковного права. В «Кормчей книге», которая включала в переводе на русский язык постановления Вселенских соборов, законы императоров («Эклога», «Прохирон»), прямо цитируется принцип симфонии: «Царь имеет попечение о телах, патриарх — о душах» (из «Эпанагоги»)²³. На Руси «Кормчая» стала основой для церковного судопроизводства.

В «Послании митрополита Никифора Владимиру Мономаху (XII в.)» митрополит Никифор обращает внимание князя на то, что ему положено творить справедливый суд («нелицеприятно суди, яко Бог»); нельзя допускать тиранической власти («аще кто мучит человека без вины, тот мучит

Бога»)²⁴. Тоже и в «Поучении Владимира Мономаха» (XII в.), где автор призывает наследников: почитать духовенство («епископов, попов и игуменов любите»); бороться со страстью гордыни («не давайте сильным губить человека»); быть добрыми христианами²⁵.

Несмотря на то что идея симфонии властей начала в Византии концепцию гармоничного взаимодействия светской и духовной власти, в Древней Руси она приобрела уникальные и самобытные черты: в отличие от византийской традиции, где церковь была под началом императора (цезарепапизм), русская модель предполагала их тесное сотрудничество при сохранении взаимной автономии. Однако в русской истории эта идея реализовывалась не как строгая юридическая доктрина, а как мировоззренческий принцип, влиявший на политическую культуру, право и государственную идеологию. В Византии император считался «наместником Бога на земле», но после крушения Византии и появления идеи «Москва — третий Рим» на Руси эта идея получила мистическое звучание: князь — не просто правитель, а «удерживающий» (по аналогии с 2 Фес. 2:6–7)²⁶. Дело в том, что после падения Византии (1453 г.) русская церковь и государство переосмыслили симфонию: теперь Московский великий князь — единственный православный царь, а Русская Церковь становится хранителем истинной веры, а государство — ее защитником. Это придало русской симфонии уже и мессианский характер²⁷. И некоторые исследователи (например, А.В. Карташев²⁸) считают, что на Руси симфония эволюционировала в цезарепапизм — подчинение церкви государству. Это особенно ярко проявилось в Синодальный период (1721–1917).

Следует отметить, что и на современном этапе развития России архетип симфонии остается весьма активным, влияющим на неразрывность права и морали. В период СССР основой управления была идеократия, или власть коммунистической идеи, обретшей в русском народе религиозные черты, — это касается и ценностей (Морального кодекса строителей коммунизма, основанного на евангельской теме служения и антиэгоизма), и ее мессианского толкования со стороны предназначения

¹⁹ См.: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М., 1969.

²⁰ См.: Житие Александра Невского [Рукопись]. Б. м., XVII в. 20 + I–II л.

²¹ См.: Древнерусские княжеские уставы / изд. подг. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 12–84.

²² См.: там же. С. 85–139.

²³ См.: Печатная книга Кормчая. М., 1653.

²⁴ См.: *Поньрко Н.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 59–93.

²⁵ См.: *Федорова М.Е., Сумникова Т.А.* Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1969. С. 33–38.

²⁶ См.: *Послания старца Филофея.* Псков, 2001.

²⁷ См.: *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.

²⁸ См.: *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. М.; Берлин, 2020.

русского народа. В настоящее время идет процесс нового прочтения идеи симфонии властей, где светская и духовная власть «соработничают» в деле созидания сильного государства. Ярким индикатором этого соработничества стал Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Архетип правды

Архетип правды является еще одним важнейшим элементом национальной коллективной памяти.

Понятие правды в древнерусской культуре интегрировало в себе сложные религиозные, юридические и мировоззренческие аспекты. В богословской традиции она отождествлялась с Божественной истиной, в юридической — со справедливостью и законом, а в политической — с идеалом праведного правления. Так, например, правда (греч. ἀλήθεια, лат. *veritas*) понималась как богооткровенная истина. Уже Митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати» противопоставляет ветхозаветный Закон (формальную правду) и Благодать (истинную духовную правду): «Закон бо предтеча бе и слуга Благодати и Истине, Истина же и Благодать слуга будущему веку, жизни нетленной»²⁹. В «Поучении Владимира Мономаха» (XII в.) правда правителя приобретает духовно-нравственный смысл и ассоциируется с личной праведностью и справедливым правлением: «Не забывайте бедных, но по силам кормите и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека»³⁰. В житиях святых (например, «Житии Феодосия Печерского») правда понимается как следование евангельским заповедям. «Всяку неправду ненавиждая, правду же любляще»³¹.

Особенно важную роль это понятие имеет для правосознания. Первый свод законов Киевской Руси (XI–XII вв.) отражает сочетание обычного права и христианской морали. «Мерило Праведное» (XIII–XIV вв.) соединяет церковные и светские законы, трактуя правду как Божий суд: «Не лицом судите, но праведным судом судите» (на основе Втор. 1:16)³².

В «Повести временных лет» князи оцениваются по их правде — верности Богу и справедливости к подданным: «Князь Ярослав любил правду...

и установил законы, дабы не творилось насилия»³³. В сочинении «Слово о погибели Русской земли» (XIII в.) правда читается как идеал утраченного праведного правления: «О, светло светлая и украсно украшена земля Русская!.. Всякими правдами исполнена еси!»³⁴. В сочинении «Задонщина» (XIV в.) правда — Божья помощь в борьбе с нечестивыми: «За землю Русскую, за веру христианскую, за правду Божию!»³⁵.

«Домострой» (XVI в.) связывает правду с благочестием и порядком: «Царя бойся и служи ему верою, и всегда о нем Бога моли...»³⁶. В XVII в. понятие правды приобретает политический оттенок. Во «Временнике» Ивана Тимофеева правда — это обличение беззакония: «Царь же Борис... начат власть свою несправедливо строити»³⁷.

Архетип закона

Русскому человеку никогда не был чужд идеал законности. Понятие закона и законности в средневековой Руси формировались под влиянием византийского правового наследия, христианского богословия и обычного права. Следует отметить, что в древнерусской литературе законность понималась не только как соблюдение юридических норм, но и как соответствие Божественному порядку. Более того, закон на Руси «в первую очередь рассматривался как божественное веление, а затем — как властное нормативно-правовое предписание, регулирующее те или иные общественные отношения», — пишет А. Н. Савенков³⁸. В самом деле, с принятием христианства (988 г.) на Русь пришли византийские представления о законе, выраженные в трудах отцов Церкви. В «Изборнике 1076 года»³⁹ и «Поучениях» митрополита Илариона подчеркивается, что истинная законность основана на Божественной правде.

Историк А. В. Карташев отмечает, что в древнерусской литературе закон (законъ) часто отождествлялся с истиной (правда), что нашло отражение в «Слове о законе и благодати» (XI в.)⁴⁰. Иларион Киевский противопоставляет ветхозаветный Закон новозаветной Благодати, но при этом утверждает необходимость праведного суда в земных делах, основанного на законе.

³³ Повесть временных лет / под ред. Д. С. Лихачева.

³⁴ Слово о погибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5.

³⁵ Задонщина / под ред. В. Ф. Ржиги. М., 1980.

³⁶ Домострой. СПб., 1994.

³⁷ Временник Ивана Тимофеева. М., 1951.

³⁸ См.: Савенков А. Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 165.

³⁹ Изборник 1076 года / под ред. В. С. Голышенко. М., 1965.

⁴⁰ См.: Карташев А. В. Указ. соч.

²⁹ Иларион. Указ. соч.

³⁰ Федорова М. Е., Сумникова Т. А. Указ. соч. С. 33–38.

³¹ Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. XI — нач. XII в. М., 1978.

³² См.: Мерило Праведное / подг. текста Я. Н. Шапова. М., 1985.

В допетровской Руси основными источниками права были «Русская Правда», «Псковская судная грамота» и «Судебник 1497 года». Историк М.Ф. Владимирский-Буданов указывал, что в этих документах законность трактовалась как справедливость, обеспечиваемая княжеской властью⁴¹. Не меньший интерес представляет «Мерило Праведное» (XIII–XIV вв.), в котором право и нравственность неразделимы: законность связывается с идеалом праведного правителя, следующего Божьим заповедям. Так, закон воспринимался как воля князя, но также как божественный порядок. Князь считался защитником справедливости, а нарушение закона — грехом.

В политическом смысле законность увязывалась с богоизбранностью правителя. Так, историк Н.В. Сеницына подчеркивает, что в посланиях старца Филофея законность монарха обосновывается его богоизбранностью⁴². В.Е. Вальденберг указывает, что в «Стоглаве» (1551 г.) законность понимается как соответствие церковным канонам и государственным установлениям⁴³.

Закон и законность нашли отражение в культуре и менталитете. Так, в былинах и сказках часто присутствует мотив справедливого суда (князь Владимир как «Красное Солнышко», Илья Муромец как защитник закона). «Домострой», помимо бытовых наставлений, содержал идеи законопослушания в рамках патриархальной семьи и общества.

Следует при этом отметить, что, несмотря на уважение к закону, в народной культуре сохранялся образ «доброго разбойника» (например, Стенька Разин), что отражало недоверие к формальному праву в условиях несправедливости.

Архетип примирения

Мир с ближним — одна из важнейших ценностей русского правосознания, важный элемент мировоззрения и этнокультуры. Состояние мира с другими людьми, примирение и широкое смысловое поле термина «мир» является одной из характерных черт национального характера русского человека. Это не удивительно, так как «мирный дух» давно является целью жизни христианина. «Стяжи дух мирен и вокруг спасутся тысячи» — известное высказывание преподобного Серафима Саровского. Отсутствие мира в душе и в отношениях с ближними считается в святоотеческой литературе признаком грехопадения человека, следствием его распутной и антихристианской жизни. Слово «мир» является корнем

важнейшей и центральной христианской добродетели — смирения.

В средневековой русской литературе, основанной на ценностях христианской проповеди, особое место занимают идеалы миролюбия, прощения и отказа от судебных тяжб ради сохранения социальной гармонии. В отличие от западноевропейской традиции, где судебные процессы и правовые споры часто рассматривались не только как норма, но и как признак высокого интеллекта и доблести, древнерусские книжники подчеркивали духовную и нравственную ценность внесудебного примирения.

В «Русской Правде» (XI–XII вв.), которая формально закрепляла систему наказаний за преступления, имеются институты, направленные на мирное урегулирование конфликтов⁴⁴. Это виры и головничество, т.е. система денежных компенсаций потерпевшим позволяла избежать кровной мести, что способствовало социальному миру. Это и институт «мировой» сделки, когда стороны могли договориться без суда, что особенно поощрялось в делах между родственниками и соседями.

Тема борьбы с враждой и разделением общества звучит практически во всех памятниках древнерусской литературы. Уже в «Повести временных лет» (XII в.) описан эпизод убийства двух князей Бориса и Глеба, которые отказались применить насилие ради своего спасения в отношении брата Святослава⁴⁵. Их христианский подвиг является ярким примером кротости и отказа от мести, так как братья решили умереть, но не становиться на путь братоубийственной войны, став символами христианского смирения и прощения.

Автор «Повести» показывает в ранней версии летописи, как княгиня Ольга жестоко мстит древлянам за убийство мужа. В более поздних списках мы уже видим, что Ольга, приняв крещение, отказывается от насилия в пользу примирения и прощения.

В «Слове о законе и благодати» (XI в.) митрополита Илариона акцентируется мысль о том, что мир в душе и единство с ближним возможны только через благодать, а не через формальный закон⁴⁶. Если последний разделяет народы на людей Закона и язычников, то Новый Завет несет идею благодати для всех народов, объединяя людей. Именно благодаря Новому Завету положен конец языческим спорам о верховенстве божеств славянских племен. Иларион славит князя Владимира, отказавшегося от язычества, как победителя вражды и розни.

⁴¹ См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.

⁴² См.: Сеницына Н.В. Указ. соч.

⁴³ См.: Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.

⁴⁴ См.: Правда Русская / под ред. Б.Д. Грекова. М., 1940.

⁴⁵ См.: Повесть временных лет / под ред. Д.С. Лихачева.

⁴⁶ См.: Иларион. Указ. соч.

Примирение здесь понимается как преодоление духовного разделения через веру.

В «Поучении Владимира Мономаха» сформулированы принципы праведной жизни, среди которых важнейшее место занимает миролюбие: «Все-го же паче убогих не забывайте, но сколько можете по силам кормите и подавайте сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным погубить человека»⁴⁷. При этом причиной отсутствия мира князь указывает наличие гордыни и гнева. Поэтому Мономах советует избегать ссор, прощать обиды и искать согласия даже с врагами.

Там же даны и принципы внесудебного разрешения конфликтов. Великий князь излагает принципы праведного управления, среди которых важное место занимает отказ от сутяжничества, а также призыв к личному посредничеству: «Не давайте отрокам своим обижать людей ни своим, ни чужим, ни в селах, ни в полях, чтобы не стали проклинать вас»⁴⁸. Владимир Мономах советует князьям самим разбирать конфликты и споры, не доводя дело до суда.

Особенно осуждает князь споры имущественного характера или корыстных тяжб. Князь осуждает тех, кто «ищет прибытка через суды», подчеркивая, что справедливость должна достигаться не формальным судом, а личным вмешательством мудрого правителя.

В «Повести о Петре и Февронии Муромских» (XVI в.) представлен пример прощения врагов и примирения с обидчиками⁴⁹. Феврония, много пострадавшая от интриг злых бояр, прощает своих обидчиков и сохраняет верность мужу, а после изгнания супруги не отвечают злом на зло, а возвращаются в Муром, когда горожане осознают свою ошибку и просят их вернуться.

В «Молении Даниила Заточника» (XII–XIII вв.) содержится резкая критика судебных порядков, показывая, что формальное судопроизводство часто ведет к несправедливости. Критикуется и неправедный суд, не способный дать мир. «Не имей себе двора близ князя двора и не держи села близ князя села: ибо тиун его — как огонь на трепетнике...»⁵⁰, — автор предостерегает от обращения в суд, где правят корысть и произвол. Поэтому Даниил советует терпеть обиды, а не судиться, поскольку суд лишь усугубляет вражду.

В житиях святых отказ от судебных тяжб рассматривается как христианская добродетель и подвиг.

В «Житии Феодосия Печерского» рассказывается, как тот избегал судебных разбирательств, предпочитая прощать обидчиков⁵¹.

Таким образом, древнерусская литература отражает устойчивую установку на мирное урегулирование конфликтов перед формальным судопроизводством. Эта установка обусловлена христианской добродетелью смирения, недоверием к коррумпированным судебным системам и стремлением сохранить мир и социальную гармонию. Даже в юридических документах, таких как «Русская Правда», прослеживается поощрение внесудебных соглашений. Таким образом, отказ от тяжб ради мира между людьми был не только нравственным идеалом, но и практической нормой средневековой Руси.

Древнерусская литература утверждает ценность мира и примирения как основу личной, семейной и общественной жизни. От летописных повествований до поучений и житий — везде прослеживается мысль о том, что только отказ от вражды, прощение и стремление к согласию могут привести к истинному благополучию.

Архетипы русского национального правосознания: современное прочтение

Выступая первосмыслами, первоидеями русского национального правосознания, архетипы, зародившиеся в лоне древнерусской культуры, сохраняют значение и в современном обществе, формируя представления о справедливости, власти, законе и порядке, определяя правовые установки и модели поведения. Правовые прообразы, корни которых уходят еще в древность, несмотря на непростую долю исторического формирования и развития российской государственности, на которую приходились и войны, и революции, и мировые явления, в процессе трансляции культурно-исторического опыта через века не только не растеряли свой культурный код, но и сыграли огромное значение в контексте определения культурно-цивилизационной самобытности нашего государства.

Вместе с тем в ходе трансляции из поколения в поколение устойчивые схемы мышления и сознания, универсальные психические структуры обретают новое прочтение, обоснованное новыми историческими контекстами. Однако, несмотря на это, исторически сложившиеся смысловые образы архетипов остаются неизменными, демонстрируя стойкость русской многовековой традиции.

В частности, следует обратить внимание на архетип симфонии властей, важность которого для современной России была подчеркнута главой Российского

⁴⁷ Федорова М.Е., Сумникова Т.А. Указ. соч. С. 33–38.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ См.: Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ См.: Житие Феодосия Печерского.

государства на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви в 2017 г. Так, современное прочтение идеи симфонии может свестись к термину «сотрудничество», означающему взаимодействие и сотрудничество двух властных субъектов — светской и духовной власти — в важнейших сферах, среди которых сохранение культурного и исторического наследия и др., во имя общего блага.

Интересной представляется позиция Г.В. Нефедовского, согласно которой сущность модели церковно-государственных взаимоотношений в отечественном правосознании, современных государственно-правовых и религиозно-нравственных учениях не сводится исключительно к византийской политико-правовой концепции. По мнению отечественного исследователя, архетип симфонии властей «выступает организующим концептом не только для внутригосударственных учений, но и в международно-правовом генезисе российской цивилизации», вместе с тем воплощение идеи симфонии властей означает ее «применение в качестве метаюридического и духовно-нравственного оснований для формирования доктринально-правовой базы развития государственно-церковных отношений в XXI веке»⁵².

Вместе с тем следует отметить, что симфония властей — это незыблемый оплот всего Российского государства, и отклонение от традиции российской государственности может привести к серьезным историческим потрясениям. Однако это вовсе не означает отход от современных принципов развития Российского государства. Напротив, заимствованная византийская политико-правовая концепция, получившая новую интерпретацию, в основе которой гармония и «сотрудничество», придает новый импульс церковно-государственным отношениям ради общего блага.

Более того, как отмечается в отечественной литературе, современные научные и технические достижения, усиливающие горизонтальные социальные связи и приближающие органы власти к общественным институтам, отвечают идеям симфонии властей⁵³.

Другим не менее значимым для современной отечественной юридической науки является исторически свойственный русской правовой традиции архетип правды.

Следует отметить, что правда как основополагающая идея в отечественной политико-правовой

мысли имеет глубокие духовные корни, объяснимые вечным стремлением русского народа к правде и справедливости. «Никаким развратом, никаким давлением и никаким унижением не истребишь, не замертвишь и не искоренишь в сердце народа нашего жажду правды, ибо эта жажда ему дороже всего. Он может страшно упасть; но в моменты самого полного своего безобразия он всегда будет помнить, что он всего только безобразник и более ничего; но что есть где-то высшая правда и что эта правда выше всего», — писал Ф.М. Достоевский⁵⁴.

Более того, в противовес западным концепциям в отечественной юридической доктрине свое развитие получила евразийская идея «государства-правды», построенного на религиозно-нравственных императивах, что продиктовано глубинными культурно-историческими предпосылками российской государственности.

По верному замечанию В.В. Сорокина, высокие духовно-нравственные ценности самобытной культуры России открываются в православной вере, традиционной народной нравственности (Правде) и особом типе правопонимания, который можно определить как «православный» (Православие — прославление Права как высшей святыни), в связи с чем, игнорируя духовное содержание права, а также сводя его к системе общеобязательных нормативов, юриспруденция наносит правовому порядку разрушительный урон⁵⁵. Вместе с тем отечественный исследователь, рассматривая право в качестве духовного синтеза Православия, традиционной нравственности (Правды) и непротиворечащих им законов государства, указывает при этом на немногочисленность последних⁵⁶.

Вышеуказанные позиции представляются вполне справедливыми и обоснованными. Действительно, русскому национальному правосознанию свойственно, выходя за пределы строгого позитивизма, понимать право через призму православных взглядов. Вместе с тем хотелось бы добавить, что игнорирование православных аспектов права не только приведет к потере собственной духовности, но и может нанести значительный ущерб российской государственности и правопорядку.

Стремление к миру в душе и в отношениях с ближними, как уже было подчеркнуто ранее, является еще одной важной ценностью русского правосознания, сохраняющей свое значение и в современном российском обществе. В частности, древнерусский традиционализм положительно

⁵² Нефедовский Г.В. Византийская идея симфонии властей в государственно-правовой мысли России / отв. ред. А.И. Овчинников. М., 2022. С. 119, 120.

⁵³ См.: Чертков А.Н. Соборность общества и симфония властей в России: традиционность, актуальность, инновационность // Вестник Московского ун-та им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. 2024. № 2 (42). С. 58.

⁵⁴ См.: Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 58.

⁵⁵ См.: Сорокин В.В. Право и православие. Барнаул, 2007.

⁵⁶ См.: там же.

воспринят законодателем, поощряющим мирные способы разрешения конфликтов.

Представляется, что нормативно-правовое закрепление примирительных процедур является важным этапом в развитии российской государственности как самостоятельной социокультурной общности, характеризующейся стремлением сохранить мир и социальную гармонию, что имеет глубокое духовно-нравственное основание.

Таким образом, следует отметить, что в настоящий момент Россия демонстрирует ориентацию на собственные правовые традиции, подчеркивающие культурно-историческое своеобразие правового уклада России, благодаря которым становится возможным отстоять российской правовой общности свою типологическую самостоятельность и целостность в условиях современных вызовов. Так, только с сохранением подлинного своеобразия русской правовой идеи, освобожденной от чуждого русскому духу заимствованных у других цивилизаций систем понятий и ценностей, возможно устойчивое государственно-правовое развитие России.

Выводы и заключение

Основополагающие архетипы, зародившиеся в православных произведениях древнерусской литературы, устойчиво закрепились в национальной коллективной памяти российского общества, несмотря на ряд существенных политических, социально-экономических и духовно-нравственных трансформаций, происходивших на различных этапах развития Российского государства. Первоидеи русского национального правосознания передаются из поколения в поколение, храня в себе культурный код, усваиваются на новом уровне и в новом историческом контексте, обретают новое прочтение, обоснованное историческими, религиозными и социальными факторами.

Именно традиционные духовно-нравственные и философско-правовые архетипы, свойственные правовой культуре российского общества, оказывают воздействие на поведение людей, их правосознание, влияя на бессознательном уровне, выступают регуляторами отношений в период нестабильности, а также кризиса государственно-правовой системы.

При этом невозможно не принять во внимание и тот факт, что потеря гармонии между правом и духовностью может привести к потере национального единства и цивилизационной самобытности российского государства. В этой связи так важно оберегать свойственные русскому традиционному правосознанию идеалы, способные сохранить мир и порядок в государстве.

Однако со всей очевидностью можно утверждать, что наполненная духовно-нравственными

абсолютами национальная правовая культура русского народа служит опорным началом российской государственно-правовой реальности, способной выстоять перед лицом новых вызовов, обусловленных в том числе и формированием новых технологических укладов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев Н. Н.* Русский народ и государство. М., 1998.
2. *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг., 1916.
3. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005.
4. *Временник Ивана Тимофеева.* М., 1951.
5. *Домострой.* СПб., 1994.
6. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 58.
7. *Древнерусские княжеские уставы* / изд. подг. Я. Н. Шапов. М., 1976. С. 12–139.
8. *Житие Александра Невского* [Рукопись]. Б. м., XVII в. 20 + I–II л.
9. *Житие Феодосия Печерского* // Памятники литературы Древней Руси. XI – нач. XII в. М., 1978.
10. *Задонщина* / под ред. В. Ф. Ржиги. М., 1980.
11. *Изборник 1076 года* / под ред. В. С. Голышенко. М., 1965.
12. *Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси)* / сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М., 1969.
13. *Иларион.* Слово о Законе и Благодати. М., 1994.
14. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М.; Берлин, 2020.
15. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение: норма и патология. М., 1982.
16. *Кэмпбелл Дж.* Тысячеликий герой. СПб., 1997.
17. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2000.
18. *Мерило Праведное* / подг. текста Я. Н. Шапова. М., 1985.
19. *Нефедовский Г. В.* Византийская идея симфонии властей в государственно-правовой мысли России / отв. ред. А. И. Овчинников. М., 2022. С. 119, 120.
20. *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1907.
21. *Печатная книга Кормчая.* М., 1653.
22. *Повесть временных лет* / под ред. Д. С. Лихачева. СПб., 1996.
23. *Поньрко Н. В.* Эпистолярное наследие Древней Руси, XI–XIII. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992. С. 59–93.
24. *Послания старца Филофея.* Псков, 2001.
25. *Правда Русская* / под ред. Б. Д. Грекова. М., 1940.

26. *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. Л., 1928.
27. *Савенков А.Н.* Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 165.
28. *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
29. Слово о гибели Русской земли // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 5.
30. *Сорокин В.В.* Право и православие. Барнаул, 2007.
31. *Федорова М.Е., Сумникова Т.А.* Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1969. С. 33–38.
32. *Чертков А.Н.* Соборность общества и симфония властей в России: традиционность, актуальность, инновационность // Вестник Московского ун-та им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки. 2024. № 2 (42). С. 58.
33. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2001.
34. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 1991.
35. *Calasso F.* Mitologia giuridica della modernità. Adelphi, 2003.
36. *Carbonnier J.* Sociologie juridique. PUF, 1978.
37. *Foucault M.* Surveiller et punir: Naissance de la prison. Gallimard, 1975.
38. *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Einaudi, 1948–1951.
39. *Harding A.* The Law-Myth: A Social and Legal Anthropology. Routledge, 2020.
40. *Hübner K.* Die Wahrheit des Mythos. München, 1985.
41. *Legendre P.* Leçons IX: Dogma et histoire en droit. Fayard, 1999.
42. *Maitland F.W.* The Forms of Action at Common Law. Cambridge University Press, 1909.
43. *Radbruch G.* Rechtsphilosophie. Leipzig, 1932.
44. *Rodotà S.* Tecnopolitica: La democrazia e le nuove tecnologie della comunicazione. Laterza, 2017.
5. The Life of Theodosius of the Caves // Literary monuments of Ancient Russia. XI – beginning XII century. M., 1978 (in Russ.).
10. *Zadonschchyna* / ed. by V.F. Rzhiga. M., 1980 (in Russ.).
11. *Izbornik of 1076* / ed. by V.S. Golyschenko. M., 1965 (in Russ.).
12. *Izbornik* (Collection of works of literature of Ancient Russia) / comp. and the general ed. of L.A. Dmitriev and D.S. Likhachev. M., 1969 (in Russ.).
13. *Hilarion.* The Word about Law and Grace. M., 1994 (in Russ.).
14. *Kartashev A.V.* Essays on the history of the Russian Church. M.; Berlin, 2020 (in Russ.).
15. *Kudryavtsev V.N.* Legal behavior: norm and pathology. M., 1982 (in Russ.).
16. *Campbell J.* The Thousand-faced hero. SPb., 1997 (in Russ.).
17. *Lotman Yu.M.* Semiosphere. SPb., 2000 (in Russ.).
18. The standard of Righteousness / text prepared by Ya. N. Shchapov. M., 1985 (in Russ.).
19. *Nefedovsky G.V.* The Byzantine idea of the symphony of authorities in the state-legal thought of Russia / ed. by A.I. Ovchinnikov. M., 2022. Pp. 119, 120 (in Russ.).
20. *Petrzhitsky L.I.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality. St. Petersburg, 1907 (in Russ.).
21. The printed book of the Helmsman. M., 1653 (in Russ.).
22. The Tale of bygone years / ed. by D.S. Likhachev. SPb., 1996 (in Russ.).
23. *Ponyrko N.V.* Epistolary heritage of Ancient Russia XI–XIII. Research, texts, translations. SPb., 1992. Pp. 59–93 (in Russ.).
24. Epistles of Elder Philotheus. Pskov, 2001 (in Russ.).
25. *Pravda Russkaya* / ed. by B.D. Grekov. M., 1940 (in Russ.).
26. *Propp V. Ya.* Morphology of a magical tale. L., 1928 (in Russ.).
27. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024. P. 165 (in Russ.).
28. *Sinitsyna N.V.* The Third Rome. Russian medieval concept origins and evolution. M., 1998 (in Russ.).
29. The Word about the destruction of the Russian land // Library of Literature of Ancient Russia. SPb., 1997. Vol. 5 (in Russ.).
30. *Sorokin V.V.* Law and Orthodoxy. Barnaul, 2007 (in Russ.).
31. *Fedorova M.E., Sumnikova T.A.* A textbook on Ancient Russian literature. M., 1969. Pp. 33–38 (in Russ.).
32. *Chertkov A.N.* The conciliarity of society and the symphony of authorities in Russia: tradition, relevance, innovation // Herald of the Witte Moscow University. Ser. 2. Legal sciences. 2024. No. 2 (42). P. 58 (in Russ.).
33. *Eliade M.* Aspects of myth. M., 2001 (in Russ.).
34. *Jung K.G.* Archetype and symbol. M., 1991 (in Russ.).
35. *Calasso F.* Mitologia giuridica della modernità. Adelphi, 2003.
36. *Carbonnier J.* Sociologie juridique. PUF, 1978.

REFERENCES

1. *Alekseev N.N.* Russian People and the State. M., 1998 (in Russ.).
2. *Waldenberg V.E.* Ancient Russian teachings on the limits of tsarist power: essays on Russian political literature from Vladimir the Saint to the end of the XVII century. Petrograd, 1916 (in Russ.).
3. *Vladimirsky-Budanov M.F.* Review of the history of Russian law. M., 2005 (in Russ.).
4. Ivan Timofeev's Time Book. M., 1951 (in Russ.).
5. Domostroy. SPb., 1994 (in Russ.).
6. *Dostoevsky F.M.* Complete works: in 30 vols. L., 1980. Vol. 21. P. 58 (in Russ.).
7. Old Russian princely charters / ed. by Ya. N. Shchapov. M., 1976. Pp. 12–139 (in Russ.).
8. The Life of Alexander Nevsky [Manuscript]. S. 1., XVII century. 20 + I–II l (in Russ.).
9. The Life of Theodosius of the Caves // Literary monuments of Ancient Russia. XI – beginning XII century. M., 1978 (in Russ.).
10. *Zadonschchyna* / ed. by V.F. Rzhiga. M., 1980 (in Russ.).
11. *Izbornik of 1076* / ed. by V.S. Golyschenko. M., 1965 (in Russ.).
12. *Izbornik* (Collection of works of literature of Ancient Russia) / comp. and the general ed. of L.A. Dmitriev and D.S. Likhachev. M., 1969 (in Russ.).
13. *Hilarion.* The Word about Law and Grace. M., 1994 (in Russ.).
14. *Kartashev A.V.* Essays on the history of the Russian Church. M.; Berlin, 2020 (in Russ.).
15. *Kudryavtsev V.N.* Legal behavior: norm and pathology. M., 1982 (in Russ.).
16. *Campbell J.* The Thousand-faced hero. SPb., 1997 (in Russ.).
17. *Lotman Yu.M.* Semiosphere. SPb., 2000 (in Russ.).
18. The standard of Righteousness / text prepared by Ya. N. Shchapov. M., 1985 (in Russ.).
19. *Nefedovsky G.V.* The Byzantine idea of the symphony of authorities in the state-legal thought of Russia / ed. by A.I. Ovchinnikov. M., 2022. Pp. 119, 120 (in Russ.).
20. *Petrzhitsky L.I.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality. St. Petersburg, 1907 (in Russ.).
21. The printed book of the Helmsman. M., 1653 (in Russ.).
22. The Tale of bygone years / ed. by D.S. Likhachev. SPb., 1996 (in Russ.).
23. *Ponyrko N.V.* Epistolary heritage of Ancient Russia XI–XIII. Research, texts, translations. SPb., 1992. Pp. 59–93 (in Russ.).
24. Epistles of Elder Philotheus. Pskov, 2001 (in Russ.).
25. *Pravda Russkaya* / ed. by B.D. Grekov. M., 1940 (in Russ.).
26. *Propp V. Ya.* Morphology of a magical tale. L., 1928 (in Russ.).
27. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024. P. 165 (in Russ.).
28. *Sinitsyna N.V.* The Third Rome. Russian medieval concept origins and evolution. M., 1998 (in Russ.).
29. The Word about the destruction of the Russian land // Library of Literature of Ancient Russia. SPb., 1997. Vol. 5 (in Russ.).
30. *Sorokin V.V.* Law and Orthodoxy. Barnaul, 2007 (in Russ.).
31. *Fedorova M.E., Sumnikova T.A.* A textbook on Ancient Russian literature. M., 1969. Pp. 33–38 (in Russ.).
32. *Chertkov A.N.* The conciliarity of society and the symphony of authorities in Russia: tradition, relevance, innovation // Herald of the Witte Moscow University. Ser. 2. Legal sciences. 2024. No. 2 (42). P. 58 (in Russ.).
33. *Eliade M.* Aspects of myth. M., 2001 (in Russ.).
34. *Jung K.G.* Archetype and symbol. M., 1991 (in Russ.).
35. *Calasso F.* Mitologia giuridica della modernità. Adelphi, 2003.
36. *Carbonnier J.* Sociologie juridique. PUF, 1978.

37. *Foucault M.* Surveiller et punir: Naissance de la prison. Gallimard, 1975.
38. *Gramsci A.* Quaderni del carcere. Einaudi, 1948–1951.
39. *Harding A.* The Law-Myth: A Social and Legal Anthropology. Routledge, 2020.
40. *Hübner K.* Die Wahrheit des Mythos. München, 1985.
41. *Legendre P.* Leçons IX: Dogma et histoire en droit. Fayard, 1999.
42. *Maitland F.W.* The Forms of Action at Common Law. Cambridge University Press, 1909.
43. *Radbruch G.* Rechtsphilosophie. Leipzig, 1932.
44. *Rodotà S.* Tecnopolitica: La democrazia e le nuove tecnologie della comunicazione. Laterza, 2017.

Сведения об авторах**ГОРБАНЬ Владимир Сергеевич —**

доктор юридических наук,
заведующий сектором философии права,
истории и теории государства и права,
руководитель междисциплинарного Центра
философско-правовых исследований
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ОВЧИННИКОВ Алексей Игоревич —

доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права юридического факультета
Южного федерального университета;
344002 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88;
проректор по научной работе
Донской духовной семинарии;
344033 г. Ростов-на-Дону,
ул. Всесоюзная, д. 196; иерей

КОНОПИЙ Анна Сергеевна —

кандидат юридических наук,
научный сотрудник сектора философии права,
истории и теории государства и права,
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information**GORBAN Vladimir S. —**

Doctor of Law,
Head of the Department of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Head of the Interdisciplinary Center
for Philosophical and Legal Studies,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

OVCHINNIKOV Alexey I. —

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory
and History of State and Law, Law Faculty,
Southern Federal University; 88 M. Gorky str.,
344002 Rostov-on-Don, Russia;
Vice-rector for Scientific Work,
Don Theological Seminary;
196 Vsesoyuznaya str.,
344033 Rostov-on-Don, Russia; Priest

KONOPY Anna S. —

PhD in Law,
Researcher of the Department
of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340

К ВОПРОСУ О ЗАРОЖДЕНИИ И СТАНОВЛЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

© 2025 г. А. В. Кудашкин^{1, 2, *}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Академия военных наук Российской Федерации, г. Москва

*E-mail: kud64@mail.ru

Поступила в редакцию 05.09.2025 г.

Аннотация. На сегодняшний день имеется немало исследований по отдельным направлениям военно-юридической науки. Однако до настоящего времени остается открытым вопрос о ее зарождении в России, о том, откуда она берет свое начало, дате ее рождения. Появление термина «наука военного права» связано с законотворческой деятельностью Петра I. Военно-юридическое образование берет свое начало от образования в России в 1832 г. первого военно-юридического учебного заведения — Аудиторской школы. В 1867 г. в России появилась Военно-юридическая академия. Образовательный процесс в числе общеправовых дисциплин включал также специальный военно-юридический курс, в рамках которого преподавались военно-юридические науки, включающие объем знаний по правовым вопросам военной деятельности государства. В 1876 г. Конференцией Военно-юридической академии была поставлена задача по проведению научных исследований в целях образовательного процесса. В 1878 г. Военно-юридическая академия приобрела самостоятельный юридический статус, именно с этого момента образовательный процесс был прочно основан на научной базе. Образование и наука пошли далее вместе. Военно-юридическая наука стала фундаментом военно-юридического образования. Однако датой рождения военно-юридической науки является 30 января 1876 г., когда собрание Конференции Военно-юридической академии постановило сделать академию «учреждением не только учебным, но и ученым».

В статье на основе исторических документов, в том числе Российского государственного военно-исторического архива и архива Российской академии наук, впервые исследуется момент зарождения военно-юридической науки, кроме того, исследуются также этапы становления академической науки военного права. Проведенное исследование восполняет пробел, связанный с зарождением и становлением академической школы военно-юридической науки.

Ключевые слова: военное право, военно-юридическая наука, военные законы, военно-правовые дисциплины, военно-юридическая школа, Военно-юридическая академия, Аудиторское училище, военная администрация, академическая школа военного права.

Цитирование: Кудашкин А. В. К вопросу о зарождении и становлении академической военно-юридической науки в России // Государство и право. 2025. № 11. С. 44–74.

DOI: 10.7868/S3034543X25110031

ON THE QUESTION OF ORIGIN AND FORMATION
ACADEMIC MILITARY LEGAL SCIENCE IN RUSSIA© 2025 A. V. Kudashkin^{1, 2, *}¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*²*Academy of Military Sciences of the Russian Federation, Moscow*

*E-mail: kud64@mail.ru

Received 05.09.2025

Abstract. Today, there are many studies on individual areas of Military Law. However, the question of its origins in Russia, where it began, and the date of its birth remains open. The term “the science of Military Law” was first used in the legislative activities of Peter the Great. Military law education began with the establishment of the first military law school in Russia in 1832, the Auditor School. In 1867, the Military Law Academy was founded in Russia. The educational process included a special military law course among the general legal disciplines. Military law was taught in the importance of the amount of knowledge on the legal issues of the military activities of the state. In 1876, the Conference of the Military Law Academy set the task of conducting scientific research for the educational process. In 1878 The Military Law Academy acquired an independent legal status, it was from that moment on that the educational process was firmly based on a scientific basis. Education and science went further together. Military law science has become the foundation of military law education. However, the date of the birth of military law science is January 30, 1876, when the Conference of Military Law Science decided to make the academy “not only an educational institution, but also a scientific one”.

Based on historical documents, including those from the Russian State Military History Archive and the Russian Academy of Sciences, the article explores the origins of military law science for the first time, besides well as the stages of the development of academic Military Law science. This research fills a gap in the understanding of the emergence and development of the academic school of military legal law science.

Key words: Military Law, military legal science, military laws, military legal disciplines, military legal school, Military Legal Academy, Auditing school, military administration, academic school of Military Law.

For citation: Kudashkin, A.V. (2025). On the origin and development of academic military legal science in Russia // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 44–74.

Введение

Новые вызовы российской государственности в условиях развития технологий вооруженной борьбы, нарастающего противостояния, связанного с геополитическим доминированием, ставят сегодня перед военной наукой принципиально новые задачи. Прежде всего это выработка новых, адекватных современному состоянию мирового порядка и экономике страны подходов к обеспечению национальной безопасности и суверенитета; создание условий для развития отечественных прорывных технологий и лидерства Российской Федерации в военной сфере, совершенствование военной организации государства в рамках стратегии научно-технологического развития¹.

В современных геополитических условиях актуальность военно-правовых исследований

неизмеримо возрастает в интересах как боевой составляющей военной организации государства (Вооруженных Сил РФ), так и всех других ее компонентов (включая оборонно-промышленный комплекс). Однако до настоящего времени остаются открытыми вопросы об истоках военно-юридической науки: когда она зародилась, какими были первые источники российской военно-юридической науки, этапы ее становления, в том числе установление даты начала систематических военно-правовых исследований, которые привели к созданию теории военного права, и др. Постараемся дать ответы на эти вопросы.

Военное право традиционно рассматривается в трех значениях: как отрасль права, как наука и как учебная дисциплина. Проводимые исследования позволяют скорректировать вышеприведенный постулат. Военное право следует рассматривать как: 1) институциональное правовое образование, которое в своем непрерывном развитии приобрело качество отрасли права²; 2) научное

¹ См. подр.: Савенков А.Н. Государство и право. Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2021. Т. 1; Его же. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024; Его же. Историческое сознание как новый театр военных действий // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 12. С. 3–10.

² См.: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021.

знание, которое, развиваясь вместе с военной и правовой наукой, сформировало три научные парадигмы науки военного права³; 3) учебный предмет, объединяющий цикл военно-правовых учебных дисциплин, формально не институционализированных в единую учебную дисциплину⁴. Каждая из перечисленных сущностей включает определенный объем знаний, имеющий значение как для науки, так и для практической деятельности, являясь отдельным элементом, который не дает общей картины в понимании содержания более широкого понятия — «военно-юридическая наука». Только совокупный объем знаний каждого элемента формирует объем знаний, составляющих содержание понятия «военно-юридическая наука».

Отметим, что первая и третья сущности в определенной степени военно-юридической наукой разрабатываются. Однако исследования второго элемента — «военное право как наука» — только начинаются⁵, в том числе они посвящены начальному этапу военно-правовых исследований, т.е. зарождению военно-юридической науки как процесса получения новых знаний в области правового обеспечения военной деятельности государства. Практически

не исследовано соотношение военного права как науки с военно-юридической наукой.

Для поиска отправной точки системных военно-правовых исследований необходимо решить ряд задач — раскрыть *предпосылки (условия) системной научной работы по военно-юридическим наукам*, к которым относятся:

формирование объекта для исследовательской работы, т.е. массива источников военного права и источников науки военного права;

формирование исследовательской инфраструктуры (высшие учебные заведения и исследовательские учреждения) и субъектов исследовательской деятельности (ученые исследовательских учреждений, профессорско-преподавательский состав вузов);

организация системной исследовательской работы, т.е. когда исследовательский процесс переходит от стадии индивидуальных научных проектов к организованному потоку научных исследований, имеющих конкретный результат — получение новых знаний (в фундаментальной или прикладной науке), который используется как в практической, так и в образовательной деятельности⁶.

Доказательством положительного показателя в реализации перечисленных предпосылок являются конкретные научные результаты (по юридическим наукам: защищенные диссертации, монографии и иные источники науки, в том числе учебные издания, в которых отражены полученные новые знания в ходе проведенных научных исследований).

Рассмотрим последовательно (поэтапно) предпосылки, реализация которых привела к зарождению военно-юридической науки и ее последующему становлению.

Основная часть

Формирование исследовательской базы. Отметим, что российское военное право как совокупность отдельных и в начальном периоде разрозненных военно-правовых норм существует с древних времен.

⁶ Методологические подходы к определению объективных предпосылок формирования науки военного права предложены В.В. Кудашкиным. К ним он относит: «1) наличие эмпирической базы для научного осмысления, изучения происходящих в ней процессов, научно обоснованного отражения в нормах права объективных потребностей и интересов общества и государства, составляющих их социальных акторов. Речь идет, безусловно, о военном законодательстве Российского государства; 2) формирование образовательной среды, т.е. инфраструктуры получения юридического знания, которая прежде всего зависит от формирования как гражданского, так и, несомненно, военно-юридического образования; 3) формирование научного юридического базиса, опираясь на который возникла наука военного права» (см.: Кудашкин В.В. Научная рефлексия в исследованиях правовых процессов военной сферы Российского государства: от догматики к теории военного права А. Эртеля // Там же. С. 16).

№ 4. С. 7–37; Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием); Т. 2. Современное состояние (основные институты) военного права; 2022. Т. 3. Кн. 1: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований; 2023. Т. 3. Кн. 2: Основные итоги исследования. Курс военного права / под общ. ред. А.В. Кудашкина.

³ См.: Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 1. С. 137–164.

⁴ См. подр.: Кудашкин А.В. Проблемы преподавания военного права в России и пути их решения // Государство и право. 2025. № 8. С. 97–108.

⁵ См., напр.: Кудашкин А.В., Кудашкин В.В. Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права); Кудашкин А.В. Александровская военно-юридическая академия (1867–1917): Александр Эртель — родоначальник теории военного права России // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2025. № 5. С. 2–11; *Его же*. Военно-юридическая академия Красной Армии (1939–1956): С.В. Ромазан и В.М. Чиквадзе: схватка на теоретическом фронте за военное право (вторая парадигма военного права) // Там же. № 6. С. 2–14; *Его же*. ВПА им. В.И. Ленина — Военный институт Минобороны СССР (России) — Военный университет Минобороны России (1956–2020 гг.): в поисках третьей парадигмы военного права // Там же. № 7. С. 18–31; *Его же*. Институт государства и права РАН/Академия военных наук: доказательство «правовой теоремы Ферма» (третья парадигма военного права) // Там же. № 8. С. 2–14; Кудашкин В.В. Общественные отношения военных конфликтов // Там же. 2023. № 11. С. 2–15; *Его же*. Объективные предпосылки формирования науки военного права // Там же. 2025. № 7. С. 32–42; *Его же*. Научная рефлексия в исследованиях правовых процессов военной сферы Российского государства: от догматики к теории военного права А. Эртеля // Там же. № 8. С. 15–25.

В процессе эволюции военно-правовые нормы обобщались, систематизировались, формировались однородные правовые образования, имеющие подчас системный характер, и постепенно в России сформировалось обширное военное законодательство, которое если и имело научное содержание, то его уровень был не высоким, поскольку к началу XIX в. как таковой сформировавшейся военной науки в ее современном понимании не было, «в периоды малого развития военной науки и литературы... поучения находят себе место лишь в уставах, наставлениях и инструкциях, издаваемых правительственной властью, или иногда тем или другим из старших войсковых начальников...»⁷.

Формирование военного законодательства происходило одновременно со становлением Российского государства; принятие военно-правовых актов было обусловлено его военными интересами. Отдельные военно-правовые акты и их совокупность играют двоякую роль: с одной стороны, они являются источниками военного права, с другой — объектами для исследовательской деятельности, в том числе для военно-юридической науки, и, будучи исследованными, приобретают свойство ее источников.

Рассмотрим этапы формирования условий, которые привели к зарождению военно-юридической науки.

Допетровский период (X в. — 1700 г.) характеризуется появлением первых военно-правовых норм и самостоятельных источников военного права одновременно с формированием централизованного Российского государства. Первыми источниками русского военного права являются русско-византийские договоры 907 и 911 гг.⁸, отдельные статьи которых регламентируют правила выкупа пленных, союзной помощи грекам со стороны Руси, порядок службы, правила комплектования вооруженной силы.

Правовые основы военной организации отражены в Русской Правде (XI—XII вв.)⁹, отдельные военные вопросы содержались в летописях Древней Руси¹⁰, а позднее — в договорах удельных князей. В перечисленных источниках Древней Руси

были описаны действовавшие в те временные периоды правила государственного устройства, в том числе формирования и комплектования войска и его обеспечения. Такие правила регулировали отдельные вопросы военной деятельности, но в целом они не носили системного характера, в частности, в них не были включены правила поведения на поле боя.

Первые акты Древней Руси, в которые были включены группы военно-правовых норм, появились в XVI в. К ним относятся: Судебник Ивана IV (1550)¹¹, Уложение о службе (1555–1556)¹², Боярский приговор о станичной и сторожевой службе (1571)¹³, Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до воинской науки (1621)¹⁴, Учение и хитрость ратного строения пехотных людей Московского государства (1647)¹⁵, Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649)¹⁶ и др.

Древние акты военного права появлялись не на пустом месте, а во многом были заимствованы из западноевропейских образцов — энциклопедических изданий (в основном немецких), в которых содержались сведения по военному искусству и военному праву. Первые источники военного права представляли собой не просто компиляцию из заимствованных западноевропейских уставов,

¹¹ См.: Судебник государя царя и великого князя Иоанна Васильевича и некоторые сего государя и ближних его преемников указы, собранные и примечаниями изъясненные покойным тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. М., 1768. Впервые содержится упоминание о воинском преступлении — о «градском сдавце», т.е. начальнике, сдавшем неприятелю крепость. Воеводе, сдавшему крепость, полагалось наказание в виде смертной казни («живота не дати, казнити смертною казнию»).

¹² Уложение установило единый порядок службы (имеется в виду воинской) для владельцев вотчин и поместий.

¹³ Этот акт по праву считается *первым русским воинским уставом*, в нем определены: задачи и основные принципы сторожевой и станичной службы, организация ее несения и способы действия сторож (сторожевые наблюдательные посты) и станиц (небольшие конные отряды); устройство и расположение сторожевых застав, порядок смены сторож и станичников (см.: *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1846).

¹⁴ См.: Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777. Ч. 1; Старинный военный Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1781. Ч. 2.

¹⁵ См.: 1647 годъ. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. СПб., 1904.

¹⁶ См.: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / текст ред. проф. М.К. Любавским. М., 1907.

Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. стало первым в истории Российского государства законодательным актом, в котором была сделана попытка обобщить нормы, регулирующие военную службу. Большинство военно-правовых норм были изложены в отдельной, 7-й главе данного Уложения, названной «О службе всяких ратных людей Московского Государства».

⁷ *Баюв А.К.* История русского военного искусства. Полн. издание в одном томе. М., 2020. С. 838, 839.

⁸ См.: Повесть временных лет / подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники).

⁹ См.: Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. М., 1846. В Русской Правде содержались положения о категориях ратных людей, взаимоотношениях между дружиной и князьями, князьями и ополчением и др.

¹⁰ Самыми известными летописями являются Новгородская (начало XI в.), Ипатьевская (1169 г.), Лаврентьевская (1377 г.), Софийская (1430-е годы), псковские (XV—XVII вв.).

они, как отмечает акад. РАН А. Н. Савенков, играли роль исходного текста, в который вносили научные знания с учетом уже приобретенного военного опыта¹⁷, как правило, имевшего характер обычая, который должен был быть типизирован и формализован в виде документов. Появление таких актов было обусловлено практическими потребностями воинского быта и военной деятельности в древнем Российском государстве.

Указанные акты, а также нормы древнерусского обычного права, которые касались как организационных вопросов повседневной деятельности войск, так и отдельных вопросов *поведения в ходе военных действий*, создали необходимые предпосылки для активного формирования военного, военно-уголовного и военно-судебного законодательства в ходе государственно-правовых реформ Петра I. Древние военно-правовые акты сформировали первоначальный объем военно-правовых знаний, которые в последующем стали объектом военно-правовых исследований¹⁸.

Петровский период развития военного законодательства датируется 1700–1725 гг. Петр I для решения задач укрепления и расширения Российского государства полностью реформировал как государственное устройство России, так и устройство ее армии. Строительство новой армии и флота по лучшим европейским образцам объективно обусловило потребность в формировании новой нормативной базы для обеспечения их деятельности. Такая задача решалась постепенно и с учетом лучшего западноевропейского опыта.

Как один из значимых документов начального периода уставной реформы следует отметить Устав прежних лет, который был первой попыткой кодификации военного законодательства России¹⁹.

¹⁷ См.: Савенков А. Н. Государство и право. Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права. Т. 1. С. 436–440.

¹⁸ См., напр.: там же. С. 124–204, 420–453; Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии: исследование. СПб., 1885; Калинычев Ф. И. Вопросы военного права в период образования феодально-абсолютистского государства (2-я половина XVII в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950; Шутков С. В. Военные реформы в России во второй половине XVI — первой половине XVII веков и воплощение в них военно-правовых идей И. С. Пересветова: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999; Егоров О. А. Влияние отечественной политико-правовой мысли на институт воинских наказаний в России (середина XV — начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015.

¹⁹ Устав состоит из трех частей: 1. «Манифест». Включает полный титул российского самодержца, текст присяги ему и требование читать Устав еженедельно в полках; 2. «Воинский наказ». Регулирует военное судопроизводство и судопроизводство; 3. «Воинские статьи». Содержат перечень преступлений и наказаний за них. Предполагается, что обе части Устава были заимствованы из датских военных законов 1683 г., а работой по его

В 1712 г. вышла первоначальная редакция документа под названием «Краткое изображение процессов или судебных тяжб», ставшего первым военно-процессуальным кодексом²⁰.

Большая организационная работа под непосредственным руководством и участием Петра I увенчалась принятием 10 апреля (30 марта по старому стилю) 1716 г. Воинского устава²¹, определившего все стороны жизни и деятельности армии, в том числе в ходе ведения вооруженной борьбы, «с принятием к руководству этого устава войско получило единство, организацию и законы соответственно требованиям и условиям военного искусства тогдашнего времени»²². Устав 1716 г. содержит в себе законы военно-административные, уголовные, судопроизводство, строевое обучение и походные движения. Кроме этого были приняты Воинский артикул и в окончательной редакции «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» (1715)²³ и Морской устав (1720)²⁴.

редактированию занимался Петр I (см. подр.: Баиов А. К. Указ. соч. С. 228, 229). Документ был составлен в 1706 г. по указу Петра I и действовал до издания Артикула воинского 1715 г.

²⁰ См.: Серов Д. О. Артикул воинский и краткое изображение процессов: история составления, зарубежные образцы, состав, редакции // Проблемы истории, общества, государства и права. Екатеринбург, 2019. Вып. 7. С. 48.

²¹ См.: Военный устав с артикулом военным, при котором приложены толкования также с кратким содержанием процессов, экзерциции церемониями, и должностями полковых чинов (1716) // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 5. 1713–1719 гг. Как отмечает И. М. Зайцов, «Устав 1716 года, несмотря на малый свой объем (в 360 страниц), соответствует по своему содержанию нынешнему Своду Военных Постановлений и нынешним Воинским Уставам (о строевой, полевой и гарнизонной службе)» (см.: Курс военной администрации / сост. Зайцов. М., 1867. С. 7). Устав 1716 г. состоял из трех частей: часть 1 — Устав о должности генерал-фельдмаршалов и всего генералитета, и прочих чинов, которые при войсках надлежат быть, и о иных воинских делах и поведении, что каждому чину чинить должно; часть 2 — «Воинский артикул» (систематический Военно-уголовный устав, в конце Артикула помещено «Краткое изображение процессов или судебных тяжб»); часть 3 — «Об экзерциции и приговорах к маршу».

²² См.: Бобровский П. О. Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: историческое исследование. 2-е изд., с доп. пояснениями. СПб., 1881; Егоров О. А. Переход России к регулярной армии: исследование.

²³ См.: Артикул воинский: Купно с процессом, надлежащий судящим / напечатан повелением Царского Величества, в Санкт-петербурхе, 1715 апреля 26 дня. СПб., 1715 г., 26 апреля.

²⁴ Первое издание Морского устава было лично составлено и издано Петром I под названием «Устав морской о всем, что касается к доброму управлению в бытность флота на море». Он был утвержден в качестве закона 13 (24) января 1720 г., но издан был только 13 (24) апреля того же года в Санкт-Петербургской типографии (см.: Военно-морские законы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907).

Академик РАН А. Н. Савенков отмечает, что по тем временам в «Новейшем собрании военных прав» на немецком языке под заглавием *“Corpus iuris militaris novissimum, oder neuestes Kriegs-Recht: worinnen die militair-verordnungen, welche die Römischen Kayser, die geist- und weltliche Chur-Fürsten, die mächtigste Fürsten und andere vornehme Stände des Heil. Röm. Reichs, ingleichen die auswärtigen Könige und Republiken bis auf diese zeit ergehen lassen, zu finden”*²⁵ П. О. Бобровский увидел «очевидные указания на то, что заимствования от иностранцев, как в организации, так равно и в законах, не было исключительным явлением в жизни русского народа. При ближайшем же знакомстве с военнo-законодательными памятниками каждого европейского государства легко подметить явные следы вторжения чужеземных элементов как в военную администрацию, так и в военное право Священной Римской империи, Франции, Голландии, Дании, Саксонии, Баварии, мелких германских государств и вольных городов. Эти заимствования шли в определенном историческом и географическом порядке в XVI, XVII и XVIII вв., а именно с запада на восток Европы. Заимствование от иностранцев есть вечно повторяющееся явление во всемирной истории: это факт всеобщий и неотвратимый. В жизни каждого народа бывают такие эпохи, когда историческая необходимость возбуждает стремление поучиться у других, проникнуть в идеал соседа, взять у него полезные образцы и применить их в своей жизни»²⁶.

Русский историк, генерал-лейтенант, будущий экстраординарный академик Петербургской академии наук Н. Ф. Дубровин в рецензии на книгу П. О. Бобровского в феврале 1887 г. писал: «Петр I и его сотрудники положили начало науке военного права, дотоле неизвестной в России. Военно-уголовного кодекса, подобного Артикулу по полноте и даже гуманности, не встречается ни в одном из современных Петру государств»²⁷.

Отдельными исследователями отмечается, что «несмотря на всю работу российского законодателя над проектом Артикула воинского, необходимо признать, что этот законодательный акт остался

в основе своей компиляцией западноевропейских уставов и инструкций»²⁸. Однако это суждение не в полной мере отражает реальную картину. Как справедливо отмечает акад. РАН А. Н. Савенков, «преобразователь России Петр I, учреждая постоянную армию на образец иностранной и вводя для этой армии законы, естественно должен был принять, вместе с формами, и те юридические нормы, которые выработаны были на западе Европы. Здесь цивилизация стояла на более высокой ступени развития»²⁹. Заимствование от иностранцев есть вечно повторяющееся явление во всемирной истории: это факт всеобщий и неотвратимый. Подготовка новых уставов при Петре I носила творческий характер, тексты новых уставов учитывали уже имеющийся военный опыт, в том числе боевой, русской армии. «Все заимствования Петра Великого у западноевропейских народов были им переделаны на русский лад до такой степени, что их иностранное происхождение почти совсем теряется»³⁰. Шел процесс взаимообогащения науки военного права.

Утверждая, что «наука военного права России» была основана Петром I³¹, П. О. Бобровский под ней понимал прежде всего объем знаний, отраженных в военном законодательстве, которое было сформировано на основе лучших научных достижений западноевропейской военной науки того периода.

Носила ли законотворческая деятельность Петра I научный и исследовательский характер, как это отмечается в юридической литературе?³² Следует сказать, что в петровский период научные подходы применяли широко используемые приемы компаративистики (сравнительно-правовой метод) и систематизации; однако они имели характер единичных примеров, в том числе исследовательской работы для решения конкретных задач военного управления (подготовки новых уставных документов на основе западноевропейского опыта), т. е. не носили системного характера, поскольку не была создана инфраструктура для научной юридической деятельности и не формализован процесс такой деятельности.

Наука военного права в петровский период — это *область знания о военном деле* (обеспечение

²⁵ Corpus iuris militaris novissimum, oder neuestes Kriegs-Recht: worinnen die militair-verordnungen, welche die Römischen Kayser, die geist- und weltliche Chur-Fürsten, die mächtigste Fürsten und andere vornehme Stände des Heil. Röm. Reichs, ingleichen die auswärtigen Könige und Republiken bis auf diese zeit ergehen lassen, zu finden. Leipzig, 1724.

²⁶ См.: Савенков А. Н. Государство и право. Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права. Т. 1. С. 440, 441.

²⁷ Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. II. Артикул воинский, с объяснениями преобразований в военном устройстве и в военном хозяйстве по русским и иностранным источникам. СПб., 1887. С. 2.

²⁸ Серов Д. О. Указ. соч. С. 54.

²⁹ Савенков А. Н. Государство и право. Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права. Т. 1. С. 440.

³⁰ Заусинский П. Ф. Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформы XIX века. СПб., 1909. С. 191.

³¹ См.: Бобровский П. О. Петр Великий, как военный законодатель. СПб., 1887.

³² См.: Кудашкин В. В. Объективные предпосылки формирования науки военного права. С. 38.

и подготовка войска, управлением им, в том числе в боевых условиях, и т.д.), закреплённая в уставных документах, а не процесс получения нового знания по результатам исследовательской деятельности.

Послепетровский период (1725–1812) характеризуется территориальным расширением границ Российской Империи. Этим обусловлены изменения в устройстве армии, ее обучении и деятельности, что отражалось на изменениях военного законодательства³³. Результатом правотворчества стал целый ряд воинских уставов, эскерциций и инструкций, регулирующих деятельность отдельных видов войска, в том числе по вопросам ведения военных действий.

Прежде всего отметим документ под названием ««Эскерциция пешая» (1731) в дополнение к Уставу воинскому 1716 г.». Этот документ уточнял приемы поведения на поле боя, актуальные для того времени. В «Диспозиции боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками» (1736)³⁴, подготовленной по указанию Б.К. Миниха и В.В. Фермора, также были изложены тактические принципы поведения на поле боя, однако они соответствовали уровню подготовки противника (в 1736 г. началась война с Турцией). Как было справедливо отмечено, «издание такой эскерциции “с показанием ясного толкования” было вполне естественно и своевременно»³⁵.

Большинство исследователей отмечают, что военное законодательство середины XVIII в. испытывало сильное влияние со стороны западноевропейского военного искусства, особенно в вопросах тактики войск. Однако стали появляться образцы передовой русской военно-теоретической мысли, например суворовская «Наука побеждать»³⁶, в которой теоретически обобщены вопросы обучения и воспитания войск, их подготовки к боевым действиям, ведения боя — в них содержались

основные положения суворовской тактики и боевой службы³⁷. Несмотря на его название, данным документом руководствовались российские войска как в мирное, так и в военное время, т.е. он фактически носил нормативный характер.

Отметим также такие примеры нормотворческой работы того периода, как подготовка частных инструкций³⁸. Результатом правотворчества стал целый ряд воинских уставов, эскерциций³⁹ и инструкций, регулирующих деятельность отдельных видов войска. Вместе с тем законодательство часто «следовало опыту европейских армий, не считаясь нередко с тем, что было достигнуто в этой области при Петре Великом»⁴⁰. В данный период были приняты Пехотный строевой устав (1763)⁴¹, Обряд службы (1776)⁴², Устав воинский о конной эскерциции (1763)⁴³, Главы к Генеральному уставу о полевой службе (1765)⁴⁴, Воинский устав (1796)⁴⁵, Указание об обучении артиллерии (1798) и др.

С конца XVIII в. начинают издаваться первые систематизированные сборники военного законодательства:

приказы по военному ведомству, издавались с 1788 по 1821 г., вышло 26 томов;

Собрание законов и постановлений до части военного управления относящихся, издавались с 1816 по 1827 г., вышло 12 томов⁴⁶.

³⁷ См.: Краснов Д.А., Симанихин Б.В., Целуев Н.М. Военная история: учеб. пособие. М., 1996. Ч. 1. С. 100, 101.

³⁸ Частные инструкции — это изложенные с учетом боевого опыта инструкции военачальников, которые при определенных условиях внедрялись в войска для их применения и соблюдения. Они явились «результатом почина отдельных начальствующих лиц, который зародился благодаря общей системе управления» (см.: Баиов А.К. Указ. соч. С. 474).

³⁹ Эскерциция — это военный термин, получивший распространение в XV–XVIII вв. в русской и ряде европейских армий для обозначения тактических и строевых мероприятий по обучению войск (см.: Эскерциция // Военно-морской словарь / гл. ред. В.Н. Чернавин. М., 1989. С. 483).

⁴⁰ Буганов В.И., Буганов А.В. Полководцы XVIII в. М., 1992. С. 242.

⁴¹ См.: Пехотный строевой устав. 3-м тиснением. СПб., 1768. Ч. 1–3.

⁴² См.: Доклад Военной коллегии Екатерине II о целесообразности применения «Обряда службы» П.А. Румянцева как общеармейского устава // ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 36360. Л. 1 и об. Подлинник.

⁴³ См.: Устав воинской. Часть первая о конной эскерциции и о должностях при оной. 3-м тиснением. СПб., 1790.

⁴⁴ См.: Главы к Воинскому уставу о полевой службе. СПб., 1765.

⁴⁵ См.: Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе. М., 1796.

⁴⁶ См., напр.: Собрание законов и постановлений, до части военного управления относящихся. СПб., 1816–1839. Кн. 1, 1827; Собрание законов и постановлений, до части военного управления относящихся. СПб., 1816–1836. Кн. 2, 1816.

³³ См. подр.: Тарадонов С.В. Генезис российского военного права в послепетровский период (1725–1812 годы) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 7. С. 14–19; № 8. С. 10–16.

³⁴ См.: Мышлаевский А.З. Журнал, веденный при главной армии сия императорского величества Анны Иоанновны во время кампании 1737 года и инструкция для действий войск против турок «Диспозиция боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками» // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1904. Вып. 15. С. 23–27.

³⁵ Баиов А.К. Указ. соч. С. 305.

³⁶ Само название — «Наука побеждать» — принадлежит отставному майору М.И. Антоновскому, которому удалось в 1806 г. (после поражения при Аустерлице — прямого следствия забвения суворовского учения) напечатать основные приказы и инструкции, а также шесть писем А.В. Суворова под общим названием «Наука побеждать» (см.: Кепель О.В., Мартынов В.Ф. Воинская дисциплина в русской армии Екатерины Великой (1762–1796). СПб., 2014. С. 123).

Определению специфики «фронтowego» и «полевого» управления армией в военное время было посвящено «Учреждение для управления большой действующей армией» (1812)⁴⁷.

Заметим, что каких-либо отечественных научных трудов в рассматриваемый период по военному праву (военно-уголовному, военно-судебному и военно-административному) не выходило, что свидетельствует об отсутствии какой-либо исследовательской деятельности в области военного права; *военно-юридическая наука еще не сформировалась*.

К началу XIX в. потенциал позитивного права, заложенный в военных законодательных актах Петра I, во многом был исчерпан, что в связи с назревшей необходимостью перемен в строительстве военной организации государства также объективно обусловило необходимость существенных изменений военного законодательства.

Характерной особенностью развития отечественного военного права (его источников) *дооктябрьского периода* (1812–1917) является активная работа по урегулированию широкого спектра военных отношений, обусловленному объективной необходимостью в связи с вторжением в Россию армии Наполеона. В начале этого периода стала проводиться масштабная работа по кодификации законодательства. Были подготовлены и начали издаваться:

Полное собрание законов Российской империи — хронологическое собрание актов⁴⁸;

Свод законов Российской империи⁴⁹ — систематизированный свод.

⁴⁷ См.: РГВИА. Ф. 30. Оп. 1/1256. Св. 11. Д. 1. Л. 1–5; ПСЗРИ. Собр. 1-е. Т. 32. № 24975.

⁴⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) — наиболее полный сборник российских законодательных актов, расположенных в хронологическом порядке. Первое издание 1830 г., составленное под руководством М.М. Сперанского, включает более 30 тыс. законодательных актов с 1649 по 1825 г. (45 томов) — время правления Алексея Михайловича — Александра I (33 тома). Второе издание выходило ежегодно в 1830–1884 гг., включает более 60 тыс. законодательных актов с 1825 г. до 28 февраля 1881 г. (55 томов и указатели) — время правления Николая I — Александра II (33 тома). Третье издание выходило ежегодно до 1916 г., включает более 40 тыс. законодательных актов с 1 марта 1881 г. до конца 1913 г. — время правления Александра III — Николая II (33 тома) (см.: ПСЗРИ. Собр. 1-е. 1649–1825 гг.: в 45 т. СПб., 1830; Собр. 2-е. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг.: в 55 т. СПб., 1830–1885; Собр. 3-е. 1 марта 1881 — 1913 гг.: в 33 т. СПб., 1885–1916).

⁴⁹ Свод законов Российской империи — официальное собрание расположенных в тематическом порядке действовавших законодательных актов Российской Империи, созданное при Николае I. Впервые Свод был напечатан в 1832 г. Манифестом 31 января 1833 г. Свод законов был объявлен действующим источником права с 1 января 1835 г. Первое издание 1832 г. и последующие 1842 и 1857 гг. состояли из 15 томов.

Однако объективно назрела необходимость систематизации военного законодательства, что было обусловлено накопленным огромным массивом правовых актов различной юридической силы: как законов, так и подзаконных актов, принятых в разное время и не отменявших ранее принятые акты, что значительно затрудняло военно-управленческую деятельность⁵⁰.

Решение проблемы виделось в проведении «научной кодификации» военного права, под которой понималась прежде всего «критическая научная оценка действующего права», в том числе наличие правовых исследований и соответствующих исследователей, т.е. оценка научного потенциала, а далее — в случае наличия такого потенциала (условие успеха) — проведение кодификационных работ. Оценивая ситуацию, исследователи приходят к обоснованному выводу, что в первой половине XIX в. «военное право остается до сих пор в таком пренебрежении, что не только не получило надлежащей разработки, но даже относительно содержания этой науки нет общепризнанного определения»⁵¹. Никаких результатов научных исследований по военному праву в тот период в России опубликовано не было, что явно свидетельствовало об отсутствии военно-юридической науки как системного явления или социального института.

Тем не менее задача по «разбору завалов» в военном законодательстве была поставлена, и она была поручена генерал-майору Д.А. Ахшарумову, который ее начал в 1827 г. под личным руководством М.М. Сперанского. Первые четыре книги были готовы к 1832 г., представлены в Совет военного министра (Военный совет), который их направили на рассмотрение в департаменты военного министерства. Был также создан особый орган — Особый комитет, на который было возложено рассмотрение подготовленного проекта Свода военных постановлений (СВП). Работа по подготовке Свода в целом была завершена в 1837 г., однако с учетом необходимых процедур он был обнародован в 1839 г. и вступил в силу с 1 января 1840 г. По мнению историков военного права, «весь законодательный материал расположен в Своде

После 1857 г. Свод законов полностью не переиздавался, а выходили лишь отдельные тома. В качестве отдельного — 16-го — тома в 1885 г. вышли Судебные уставы. Между изданиями Свода законов выходили ежегодные и сводные (за несколько лет) «Продолжения» Свода законов с указанием на упрядненные и измененные статьи. В Своде законов собраны все реально действовавшие в определенный момент времени законы по тем или иным проблемам права — это справочник для юристов (см.: Систематический свод существующих законов Российской империи: с основаниями права из оных извлеченныи. СПб., 1822–?).

⁵⁰ См.: Курс военной администрации / сост. Зайцов. С. 16.

⁵¹ Заусцинский П.Ф. Указ. соч. С. V предисловия, 18–23, 28.

Военных Постановлений по научной, строго логической, системе...», «система Свода 1838 года была строго научною системою». Таким образом, при подготовке СВП были применены научные подходы, которые обеспечили ему «долгую жизнь»⁵².

Интенсивная нормотворческая деятельность по военным вопросам обусловила необходимость подготовки и введения в действие продолжений СВП 1838 г. (к 1853 г. вышло шесть продолжений). Работа над подготовкой следующего издания СВП началась в конце 1852 г. и завершилась изданием СВП 1859 г., введенного в действие в 1860 г. СВП 1859 г. оказался значительно хуже первого издания, в него было включено много неюридических (технических) документов, ведомственных актов, которые приобрели силу закона, и т.д. Для устранения недостатков была создана «особая военнокодификационная комиссия из опытейших генералов», которая должна была подготовить новую редакцию СВП. Начав работу, комиссия предложила военному руководству подготовить вместо новой редакции СВП Военный кодекс Российской Империи, однако такое предложение не было поддержано Военным министром Н.О. Сухозанетом. Комиссия была вынуждена вернуться к первоначальной задаче, которая, впрочем, позже была уточнена — провести разделение «постановлений и законов». По этому вопросу в течение трех лет шла оживленная переписка по юридическим аспектам будущей работы, которая завершилась выводом, что «наука права, действительно, не дает, пока, никаких точных объективных признаков, по которым можно было бы отделить закон от административного распоряжения вообще»⁵³. Тем не менее законодательная работа по подготовке нового СВП началась. Она велась с нормативным материалом СВП 1859 г. и новыми военно-правовыми актами с учетом достижений современной юридической техники и носила отчасти научный характер. Однако не генерировала новых научных знаний, поскольку ее целевая задача была иной — подготовка нового систематизированного военного законодательства. Научных учреждений юридического профиля в тот период в России также не существовало. Исследователи отмечают печальный итог третьей систематизации военного законодательства, когда был издан СВП 1869 г.: «современное состояние кодификации русского военного права нельзя не признать крайне печальным, напоминающим собою начало XIX века...»⁵⁴.

Тем не менее именно формирование Свода военных постановлений⁵⁵ объективно подтверждает, что в первой половине XIX в. в России поступательным эволюционным образом сформировалась обособленная по предметной области регулирования общность правовых норм (имеющая признаки отдельной отрасли права — военного права), объединившая сгруппированные по отдельным направлениям (однородным общественным отношениям) правовые нормы, которые позволили создать хорошо систематизированное военное законодательство Российской Империи, которое *стало эмпирической базой для военно-юридических исследований*.

В середине XIX в. появились первые источники науки военного права, в которых были аккумулированы военно-правовые знания того периода.

Первым монографическим российским источником науки военного права в России является рукописная книга — учебный курс С.М. Добровольского «Военные законы» (1850), которая хранится в Российском государственном архиве⁵⁶. В интересах образовательного процесса в 60-х годах XIX столетия в военных учебных заведениях стали издаваться учебники и учебные пособия, о которых речь пойдет далее.

Первым научным исследованием по военному праву стало предисловие полковника Военно-юридической академии А. Эртеля к книге Л. фон Штейна «Учение о военном быте, как часть науки о государстве»⁵⁷, изданной в Германии в 1872 г. и в переводе в России в 1875 г.⁵⁸ Эртель впервые вводит в научный оборот в России термин «военное право», при этом проводя его глубокое исследование, которое в последующем активно было использовано в своих научных трудах П.О. Бобровским и другими исследователями военного права. Справедливости ради отметим, что термин «военное право» встречается в книге Л. фон Штейна, хотя упоминаются и более ранние европейские источники исследований по военному праву⁵⁹.

⁵⁵ Объем Свода военных постановлений колоссальный — более 13 тыс. страниц (более 800 п.л.).

⁵⁶ См.: Добровольский С.М. Военные законы: курс 2 спец. кл. / сост., на основании Наставления для образования воспитанников воен.-учеб. заведений, утв. 24 дек. 1848 г., наставник-наблюдатель, кол. сов. Добровольский. СПб., 1850.

⁵⁷ Stein L. von. Die Lehre vom Heerwesen: Als Theil der Staatswissenschaft. Stuttgart, 1872.

⁵⁸ См.: Штейн Л. Учение о военном быте, как часть науки о государстве / пер. и предисл. А. Эртеля. СПб., 1875.

⁵⁹ Отметим, что термин «военное право» к нам пришел из средневековой Европы. П.О. Бобровский упоминает ряд европейских источников начиная с XVI в., в которых речь идет о «военных правах», которые, несомненно, являются частью военного права (см. подр.: Бобровский П.О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. Военное право в России при Петре Великом [Гл. из приготавливаемого

⁵² Заусцинский П.Ф. Указ. соч. С. 490–500, 504, 524.

⁵³ Там же. С. 518.

⁵⁴ Там же. С. 518, 527.

Заслуга А. Эртеля заключается в том, что, в отличие от Л. фон Штейна, у которого термин «военное право» не раскрывается и встречается «случайно», российский ученый, подготовив в 1873 г. перевод книги и написав к ней предисловие и подробные примечания, именно его вводит в *научный оборот* и раскрывает его содержание, создавая тем самым первые теоретические постулаты теории военного права. Как он сам отмечает свой вклад: «успел выработать общие начала и систему Военного Права»⁶⁰. Сочинение А. Эртеля 24 января 1873 г. было представлено на обсуждение Конференции Военно-юридического училища и 5 февраля 1873 г. — Академии (журнал Конференции № 86)⁶¹, которая создала специальную комиссию для оценки научного труда (в составе профессоров Панова, Володимирова и Сандригайло). Комиссия 3 марта 1873 г. доложила свои результаты, подготовив документ «Мнение комиссии», и рекомендовала рассмотреть сочинение А. Эртеля на собрании Конференции для окончательного решения вопроса о его опубликовании. Работа А. Эртеля вызвала широкий положительный отклик научной общест-венности, а также военного руководства российской императорской армии⁶². 30 марта 1873 г. перевод книги Л. фон Штейна с предисловием и примечаниями, подготовленными А. Эртелем, были Конференцией рекомендованы к опубликованию, для чего принято решение «ходатайствовать о выдаче полковнику Эртелю на напечатание... труда тысячу рублей серебром» (журнал Конференции академии № 88). Предисловие и примечания А. Эртеля к книге Л. фон Штейна являются *первыми самостоятельными высоконаучными произведениями*, которые заложили прочную научную основу для разработки в последующем теории военного права⁶³. Книга вышла в 1875 г. В 1873 г. в ходе ши-

рокого открытого публичного обсуждения труда А. Эртеля был преподан пример научного подхода в рамках образовательной деятельности. Однако этот пример был единичным, поскольку он выходил за рамки деятельности Академии, не была создана нормативная основа для систематической научной деятельности. Однако условия для начала военно-юридических исследований уже практически сложились.

Формирование исследовательской инфраструктуры военно-юридической науки. Субъектный состав и потенциал военно-юридической науки. Военно-юридическая наука возникла в недрах военно-юридической образовательной системы, с тех пор они «идут рука об руку». Результаты научной деятельности были востребованы, во-первых, самими военно-юридическими образовательными учреждениями в качестве материала для качественной подготовки будущих военных юристов, а во-вторых, военно-судными учреждениями, органами военной прокуратуры и отчасти органами военного управления.

Нами уже рассматривались вопросы формирования преподавания военного права, которое связано с формированием системы военно-юридического образования⁶⁴. Рассмотрим взаимосвязь формирования системы военно-юридического образования и военно-юридической науки.

Как уже было отмечено ранее, система военно-юридического образования при Петре I не была создана, в том числе в связи с недостаточностью профессионально подготовленных кадров. Первым учебным заведением, в котором начали преподаваться юридические дисциплины, был учрежденный в 1732 г. шляхетский кадетский корпус, в котором императрицей Анной Иоанновной было предусмотрено преподавание кадетам юриспруденции⁶⁵. Первым юридическим предметом, который преподавался будущим военным юристам (аудиторам), был «Артикул воинский».

В последующем российские императоры принимали попытки начать подготовку национальных военно-юридических кадров, которые не дали значимых результатов, поскольку имели

к печати труда «Военное право в России при Петре Великом». Ч. 1. «Обзор памят. рус. воен.-уголов. законод.»]: по рус. и иностр. памятникам / сост. ген.-лейт. П. Бобровский. М., 1882. С. 2–5). Л. фон Штейн дает обзор европейских источников военного права периода XVI–XVII вв. (см.: Штейн Л. Указ. соч. С. 213, 214).

⁶⁰ Эртель А. Предисловие // Штейн Л. Указ. соч. С. 2.

⁶¹ См.: РГВИА. Ф. 346. Оп. 1. Д. 123 (ч. 3).

⁶² Были получены положительные отзывы от статс-секретаря государя В.Д. Философова (письмо от 07.05.1873 № 491), начальника главного штаба армии Ф.Л. Гейдена (письмо от 14.05.1873 № 188), помощника начальника Главного штаба армии Г.В. Мещеринова (письмо от 08.06.1873 № 662) и др. (см.: там же).

⁶³ А. Эртель был первым и единственным ученым-исследователем в XIX в., который начал подготовку «руководства для изучения военного права». Однако его подвижнический труд прервался в связи с его смертью. А. Эртель скончался 22 января 1875 г. Это была смерть человека на пике его творческих способностей и на взлете большой карьеры ученого. Как отмечает исследователь военно-уголовного права конца XIX — начала XX в. профессор ВЮА В.Д. Кузьмин-Караваев,

именно А. Эртелю принадлежит единственный опыт исследования военного права (см.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 3. Д. 28; см. также: Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-юридическая академия. 1866–1891 гг. Крат. ист. очерк. По поруч. нач. Воен.-юрид. акад. / сост. В. Кузьмин-Караваев. СПб., 1891. С. 52–54; Кудашкин А.В. Александровская военно-юридическая академия (1867–1917): Александр Эртель — родоначальник теории военного права России. С. 2–11).

⁶⁴ См.: Кудашкин А.В. Проблемы преподавания военного права в России и пути их решения.

⁶⁵ См.: ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 8 (1728–1732). Разд. № 5811.

характер полумер, которые не смогли удовлетворить потребности армии в квалифицированных военных юристах⁶⁶. Единственной специальной военно-юридической дисциплиной для подготовки аудиторов на протяжении длительного периода было чтение воинских артикулов⁶⁷.

Первым специальным учебным заведением для подготовки военных юристов стала Аудиторская школа, которая была учреждена при Военном министерстве 10 ноября 1832 г.⁶⁸ Обучение шло на протяжении шести лет, в числе юридических предметов преподавались «Российские Законы» и «Порядок дел следственных и порядок судопроизводства». В 1846 г. было образовано Аудиторское училище, в котором с 1863 г. начало преподаваться уголовное право, так как «военный юрист должен быть прежде всего криминалистом»⁶⁹. В нем также стали преподаваться специальные военно-юридические дисциплины: военные законы, военные и морские уголовные уставы, военное судопроизводство⁷⁰.

Одним из первых учебников по военному и военно-уголовному праву является учебник «Военные законы», написанный доктором юридических наук, наставником-наблюдателем М.М. Михайловым в 1861–1863 гг. для военно-учебных заведений того времени⁷¹. В учебнике изложены правовые вопросы, начиная с краткого исторического обозрения русских военных законов до подробного изучения системы Свода военных постановлений, значительное внимание уделено рассмотрению положений действующих военно-уголовных законов и военно-уголовного судопроизводства. Учебник явился *первым примером догматического изложения науки военного права*, т.е. *совокупного знания изложенных в военном законодательстве вопросов в интересах подготовки военных кадров для их практической деятельности*.

В интересах образовательного процесса в военных образовательных учреждениях были подготовлены и вышли соответствующие издания:

⁶⁶ См.: Военная юстиция в России: история и современность. М., 2017. С. 271.

⁶⁷ См.: Бобровский П.О. Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России. СПб., 1882—? Т. 1. С. 33.

⁶⁸ См.: Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России: 1832 — 10 ноября — 1882: Аудиторская школа. Аудиторское училище. Воен.-юр. акад. / под ред. нач. Воен.-юр. акад. П.О. Бобровского. СПб., 188—? С. 3.

⁶⁹ См.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 1. Д. 275.

⁷⁰ См.: Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России... С. 87.

⁷¹ См.: Михайлов М.М. Военные законы. Курс по программе, утв. для руководства в военно-учебных заведениях. СПб., 1861–1863. Вып. 1–5.

«Курс военной администрации» И.М. Зайцова⁷² и «Записки военной администрации для военных училищ» П.Л. Лобко (эта книга выдержала 18 изданий)⁷³. В курсе военной администрации преподавалось позитивное право, или правовая догматика, т.е. это вольное изложение военных законов. В них не было юридической науки, поскольку этот курс преподавался для ознакомления военнотружущих неюридического профиля с началами военного законодательства.

В 1861 г. вместе с военной реформой началась реформа военного образования, а в 1867 г. — военно-судебная реформа, связанная с именем Военного министра Д.А. Милютин. К этому моменту он уже был известным ученым, удостоенным престижной полной Демидовской премии⁷⁴ и избрания членом-корреспондентом Академии наук Российской Империи за научный труд «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году»⁷⁵. В 1866 г. Советом Санкт-Петербургского университета Д.А. Милютин возведен в степень доктора русской истории (honoris caus). Военный министр Д.А. Милютин, приступая к реформе военных учебных заведений, говорил так: «Заведения же собственно *военные* могут существовать только с одной целью — доставить *научное специальное образование* (курсив Д.М.) тем молодым людям, кои почувствовали в себе призвание к военной службе»⁷⁶.

К 1865 г. (в ходе начавшейся в 1864 г. в России судебной реформы, которая затронула также и армию) стало очевидно, что для вновь организуемой системы военных судов требовались не столько юридически образованные чиновники, сколько офицеры как лица, непосредственно знакомые с военной службой и воинской дисциплиной, что обусловило реорганизацию существующих учебных заведений, в ходе которой офицерские классы

⁷² См.: Курс военной администрации / сост. Зайцов. Приложение к Курсу военной администрации. М., 1867.

⁷³ См.: Лобко П.Л. Записки военной администрации для военных училищ / перераб. Н. Даниловым и В. Даровским. 18-е изд. СПб., 1912.

⁷⁴ Демидовская премия (или Демидовская награда) — российская негосударственная премия для ученых, внесших выдающийся вклад в развитие наук, ежегодно вручалась в 1832–1865 гг. Лауреатов отбирала Императорская академия наук по публикациям ученых и выносила на публичное собрание Академии, отчеты публиковались в Бюллетене физико-математического отделения ИАН. Считалась самой почетной неправительственной наградой России.

⁷⁵ Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году: сост. по высоч. повелению государя имп. Николая I. Т. 1–5. СПб., 1852–1853; 1853. Т. 5. Ч. 7 и 8.

⁷⁶ Цит. по: Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 226.

при Аудиторском училище были переименованы в Военно-юридическую академию (ВЮА)⁷⁷, а Аудиторское училище — в Военно-юридическое училище⁷⁸. В последующем Военно-юридическое училище было упразднено (1876), в этом же году Военно-юридическая академия фактически (юридически она существовала) приостановила свою работу. Приостановка деятельности ВЮА была обусловлена тем, что была выявлена неэффективность подготовки аудиторов (военно-юридических кадров) в системе двух военно-образовательных учреждений (гражданского и военного). В результате было принято решение продолжить подготовку военно-юридических кадров в рамках самостоятельной ВЮА⁷⁹.

Нормативная основа деятельности, устанавливавшая в том числе порядок образовательной деятельности, определялась: Аудиторского училища — Положением об Аудиторском училище Военного министерства (утв. приказом Военного министра от 13.08.1860 № 191)⁸⁰, Военно-юридической академии — Положением о Военно-юридической академии (одобрено Военным советом и утверждено императором 28.09.1868; объявлено приказом Военного министра от 09.10.1868)⁸¹. Указанные документы не содержали каких-либо норм, касающихся научной деятельности учебных заведений.

Последующий период является самым важным в вопросе формирования военно-юридической науки.

25 декабря 1875 г. ВЮА возглавил генерал-майор П.О. Бобровский⁸², который до своего назначения по поручению Военного министра Д.А. Милютин успешно занимался реформированием системы военного образования Российской Империи, за что неоднократно был поощрен досрочным присвоением воинских званий и награжден орденами⁸³. П.О. Бобровский был наделен как аналитическими, так и научными способностями. Без

отрыва от служебной деятельности он подготовил фундаментальные исследования — четырехтомное издание «Юнкерские училища» (1864–1875)⁸⁴ и ряд других работ. Всего до 1876 г. им было опубликовано 12 научных работ по военным наукам, в основе которых лежит обширная исследовательская деятельность⁸⁵. Таким образом, выбор П.О. Бобровского для назначения начальником ВЮА был не случаен — требовалось реформировать и фактически заново создать систему военно-юридического образования, прежде всего в интересах военно-судной системы, в том числе поставив учебный процесс на научную основу.

Вступив в права начальника ВЮА, П.О. Бобровский практически сразу начал ставить задачи по реформированию образовательного процесса. Для этого нужно было создать новую нормативную основу. Старое положение о ВЮА, утвержденное 28 сентября 1868 г., не могло решать таких задач. Поэтому был поставлен вопрос о подготовке нового положения о ВЮА. Вопросы реформирования учебного процесса начали активно обсуждаться на собраниях Конференции Академии (современный аналог ученых советов вузов). Уже через 10 дней после вступления в должность начальника Академии на конференциях 5 января и 30 января 1876 г., в состав которых входили по должности П.О. Бобровский и профессорско-преподавательский состав (известные юристы — профессора и преподаватели Лузанов, Неклюдов, Панов, Неелов, Володимиров и др.), начали обсуждать вопросы реформирования Академии⁸⁶.

Начало системным военно-юридическим исследованиям и военно-юридической науке было положено 30 января 1876 г., когда на собрании Конференции Военно-юридической академии ее начальником П.О. Бобровским был поставлен вопрос о необходимости научных исследований в области военного права. Конференция Академии вынесла свое решение: «Военно-юридическая академия должна быть учреждением не только учебным, но и ученым. Назначение ее, как учреждения учебного, подобно прочим военным академиям, должно состоять в том, чтобы вместе со всеми другими высшими юридическими заведениями государства способствовать распространению юридических познаний, научной обработке права и в особенности, чтобы способствовать созданию условий, необходимых для разработки наук

⁷⁷ См.: Высочайшее повеление от 30 марта 1867 г., объявленное приказом по Военному ведомству от 9 апреля 1867 г.

⁷⁸ См.: Приказ по Военному ведомству от 6 апреля 1868 г. № 104 // Россия. Военное министерство. Приказы по военному ведомству... 1868 г. № 1–216. СПб., 1809–1917, 1868.

⁷⁹ См.: Конспект записки о происхождении Военно-юридической академии (приложение к журналу конференций ВЮА от 8 мая 1818 г. № 36) // Ежегодник Военно-юридической академии / сост. под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1880–81 г. № 3. СПб., 1882. С. 84–86.

⁸⁰ См.: Положение об Аудиторском училище Военного министерства. СПб., 1860.

⁸¹ См.: ПСЗРИ. Т. 42, ст. 46289. СПб., 1860. С. 291–297.

⁸² См.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 3. Д. 29.

⁸³ См. подр.: Маликов С.В., Кузнецов М.С., Хазин О.А. Генерал от инфантерии Павел Осипович Бобровский / под науч. ред. А.Б. Григорьева. М., 2007.

⁸⁴ См.: Бобровский П.О. Юнкерские училища. Т. 1–3. Историческое обозрение их развития и деятельности / 4 т. СПб., 1872–1876, 1872.

⁸⁵ См.: Маликов С.В., Кузнецов М.С., Хазин О.А. Указ. соч. С. 24.

⁸⁶ См.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 1. Д. 239.

военно-юридических»⁸⁷. Конференция 30 января 1876 г. фактически дала старт формированию третьего (завершающего) условия становления военно-юридической науки как социального института. К этой дате уже был сформирован исследовательский объект — эмпирическая база исследования (нормативный массив систематизированного военного законодательства и первые источники науки военного права), а также создана исследовательская инфраструктура (Военно-юридическая академия и ее квалифицированный профессорско-преподавательский состав). Необходимо было организовать исследовательскую работу, в том числе начать процесс подготовки диссертационных исследований, совместив его с образовательным процессом, инкорпорируя науку в военно-юридическое образование. Такая задача была поставлена решением Конференции Академии в указанную выше дату. Это решение послужило триггером для окончательного формирования военно-юридической науки.

В целях решения организационных вопросов реформирования образовательного процесса набор слушателей был приостановлен в начале 1876 г.⁸⁸, в кратчайшие сроки было необходимо создать новую систему образовательной и научной деятельности в Академии. Прежде всего работа шла над подготовкой нового положения о ВЮА. 17 июня 1878 г. императором Александром II утверждено Временное положение о ВЮА⁸⁹. Нормальное (т.е. постоянное) положение не было принято, поскольку не до конца были улажены все вопросы с организацией как образовательной, так и научной деятельности; требовалась «обкатка» новых правил подготовки военных юристов. Однако временный порядок продлился до 1891 г., когда было принято «нормальное» Положение о Военно-юридической академии (утв. 3 июня 1891 г.).

Во Временном положении о ВЮА была закреплена новая система образовательной деятельности на научной основе. Суть такой системы заключалась в особых требованиях, предъявляемых как к профессорско-преподавательскому составу Академии, так и к самим слушателям. В частности:

профессорско-преподавательский состав Академии формировался только из лиц, имеющих научные публикации и защитивших диссертации по профильным дисциплинам, которые они будут преподавать, и только после одобрения

Конференции ВЮА и чтения пробной лекции (ст. 70, 71);

утверждение Конференцией ВЮА перспективных тем научных исследований по военно-правовой проблематике;

прием новых преподавателей, не имеющих ученых степеней, осуществлялся только по результатам защиты диссертации на заседании Конференции ВЮА (ст. 70).

Диссертации представлялись начальнику Академии и вносились им на рассмотрение Конференции, которая определяла, может ли диссертация быть допущена к защите или подлежит возврату автору. Защита производилась на собрании Конференции, которая назначала из своей среды двух оппонентов. На основании защиты диссертации Конференция определяла, может ли защищавшийся быть допущен к преподаванию избранного им предмета. Кандидату могло быть предложено чтение пробной лекции, на подготовку к которой ему давалось две недели, и только после этого «по оценке пробной лекции, постановляется Конференцией окончательное определение о предоставлении или непредоставлении испытывавшемуся лицу права на преподавание в Академии» (ст. 75–77 Временного положения о ВЮА). Фактически Конференция в данном процессе играла роль современного диссертационного совета.

Учитывая реальные потребности военно-судной части в высококвалифицированных военных юристах, уже 4 октября 1877 г. был отменен запрет на прием в ВЮА офицеров⁹⁰. 1 сентября 1878 г. в Академии возобновился образовательный процесс⁹¹, именно с этой даты Академия приобрела самостоятельный статус. Следуя положениям Временного положения о ВЮА, организация учебного процесса сразу была поставлена на строго научную основу.

Профессорско-преподавательский состав был представлен известными юристами того времени (Кавелин, Неклюдов, Неелов, Панов, Коркунов, Штольц, Бершадский и др.)⁹² и пополнен за счет не менее известных юристов, преподававших в гражданских высших юридических заведениях или проходивших службу (работавших) в военном или иных ведомствах. Были приняты на работу и службу в ВЮА квалифицированные преподаватели: адъюнкт-профессор Лузанов, профессор Володимиров⁹³. Всего по штату в Академии было

⁸⁷ Архив Военно-юридической академии. Дело № 41. С. 411 (цит. по: Кузьмин-Караваев В.Д. Военно-юридическая академия. 1866–1891 гг. Крат. ист. очерк. По поруч. нач. Воен.-юрид. акад. / сост. В. Кузьмин-Караваев. С. 55, 56).

⁸⁸ См.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 1. Д. 215.

⁸⁹ См.: ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 53, ст. 58637. СПб., 1880. С. 56–65.

⁹⁰ См.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 1. Д. 123. Ч. 2.

⁹¹ См.: там же. Д. 272.

⁹² См.: Ежегодник Военно-юридической академии / сост. под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1878–79 г. № 1. СПб., 1879. С. 110.

⁹³ См.: там же. С. 109, 110.

пять профессоров и два адъюнкт-профессора⁹⁴. Указанные профессора вошли в состав Конференции Академии.

В 1879 г. развернулась оживленная дискуссия о статусе профессоров военных академий, в том числе Военно-юридической академии. Академическое сообщество было едино в своем мнении, которое нашло отражение в письме Председателя главного военно-учебного комитета Российской Империи от 27 марта 1879 г. № 24: «деятельность профессора заключается не только в передаче выработанных современной наукой данных, а стремится, напротив, главнейшим образом, к развитию и усовершенствованию самой науки и распространению точных о ней данных»⁹⁵.

На Конференции Академии 21 декабря 1878 г. было предложено профессорам военно-уголовного права и судопроизводства, уголовного и гражданского права и персонально адъюнкт-профессору Лузанову, преподающему военно-административные законы, представить начальнику Академии не позже 8 января несколько тем по преподаваемым ими предметам⁹⁶. На заседании Конференции Академии 23 января 1879 г. были утверждены первые темы и направления для диссертационных исследований⁹⁷, по результатам защиты которых претенденты получали право занятия должностей адъюнкт-профессоров, которые «полагаются только по кафедрам специального военно-юридического курса»⁹⁸ (ст. 68 Временного положения о ВЮА):

по военно-уголовному праву — «Пространство действия военно-уголовных законов» (вопрос этот может быть рассмотрен в связи с вопросом о юрисдикции военного суда); «О причинах невинения по военно-уголовному праву и в особенности о невинении деяний, совершаемых по приказанию начальника» (при этом должен быть выяснен вопрос об отношении в данном случае начала вменения к началу воинского повиновения);

по военно-уголовному судопроизводству — «Исторический очерк развития военно-судебных учреждений в России, с указанием отличий

в современной организации военного суда в России и важнейших государствах Европы»; «Сравнительный обзор способов обжалования, исправления и отмены военно-уголовных приговоров, решений и определений по русскому и французскому праву»;

по военно-административным законам — «Военно-окружное управление» (представить исторический очерк развития военного управления со времени учреждения постоянной армии до введения военно-окружной системы и сравнить эту последнюю систему с системами военного управления главнейших иностранных государств); «Призрение и обеспечение отставных военнослужащих и их семейств» (представить исторический очерк и сравнить ныне действующие постановления с узаконениями по этим вопросам главнейших иностранных государств).

Как вполне очевидно, темы перспективных диссертационных исследований подчас обозначали только основное направление исследования, что предполагало возможность корректировки названия темы в процессе исследования.

На Конференции 30 апреля 1879 г. (т.е. через два месяца после утверждения) темы диссертационных исследований были уже закреплены:

«Пространство действия военно-уголовных законов» — капитан Мельницкий, капитан-лейтенант Долгов;

«О причинах невинения по военно-уголовному праву и в особенности о невинении деяний, совершаемых по приказанию начальника» — капитан Гребенщиков, полковник Мушников;

«Исторический очерк развития военно-судебных учреждений в России, с указанием отличий в современной организации военного суда в России и важнейших государствах Европы» — капитан Мушников;

«Сравнительный обзор способов обжалования, исправления и отмены военно-уголовных приговоров, решений и определений по русскому и французскому праву» — капитан Шендзиковский⁹⁹.

Как видим, административно-правовая тематика потенциальных соискателей не заинтересовала, это объясняется тем, что юристов непосредственно в войсках в то время практически не было, соискатели поступали только из военно-судных органов и органов военной прокуратуры, имея задачей в качестве результата юридического исследования использование полученного материала в образовательной или практической деятельности.

⁹⁴ См.: Справочный отдел Ежегодника Военно-юридической академии / составлен под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1878—79 г. № 1. С. 8.

⁹⁵ См.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 1. Д. 240. Ч. 1.

⁹⁶ См.: Ежегодник Военно-юридической академии / сост. под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1878—79 г. № 1. С. 97.

⁹⁷ См.: там же. С. 103, 104.

⁹⁸ К специальным военно-юридическим предметам относились «Военно-Уголовные Законы», «Военно-Уголовное Судопроизводство» и «Военно-Административные Законы» (ст. 67 Временного положения о ВЮА).

⁹⁹ См.: Ежегодник Военно-юридической академии / сост. под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1879—80 г. № 2. СПб., 1881. С. 115.

Процесс подготовки соискателями диссертаций постоянно находился в поле зрения Конференции Академии. 30 сентября 1879 г. на собрании Конференции было принято решение «принять за правило, чтобы все диссертации рассматривались в особо назначенной для того из среды членов конференции комиссии, которая затем докладывает конференции свое заключение, подробно мотивированное...»¹⁰⁰.

Первое рассмотрение результатов исследования состоялось на Конференции Академии 20 ноября 1879 г., на которой фактически прошли предварительную защиту и были рекомендованы для опубликования диссертации капитана Мельницкого «Пространство действия военно-уголовных законов» и капитана Мушников «Очерк истории и современной организации военного суда в России и на западе Европы» (название темы был скорректировано в ходе исследования). Остальные диссертации были возвращены авторам¹⁰¹.

Диссертация капитана Шендзиковского «Сравнительный обзор обжалования, исправления и отмены военно-уголовных приговоров, решений и определений по русскому и французскому праву» была рекомендована к защите на собрании Конференции Академии 22 декабря 1879 г., на этом же собрании была назначена дата защиты диссертации Мельницким — 20 января 1880 г., для чего следовало назначить «диспутантов из среды членов конференции, оппонентов», которыми были назначены профессор Академии Неелов и Володимиров¹⁰². Дополнительным оппонентом «по указанию главного военного прокурора был назначен помощник военного прокурора Петербургского военно-окружного суда капитан Рыльке (приказ по Академии от 19.01.1880 № 6)¹⁰³. В соответствии с приказом по Академии от 19 января 1880 г. № 7 «при защите... диссертаций разрешается присутствие господам обучающимся офицерам и гражданским чиновникам военно-судебного ведомства, одетым быть в сюртуках при погонах, а гражданским слушателям в соответствующей форме»¹⁰⁴. *Успешная защита первой диссертации по военно-уголовному праву состоялась 20 января 1880 г.*

Защита диссертаций капитанами Мушниковым и Шендзиковским была назначена соответственно на 13 апреля и 11 мая 1880 г.¹⁰⁵ В отчете

«О состоянии Военно-юридической академии в 1879 году» было отмечено, что в истекшем году из шести представленных к защите диссертаций пять допущены к защите¹⁰⁶. Система подготовки научных военно-юридических кадров заработала. В Академии на системной основе начали проводиться исследования по различным направлениям военного права в интересах как образовательного процесса (военно-юридического образования), так и практической деятельности¹⁰⁷.

С защитой первых диссертаций по военному праву все три предпосылки (условия), о которых шла речь во введении к настоящей статье, нашли свою реализацию, что стало свидетельством институционализации на базе Военно-юридической академии военно-юридической науки как социального института. Военно-юридическая наука стала включать все три составляющие, характеризующие любую науку как социальный институт:

- 1) исследования (производство нового знания);
- 2) приложения (доведение новых знаний до их практического использования, в том числе в образовательном процессе);
- 3) подготовку научных кадров.

Слушатели специального курса в процессе учебы также готовили письменные работы (дипломные работы), которые оценивались по 12-балльной системе и учитывались в итоговой оценке слушателей при выпуске из Академии. В фондах Российского государственного военно-исторического архива находятся такие дипломные работы, подготовленные слушателями Академии:

«Исторический очерк русского военно-уголовного законодательства об уклонении от службы» (Нилов, 1882)¹⁰⁸;

«Уставы от Петра I и до 1891 г.» (капитан Дурахлер, 1891)¹⁰⁹;

«Право жалобы военнослужащих» (штабс-капитан Казачков)¹¹⁰;

¹⁰⁶ См.: Справочный отдел к Ежегоднику Военно-юридической академии. Учебный 1879–80 г. № 2. С. II.

¹⁰⁷ См. также: приказы по ВЮА № 42 и № 45 за 1886 г. «О публичной защите диссертации преподавателем Трифоновым» // Ежегодник Военно-юридической академии / сост. под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1879–80 г. № 7 и 8. СПб., 1881. Оглавление. С. X. Защита диссертации состоялась 30 марта 1886 г., «по решению Военного министра для присутствия на защите 30 сего марта диссертации А. Трифоновым назначен старший помощник юрисконсульта Военного министерства коллежский советник Соловьев» (см.: там же. С. 140, 203).

¹⁰⁸ См.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 2. Д. 12.

¹⁰⁹ См.: там же. Д. 58.

¹¹⁰ См.: там же. Д. 189.

¹⁰⁰ Ежегодник Военно-юридической академии / сост. под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1879–80 г. № 2. С. 133.

¹⁰¹ Там же. С. 137, 138.

¹⁰² См.: там же. С. 143, 144.

¹⁰³ См.: там же. С. 194.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ См.: там же. С. 152.

«Преступления против дисциплины в военно-уголовных кодексах иностранных держав» (пору-чик Апрелев)¹¹¹;

«Экспертиза по военно-судному уставу и по уставу уголовного судопроизводства» (пору-чик Каменский)¹¹² и др.

В целях стимулирования успехов в учебном процессе для слушателей были утверждены пре-мии имени статс-секретаря Его Императорского Величества В.Д. Философова (Главного военно-го прокурора) в размере 150 и 125 руб.¹¹³ Премии присуждались Конференцией Академии «двум до-стойнейшим из числа штатных слушателей» (п. 3 Положения о премиях статс-секретаря тайного со-ветника Философова). Впервые премии были при-суждены Конференцией Военно-юридической академии 16 мая 1881 г. подпоручику Болдыреву и поручику Дорошевскому¹¹⁴.

Перед защитой диссертации должны были публиковаться¹¹⁵.

В начале 80-х годов XIX в. был запущен процесс подготовки диссертационных исследований на си-стемной основе. Военно-юридическая наука как поступательный процесс получения нового знания сложилась тогда, когда научные исследования пе-рестали быть уделом отдельных энтузиастов (при-мер научной работы А. Эртеля), наука (объем зна-ний) и научный процесс (получение новых знаний) были инкорпорированы в учебную деятельность Военно-юридической академии.

Таким образом, процесс *формирования* систе-мы военно-юридических исследований завершил-ся с защитой первой диссертации в 1880 г. капи-таном Мельницким. И уже в 1882 г. при подготов-ке к празднованию 50-летия военно-юридической школы П.О. Бобровский отмечает, что в Акаде-мии сформировалась «*ученая и учебная деятель-ность*»¹¹⁶ (курсив наш. — Авт.). В поздравительных

телеграммах и письмах к юбилею содержатся по-желания «о преуспевании научного дела»¹¹⁷, стре-миться «впредь к развитию военно-уголовной нау-ки...»¹¹⁸ и т.д.

Термин «военно-юридическая наука» прочно вошел в служебную переписку Академии. Тем са-мым был подведен итог решения целевой задачи по формированию и становлению в ВЮА военно-юридической науки как системной функции по по-лучению нового знания о правовых процессах во-енной деятельности государства, стартовавшей 30 января 1876 г.

В основе научной деятельности лежит творче-ский процесс, формы которого весьма разнообраз-ны. 26 сентября 1882 г. в Конференцию Академии поступила записка, в которой был поставлен вопрос о выпуске специального военно-юридического жур-нала — «журнал, затрагивая важнейшие вопросы правопорядка в армии, будет проводником юриди-ческих понятий в среду войск. <...> Академия станет центром разрешения в принципе всяких практиче-ских вопросов права и будет иметь больше шан-сов содействия тому, чтобы право было для войска, а не войско для права»¹¹⁹.

Таким образом, под руководством начальника Военно-юридической академии П.О. Бобровско-го в период с 1876 по 1882 г. была создана *система исследовательской работы по военно-юридическому направлению, что привело к созданию военно-юридической науки, датой ее зарождения является 30 января 1876 г.*

Становление академической военно-юридической науки. Формирование военно-юридической нау-ки прошло в своем развитии три значимых этапа (периода), каждый из которых связан с развитием академической школы военно-юридической науки.

Первый этап связан с созданием Военно-юридической академии (впоследствии Алек-сандровской военно-юридической академии) и именем ее начальника — генерала от инфанте-рии П.О. Бобровского, который фактически соз-дал высокопрофессиональную систему военно-юридического образования в России, сформиро-вал научную школу военного права и лично провел фундаментальные исследования по истории воен-ного права, став основателем исторической школы военного права.

¹¹⁷ Телеграмма Одесского военного окружного суда от 10 ноя-бря 1882 г. № 3864, подписанная генерал-лейтенантом Кири-линым (см.: там же).

¹¹⁸ Письмо профессора Неелова на имя П.О. Бобровского (см.: там же).

¹¹⁹ Записка не имела автора. Разрешение этого вопро-са на собраниях Конференции в архивах РГВИА обнаружить не удалось (см.: там же. Д. 272).

¹¹¹ См.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 2. Д. 190.

¹¹² См.: там же. Д. 201.

¹¹³ См.: Приказ по военному ведомству от 20.12.1879 № 334.

¹¹⁴ См.: Ежегодник Военно-юридической академии / сост. под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1880—81 г. № 3. СПб., 1882. С. 87.

¹¹⁵ См., напр.: *Мушников А.А.* Очерк истории и современ-ной организации военно-судебных учреждений в России и на западе Европы: дис. СПб., 1880 (литограф. изд.); *Кузьмин-Каравеев В.Д.* Характеристика Общей части уложения и Воин-ского устава о наказаниях: дис. на тему, предложенную конфе-ренцией Военно-юридической академии. СПб., 1890; *Фале-ев Н.И.* Цели воинского наказания: дис. на соискание звания экстраординарного профессора по кафедре военно-уголовных законов в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902; *Бессонов Д.Д.* Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве: дис. СПб., 1907.

¹¹⁶ См.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 1. Д. 275. Ч. 2.

П.О. Бобровский своим примером показал горизонты научных военно-юридических исследований; он автор таких фундаментальных научных трудов, как «Военное право в России при Петре Великом» (1879–1898)¹²⁰, «Переход России к регулярной армии» (1885)¹²¹, «Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исследование» (1887)¹²², «Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии» (1882)¹²³ и др.¹²⁴, которые вдохновили многих юристов на исследования по различным направлениям военно-юридической деятельности в Российском государстве¹²⁵.

Как отмечают современные исследователи, «к моменту создания ВЮА военно-правовых наук, в собственном смысле слова, не существовало нигде в мире. Ученые Александровской военно-юридической академии поистине разрабатывали “целину”. <...> Они шагнули дальше других иностранных ученых-юристов»¹²⁶.

В последней четверти XIX и начале XX в. преподавание военно-правовых дисциплин осуществлялось по трем направлениям: военно-административное право (военная администрация),

военно-уголовное право и военно-судебное право. Развитие военно-юридической науки в XIX в. способствовало появлению учебных изданий по военно-уголовному праву¹²⁷, военно-административному праву¹²⁸, военно-судебному праву¹²⁹. С 1878 г. в Академии начинает преподаваться «учебная дисциплина “право войны” в соединении с международным правом», курс которой читал в тот период молодой ученый Н.М. Коркунов¹³⁰.

Александровская военно-юридическая академия почти за 40 лет своего существования показала блестящий пример не только учебной, но и научной деятельности. Именно с ней связан «золотой век» военно-юридической науки¹³¹.

Военно-юридическая наука была прочно инкорпорирована в военно-юридическое образование. Однако фундаментальная академическая военно-юридическая наука зародилась в недрах Александровской военно-юридической академии, именно она дала старт формированию современной теории военного права.

Второй этап связан с деятельностью военно-юридической секции Института права Академии наук СССР и Военно-юридической академии Красной Армии, по инициативе которых в 1940 г.

¹²⁰ Бобровский П. О. Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России; Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Вып. 3. Разд. 1. Разд. 2. Артикул воинский по русским и иностранным источникам. Характеристика военного искусства и состояния дисциплины в войсках XVII и начала XVIII столетия. Обзор глав XIII, XIV, XV и XVI (арт. 101–132). Преступления против чести личной и родовой. Обзор глав XVII и XVIII (арт. 133–153) и патента о поединках (гл. XLIX Уст. воинск.) / изложил в параллель со швед. Воен. арт... и др. иноземными законами П.О. Бобровский. СПб., 1898.

¹²¹ Бобровский П. О. Переход России к регулярной армии: исследование.

¹²² Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: историко-юридическое исслед. П.О. Бобровского: с прил. снимков подлинной рукоп. Артикула воинского. СПб., 1887.

¹²³ Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии: [Гл. из приготавливаемого к печати труда «Военное право в России при Петре Великом». Ч. 1. «Обзор памят. рус. воен.-уголов. законод.»]: По рус. и иностр. памятникам / сост. ген.-лейт. П. Бобровский. М., 1882.

¹²⁴ См., напр.: Бобровский П. О. Старо-Шведское военное право: [Гл. 3 из соч. под загл.: Состояние военного права в Зап. Европе в эпоху учреждения постоянных войск (XVI, XVII и начало XVIII в.)]. М., 1881; *Его же*. Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: ист. исследование. 2-е изд. с доп. пояснениями; Бобровский П. О. Зачатки реформ в военно-уголовном законодательстве в России: [Гл. из приготавливаемого к печати труда «О состоянии военного права в России при Петре Великом»]. СПб., 1882.

¹²⁵ См. подр.: Военная юстиция в России: история и современность. С. 284, 285.

¹²⁶ Там же. С. 287.

¹²⁷ См., напр.: Кузьмин-Караваев В. Д. Военно-уголовное право. 1. Введение. Часть общая. 1. Учение о военно-уголовном законе. II. Учение о воинском преступном деянии. СПб., 1895; Курс военно-уголовного права. Лекции, читаемые в Военно-юридической академии проф. Я.А. Нееловым в 1884/85 акад. году: в 2 т. СПб., [Б. г.]; Курс военно-уголовного законоведения 1880/81 учебного года. [Б. м.], [Б. г.] (Литогр. изд.); Курс военно-уголовного законоведения 1877/8 учебного года. М., 1878.

¹²⁸ См.: Лузанов П. Конспект лекций по военно-административным законам. СПб., 1887; Добровольский А. М. Военно-административное право. Лекции, читанные в 1913–1914 учеб. г. Издал шт.-капитан Калинин. СПб., 1914 (Литогр. изд.); *Его же*. Военно-административное право. Лекции, читанные в 1906–1907 учеб. г. Издал поручик Савчинский. СПб., 1907 (Литогр. изд.).

¹²⁹ См.: Володимиров В. М. Руководство к изучению военно-судебного устава. Общие положения и подсудность. СПб., 1896; *Его же*. Конспективный курс военно-уголовного судопроизводства и судопроизводства. СПб., 1893; Лекции по военному судопроизводству, читанные в 1912 году в Александровской Военно-юридической Академии профессором генерал-майором С.С. Абрамович-Барановским. Издал шт.-капитан Ласточкин. СПб., 1913. (Литогр. изд.); и др.

¹³⁰ Впервые вопрос о преподавании в Академии права войны был поставлен и обсуждался на собрании Конференции Академии 2 октября 1876 г., была представлена развернутая программа соответствующего курса (журнал № 150) (см.: РГВИА. Ф. 348. Оп. 1. Д. 176. Д. 238).

¹³¹ См. подр.: Шаранов С. Н. Наука военно-уголовного права в истории военно-юридической науки: возникновение, расцвет, забвение («золотой век» — конец XIX — начало XX века) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2025. № 9. С. 2–10.

состоялась Первая научная конференция Военно-юридической академии Красной Армии.

Военно-юридическая секция Института права АН СССР была создана в конце 30-х годов прошлого столетия. Ее возглавлял чл.-корр. АН СССР С.А. Голунский. Секция состояла из четырех подсекций: общих военно-юридических проблем (акад. И.П. Трайнин, начальник ВЮА С.В. Ромазан, проф. Е.А. Коровин, проф. Д.М. Генкин и др., всего 32 человека), уголовного права (профессора А.А. Герцензон, Б.С. Маньковский, А.Н. Трайнин, доц. В.М. Чиквадзе и др., всего 13 человек), судебного права (чл.-корр. С.А. Голунский, чл.-корр. М.С. Строгович и др., всего 17 человек), административного права (доц. С.С. Студеникин, Н.А. Виноградов, адъюнкты А.Е. Лунев и И.Ф. Побежимов и др., всего 12 человек)¹³².

На заседаниях секции прошли первые обсуждения в 1940 г. исследований по военно-правовым вопросам: докладов В.М. Чиквадзе «К вопросу о предмете военно-уголовного права СССР», «Понятие воинского преступления» и «Обстоятельства, исключающие общественную опасность действий в военно-уголовном праве» (в обсуждении принимал участие директор Института акад. А.Я. Вышинский, который поддерживал тезисы о военном праве как части советской системы права), С.С. Студеникина «Предмет и система советского военно-административного права», С.А. Голунского и С.В. Ромазана «О возможности конструирования в системе социалистического права особой отрасли военного права и о ее соотношении с другими отраслями», плана диссертации А.Е. Лунева «Комплектование Красной Армии» и его же научного доклада «Всеобщая воинская обязанность в СССР» и др.¹³³

Однако следует отметить существенный вклад секции в разработку теории военного права. В ходе заседания секции 23 декабря 1940 г., на которой был заслушан доклад С.А. Голунского и С.В. Ромазана, С.А. Голунский провидчески заметил, что «правовые нормы, которые содержатся в наших боевых уставах, в полевых уставах и боевых уставах отдельных родов войск, не укладываются, по моему глубокому убеждению, ни в какие рамки тех отраслей права, которые у нас существуют». С его точки зрения, боевые уставы имеют двойственный характер — военный (тактический) и правовой, поскольку порождают определенные права и обязанности, несоблюдение которых влечет юридическую

ответственность, вплоть до уголовной¹³⁴. К сожалению, с этим докладом научная общественность ознакомилась только через 85 лет в ходе масштабной исследовательской работы по выявлению истоков зарождения военно-юридической науки¹³⁵.

После 22-летнего перерыва после ликвидации в 1917 г. Александровской военно-юридической академии 5 ноября 1939 г. на базе военно-юридического факультета при Всесоюзной правовой академии¹³⁶ была создана *Военно-юридическая академия РККА* (1939–1956)¹³⁷.

В предшествующие созданию академии годы практически никаких исследований и разработки теории военного права не велось. Однако уже чуть более чем через полгода после создания ВЮА состоялась Первая научная конференция Военно-юридической академии Красной Армии (9–11 мая 1940 г.) (далее — Первая конференция)¹³⁸, на которой, кроме прочих, активно обсуждались вопросы формирования теории военного права.

По итогам Первой конференции начальник академии С.В. Ромазан подготовил статью «К вопросу о проблеме военного права», в которой были подведены итоги состоявшегося обсуждения проблем теории военного права¹³⁹. Отметим, что теоретический базис Военно-юридической академии РККА был основан на достижениях Александровской ВЮА, научные труды которой ученые новой академии активно изучали и использовали в своих дискуссиях, подчас подвергаясь критике своих оппонентов.

По мнению С.В. Ромазана, военное право является одной из основных отраслей системы права

¹³⁴ См.: Стенограмма заседания военно-юридической секции Института права АН СССР по докладу С.А. Голунского и С.В. Ромазана на тему «О возможности конструирования в системе социалистического права особой отрасли военного права и ее соотношении с другими отраслями» от 23 декабря 1940 г. (см.: Архивы РАН. Ф. 1934. Оп. 1. Д. 198. Инд. 632. С. 8, 9).

¹³⁵ Доказательство этого тезиса состоялось через 85 лет (см.: Кудашкин А.В. Боевые уставы Вооруженных Сил Российской Федерации — источники права военных конфликтов // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2025. № 3. С. 2–13).

¹³⁶ Факультет создан приказом Народного Комиссара Обороны от 11 мая 1936 г. № 80.

¹³⁷ 5 ноября 1939 г. Совет Народных Комиссаров Союза ССР принял постановление № 1829-476 «Об организации Военно-юридической академии Наркомата обороны» (впоследствии Военно-юридическая академия РККА; ВЮА Красной Армии; с 1948 г. — Военно-юридическая академия Вооруженных Сил СССР; с 1950 г. — Военно-юридическая академия Советской Армии).

¹³⁸ См.: Труды Военно-юридической академии Красной Армии. Вып. 1 / отв. ред. С.А. Голунский. М., 1940.

¹³⁹ См.: Ромазан С.В. К вопросу о проблеме военного права // Там же. С. 3–10.

¹³² См.: Архивы РАН. Ф. 1934. Оп. 1. Д. 280. Инд. 221.

¹³³ См.: Информационная система «Архивы РАН». URL: <https://isaran.ru/?q=ru/opis&guid=75F2570E-3EC0-8AC6-6E2B-7312C74F382C&ida=1> (дата обращения: 15.08.2025).

наравне с другими (государственным, административным, судебным, исправительно-трудовым, уголовным, промышленным, торговым, транспортным, кооперативным, финансовым, трудовым, гражданским, семейным, жилищным). Значение С.В. Ромазана для формирования теории военного права заключается в том, что, возглавив ВЮА, будучи уверенным в существовании военного права как отрасли советской системы права, он поставил задачу профессорско-преподавательскому составу по научному поиску доказательств отраслеобразующих признаков военного права, тем самым определив направления научного поиска ученых ВЮА на ближайшую перспективу.

В разработке теории и подготовке учебных изданий значительно продвинулась школа военно-уголовного права. Наиболее значимой работой в этой области является двухтомный курс проф. В.М. Чхиквадзе¹⁴⁰, в котором автор обосновал существование военно-уголовного права как отрасли социалистического права.

По военно-административному праву было подготовлено большое количество учебных изданий А.Е. Луневым, С.С. Студеникиным, Н.А. Виноградовым¹⁴¹.

По военно-судебному праву были изданы два учебных пособия С.А. Голунского и Д.С. Карева¹⁴². В этот период издавались также пособия по военно-социальным вопросам¹⁴³.

В 1947 г. начальник кафедры военно-уголовного права ВЮА проф. В.М. Чхиквадзе, проведя глубокие исследования по военно-уголовному праву и защитив докторскую диссертацию¹⁴⁴, публикует программную статью по теории военного права:

¹⁴⁰ См.: Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право. Ч. 1. Общая / под ред. И.Т. Голякова. М., 1946; *Его же*. Военно-уголовное право. Ч. 2. Особенная / под ред. И.Т. Голякова. М., 1947; см. также: Чхиквадзе В.М., Савицкий М.Я. Советское уголовное право: учеб. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1941; Чхиквадзе В.М. Советское военно-уголовное право: учеб. М., 1948.

¹⁴¹ См.: Студеникин С., Лунев А. Советское военно-административное право: учеб. пособие. Ашхабад, 1942; Советское военно-административное право. Общая часть: учеб. пособие для слушателей ВЮА; написали полк. Н.А. Виноградов и др. М., 1945; Советское военно-административное право. Особенная часть: учеб. пособие для слушателей ВЮА; написали полк. Н.А. Виноградов и др. М., 1945; Советское военно-административное право: учеб. / под ред. А.Е. Лунева. М., 1951. Ч. 1.

¹⁴² См.: Голунский С.А., Карев Д.С. Военные суды и военная прокуратура: учеб. по специальной части судостроительства. М., 1940; Карев Д.С. Особенности судостроительства в органах военной юстиции: учеб. пособие для слушателей ВЮА. М., 1947.

¹⁴³ См.: Лунев А.Е. Льготы, пенсии и пособия военнослужащих. Ашхабад, 1942; Виноградов Н.А. Правовое положение семей военнослужащих. Ашхабад, 1942.

¹⁴⁴ См.: Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1946.

«Некоторые вопросы советского военного права». Значение военно-теоретического наследия В.М. Чхиквадзе в том, что он прочно стоял на личном понимании существования отрасли военного права, его понимании постоянного развития военного права вместе с военной наукой, обусловленности роли военного права для боеспособности армии; в силу недостаточной разработанности теории права в целом и неразработанности теории военного права в частности его воззрения послужили исходной позицией для дальнейшего развития теории военного права. И в этом смысле он является основателем советской теории военного права¹⁴⁵.

Непосредственное отношение к формированию военного права имеет и будущий выдающийся советский ученый-юрист акад. В.Н. Кудрявцев, который в 1949 г. окончил Военно-юридическую академию Красной Армии, сделал в ней блестящую научную карьеру и в статусе ученого секретаря принял участие в 1954 г. в широкой дискуссии, посвященной теоретическим вопросам советского законодательства, поддержав идею отраслевой самостоятельности военного права, но при этом справедливо отметив, что «у нас оказались в значительной мере неподготовленными вопросы о системе права, о принципах создания отраслей права, о связи права с социально-экономическими, общественными отношениями, т.е. все те вопросы, от правильного разрешения которых зависит и тот или иной подход к проблемам военного законодательства»¹⁴⁶. Уже будучи директором Института государства и права Академии наук СССР, акад. В.Н. Кудрявцев в своих выступлениях поддерживал отраслевую самостоятельность военного права. И в этом проявился его дар научного предвидения, основанный на глубоком знании теории права и его личных теоретических убеждениях.

Отметим следующие заслуги военно-юридической секции Института права АН СССР и ВЮА в формировании теории военного права¹⁴⁷:

в научном плане идея самостоятельности военного права окончательно не была отвергнута, но объяснение было найдено в комплексном характере регулируемых общественных отношений;

был поставлен вопрос о существовании ядра военных отношений, под которым понимались отношения по несению военной службы. Это был

¹⁴⁵ См. подр.: Кудашкин А.В. Профессор В.М. Чхиквадзе — основатель советской теории военного права // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 179–195.

¹⁴⁶ Материалы сессии Совета Военно-юридической академии, посвященной теоретическим вопросам советского военного законодательства. 14–15 апреля 1954. М., 1954.

¹⁴⁷ См. подр.: Кудашкин А.В. Институт государства и права РАН/Академия военных наук: доказательство «правовой теоремы Ферма» (третья парадигма военного права). С. 2–14.

правильный методический подход к исследованию военных отношений, только ошибка заключалась в том, что суть отношений, входящих в ядро военного права, им не была связана с регулированием отношений, возникающих в ходе боевых действий.

По результатам второй дискуссии по военному праву сформировалась парадигма комплексности военного права¹⁴⁸. Ее суть в следующем:

изучались специфические особенности общественных отношений, которые подвергаются изменению под воздействием отношений вооруженной борьбы;

исследовались особенности вторичных отношений, которые не являются отношениями вооруженной борьбы, но соприкасаются с первичными, базисными отношениями вооруженной борьбы, подвергаются воздействию этих отношений, обретая специфические особенности. Эти специфические особенности не могут формировать общественные и правовые явления, так как роль у них обеспечивающая, а не определяющая саму сущность явления. Именно в силу того, что наука военного права преимущественно обращала внимание на исследование специфических свойств общественных отношений, обеспечивающих военный конфликт, а не отношений самого военного конфликта, составляющих этот конфликт отношений вооруженного противоборства, вооруженной борьбы, военно-правовая мысль отрицала самое очевидное — связанность этих отношений с другими, обеспечивающими отношениями (финансовыми, административными, уголовно-правовыми, гражданско-правовыми и т.д.) и опосредующими их надстроечными правовыми явлениями (финансовым правом, административным правом, уголовным правом, гражданским правом и т.д.), что в конечном счете порождало отрицание самостоятельности отрасли военного права либо в лучшем случае формировало представление о комплексности военных отношений, их связанности и переплетении с иными, не военными отношениями, и как результат — была сконструирована парадигма комплексности военного права.

В 1956 г. были осуществлены реорганизация Военно-юридической академии (фактически расформирование) и создание на ее базе военно-юридического факультета Военно-политической академии им. В.И. Ленина, в которой он просуществовал с 1956 по 1974 г. Созданная в Военно-юридической академии Красной Армии научная школа военно-юридической науки фактически прекратила свою деятельность, значительное количество профессорско-преподавательского состава

бывшей ВЮА не продолжило работу на вновь образованном факультете, как следствие, это отразилось и на учебном процессе, и на выходе учебных изданий.

Разработка теории военного права была прекращена на многие десятилетия и возобновилась только в конце 20-х годов текущего столетия¹⁴⁹.

12 августа 1974 г. военно-юридический факультет был переведен в состав Военного института Министерства обороны СССР¹⁵⁰ (1974–1992), который в 1992 г. вошел в состав Военной академии экономики, финансов и права Минобороны России (1992–1994), реорганизованной в 1994 г. в Военный университет Министерства обороны РФ¹⁵¹.

В 1979 г. в Военном институте Министерства обороны СССР создается специализированный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций по юридическим наукам. В 1981 г. происходит институционализация военного права как самостоятельной научной специальности — в номенклатуре специальностей научных работников впервые появляется научная специальность «военное право, военные проблемы международного права». Военно-юридическая наука постепенно начала возрождаться. Так, например, по уголовно-правовым дисциплинам с 1994 по 2008 г. было защищено четыре докторских и 36 кандидатских диссертаций. В 90-х годах прошлого века начала преподаваться учебная дисциплина «Военно-уголовное право»¹⁵².

С созданием в Военном институте Минобороны СССР диссертационного совета по военному праву, с одной стороны, интенсифицировались научные исследования особенностей военно-правовых отношений по различным направлениям права (административно-правовому, уголовному, уголовно-процессуальному, гражданско-правовому и др.), что в значительной степени укрепило позиции комплексности военного права, а с другой — именно комплексность в подходе к пониманию военного права породила искажения объективной

¹⁴⁹ Отметим, что в этот период проводились научные исследования по отдельным направлениям военно-юридической науки. Так, например, начиная с 1974 г. разрабатывалась научная дисциплина «Теория военно-уголовного законодательства».

¹⁵⁰ Военный институт Министерства обороны СССР был создан на базе Военного института иностранных языков Красной Армии.

¹⁵¹ См.: Указ Президента РФ от 20.07.1994 № 1523 «О создании Военного университета и Военного финансово-экономического факультета при Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1497.

¹⁵² Военно-уголовное законодательство: краткий учеб. курс / под ред. М.К. Кислицына. М., 2002; Военно-уголовное право: учеб. / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина; предисл. А.Я. Петроченкова. М., 2008; и др.

¹⁴⁸ См.: Кудашкин В.В. Общественные отношения военных конфликтов. С. 10, 11.

реальности существования специфических военных правоотношений.

Одновременно во второй половине прошлого столетия *военно-правовые вопросы разрабатывались в рамках академической правовой науки* по направлению международно-правовых исследований. К военно-правовой проблематике наиболее приблизились ученые Института государства и права АН СССР. Традиции советской академической школы военного права связаны с именами известных советских ученых, работавших в Институте в разные годы, профессорами И.Н. Арцибасовым, И.И. Лукашук, А.И. Полтораком, П.С. Ромашкиным, Л.И. Савинским, В.М. Чхиквадзе¹⁵³ и др.

В целом можно сформулировать следующие выводы советской академической школы военно-юридической науки¹⁵⁴:

право вооруженных конфликтов является отраслью международного права, которое охватывает не только гуманитарные нормы, но и играющие весьма существенную роль общие правила ведения военных действий, что, в свою очередь, не принижает значения того факта, что право вооруженных конфликтов в целом основано на гуманных принципах и преследует гуманные цели;

международное гуманитарное право, применяемое в вооруженных конфликтах, составляет сердцевину права вооруженных конфликтов.

Деятельность Института государства и права АН СССР по военно-правовой проблематике заложила основной теоретический фундамент для исследования теории современного военного права и его ядра — права военных конфликтов.

Третий (современный) этап связан с фундаментальными исследованиями теории военного права в Институте государства и права Российской академии наук. В Институте создан междисциплинарный Центр правовых исследований в области обороны и оборонно-промышленного комплекса; на базе Института — отделение военного права Академии военных наук и Комиссия по военному праву Ассоциации юристов России. Совокупная результативная деятельность указанных научных

творческих коллективов под руководством Института государства и права РАН сформировала современную *академическую школу военного права и военно-юридической науки*.

Проведенные исследования позволили сформулировать универсальное определение военного права — это исторически сложившаяся отрасль российского права, *регулирующая* отношения в области военной деятельности государства, имеющая специфический обособленный предмет и метод правового регулирования в целях *достижения победы* в вооруженной борьбе, а в условиях мирного времени — военной безопасности Российской Федерации. В таком качестве данная отрасль российского права представляет собой систему установленных государством военно-правовых норм, закрепляющих правила подготовки и урегулирования военных конфликтов, правила ведения боевых действий, правовое положение (статус) участников военной деятельности, а также правовые основы военной деятельности государства в целях обеспечения его военной безопасности. *Военный (боевой) аспект* отрасли российского права определяет особенность (тем самым и обособленность) предмета и специфику метода правового регулирования. Именно достижение победы в вооруженной борьбе является целью правового регулирования всей совокупности отношений в государстве в области военного строительства¹⁵⁵.

Следует также отметить определения основных отраслеобразующих признаков военного права. Нормы военного права *устанавливают* понятие войны (вооруженного конфликта), правовые основы отношения государства к войне (вооруженному конфликту) и направления политики в целях обеспечения его военной безопасности; *регулируют* порядок поддержания мобилизационной готовности Вооруженных Сил РФ, других государственных военных организаций, органов и воинских формирований, экономики и граждан к отражению нападения, правила ведения вооруженной борьбы и достижения победы в войне (вооруженных конфликтах); *закрепляют* правовое положение (статус) и ответственность участников военной деятельности, правомерность применения ими вооружений и иных средств для достижения целей войны, а также отношение к военнопленным (иным участникам боевых действий) и гражданскому населению на занимаемых или оккупированных территориях как в период боевых действий, так и после их завершения. Перечисленные вопросы составляют основную предметную область именно отношений военного права.

¹⁵³ См.: Курс международного права: в 7 т. Т. 6: Отрасли международного права / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.А. Ушаков. М., 1992 (Глава 9 «Право вооруженных конфликтов» — авторы И.Н. Арцибасов и И.И. Лукашук); Полтораков А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976; Ромашкин П.И. Военные преступления империализма. М., 1953; Его же. Преступления против мира и человечества. М., 1967; Чхиквадзе В.М. Военно-уголовное право. Часть 1. Общая / под ред. И.Т. Голякова; Его же. Военно-уголовное право. Часть 2. Особенная / под ред. И.Т. Голякова; и др.

¹⁵⁴ См. подр.: Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / авт. кол. под рук. А.В. Кудашкина. М., 2024. С. 158—190.

¹⁵⁵ См.: Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Указ. соч. С. 9, 23, 28.

Для военного права характерен специфический *метод правового регулирования* — совокупность правовых приемов и средств воздействия на отношения, сопровождающие военную деятельность государства, имеющие преимущественно императивный характер, направленные на достижение целей и поставленных задач *в условиях боевого воздействия* на противника (вооруженных конфликтов, ведения боевых действий), *в том числе допускающие возможность правомерного лишения жизни, здоровья личного состава противника (комбатантов) и иных последствий (например, причинение ущерба инфраструктуре противника)*, а также регулирование иных военных отношений по подготовке к вооруженной борьбе (боевому или военному противодействию)¹⁵⁶.

Основные научные проекты академической школы военного права

Савенков А. Н. Государство и право. Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2021.

Фундаментальный военно-теоретический труд — монография «Военное право»:

Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. М., 2021. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием); Т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права); 2022. Т. 3. Кн. 1: Основные проблемы и перспективные направления исследования военного права; 2023. Т. 3. Кн. 2: Основные итоги исследования: курс военного права / под общ. ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. М., 2023.

Батырь В. А. Международное территориальное право. М., 2021.

Военное право: учеб. / под ред. А. Н. Савенкова, А. В. Кудашкина. М., 2021.

Кудашкин В. В. Правовые основы военнотехнического сотрудничества: в 3 т. М., 2018.

Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / авт. кол. под рук. А. В. Кудашкина. М., 2024.

Исследование в рамках научного проекта «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России». По результатам исследования подготовлены монографические издания: «Генезис военного права России», «Фундаментальные концепты теории военного права:

системно-правовое исследование», «Теория военного права: история создания (хрестоматия)».

Монография «Повышение эффективности функционирования оборонно-промышленного комплекса страны правовыми средствами». Выход монографии запланирован на 2026 г.

Заключительная часть

Осталось подвести итоги, в том числе ответить на один вопрос: какая дата может быть принята в качестве дня рождения военно-юридической науки?

Не только для военно-юридического научного сообщества, но и для государства в целом существенно важным является определение отправной точки (даты), с которой эволюционные процессы формирования правовых основ военной организации государства обрели строго научное основание. Важность этого обусловлена имманентностью военной организации Российского государства и, соответственно, объективной обусловленностью ее эффективного функционирования научно обоснованными, теоретически доказанными положениями. Мера суверенности государства в значительной степени зависит от научных оснований функционирования ее военной организации, в том числе научных военно-юридических оснований.

Итак, перед нами два события. Собрание Конференции Военно-юридической академии 30 января 1876 г. поставило задачу профессорско-преподавательскому составу по организации образовательной деятельности на научной основе, тем самым сделав Академию не только образовательным учреждением, но и научным. Указанная дата является триггером процессов окончательного формирования необходимых условий для становления военно-юридической науки как социального института. Конференция фактически дала старт формированию третьего (завершающего) условия формирования военно-юридической науки — системного процесса по получению новых знаний.

В то же время финалом большого комплекса организационных мероприятий по формированию военно-юридической науки является дата 20 января 1880 г., когда в Военно-юридической академии капитаном Мельницким была защищена первая диссертация, т.е. эта дата символизирует завершение процесса *формирования системы* военно-юридических исследований.

Безусловно, получение научного результата для любой науки есть в определенной мере смысл и ее естественное существо как социального явления. Вместе с тем определяющим в данном вопросе является не сам факт получения результата, а то, чем является этот результат для науки, повлиял ли он на научную картину в области научного знания,

¹⁵⁶ См.: Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Указ. соч. С. 25, 26.

в которой это событие произошло. Защита первой диссертации представляет собой отражение несомненно важного и, можно сказать, эпохального события, когда Конференция ВЮА объявила парадигмальное направление развития военно-юридической сферы военной организации — развитие на научной основе, что обусловило создание нового облика военного права — научно обоснованную форму его существования. Решение Конференции от 30 января 1876 г. способствовало формированию современного развитого состояния и высокого академического уровня военно-юридической науки. Именно эта дата отражает начало исследования военно-юридических процессов на научной основе, обусловленных потребностями и интересами государства.

При оценке значения указанных дат для военно-юридической науки становится вполне очевидным, что *отправной точкой*, «*пусковым крючком*» формирования *такой системы явилось решение Конференции Военно-юридической академии от 30 января 1876 г.* о начале формирования *научного статуса* Академии. Без такого решения неизбежный процесс институционализации военно-юридической науки был бы завершён в более поздние сроки. 30 января 1876 г. фактически является *датой рождения военно-юридической науки*. В этой связи нельзя не отметить значение для военно-юридической науки роли начальника Военно-юридической академии П.О. Бобровского, которое заключается в том, что, используя опыт реформирования военных учебных заведений и личную сформировавшуюся методологию исследования проблем военной науки, он ее успешно применил для решения государственно значимой задачи по формированию в России системы военно-юридического образования на научной основе и проведения им лично историко-правовых исследований по широкому кругу вопросов военной деятельности, тем самым сформировав историческую школу науки военного права и создав систему военно-юридической науки.

Военно-юридическая наука — это систематическая научная деятельность по получению нового знания о правовых процессах, связанных с военной деятельностью государства; полученное новое знание составляет основное содержание науки военного права.

Предпосылки формирования в России военно-юридической науки сформировались к 1876 г., к 1880 г. сложились необходимые условия для проведения на постоянной основе военно-правовых исследований:

сформировался объект исследования — систематизированное военное законодательство и первые источники науки военного права;

сформировалась исследовательская инфраструктура — Военно-юридическая академия

и ее высокопрофессиональный профессорско-преподавательский состав;

была осуществлена инкорпорация военно-юридической науки в военно-юридическое образование (нормативно сформировался процесс получения новых знаний по военно-юридическим наукам, заложенный во Временном положении о Военно-юридической академии 1878 г., который дал реальные результаты в короткие сроки в виде защищенных диссертаций по военно-правовой тематике).

Институт права Академии наук СССР (военно-юридическая секция), Военно-юридическая академия Красной Армии, опираясь на научный фундамент, заложенный Александровской военно-юридической академией, продолжили поступательное движение в направлении разработки теории военного права, создав академический базис для решения этой крупной научной проблемы.

Не умаляя роли в становлении военно-юридической науки Военно-юридической академии Красной Армии, отметим значительный вклад в разработку отдельных элементов теории и направлений военного права Института права Академии наук СССР (Института государства и права АН СССР), а также юридических факультетов Военно-политической академии им. В.И. Ленина и Военного института Министерства обороны СССР (в последующем — Военного университета Минобороны России). Однако заслуга в разработке современной теории военного права принадлежит Институту государства и права РАН, возглавляемому акад. А.Н. Савенковым, под руководством которого продолжают фундаментальные исследования, учитывающие в сегодняшней непростой обстановке современные тенденции развития государственного и теории права. Это дает уверенность в том, что следует ожидать не только значимых результатов в отечественной юридической науке, но и появления научных работ, учитывающих самый новейший опыт урегулирования военных конфликтов основанными на праве военными и политико-дипломатическими средствами, которые послужат вектором развития науки военного права в интересах всего человечества.

Деятельность академической школы военно-юридической науки отличается большим динамизмом, взаимодействием с иными научными школами Института государства и права РАН и другими исследовательскими и образовательными учреждениями страны. Основными задачами академической школы военно-юридической науки на ближайшую перспективу являются организация масштабных исследований комплекса вопросов, регулирующих отношения, относящиеся как к национальному праву военных конфликтов, так

и к современным иным связанным с ним отношениям, в том числе в сфере взаимоотношений с оборонно-промышленным комплексом. К таким исследованиям относятся:

международно-правовое и внутригосударственное регулирование современных военных конфликтов;

правовая характеристика новых видов военных конфликтов;

правовое обеспечение проведения военных операций;

правовые режимы применения новых видов оружия и систем вооружения;

экстерриториальность военного законодательства;

правовое положение военной организации государства в связи с ее трансформацией в современных условиях;

правовое обеспечение деятельности оборонно-промышленного комплекса и др.

Как видим, преобладает тематика, связанная с правовыми аспектами военной конфликтологии, что обусловлено современной международной обстановкой, в том числе проведением Вооруженными Силами РФ специальной военной операции на Украине, которая неизбежно завершится путем переговоров. И как точно подметил акад. А.Н. Савенков, «военные победы вызывают критические размышления об общественных нравах, порядках, о системе законодательства и началах правового устройства»¹⁵⁷.

В современных условиях исключительной актуальностью отличается также философско-правовое направление военно-правовых исследований, в том числе изучение вопросов об источниках, причинах, поводах военных конфликтов, их сущности и классификации, объективной обусловленности в связи с военной конфликтностью в мире появления и формирования военной организации государства, военного права и законодательства, специфике военно-правовой проблематики в различных сферах общества, в том числе духовной (ретроспективное и современное философско-правовое исследование таких исконно русских явлений, особенно проявляющихся в период военного конфликта, как воинский подвиг, военное искусство, военная победа, воинская дисциплина, жертвенность, гуманность и др.).

Выводы

Военное право — это отрасль права и юридическая дисциплина (наука). Наука военного

права — это область научного знания о правовых процессах, сопровождающих военную деятельность государства, берущая начало от законодательской деятельности Петра I и созданных им в ходе военных реформ первых кодифицированных военно-правовых актов, в которых такое знание было отражено, — Артикул воинский и «Краткое изображение процессов или судебных тяжб» 1715 г., Воинский устав 1716 г. и др.

Право сопровождало военную деятельность Российского государства на всем протяжении его истории. Однако в связи с доминированием военной науки в формировании теории войны, а политической науки в вопросах политико-дипломатического урегулирования военных конфликтов роль права оказалась недооцененной, подчас искусственно заниженной и иногда даже подмененной, что, конечно же, не отражает реального положения дел в отношении потенциала права.

Целевая задача военного права — активно противодействовать экспансии военной и политической науки на предмет исследования и регулирования военного права.

Тенденции современного развития военно-юридической науки своевременно были подмечены Институтом государства и права РАН, что позволило под руководством директора Института акад. А.Н. Савенкова разработать современную теорию военного права, отвечающую интересам государства, науки государствоведения и права в целом.

Представители академической школы военно-юридической науки — известные ученые-юристы — выпустили ряд значимых как в теории военного права, так и в практике деятельности органов военной юстиции и военно-юридическом образовании научных и учебно-методических работ, которые отличаются современностью, актуальностью и фундаментальностью и имеют ключевое значение для военной и юридической науки.

Академическая юридическая наука на всем протяжении своего развития с момента постановки вопроса поддерживала идею отраслевой самостоятельности военного права. Современные фундаментальные исследования теории военного права имеют давние академические традиции. Они берут свое начало в Александровской военно-юридической академии, совместной научной деятельности военно-юридической секции Института права Академии наук СССР (Института государства и права АН СССР) и Военно-юридической академии Красной Армии. Однако становление академической школы военно-юридической науки связано с Институтом государства и права Российской академии наук, в котором сформирована необходимая инфраструктура для проведения фундаментальных исследований теории военного

¹⁵⁷ Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. С. 403.

права и прикладных военно-правовых исследований по военно-административному, военно-уголовному, военно-социальному праву и иным направлениям правового обеспечения деятельности военной организации государства.

Исследования военно-правовой проблематики в Институте государства и права РАН носят междисциплинарный, вневедомственный и надведомственный характер. В Институте создан междисциплинарный Центр исследований правовых основ обороны и оборонно-промышленного комплекса, на научной базе Института — отделение военного права Академии военных наук и Комиссия по военному праву и правовому обеспечению национальной безопасности Ассоциации юристов России, совместная научная и творческая деятельность которых сформировала современную академическую школу военного права России.

Академия военных наук и Ассоциация юристов России, созданные по инициативе Президента РФ В.В. Путина, разделяют подходы к исследованиям военного права, проводимым Институтом государства и права РАН. Основным результат таких исследований — разработка современной теории военного права, ядром которой является теория права военных конфликтов (войны и вооруженных конфликтов), а также иных форм противостояния, покушающихся на военную безопасность государства (например, киберпротивостояние).

Военно-юридическое образование не является рудиментом системы военного и юридического образования; военно-юридическое образование — это кузница высокопрофессиональных кадров, убежденных сторонников правового государства и правовых отношений в мире. В современных непростых условиях военно-юридическое образование совместно с военно-юридической наукой динамично развиваются и поддерживаются академической юридической наукой.

На вопрос: «Для чего нам нужно военное право?» — ответ следующий: военное право необходимо прежде всего для мирного сосуществования народов и государств, стабильности и справедливости в мире. И в этом смысле по отношению к военному праву военная и политическая наука вторичны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1647 годъ. Учение и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. СПб., 1904.
- Баиов А.К. История русского военного искусства. Полн. издание в одном томе. М., 2020. С. 228, 229, 305, 474, 838, 839.
- Беляев И.Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства, до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
- Бессонов Д.Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве: дис. СПб., 1907.
- Бобровский П.О. Военное право в России при Петре Великом. Ч. II. Артикул воинский, с объяснениями преобразований в военном устройстве и в военном хозяйстве по русским и иностранным источникам. СПб., 1887. С. 2.
- Бобровский П.О. Зачатки реформ в военно-уголовном законодательстве в России: [Гл. из приготавливаемого к печати труда «О состоянии военного права в России при Петре Великом»]. СПб., 1882.
- Бобровский П.О. Переход России к регулярной армии: исследование. СПб., 1885.
- Бобровский П.О. Петр Великий, как военный законодатель СПб., 1887.
- Бобровский П.О. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии. Военное право в России при Петре Великом [Гл. из приготавливаемого к печати труда «Военное право в России при Петре Великом». Ч. 1. «Обзор памят. рус. воен.-уголов. законод.»]: по рус. и иностр. памятникам / сост. ген.-лейт. П. Бобровский. М., 1882. С. 2—5.
- Бобровский П.О. Происхождение артикула воинского и изображения процессов Петра Великого по Уставу воинскому 1716 г.: историческое исследование. 2-е изд., с доп. пояснениями. СПб., 1881.
- Бобровский П.О. Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России. СПб., 1882—? Т. 1. С. 33.
- Бобровский П.О. Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств в России; Военное право в России при Петре Великом. Ч. 2. Вып. 3. Разд. 1. Разд. 2. Артикул воинский по русским и иностранным источникам. Характеристика военного искусства и состояния дисциплины в войсках XVII и начала XVIII столетия. Обзор глав XIII, XIV, XV и XVI (арт. 101—132). Преступления против чести личной и родовой. Обзор глав XVII и XVIII (арт. 133—153) и патента о поединках (гл. XLIX Уст. воинск.) / изложил в параллель со швед. Воен. арт... и др. иноземными законами П.О. Бобровский. СПб., 1898.
- Бобровский П.О. Старо-Шведское военное право: [Гл. 3 из соч. под загл.: Состояние военного права в Зап. Европе в эпоху учреждения постоянных войск (XVI, XVII и начало XVIII в.)]. М., 1881.
- Бобровский П.О. Юнкерские училища. Т. 1—3. Историческое обозрение их развития и деятельности / 4 т. СПб., 1872—1876, 1872.
- Буганов В.И., Буганов А.В. Полководцы XVIII в. М., 1992. С. 242.
- Виноградов Н.А. Правовое положение семей военнотружущих. Ашхабад, 1942.
- Военная юстиция в России: история и современность. М., 2017. С. 271, 284, 285, 287.
- Военное право: в 3 т. / под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. М., 2021. Т. 1: История и теория военного права (с предисловием); Т. 2. Современное состояние (основные институты) военного права; 2022. Т. 3. Кн. 1: Основные проблемы и перспективные направления военно-правовых исследований; 2023. Т. 3. Кн. 2: Основные итоги исследования. Курс военного права / под общ. ред. А.В. Кудашкина.

19. Военно-уголовное законодательство: краткий учеб. курс / под ред. М.К. Кислицына. М., 2002.
20. Военно-уголовное право: учеб. / под ред. Х.М. Ахметшина, О.К. Зателепина; предисл. А.Я. Петроченкова. М., 2008.
21. Военные законы Петра Великого в рукописях и перепечатанных изданиях: историко-юридическое исслед. П.О. Бобровского: с прил. снимков подлинной рукоп. Артикула воинского. СПб., 1887.
22. Воинский устав государя императора Павла Первого о полевой пехотной службе. М., 1796.
23. *Володимиров В.М.* Конспективный курс военно-уголовного судоустройства и судопроизводства. СПб., 1893.
24. *Володимиров В.М.* Руководство к изучению военно-судебного устава. Общие положения и подсудность. СПб., 1896.
25. Главы к Воинскому уставу о полевой службе. СПб., 1765.
26. *Голунский С.А., Карев Д.С.* Военные суды и военная прокуратура: учеб. по специальной части судоустройства. М., 1940.
27. *Добровольский А.М.* Военно-административное право. Лекции, читанные в 1906–1907 учеб. г. Издал поручик Савчинский. СПб., 1907 (Литогр. изд.).
28. *Добровольский А.М.* Военно-административное право. Лекции, читанные в 1913–1914 учеб. г. Издал шт.-капитан Калинин. СПб., 1914 (Литогр. изд.).
29. *Добровольский С.М.* Военные законы: курс 2 спец. кл. / сост., на основании Наставления для образования воспитанников воен.-учеб. заведений, утв. 24 дек. 1848 г., наставник-наблюдатель, кол. сов. Добровольский. СПб., 1850.
30. *Егошин О.А.* Влияние отечественной политико-правовой мысли на институт воинских наказаний в России (середина XV – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015.
31. Ежегодник Военно-юридической академии / сост. под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1878–79 г. № 1. СПб., 1879. С. 97, 103, 104, 109, 110.
32. Ежегодник Военно-юридической академии / сост. под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1879–80 г. № 2. СПб., 1881. С. 115, 133, 137, 138, 143, 144, 152, 194.
33. Ежегодник Военно-юридической академии / сост. под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1880–81 г. № 3. СПб., 1882. С. 87.
34. *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 226.
35. *Заусцинский П.Ф.* Кодификация русского военного права в связи с историей развития русского войска до реформы XIX века. СПб., 1909. С. V предисловия, 18–23, 28, 191, 490–500, 504, 518, 524, 527.
36. *Калинычев Ф.И.* Вопросы военного права в период образования феодально-абсолютистского государства (2-я половина XVII в.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950.
37. *Карев Д.С.* Особенности судоустройства в органах военной юстиции: учеб. пособие для слушателей ВЮА. М., 1947.
38. *Кепель О.В., Мартынов В.Ф.* Воинская дисциплина в русской армии Екатерины Великой (1762–1796). СПб., 2014. С. 123.
39. *Краснов Д.А., Симанихин Б.В., Целуев Н.М.* Военная история: учеб. пособие. М., 1996. Ч. 1. С. 100, 101.
40. *Кудашкин А.В.* Александровская военно-юридическая академия (1867–1917): Александр Эртель – родоначальник теории военного права России // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 5. С. 2–11.
41. *Кудашкин А.В.* Боевые уставы Вооруженных Сил Российской Федерации – источники права военных конфликтов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 3. С. 2–13.
42. *Кудашкин А.В.* Военно-юридическая академия Красной Армии (1939–1956): С.В. Ромазан и В.М. Чхиквадзе: схватка на теоретическом фронте за военное право (вторая парадигма военного права) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 6. С. 2–14.
43. *Кудашкин А.В.* ВПА им. В.И. Ленина – Военный институт Минобороны СССР (России) – Военный университет Минобороны России (1956–2020 гг.): в поисках третьей парадигмы военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 7. С. 18–31.
44. *Кудашкин А.В.* Институт государства и права РАН/Академия военных наук: доказательство «правовой теоремы Ферма» (третья парадигма военного права) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 8. С. 2–14.
45. *Кудашкин А.В.* Проблемы преподавания военного права в России и пути их решения // Государство и право. 2025. № 8. С. 97–108.
46. *Кудашкин А.В.* Профессор В.М. Чхиквадзе – основатель советской теории военного права // Труды ИГП РАН. 2023. Т. 18. № 1. С. 179–195.
47. *Кудашкин А.В., Кудашкин В.В.* Фундаментально-теоретические основания военного права (парадигмальный генезис теории военного права) // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 1. С. 137–164.
48. *Кудашкин В.В.* Научная рефлексия в исследованиях правовых процессов военной сферы Российского государства: от догматики к теории военного права А. Эртеля // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 8. С. 15–25.
49. *Кудашкин В.В.* Общественные отношения военных конфликтов // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. № 11. С. 2–15.
50. *Кудашкин В.В.* Объективные предпосылки формирования науки военного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 7. С. 32–42.
51. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-уголовное право. 1. Введение. Часть общая. I. Учение о военно-уголовном законе. II. Учение о воинском преступном деянии. СПб., 1895.
52. *Кузьмин-Караваев В.Д.* Военно-юридическая академия. 1866–1891 гг. Крат. ист. очерк. По поруч. нач. Воен.-юрид. акад. / сост. В. Кузьмин-Караваев. СПб., 1891. С. 52–56.

53. Кузьмин-Караваев В.Д. Характеристика Общей части уложения и Военного устава о наказаниях: дис. на тему, предложенную конференцией Военно-юридической академии. СПб., 1890.
54. Курс военной администрации / сост. Зайцов. М., 1867. С. 7, 16.
55. Курс военной администрации / сост. Зайцов. Приложения к Курсу военной администрации. М., 1867.
56. Курс военно-уголовного законоведения 1877/8 учебного года. М., 1878.
57. Курс военно-уголовного законоведения 1880/81 учебного года. [Б. м.], [Б. г.] (Литогр. изд.).
58. Курс военно-уголовного права. Лекции, читаемые в Военно-юридической академии проф. Я.А. Нееловым в 1884/85 акад. году: в 2 т. СПб., [Б. г.].
59. Курс международного права: в 7 т. Т. 6: Отрасли международного права / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, Н.А. Ушаков. М., 1992 (Глава 9 «Право вооруженных конфликтов» — авторы И.Н. Арцибасов и И.И. Лукашук).
60. Лекции по военному судопроизводству, читанные в 1912 году в Александровской Военно-юридической Академии профессором генерал-майором С.С. Абрамович-Барановским. Издал шт.-капитан Ласточкин. СПб., 1913. (Литогр. изд.).
61. Лобко П.Л. Записки военной администрации для военных училищ / перераб. Н. Даниловым и В. Даровским. 18-е изд. СПб., 1912.
62. Лузанов П. Конспект лекций по военно-административным законам. СПб., 1887.
63. Лунев А.Е. Льготы, пенсии и пособия военнослужащих. Ашхабад, 1942.
64. Маликов С.В., Кузнецов М.С., Хазин О.А. Генерал от инфантерии Павел Осипович Бобровский / под науч. ред. А.Б. Григорьева. М., 2007. С. 24.
65. Материалы сессии Совета Военно-юридической академии, посвященной теоретическим вопросам советского военного законодательства. 14—15 апреля 1954. М., 1954.
66. Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году: сост. по высоч. повелению государя имп. Николая I. Т. 1—5. СПб., 1852—1853; 1853. Т. 5. Ч. 7 и 8.
67. Михайлов М.М. Военные законы. Курс по программе, утв. для руководства в военно-учебных заведениях. СПб., 1861—1863. Вып. 1—5.
68. Мушников А.А. Очерк истории и современной организации военно-судебных учреждений в России и на западе Европы: дис. СПб., 1880 (литограф. изд.).
69. Мышлаевский А.З. Журнал, веденный при главной армии сия императорского величества Анны Иоанновны во время кампании 1737 года и инструкция для действий войск против турок «Диспозиция боевого порядка и маневров в генеральной баталии с турками» // Сборник военно-исторических материалов. СПб., 1904. Вып. 15. С. 23—27.
70. Пехотный строевой устав. 3-м тиснением. СПб., 1768. Ч. 1—3.
71. Повесть временных лет / подгот. текста Д.С. Лихачева; пер. Д.С. Лихачева и Б.А. Романова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники).
72. Положение об Аудиторском училище Военного министерства. СПб., 1860.
73. Полторак А.И., Савинский Л.И. Вооруженные конфликты и международное право. М., 1976.
74. Постоянные войска и состояние военного права в России в XVII столетии: [Гл. из приготавливаемого к печати труда «Военное право в России при Петре Великом». Ч. 1. «Обзор памят. рус. воен.-уголов. законод.»]: По рус. и иностр. памятникам / сост. ген.-лейт. П. Бобровский. М., 1882.
75. Право военных конфликтов: основные концепты и парадигмальный генезис во имя победы / авт. кол. под рук. А.В. Кудашкина. М., 2024. С. 158—190.
76. Пятьдесят лет специальной школы для образования военных законоведов в России: 1832 — 10 ноября — 1882: Аудиторская школа. Аудиторское училище. Воен.-юр. акад. / под ред. нач. Воен.-юр. акад. П.О. Бобровского. СПб., 188-? С. 3, 87.
77. Ромазан С.В. К вопросу о проблеме военного права // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. Вып. 1 / отв. ред. С.А. Голунский. М., 1940. С. 3—10.
78. Ромашкин П.И. Военные преступления империализма. М., 1953.
79. Ромашкин П.И. Преступления против мира и человечества. М., 1967.
80. Савенков А.Н. Государство и право. Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: в 3 т. М., 2021. Т. 1. С. 124—204, 420—453.
81. Савенков А.Н. Историческое сознание как новый театр военных действий // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 12. С. 3—10.
82. Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 403.
83. Савенков А.Н., Кудашкин А.В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 7—37.
84. Серов Д.О. Артикул воинский и краткое изображение процессов: история составления, зарубежные образцы, состав, редакции // Проблемы истории, общества, государства и права. Екатеринбург, 2019. Вып. 7. С. 48, 54.
85. Систематический свод существующих законов Российской империи: с основаниями права из оных извлеченными. СПб., 1822—?
86. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / текст ред. проф. М.К. Любавским. М., 1907.
87. Советское военно-административное право. Общая часть: учеб. пособие для слушателей ВЮА; написали полк. Н.А. Виноградов и др. М., 1945.
88. Советское военно-административное право. Особенная часть: учеб. пособие для слушателей ВЮА; написали полк. Н.А. Виноградов и др. М., 1945.
89. Советское военно-административное право: учеб. / под ред. А.Е. Лунева. М., 1951. Ч. 1.
90. Справочный отдел Ежегодника Военно-юридической академии / составлен под ред. Начальника Военно-юридической академии. Учебный 1878—79 г. № 1. С. 8.

91. Справочный отдел к Ежегоднику Военно-юридической академии. Учебный 1879–80 г. № 2. С. II.
92. Старинный военный Устав ратных, пушкарских и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1781. Ч. 2.
93. *Студеникин С., Лунев А.* Советское военно-административное право: учеб. пособие. Ашхабад, 1942.
94. *Тарадонов С.В.* Генезис российского военного права в послепетровский период (1725–1812 годы) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2021. № 7. С. 14–19; № 8. С. 10–16.
95. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. М., 1846.
96. Труды Военно-юридической академии Красной Армии. Вып. 1 / отв. ред. С.А. Голунский. М., 1940.
97. Устав воинской. Часть первая о конной экзерции и о должностях при оной. 3-м тиснением. СПб., 1790.
98. Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777. Ч. 1.
99. *Фалеев Н.И.* Цели воинского наказания: дис. на соискание звания экстраординарного профессора по кафедре военно-уголовных законов в Александровской военно-юридической академии. СПб., 1902.
100. *Чхиквадзе В.М.* Военно-уголовное право: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1946.
101. *Чхиквадзе В.М.* Военно-уголовное право. Ч. 1. Общая / под ред. И.Т. Голякова. М., 1946.
102. *Чхиквадзе В.М.* Военно-уголовное право. Ч. 2. Особенная / под ред. И.Т. Голякова. М., 1947.
103. *Чхиквадзе В.М.* Советское военно-уголовное право: учеб. М., 1948.
104. *Чхиквадзе В.М., Савицкий М.Я.* Советское уголовное право: учеб. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1941.
105. *Шарапов С.Н.* Наука военно-уголовного права в истории военно-юридической науки: возникновение, расцвет, забвение («золотой век» — конец XIX — начало XX века) // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2025. № 9. С. 2–10.
106. *Штейн Л.* Учение о военном быте, как часть науки о государстве / пер. и предисл. А. Эртеля. СПб., 1875. С. 213, 214.
107. *Шутков С.В.* Военные реформы в России во второй половине XVI — первой половине XVII веков и воплощение в них военно-правовых идей И.С. Пересветова: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999.
108. Экзерция // Военно-морской словарь / гл. ред. В.Н. Чернавин. М., 1989. С. 483.
109. *Эртель А.* Предисловие // Штейн Л. Учение о военном быте, как часть науки о государстве / пер. и предисл. А. Эртеля. СПб., 1875. С. 2.
110. *Corpus iuris militaris novissimum, oder neuestes Kriegs-Recht: worinnen die militair-verordnungen, welche die Römischen Kayser, die geist- und weltliche Chur-Fürsten, die mächtigste Fürsten und andere vornehme Stände des Heil. Röm. Reichs, ingleichen die auswärtigen Könige und Republiken bis auf diese zeit ergehen lassen, zu finden.* Leipzig, 1724.
111. *Stein L. von.* Die Lehre vom Heerwesen: Als Theil der Staatswissenschaft. Stuttgart, 1872.

REFERENCES

1. The year 1647. The learning and cunning of the military structure of the foot people. St. Petersburg, 1904 (in Russ.).
2. *Baiov A.K.* History of Russian military art. Complete edition in one volume. M., 2020. Pp. 228, 229, 305, 474, 838, 839 (in Russ.).
3. *Belyaev I.D.* On the guard, village and field service in the Polish Ukraine of the Moscow state, before Tsar Alexei Mikhailovich. M., 1846 (in Russ.).
4. *Bessonov D.D.* Mass crimes in general and Military Criminal Law: dis. St. Petersburg, 1907 (in Russ.).
5. *Bobrovsky P.O.* Military Law in Russia under Peter the Great. Part II. Military article, with explanations of transformations in the military structure and in the military economy according to Russian and foreign sources. St. Petersburg, 1887. P. 2 (in Russ.).
6. *Bobrovsky P.O.* The beginnings of reforms in military criminal legislation in Russia: [Chap from the forthcoming work “On the State of Military Law in Russia under Peter the Great”]. St. Petersburg, 1882 (in Russ.).
7. *Bobrovsky P.O.* Russia’s transition to the regular army: text-book. St. Petersburg, 1885 (in Russ.).
8. *Bobrovsky P.O.* Peter the Great, as a military legislator. St. Petersburg, 1887 (in Russ.).
9. *Bobrovsky P.O.* Permanent troops and the state of Military Law in Russia in the 17th century. Military Law in Russia under Peter the Great [Chapter from the forthcoming work “Military Law in Russia under Peter the Great”. Part 1. “Review of the memoirs of the Russian military-criminal law”]: in Russian and foreign monuments / comp. Lieutenant General P. Bobrovsky. M., 1882. Pp. 2–5 (in Russ.).
10. *Bobrovsky P.O.* The origin of the military article and the depiction of the trials of Peter the Great according to the Military Charter of 1716: a historical study. 2nd ed., with an add. exp. St. Petersburg, 1881 (in Russ.).
11. *Bobrovsky P.O.* The development of ways and means for the education of lawyers of the military and naval departments in Russia. St. Petersburg, 1882—? Vol. 1. P. 33 (in Russ.).
12. *Bobrovsky P.O.* The development of ways and means for the education of lawyers of the military and naval departments in Russia; Military Law in Russia under Peter the Great. Part 2. Iss. 3. Sec. 1. Sec. 2. Military article according to Russian and foreign sources. Characteristics of the art of war and the state of discipline in the troops of the 17th and early 18th centuries. Review of chapters XIII, XIV, XV and XVI (art. 101–132). Crimes against personal and family honor. An overview of chapters XVII and XVIII (art. 133–153) and the patent on duels (ch. XLIX of Mil. regs.) / presented in parallel with the Swede. Military art... and other foreign laws P.O. Bobrovsky. St. Petersburg, 1898 (in Russ.).
13. *Bobrovsky P.O.* Old Swedish Military Law: [Chapter 3 of the op. under the title: The state of Military Law in the Western Europe in the era of the establishment of permanent troops (XVI, XVII and the beginning of the XVIII century)]. M., 1881 (in Russ.).
14. *Bobrovsky P.O.* Cadet schools. Vol. 1–3. Historical review of their development and activities / 4 vols. St. Petersburg, 1872–1876, 1872 (in Russ.).

15. *Buganov V.I., Buganov A.V.* Commanders of the XVIII century. M., 1992. P. 242 (in Russ.).
16. *Vinogradov N.A.* The legal status of military families. Ashgabat, 1942 (in Russ.).
17. Military justice in Russia: history and modernity. M., 2017. Pp. 271, 284, 285, 287 (in Russ.).
18. Military Law: in 3 vols / under the general ed. of A.N. Savenkov, A.V. Kudashkin. M., 2021. Vol. 1: History and theory of Military Law (with a preface); Vol. 2. The current state (basic institutions) of Military Law; 2022. Vol. 3. Book 1: Basic problems and promising areas of military legal research; 2023. Vol. 3. Book 2: The main results of the study. The course of Military Law / under the general ed. of A.V. Kudashkin (in Russ.).
19. Military Criminal Law: a short study course / ed. by M.K. Kislitsyn. M., 2002 (in Russ.).
20. Military Criminal Law: textbook / ed. by H.M. Akhmetshin, O.K. Zatelepin; preface by A. Ya. Petrochenkov. M., 2008 (in Russ.).
21. Military laws of Peter the Great in manuscripts and early printed editions: historical and legal research by P.O. Bobrovsky: with adj. authentic hand-made photographs. Military article. St. Petersburg, 1887 (in Russ.).
22. Military regulations of Emperor Paul the First on field infantry service. M., 1796 (in Russ.).
23. *Volodimirov V.M.* A short course of military criminal justice and judicial proceedings. St. Petersburg, 1893 (in Russ.).
24. *Volodimirov V.M.* A guide to the study of military judicial regulations. General provisions and jurisdiction. St. Petersburg, 1896 (in Russ.).
25. Chapters to the military regulations on field service. St. Petersburg, 1765 (in Russ.).
26. *Golunsky S.A., Karev D.S.* Military courts and military prosecutor's office: textbook on the special part of the judicial system. M., 1940 (in Russ.).
27. *Dobrovolsky A.M.* Military Administrative Law. Lectures delivered in the 1906–1907 academic year were published by porutchik Savchinsky. St. Petersburg, 1907 (Litogr. ed.) (in Russ.).
28. *Dobrovolsky A.M.* Military Administrative Law. Lectures delivered in the 1913–1914 academic year. Published by Captain Kalinin. St. Petersburg, 1914 (Litogr. ed.) (in Russ.).
29. *Dobrovolsky S.M.* Military laws: a course of 2 special classes / comp., based on the Instructions for the education of military students-study institutions, approved on December 24, 1848, mentor-observer, col. Dobrovolsky. St. Petersburg, 1850 (in Russ.).
30. *Egoshin O.A.* The influence of Russian political and legal thought on the institution of military punishments in Russia (mid-XV – early XX centuries): abstract ... PhD in Law. Kazan, 2015 (in Russ.).
31. Yearbook of the Military Law Academy / compiled under the editorship. Head of the Military Law Academy. Academic year 1878–79 No. 1. St. Petersburg, 1879. Pp. 97, 103, 104, 109, 110 (in Russ.).
32. Yearbook of the Military Law Academy / compiled under the editorship. Head of the Military Law Academy. Academic year 1879–80 No. 2. St. Petersburg, 1881. Pp. 115, 133, 137, 138, 143, 144, 152, 194 (in Russ.).
33. Yearbook of the Military Law Academy / comp. ed. by Head of the Military Law Academy. Academic 1880–81. No. 3. St. Petersburg, 1882. P. 87 (in Russ.).
34. *Zaionchkovsky P.A.* Military reforms of 1860–1870 in Russia. M., 1952. P. 226 (in Russ.).
35. *Zaustinsky P.F.* Russian Military Law codification in connection with the history of the development of the Russian army before the reform of the XIX century. St. Petersburg, 1909. Pp. V of the preface, 18–23, 28, 191, 490–500, 518, 504, 524, 527 (in Russ.).
36. *Kalinychev F.I.* Issues of Military Law during the formation of the feudal absolutist state (2nd half of the 17th century): abstract ... PhD in Law. M., 1950 (in Russ.).
37. *Karev D.S.* Features of the judicial system in military justice bodies: textbook for students of the Higher Military Academy. M., 1947 (in Russ.).
38. *Kepel O.V., Martynov V.F.* Military discipline in the Russian army of Catherine the Great (1762–1796). SPb., 2014. P. 123 (in Russ.).
39. *Krasnov D.A., Simanikhin B.V., Tseluev N.M.* Military history: textbook. M., 1996. Part 1. Pp. 100, 101 (in Russ.).
40. *Kudashkin A.V.* Alexander Military Law Academy (1867–1917): Alexander Ertel, the founder of the theory of Military Law in Russia // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2025. No. 5. Pp. 2–11 (in Russ.).
41. *Kudashkin A.V.* Combat regulations of the Armed Forces of the Russian Federation – sources of the law of military conflicts // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2025. No. 3. Pp. 2–13 (in Russ.).
42. *Kudashkin A.V.* Military Law Academy of the Red Army (1939–1956): S.V. Romazan and V.M. Chkhikvadze: the battle on the theoretical front for Military Law (the second paradigm of Military Law) // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2025. No. 6. Pp. 2–14 (in Russ.).
43. *Kudashkin A.V.V.I.* Lenin Military Academy – Military Institute of the Ministry of Defense of the USSR (Russia) – Military University of the Ministry of Defense of Russia (1956–2020): in search of a third paradigm of Military Law // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2025. No. 7. Pp. 18–31 (in Russ.).
44. *Kudashkin A.V.* Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences/Academy of Military Sciences: proof of Fermat's "legal theorem" (the third paradigm of Military Law) // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2025. No. 8. Pp. 2–14 (in Russ.).
45. *Kudashkin A.V.* Problems of teaching Military Law in Russia and ways to solve them // State and Law. 2025. No. 8. Pp. 97–108 (in Russ.).
46. *Kudashkin A.V.* Professor V.M. Chkhikvadze – founder of the Soviet theory of Military Law // Proceedings of the IGP RAS. 2023. Vol. 18. No. 1. Pp. 179–195 (in Russ.).
47. *Kudashkin A.V., Kudashkin V.V.* Fundamental theoretical foundations of Military Law (the paradigmatic genesis of the theory of Military Law) // Proceedings of the IGP RAS. 2024. Vol. 19. No. 1. Pp. 137–164 (in Russ.).
48. *Kudashkin V.V.* Scientific reflection in the research of legal processes of the military sphere of the Russian state: from dogmatics to the theory of Military Law the of A. Ertel // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2025. No. 8. Pp. 15–25 (in Russ.).

49. *Kudashkin V.V.* Public relations of military conflicts // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2023. No. 11. Pp. 2–15 (in Russ.).
50. *Kudashkin V.V.* Objective prerequisites for the formation of the science of Military Law // Law in the Armed Forces – Military Legal Review. 2025. No. 7. Pp. 32–42 (in Russ.).
51. *Kuzmin-Karavaev V.D.* Military Criminal Law. 1. Introduction. General part I. The doctrine of Military Criminal Law. II. The doctrine of the military criminal act. St. Petersburg, 1895 (in Russ.).
52. *Kuzmin-Karavaev V.D.* Military Law Academy. 1866–1891. Short history an essay. On behalf of the beginning. Military Law Academy / comp. V. Kuzmin-Karavaev. St. Petersburg, 1891. Pp. 52–56 (in Russ.).
53. *Kuzmin-Karavaev V.D.* Characteristics of the General part of the code and military regulations on punishments: dis. on the topic proposed by the Conference of the Military Law Academy. St. Petersburg, 1890 (in Russ.).
54. Course of military administration / comp. Zaitsov. M., 1867. Pp. 7, 16 (in Russ.).
55. The course of military administration / comp. Zaitsov. Appendices to the Course of military administration. M., 1867 (in Russ.).
56. Course of Military Criminal Law 1877/8 academic year. M., 1878 (in Russ.).
57. Course of Military Criminal Law 1880/81 academic year. [S. l.], [S. a.] (Litogr. ed.) (in Russ.).
58. Course of Military Criminal Law. Lectures delivered at the Military Law Academy by Professor Ya.A. Neelov in 1884/85. year: in 2 vols. St. Petersburg, [B. g.] (in Russ.).
59. Course of International Law: in 7 vols Vol. 6: Branches of International Law / ed. by V.N. Kudryavtsev, N.A. Ushakov, M., 1992 (Chapter 9 “The law of armed conflicts” – authors I.N. Artsibasov and I.I. Lukashuk) (in Russ.).
60. Lectures on military legal proceedings, delivered in 1912 at the Alexander Military Law Academy by Professor Major General S.S. Abramovich-Baranovsky. Edited by Captain Lastochkin. St. Petersburg, 1913 (Litogr. ed.) (in Russ.).
61. *Lobko P.L.* Notes of the military administration for military schools / ed. by N. Danilov and V. Darovsky. 18th ed. St. Petersburg, 1912 (in Russ.).
62. *Luzanov P.* Lecture notes on military administrative laws. St. Petersburg, 1887 (in Russ.).
63. *Lunev A.E.* Benefits, pensions and allowances of military personnel. Ashgabat, 1942 (in Russ.).
64. *Malikov S.V., Kuznetsov M.S., Khazin O.A.* General of Infantry Pavel Osipovich Bobrovsky / under the scientific ed. of A.B. Grigoriev. M., 2007. P. 24 (in Russ.).
65. Proceedings of the session of the Council of the Military Law Academy devoted to theoretical issues of Soviet military legislation. April 14–15, 1954. M., 1954 (in Russ.).
66. *Milyutin D.A.* The history of the war between Russia and France during the reign of Emperor Paul I in 1799: comp. by height. at the behest of the emperor, imp. Nicholas I. Vol. 1–5. St. Petersburg, 1852–1853; 1853. Vol. 5. Parts 7 and 8 (in Russ.).
67. *Mikhailov M.M.* Military laws. The course according to the program, approved for leadership in military educational institutions. St. Petersburg, 1861–1863. Iss. 1–5 (in Russ.).
68. *Mushnikov A.A.* An essay on the history and modern organization of military judicial institutions in Russia and Western Europe: St. Petersburg, 1880 (lithographic edition) (in Russ.).
69. *Myshlaevsky A.Z.* Journal kept under the main army of Her Imperial Majesty Anna Ioannovna during the 1737 campaign and instructions for the actions of troops against the Turks “Disposition of the order of battle and maneuvers in the general battle with the Turks” // Collection of military historical materials. St. Petersburg, 1904. Iss. 15. Pp. 23–27 (in Russ.).
70. Infantry drill regulations. 3rd embossed. St. Petersburg, 1768. Ch. 1–3 (in Russ.).
71. The tale of bygone years / preparation. text by D.S. Likhachev; transl. by D.S. Likhachev and B.A. Romanov; ed. by V.P. Adrianova-Peretz. M.; L., 1950 (Literary Monuments) (in Russ.).
72. Regulations on the Audit School of the Ministry of War. St. Petersburg, 1860 (in Russ.).
73. *Poltorak A.I., Savinsky L.I.* Armed conflicts and International Law. M., 1976 (in Russ.).
74. Permanent troops and the state of Military Law in Russia in the 17th century: [Chapter from the work “Military Law in Russia under Peter the Great” being prepared for publication. Part 1. “Review of the Russian military-criminal law”]: In Russian and foreign monuments / comp. Lieutenant General P. Bobrovsky. M., 1882 (in Russ.).
75. The law of military conflicts: basic concepts and paradigmatic genesis in the name of victory / author’s col. ed. by A.V. Kudashkin. M., 2024. Pp. 158–190 (in Russ.).
76. Fifty years of a special school for the education of military lawyers in Russia: 1832 – November 10–1882: Audit School. An audit school. Military Law Academy / ed. by the beginning Military Law Academician P.O. Bobrovsky. St. Petersburg, 188–? Pp. 3, 87 (in Russ.).
77. *Romazan S.V.* On the issue of the problem of Military Law // Proceedings of the Military Law Academy of the Red Army. Iss. 1 / ed. by S.A. Golunsky. M., 1940. Pp. 3–10 (in Russ.).
78. *Romashkin P.I.* War crimes of imperialism. M., 1953 (in Russ.).
79. *Romashkin P.I.* Crimes against peace and humanity. M., 1967 (in Russ.).
80. *Savenkov A.N.* The State and law. Human Rights and the world order based on the rule of law: in 3 vols. M., 2021. Vol. 1. Pp. 124–204, 420–453 (in Russ.).
81. *Savenkov A.N.* Historical consciousness as a new theater of military operations // Law in the Armed Forces. 2024. No. 12. Pp. 3–10 (in Russ.).
82. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024. P. 403 (in Russ.).
83. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem formulation and solutions // State and Law. 2021. No. 4. Pp. 7–37 (in Russ.).
84. *Serov D.O.* Military article and a brief description of the processes: the history of compilation, foreign samples, composition, editors // Problems of history, society, state and law. Yekaterinburg, 2019. Iss. 7. Pp. 48, 54 (in Russ.).

85. A systematic set of existing laws of the Russian Empire: with the foundations of law extracted from them. St. Petersburg, 1822—? (in Russ.).
86. The Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich of 1649 / text ed. by Prof. M.K. Lyubavsky. M., 1907 (in Russ.).
87. Soviet Military Administrative Law. General part: studies. a manual for students of the Higher School of Economics; written by regiment N.A. Vinogradov et al. M., 1945 (in Russ.).
88. Soviet Military Administrative Law. The special part: textbook for students of the Higher School of Economics; written by regiment N.A. Vinogradov et al. M., 1945 (in Russ.).
89. Soviet Military Administrative Law: textbook / ed. by A.E. Lunev. M., 1951. Part 1 (in Russ.).
90. Reference Department of the Yearbook of the Military Law Academy / compiled under the ed. Head of the Military Law Academy. Academic year 1878—79 No. 1. P. 8 (in Russ.).
91. Reference Department for the Yearbook of the Military Law Academy. Academic year 1879—80 No. 2. P. II (in Russ.).
92. The ancient military Regulations of military, Pushkar and other matters related to military science. St. Petersburg, 1781. Part 2 (in Russ.).
93. *Studenikin S., Lunev A.* Soviet Military Administrative Law: textbook. Ashgabat, 1942 (in Russ.).
94. *Taradonov S.V.* The genesis of Russian Military Law in the post-Petrine period (1725—1812) // Law in the Armed Forces — Military Legal Review. 2021. No. 7. Pp. 14—19; No. 8. Pp. 10—16 (in Russ.).
95. The text of Russian Truth based on four lists of different editorials. M., 1846 (in Russ.).
96. Proceedings of the Military Law Academy of the Red Army. Iss. 1 / ed. by S.A. Golunsky. M., 1940 (in Russ.).
97. Military regulations. Part one is about equestrian exercises and their positions. 3rd embossed. St. Petersburg, 1790 (in Russ.).
98. The Charter of military, cannon and other matters related to military science. St. Petersburg, 1777. Part 1 (in Russ.).
99. *Faleev N.I.* The purpose of military punishment: dis. for the title of Extraordinary Professor in the Department of Military Criminal Laws at the Alexander Military Law Academy. St. Petersburg, 1902 (in Russ.).
100. *Chkhikvadze V.M.* Military Criminal Law: dis. ... Doctor of Law. M., 1946 (in Russ.).
101. *Chkhikvadze V.M.* Military Criminal Law. Part 1. General / ed. by I.T. Golyakov. M., 1946 (in Russ.).
102. *Chkhikvadze V.M.* Military Criminal Law. Part 2. Special / ed. by I.T. Golyakov. M., 1947 (in Russ.).
103. *Chkhikvadze V.M.* Soviet Military Criminal Law: textbook. M., 1948 (in Russ.).
104. *Chkhikvadze V.M., Savitsky M. Ya.* Soviet Criminal Law: textbook / ed. by I.T. Goliakov. M., 1941 (in Russ.).
105. *Sharapov S.N.* The science of Military Criminal Law in the history of military legal science: emergence, flourishing, oblivion (the “golden age” — the end of the XIX — beginning of the XX century) // Law in the Armed Forces — Military Legal Review. 2025. No. 9. Pp. 2—10 (in Russ.).
106. *Shtein L.* The doctrine of military life as part of the science of the state / transl. and prefixed by A. Ertel. St. Petersburg, 1875. Pp. 213, 214 (in Russ.).
107. *Shutkov S.V.* Military reforms in Russia in the second half of the XVI — first half of the XVII centuries and the embodiment of I.S. Peresvetov’s military-legal ideas in them: dis. ... PhD in Law. M., 1999 (in Russ.).
108. The exercise // Naval Dictionary / Chief editor V.N. Chernavin. M., 1989. P. 483 (in Russ.).
109. *Ertel A.* Preface // Shtein L. The doctrine of military life as part of the science of the state / transl. and preface by A. Ertel. St. Petersburg, 1875. P. 2 (in Russ.).
110. Corpus iuris militaris novissimum, oder neuestes Kriegs-Recht, worinnen die militair-verordnungen, welche die Romischen Kayser, die geist- und weltliche Churfursten, ingleichen die auswärtigen Konige und Republiken bis auf diese zeit ergehen lassen, zu finden. Leipzig, 1724.
111. *Stein L. von.* Die Lehre vom Heerwesen: Als Theil der Staatswissenschaft. Stuttgart, 1872.

Сведения об авторе

КУДАШКИН Александр Васильевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в области обороны и оборонно-промышленного комплекса Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; руководитель отделения военного права Академии военных наук Российской Федерации; 119330 г. Москва, Университетский проспект, д. 14

Authors' information

KUDASHKIN Aleksandr V. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Interdisciplinary Center for Legal Research in the Field of Defense and the Military-Industrial Complex, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Head of the Military Law Department of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, 14 Universitetsky Ave., 119330 Moscow, Russia

УДК 340

ЗАЩИТА СЛАВЯНСКОГО МИРА КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ГРАНИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2025 г. С. Н. Бабури^{1, 2, *}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Московский университет им. С. Ю. Витте

*E-mail: 1357343@mail.ru

Поступила в редакцию 11.08.2025 г.

Аннотация. Через призму юридической историографии рассматриваются вопросы цивилизационного развития России. Аргументируется тезис, что защита Славянского мира выступает политико-правовым концептом русской цивилизационной идентичности. Обосновывается, что цивилизационная идентичность любой нации по своему ценностному значению далеко не случайно приравнивается к суверенитету и выступает залогом стабильного развития, никакое решение актуальных и перспективных задач государственно-правового развития России без учета ее цивилизационной идентичности невозможно. Утверждается, что русская цивилизационная идентичность включает в себя в том числе общенародное внутреннее чувство, что все славяне — свои для русского человека не только единым этническим корнем, но и настроением души, системой духовно-нравственных ценностей, что славянская взаимность несовместима с нравственным нейтралитетом общества и власти. Славянский мир занимает особо значимое место в русском традиционном правосознании.

Ключевые слова: Славянский мир, цивилизационное развитие России, юридическая историография, политико-правовой концепт, нравственный нейтралитет публичной власти, полнота системы политико-правовых знаний.

Цитирование: Бабури С.Н. Защита Славянского мира как политико-правовой концепт русской цивилизационной идентичности: грани юридической историографии // Государство и право. 2025. № 11. С. 75–83.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтom государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.7868/S3034543X25110049

THE PROTECTION OF THE SLAVIC WORLD AS A POLITICAL AND LEGAL CONCEPT OF RUSSIAN CIVILIZATIONAL IDENTITY: THE RETURN OF THE GEOPOLITICAL PRINCIPLE

© 2025 S. N. Baburin^{1, 2, *}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Moscow Witte University*

*E-mail: 1357343@mail.ru

Received 11.08.2025

Abstract. Through the prism of legal historiography, the issues of civilizational development of Russia are considered. The thesis is argued that the protection of the Slavic world is a political and legal concept of Russian civilizational identity. It is substantiated that the civilizational identity of any nation in its value is not accidentally equated with sovereignty and is the key to stable development, no solution to the current and future problems of the state and legal development of Russia without taking into account its civilizational identity is simply impossible. It is argued that the Russian civilizational identity includes, among other things, a nationwide inner feeling that all Slavs are friends for the Russian person not only by a single ethnic root, but also by the mood of the soul, the system of spiritual and moral values, that Slavic reciprocity is incompatible with the moral neutrality of society and power. The Slavic world occupies a particularly significant place in the Russian traditional legal consciousness.

Key words: Slavic world, civilizational development of Russia, legal historiography, political and legal concept, moral neutrality of public power, completeness of the system of political and legal knowledge.

For citation: Baburin, S.N. (2025). The protection of the Slavic world as a political and legal concept of Russian civilizational identity: the return of the geopolitical principle // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 75–83.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Утвержденные Указом Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» предопределили необходимость распространения достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества¹.

Как справедливо отмечает С.А. Авакьян, упование на демократизацию конституционного строя ни в коей мере не должно мешать наполнению воспитания, политики государства и общества патриотическими мотивами².

К концу первой четверти XXI в. человечество столкнулось с беспрецедентным мировоззренческим кризисом, когда речь идет о противостоянии цивилизаций, о защите народами своей цивилизационной самобытности как единственной возможности обеспечить нациям их дальнейшее существование. Происходит пересмотр складывавшихся веками социальных и политико-правовых теорий, рождение новых подходов к государству и праву. Изменения в правовой культуре современного российского общества требуют переосмысления существовавшей системы ценностей, нравственно-правовых идеалов³. Только верифицируемая, достоверная и правдивая историографическая модель системы политико-правовых знаний может ныне укрепить российскую гражданскую идентичность, создать условия для равноправного межкультурного диалога.

¹ См.: СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2587.

² См.: Авакьян С.А. Патриотическое воспитание населения как комплексная конституционно-правовая задача гражданских и государственных институтов // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы XIII Междунар. науч. конф., посвященной

250-летию воссоединения Белоруссии и России / под ред. С.Н. Бабурина и А.М. Осавелюка. М., 2023. С. 24.

³ См.: Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 3. Государство, право, общество. М., 2007. С. 503.

Правовой аспект цивилизационной идентичности

Президент РФ В.В. Путин, говоря о восточных славянах, в 2021 г. напомнил об интегративном характере русской идентичности, включавшей в Российской Империи активный процесс развития малороссийской культурной идентичности в рамках большой русской нации, соединявшей великороссов, малороссов и белорусов⁴. Русская цивилизационная идентичность немыслима без миссии России по защите славянских народов.

Прав В.С. Горбань, утверждающий, что рассмотрение о любой научной проблеме имплицитно предполагает историографический анализ⁵. Любые политико-правовые явления рождаются в конкретной среде культуры, образования, опыта, противоборства интересов⁶. Если господствовавшее в России в XVIII–XX вв. политико-идеологическое понимание права элиминировало любой негосударственный, а позже и неклассовый подход к государственно-правовым явлениям⁷, то возрождение в начале XXI в. цивилизационного подхода к социальным явлениям вдохнуло в юридические науки новое восприятие реальности.

Если историографию в узком смысле рассматривают как совокупность исследований в области истории, посвященных определенной исторической эпохе или конкретной теме, то юридическая историография предполагает еще и политико-правовую оценку такой совокупности. Историографии всегда присущ контекст существующей в обществе идеологии. С возвращением

в правоправедение духовно-нравственных ценностей стало очевидно, что именно государственная идеология — это тот универсальный механизм, который только и способен смягчать конфликты в обществе без привлечения мер организованного насилия⁸. А государственная идеология, общественный идеал и цивилизационная идентичность неразделимы. Не случайно А.И. Клименко подчеркивает моральную природу правовой идеологии, хотя и полагает ошибочно, что «мораль принципиально не идеологична»⁹.

Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229, впервые перестроила геополитическую позицию Российской Федерации на русскую цивилизационную систему координат. В Концепции подчеркивается, что тысячелетний опыт самостоятельной государственности и культурное наследие предшествовавшей эпохи предполагают не только глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, но и свидетельствуют об особом положении России как самобытного государства-цивилизации, выработавшего за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп, как обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы¹⁰.

Создание благоприятных условия для дальнейшего цивилизационного развития России предполагает освобождение российской политико-правовой мысли от любых идеологических искажений и фальсификаций, укрепление в российской науке, а затем и в общественном мнении внутренне непротиворечивого, опирающегося на отечественные культурно-исторические и духовно-нравственные принципы политико-правового концепта русской цивилизационной идентичности. А.Н. Савенков справедливо отмечает, что государствоведение имеет совершенно определенную специфику, без учета которой невозможно преодоление трудностей государственного строительства¹¹. Историография

⁴ См.: Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/66181> (дата обращения: 09.08.2025).

⁵ См.: Горбань В.С. Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. Т. 25. Вып. 1. С. 109.

⁶ См., напр.: Савенков А.Н., Чиркин В.Е. Конституционные основы социального и территориального единства и дифференциации публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции РФ 1993 года // Государство и право. 2018. № 12. С. 18–29; Кожевников О.А. Конституционные изменения 2020 года: предпосылки и направления реализации // Уральский форум конституционалистов (Екатеринбург, 5–11 октября 2020 г.). Екатеринбург, 2021. Вып. 6. Ч. 1. С. 135–143; Жуков В.И. Суверенитет и цивилизационное пространство России: в 5 т. М., 2024. Т. 1. С. 322–328; Его же. Славяно-русско-российская цивилизация. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021; Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018. С. 110–119; Клеандров М.И. Правосудие и справедливость. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2025. С. 92–131; Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2025; Исаев И.А. Алхимия власти: очерки по истории и мифологии права. М., 2025.

⁷ См.: Общая теория права: классические и современные вопросы: учеб. М., 2021. С. 13–85.

⁸ См.: Государственная идеология: историко-правовые и теоретико-правовые аспекты: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.А. Васильева. М., 2019. С. 7.

⁹ Клименко А.И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М., 2017. С. 118.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

¹¹ См.: Савенков А.Н. Россия и ее суверенное цивилизационное пространство в свете историографии сравнительного государствоведения // Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях: сб. науч. тр. Первой Междунар. конф. «Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях» (Москва, 16 октября 2024 г.) / под общ. ред. А.Н. Савенкова, В.С. Горбаня. М., 2024. С. 16.

политико-правового знания предполагает, как справедливо подчеркивает В.С. Горбань, сознательную ревизию познавательных средств и ресурсов, обеспечивающих осмысление различных культурно-цивилизационных типов государства и права¹².

Цивилизационная идентичность любой нации по своему ценностному значению далеко не случайно приравнивается к суверенитету и выступает залогом стабильного развития¹³. Решение актуальных задач государственно-правового развития России без учета ее цивилизационной идентичности невозможно, особенно с учетом того, что право все очевиднее становится автономным актором человеческой истории, создающим новую реальность¹⁴. Русские ученые-юристы еще в XVIII в. указывали на важность принятия законов с учетом не только исторических и политических причин, вызывающих необходимость принятия того или иного закона, но и национальных традиций¹⁵.

Цивилизационная идентичность русского государства

Достоверная самоидентификация любого общества возможна только при опоре на принцип цивилизационного развития¹⁶. Политико-правовой концепт, как порождение конкретной культуры, является несущим в себе созидательный смысл ментальным образованием, включающим в себя не только существенные политико-правовые признаки цивилизационной идентичности, но и связанные с ней ассоциации. В основе идеалов Русской цивилизации как целостной совокупности духовно-нравственных и материальных форм существования русского народа лежит понятие «Святая Русь», требующее от человека жертвенного служения идеалам добра и справедливости, стяжания Духа Святого, устремленности к безгрешности, совершенству и преображению души¹⁷. Политико-правовой концепт русской цивилизации

предполагает работу совести при опоре на державный инстинкт народа.

Русская цивилизационная идентичность включает в себя в том числе общенародное внутренне чувство, что все славяне — свои для русского человека. Не только единым этническим корнем, но и настроением души, системой духовно-нравственных ценностей. Отсюда и такой элемент теории «Москва — третий Рим», как закрепление за Россией роли духовного и политического лидера славян, миссии всеславянского защитника¹⁸. «Будущее славянского мира неразрешимо вне участия русского народа»¹⁹, — писал в 1861 г. русский историк А.Ф. Гильфердинг. Поддержка свободы и независимости славян для общественного мнения России была на протяжении веков необходимым требованием ее исторического призвания²⁰. Предметом нашего исследования не является глубокая древность и сам вопрос о происхождении славян. Хотя очень жаль, что до настоящего времени не нашла своего достойного места в российской историографии изданная волей Петра Великого в 1722 г. в переводе на русский язык книга М. Орбини (имя при издании русского перевода — Мавроорбини) «Историография. Начало имени, славы и расширения славянского народа», написанная в 1601 г. Задачей нашего исследования является не славянская история, а формирование современной русской цивилизационной идентичности.

В консолидации российского общества вокруг идеи защиты славянских народов видели возрождение «пришибленного ныне русского самосознания»²¹, разрушавшегося врагами православия и русской народности, вооруженных диалектикой, выросшей на Западе на почве схоластических тонкостей и хитросплетений²². Русская философия права очень долго формировалась на столкновении рационализма и национальных культурно-исторических традиций. Следует согласиться с акад. А.Н. Савенковым, что подлинная философия права — это поиск смысла в сфере, связанной с государством и правом, создание универсалий, отражающих цивилизационные вызовы современной эпохи, это теория справедливости и порядка²³.

¹² См.: Горбань В.С. Указ. соч. С. 110.

¹³ См.: Жуков В.И. Суверенитет и цивилизационное пространство России: в 5 т. Т. 1. С. 75–77; Виноградова Е.В. Анти-теза общепризнанных принципов и норм и государственной конституционной идентичности в современной полицентрической системе международных отношений // Труды ИГП РАН. 2021. Т. 16. № 3. С. 17–30.

¹⁴ См.: Право как созидатель новой социальной реальности / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2024.

¹⁵ См.: Маликов С.В., Чучаев А.И. Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья вторая) // Антиномии. 2025. Т. 25. Вып. 2. С. 143.

¹⁶ См.: Жуков В.И. Развитие теории цивилизации в парадигме социологии, истории и теории государства и права // Труды ИГП РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 21.

¹⁷ См.: Сохряков Ю.И. Русская цивилизация. Философия и литература / отв. ред. О. Платонов. М., 2010. С. 5.

¹⁸ См.: Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 96.

¹⁹ Гильфердинг А.Ф. Россия и славянство / сост. С.В. Лебедев; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 142.

²⁰ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа / сост. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. 2-е изд. М., 2011. С. 522.

²¹ Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала. Слово современников. Слово потомков / сост., вступ. ст. С.Н. Семанова. М., 2000. С. 99.

²² См.: Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. С. 97.

²³ См.: там же. С. 313, 314.

Именно потому защита Славянского мира сложилась как политико-правовой концепт русской цивилизационной идентичности. Его девизом может считаться лозунг легендарного «Белого генерала», героя русско-турецкой войны 1877–1879 гг. генерала М.Д. Скобелева: «Любовь к отечеству, свобода, наука и славянство!»²⁴. Потому и называет В.И. Жуков славяноведение теоретической основой национального цивилизационного сознания, относя это не только к России, но и к другим славянским народам²⁵.

Однако остаются еще вопросы, требующие политико-правового переформатирования. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 г. славянские государства лишь подразумевались среди прочих в тезисе: «Отношения с европейскими государствами – традиционное приоритетное направление внешней политики России», при этом было оговорено, что ключевое значение имеют отношения с Европейским Союзом²⁶. Было лишь одно, но важное исключение: в связи с агрессией НАТО против Югославии Концепция 2000 г. провозглашала: «Россия будет всемерно содействовать достижению прочного и справедливого урегулирования ситуации на Балканах, основанного на согласованных решениях международного сообщества. Принципиально важно сохранить территориальную целостность Союзной Республики Югославии, противодействовать расчленению этого государства, что чревато угрозой возникновения общепалестинского конфликта с непредсказуемыми последствиями»²⁷. Не появилось славянских государств среди внешнеполитических приоритетов России и в концепциях 2008, 2013, 2016 гг. О славянах вообще не упоминали²⁸. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. все так же нет ни слова о славянских странах – ни в перечне приоритетов, ни даже просто в ее разделе «Европейский регион» (п. 59–61).

Славянская взаимность несовместима с нравственным нейтралитетом

Современная внешняя политика Российской Федерации осуществляется как самостоятельный и многовекторный внешнеполитический курс

России, продиктованный ее национальными интересами (п. 6 Концепции внешней политики). К сожалению, в столь отстраненной, «объективистской» политико-правовой позиции просматривается унаследованная за многовековую ориентацию на «цивилизованный Запад» нравственная нейтральность российской публичной власти. От такой нейтральности необходимо решительно избавляться. Пришло время привести все конституционные смыслы и приоритеты в соответствие с императивами национальной цивилизационной идентичности, опора для чего уже заложена в самой Концепции. И славянская взаимность может быть опорой общества при преодолении нравственного нейтралитета российской власти.

Напомню, что нравственный нейтралитет публичной власти означает ее равную терпимость к добру и злу, к социальным институтам и действиям любого духовного содержания. Лозунг толерантности как уважительной терпимости к любому злу превратился в кредо западного мироощущения. Но для людей православных нейтральность – это теплостыдность, душевное состояние, которое в Апокалипсисе описывается словами «ни холоден, ни горяч» (Откр. 3, 15), это состояние окаменелого бесчувствия, когда потеряна грань между хорошим и плохим, когда сердце не способно сопереживать²⁹. Нравственная нейтральность государства отражает безнравственность общества³⁰. Основа избавления от нравственного нейтралитета публичной власти после конституционной реформы 2020 года заложена и в Конституции РФ, и в новой Концепции внешней политики Российской Федерации, которая отныне провозглашает, что отношение России к другим государствам и межгосударственным объединениям определяется конструктивным, нейтральным или недружественным характером их политики в отношении Российской Федерации (п. 6). Вот он, критерий добра и любви! Но означенный принцип необходимо дополнять при его реализации опорой на всю полноту нашей исторической памяти. А совершенствование российской публичной власти следует проводить с учетом достижений отечественной науки, прежде всего теории государства и права, конституционного права.

Избавляясь от нравственной нейтральности власти и общества следует прежде всего иметь в виду слова Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, подчеркнувшего, что нет иного закона

²⁴ Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала. Слово современников. Слово потомков / сост., вступ. ст. С.Н. Семанова. С. 66.

²⁵ См.: Жуков В.И. Суверенитет и цивилизационное пространство России: в 5 т. Т. 1. С. 189–200.

²⁶ См.: Росс. газ. 2000. 11 июля.

²⁷ Там же.

²⁸ См., напр.: Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6886.

²⁹ См.: Митрополит Белгородский и Старооскольский, Иоанн. Небо нашей жизни: Бог, человек, церковь. М., 2018. С. 117.

³⁰ См. подр.: Бабурин С.Н. Преодоление нравственного нейтралитета публичной власти как первоочередная задача российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 9. С. 11–15.

человеческих отношений, кроме закона любви, который предполагает отдачу самого себя другому человеку и в ответ — получение великого дара любви от того, кому ты себя отдаешь. Именно этот закон из стада делает человеческое общество³¹. Отмеченный патриархом закон важен и для отношений между народами. Он в том числе позволяет разделить и людей, и народы на «своих» и «чужих». Отношения с последними совершенно не должны быть столь же доверительными и братскими, как среди своих. Великий русский писатель Н. Лесков дал очень образное и емкое определение «своего». «Свой — это тот, с кем ты одно и то же любишь»³², — писал Лесков.

Место Славянского мира в русском правосознании

Пришло время вспомнить, как культурно-исторически формировалась доктрина защиты Славянского мира как первостепенная цивилизационная задача России, почему она остается в качестве политико-правового концепта русской цивилизационной идентичности. Далеко не случайно, учреждая государственные награды за освобождение важнейших городов Европы, И.В. Сталин принципиально установил написать на медалях, что столицы славянских государств Белград, Варшава и Прага были освобождены, а Будапешт, Кенигсберг, Вена и Берлин были взяты³³.

Политико-правовой концепт русской цивилизационной идентичности в контексте защиты Славянского мира включает в себя прежде всего свидетельствующую о такой защите международно-правовую деятельность Российского государства — от соглашений о сотрудничестве и гуманитарной помощи, до прямых военных действий.

Отвечая на вопрос, помогала ли Россия южным славянам, академик Е.Ю. Гуськова напоминает, что с 1715 г. сложилась даже традиция русских царей поддерживать, например, черногорцев материально. В 1798 г. государь император Павел Петрович установил ежегодную субсидию Черногории в размере 3 тыс. руб. «на общенародные надобности и учреждение полезных заведений»³⁴. Если Австрия соглашалась лишь на посредническую роль в примирении славян с Портой, то Россия взяла

восставших славян под свою защиту и, поддержав их в двух войнах, гарантировала им в договорах автономию во внутренних делах. Предоставляя повстанцам значительные суммы денег, оружие, поддерживая их по дипломатической линии, в 1806—1812 гг. Российская Империя вела совместно с ними вооруженную борьбу против Османской империи. Ничего подобного не делало и даже не обещало сделать ни одно другое европейское государство. Традиционными принципами российской дипломатии на Балканах была поддержка балканских народов как единоверцев и единоплеменников, установление с ними политических и культурных контактов³⁵.

В Манифесте от 12 апреля 1877 г. государь император Александр Николаевич провозглашал: «Всем нашим любезным верноподданным известно то живое участие, которое Мы всегда принимали в судьбах угнетенного христианского населения Турции. Желание улучшить и обеспечить положение его разделял с нами и весь русский народ, ныне выражающий готовность свою на новые жертвы, для облегчения участи христиан Балканского полуострова... Искерпав до конца миролюбие наше, Мы вынуждены высокомерным упорством Порты приступить к действиям более решительным. Того требуют и чувство справедливости, и чувство собственного достоинства... Призывая благословение Божие на доблестные войска наши, Мы повелели им вступить в пределы Турции»³⁶. И русские пошли освобождать славянские народы Балкан от турецкого ига.

Нынешние сербы боготворят государя императора Николая Александровича. Манифест от 20 июля (1 августа) 1914 г. начинался словами: «Следуя историческим своим заветам, Россия, единая по вере и крови со славянскими народами, никогда не взидала на судьбу их безучастно. С полным единодушием и особою силою пробудились братские чувства русского народа к славянам в последние дни, когда Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо неприемлемые для державного государства требования... Вынужденные, в силу создавшихся условий, принять необходимые меры предосторожности, Мы повелели привести армию и флот на военное положение...»³⁷. Российская Империя не объявля-

³⁵ См.: там же. С. 14.

³⁶ См.: Высочайший Манифест о вступлении Российских войск въ пределы Турціи (1877 г., Апрель 12). URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1877_04_12_01 (дата обращения: 22.06.2025).

³⁷ Император Николай II. Высочайший Манифест от 20 июля 1914 г. об объявлении состояния войны России с Австро-Венгрией // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 2: Первая мировая война: док. и материалы / отв. ред. В.К. Шапило. М., 2002. С. 92, 93.

³¹ См.: Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. О смыслах / сост. В.М. Теребихин. М., 2019. С. 63.

³² Лесков Н.С. Томление духа (из отроческих воспоминаний) // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1989. Т. 12. С. 397.

³³ См.: Во имя Победы (80 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.). М., 2025. С. 372.

³⁴ Гуськова Е.Ю. Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985—1995 гг.). СПб., 2022. С. 13.

ла войны, она только решительно заступилась за Сербию, и за это Германия и Австро-Венгрия объявили Российской Империи войну.

* * *

В.С. Горбань первоочередной проблемой развития юридической историографии называет источниковедение, причем относит к нему далеко не только исследование источников действующего позитивного права³⁸. Следует также согласиться с С.В. Коданом, который аргументированно выделяет среди основных аналитическую функцию юридической историографии³⁹, что особенно важно при защите русской цивилизационной идентичности от идеологических искажений и фальсификаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Патриотическое воспитание населения как комплексная конституционно-правовая задача гражданских и государственных институтов // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы XIII Междунар. науч. конф., посвященной 250-летию воссоединения Белоруссии и России / под ред. С.Н. Бабурина и А.М. Осавелюка. М., 2023. С. 24.
2. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2025.
3. *Бабурин С.Н.* Преодоление нравственного нейтралитета публичной власти как первоочередная задача российского конституционализма // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 9. С. 11–15.
4. *Виноградова Е.В.* Антитеза общепризнанных принципов и норм и государственной конституционной идентичности в современной полицентрической системе международных отношений // Труды ИГП РАН. 2021. Т. 16. № 3. С. 17–30.
5. Во имя Победы (80 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.). М., 2025. С. 372.
6. *Гильфердинг А.Ф.* Россия и славянство / сост. С.В. Лебедев; отв. ред. О.А. Платонов. М., 2009. С. 142.
7. *Горбань В.С.* Роль историографии в философии права и формировании понятийного языка современной правовой теории // Антиномии. 2025. Т. 25. Вып. 1. С. 109, 110.
8. *Горбань В.С.* Юридическая историография, ее научно-познавательное и социально-практическое назначение // Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях: сб. науч. тр. Первой Междунар. конф. «Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях» (Москва, 16 октября 2024 г.) / под общ. ред. А.Н. Савенкова, В.С. Горбаня. М., 2024. С. 38.
9. Государственная идеология: историко-правовые и теоретико-правовые аспекты: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.А. Васильева. М., 2019. С. 7.
10. *Гуськова Е.Ю.* Внешняя политика России в годы югославского кризиса (1985–1995 гг.). СПб., 2022. С. 13, 14.
11. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост. и коммент. А.В. Белова; отв. ред. О.А. Платонов. 2-е изд. М., 2011. С. 522.
12. *Жуков В.И.* Развитие теории цивилизации в парадигме социологии, истории и теории государства и права // Труды ИГП РАН. 2022. Т. 17. № 2. С. 21.
13. *Жуков В.И.* Славяно-русско-российская цивилизация. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
14. *Жуков В.И.* Суверенитет и цивилизационное пространство России: в 5 т. М., 2024. Т. 1. С. 75–77, 189–200, 322–328.
15. Император Николай II. Высочайший Манифест от 20 июля 1914 г. об объявлении состояния войны России с Австро-Венгрией // Мировые войны XX века: в 4 кн. Кн. 2: Первая мировая война: док. и материалы / отв. ред. В.К. Шацлло. М., 2002. С. 92, 93.
16. *Исаев И.А.* Алхимия власти: очерки по истории и мифологии права. М., 2025.
17. *Керимов А.Д.* Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018. С. 110–119.
18. *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* О смыслах / сост. В.М. Теребихин. М., 2019. С. 63.
19. *Клеандров М.И.* Правосудие и справедливость. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2025. С. 92–131.
20. *Клименко А.И.* Правовая идеология современного политически организованного общества. М., 2017. С. 118.
21. *Кодан С.В.* Историография в структуре юриспруденции: понимание и основные исследовательские пространства // Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях: сб. науч. тр. Первой Междунар. конф. «Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях» (Москва, 16 октября 2024 г.) / под общ. ред. А.Н. Савенкова, В.С. Горбаня. М., 2024. С. 50.
22. *Кожевников О.А.* Конституционные изменения 2020 года: предпосылки и направления реализации // Уральский форум конституционалистов (Екатеринбург, 5–11 октября 2020 г.). Екатеринбург, 2021. Вып. 6. Ч. 1. С. 135–143.
23. *Лесков Н.С.* Томление духа (из отроческих воспоминаний) // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. М., 1989. Т. 12. С. 397.
24. *Маликов С.В., Чучаев А.И.* Историческая школа права: отражение идей в русском уголовном праве (статья вторая) // Антиномии. 2025. Т. 25. Вып. 2. С. 143.

³⁸ См.: *Горбань В.С.* Юридическая историография, ее научно-познавательное и социально-практическое назначение // Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях: сб. науч. тр. Первой Междунар. конф. «Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях» (Москва, 16 октября 2024 г.) / под общ. ред. А.Н. Савенкова, В.С. Горбаня. С. 38.

³⁹ См.: *Кодан С.В.* Историография в структуре юриспруденции: понимание и основные исследовательские пространства // Там же. С. 50.

25. *Митрополит Белгородский и Старооскольский, Иоанн.* Небо нашей жизни: Бог, человек, церковь. М., 2018. С. 117.
26. Михаил Дмитриевич Скобелев. Слово Белого генерала. Слово современников. Слово потомков / сост., вступ. ст. С.Н. Семанова. М., 2000. С. 66, 99.
27. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 3. Государство, право, общество. М., 2007. С. 503.
28. Общая теория права: классические и современные вопросы: учеб. М., 2021. С. 13–85.
29. Право как созидатель новой социальной реальности / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2024.
30. *Путин В.В.* Об историческом единстве русских и украинцев. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/66181> (дата обращения: 09.08.2025).
31. *Савенков А.Н.* Россия и ее суверенное цивилизационное пространство в свете историографии сравнительного государствоведения // Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях: сб. науч. тр. Первой Междунар. конф. «Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях» (Москва, 16 октября 2024 г.) / под общ. ред. А.Н. Савенкова, В.С. Горбаня. М., 2024. С. 16.
32. *Савенков А.Н.* Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024. С. 96, 97, 313, 314.
33. *Савенков А.Н., Чиркин В.Е.* Конституционные основы социального и территориального единства и дифференциации публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции РФ 1993 года // Государство и право. 2018. № 12. С. 18–29.
34. *Сохряков Ю.И.* Русская цивилизация. Философия и литература / отв. ред. О. Платонов. М., 2010. С. 5.
5. In the name of Victory (80 years of Victory in the Great Patriotic War 1941–1945). М., 2025. P. 372 (in Russ.).
6. *Gilferding A.F.* Russia and Slavicism / comp. S.V. Lebedev; ed. by O.A. Platonov. М., 2009. P. 142 (in Russ.).
7. *Gorban V.S.* The role of historiography in the Philosophy of Law and the formation of the conceptual language of modern legal theory // Antinomies. 2025. Vol. 25. Iss. 1. Pp. 109, 110 (in Russ.).
8. *Gorban V.S.* Legal historiography, its scientific, cognitive and socio-practical purpose // Historiographical problems and approaches in modern legal research: collection of scientific papers of the First International Conference “Historiographical problems and approaches in modern legal research” (Moscow, October 16, 2024) / under the general ed. A.N. Savenkov, V.S. Gorban. М., 2024. P. 38 (in Russ.).
9. State ideology: historical, legal and theoretical aspects: in 2 vols. Vol. 1 / ed. by A.A. Vasiliev. М., 2019. P. 7 (in Russ.).
10. *Guskova E. Yu.* Russia’s foreign policy during the years of the Yugoslav crisis (1985–1995). SPb., 2022. Pp. 13, 14 (in Russ.).
11. *Danilevsky N. Ya.* Russia and Europe / comp. and commentary by A.V. Belov; ed. by O.A. Platonov. 2nd ed. М., 2011. P. 522 (in Russ.).
12. *Zhukov V.I.* The development of the theory of civilization in the paradigm of sociology, history and theory of state and law // Proceedings of the IGP RAS. 2022. Vol. 17. No. 2. P. 21 (in Russ.).
13. *Zhukov V.I.* Slavic-Russian-Russian civilization. 2nd ed., rev. and add. М., 2021 (in Russ.).
14. *Zhukov V.I.* Sovereignty and the civilizational space of Russia: in 5 vols. М., 2024. Vol. 1. Pp. 75–77, 189–200, 322–328 (in Russ.).
15. Emperor Nicholas II. The Supreme Manifesto of July 20, 1914 on the declaration of a state of war between Russia and Austria-Hungary // The World Wars of the twentieth century: in 4 books. Book 2: The First World War: documents and materials / res. ed. V.K. Shatsillo. М., 2002. Pp. 92, 93 (in Russ.).
16. *Isaev I.A.* The Alchemy of power: essays on the history and mythology of law. М., 2025 (in Russ.).
17. *Kerimov A.D.* The state organization of public life: questions of theory. М., 2018. Pp. 110–119 (in Russ.).
18. *Kirill, Patriarch of Moscow and All Russia.* About meanings / comp. V.M. Terebikhin. М., 2019. P. 63 (in Russ.).
19. *Kleandrov M.I.* Justice and justice. 3rd ed., rev. М., 2025. Pp. 92–131 (in Russ.).
20. *Klimenko A.I.* The legal ideology of a modern politically organized society. М., 2017. P. 118 (in Russ.).
21. *Kodan S.V.* Historiography in the structure of jurisprudence: understanding and basic research spaces // Historiographical problems and approaches in modern legal research: collection of scientific papers of the First International Conference “Historiographical problems and approaches in modern legal research” (Moscow, October 16, 2024) / under the general ed. of A.N. Savenkov, V.S. Gorban. М., 2024. P. 50 (in Russ.).
22. *Kozhevnikov O.A.* Constitutional changes of 2020: prerequisites and directions of implementation // Ural Forum of

REFERENCES

- Constitutionalists (Yekaterinburg, October 5–11, 2020). Yekaterinburg, 2021. Iss. 6. Part 1. Pp. 135–143 (in Russ.).
23. *Leskov N.S.* Languor of the spirit (from boyhood memories) // *Leskov N.S.* Collected works: in 12 vols. M., 1989. Vol. 12. P. 397 (in Russ.).
 24. *Malikov S.V., Chuchaev A.I.* Historical school of law: reflection of ideas in Russian criminal law (article two) // *Antinomies*. 2025. Vol. 25. Iss. 2. P. 143 (in Russ.).
 25. *Metropolitan John of Belgorod and Starooskolsky.* The sky of our life: God, man, the Church. M., 2018. P. 117 (in Russ.).
 26. *Mikhail Dmitrievich Skobelev.* The word of the White General. The word of contemporaries. The word of descendants / comp., intro S.N. Semanov. M., 2000. Pp. 66, 99 (in Russ.).
 27. General theory of the state and law. Academic course: in 3 vols / ed. by M.N. Marchenko. 3rd ed., rev. and add. Vol. 3. State, law, society. M., 2007. P. 503 (in Russ.).
 28. General theory of law: Classical and modern issues: textbook. M., 2021. Pp. 13–85 (in Russ.).
 29. Law as a creator of a new social reality / ed. by Yu. A. Tikhomirov. M., 2024 (in Russ.).
 30. *Putin V.V.* On the historical unity of Russians and Ukrainians. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/66181> (accessed: 09.08.2025) (in Russ.).
 31. *Savenkov A.N.* Russia and its sovereign civilizational space in the light of historiography of comparative statecraft // *Historiographical problems and approaches in modern legal research: collection of scientific papers of the First International Conference “Historiographical problems and approaches in modern legal research”* (Moscow, October 16, 2024) / under the general ed. of A.N. Savenkov, V.S. Gorban. M., 2024. P. 16 (in Russ.).
 32. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024. Pp. 96, 97, 313, 314 (in Russ.).
 33. *Savenkov A.N., Chirkin V.E.* Constitutional foundations of social and territorial unity and differentiation of public power. On a new reading and 25 years of experience in the implementation of certain provisions of the Constitution of the Russian Federation of 1993 // *State and Law*. 2018. No. 12. Pp. 18–29 (in Russ.).
 34. *Sokhryakov Yu.I.* Russian civilization. Philosophy and literature / ed. by O. Platonov. M., 2010. P. 5 (in Russ.).

Сведения об авторе

БАБУРИН Сергей Николаевич —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
почетный член Национальной академии наук
Киргизской Республики, иностранный член
Академии наук Абхазии,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10;
профессор Московского университета
им. С.Ю. Витте; 115432 г. Москва,
2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1

Authors' information

BABURIN Sergey N. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Honorary Member
of the National Academy of Sciences
of Kyrgyz Republic, foreign member
of the Academy of Sciences of Abkhazia,
Chief Researcher, Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia;
Professor of Witte Moscow University;
12, bld. 1, 2nd Kozhukhovskiy proezd,
115432 Moscow, Russia

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

УДК 340

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ:
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

© 2025 г. Е. А. Фролова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Поступила в редакцию 03.09.2025 г.

Аннотация. Наука истории политических и правовых учений есть наука индивидуализирующая (идиографическая) и обобщающая (номологическая). К основным методологическим проблемам истории политических и правовых учений относятся: обеспеченность письменными первоисточниками, расположение материала и оценка содержания политико-правовых доктрин, стиль изложения и единообразное понимание терминов, методологический диссонанс в изложении материала, попытки создать политически нейтральные, «объективные» теории о праве и государстве, желание соединить компоненты разных доктрин, создав тем самым одну «единственно верную» или «истинную» теорию. Делается вывод, что большинство методологических проблем истории политических и правовых учений является отражением деидеологизации предмета этой науки и находится в сфере доктринального мышления.

Ключевые слова: юриспруденция, методология юридической науки, история политических и правовых учений, право, государство.

Цитирование: Фролова Е. А. История политических и правовых учений: проблемы методологии // Государство и право. 2025. № 11. С. 84–92.

DOI: 10.7868/S3034543X25110055

THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES: PROBLEMS OF METHODOLOGY

© 2025 E. A. Frolova

Lomonosov Moscow State University

E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Received 03.09.2025

Abstract. The science of the history of political and legal doctrines is an individualizing (idiographic) and generalizing (nomological) science. The main methodological problems of the history of political and legal doctrines include: availability of written primary sources, arrangement of material and assessment of the content of political and legal doctrines, style of presentation and uniform understanding of terms, methodological dissonance in the presentation of material, attempts to create politically neutral, “objective” theories of law and state, the desire to combine components of different doctrines, thereby creating one “only true” or “true” theory. It is concluded that most methodological problems of the history of political and legal doctrines are a reflection of the de-ideologization of the subject of this science and are in the sphere of doctrinal thinking.

Key words: jurisprudence, methodology of legal science, history of political and legal doctrines, law, state.

For citation: Frolova, E.A. (2025). The history of political and legal doctrines: problems of methodology // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 11, pp. 84–92.

Юридическая наука неоднородна: кроме отраслевых наук, образующих ее стержень, она включает в себя науки историко-теоретического профиля, к которым, наряду с общей теорией права, историей государства и права, философией и социологией права относится история политических и правовых учений. Предмет ее исследования — учения о праве и государстве разных эпох у различных народов. Этой наукой систематизирован огромный фактический материал по вопросам понимания природы права, личности, общества, государства, этики, политики, предоставляющий возможность соотносить с учетом многовековых споров разные доктрины, школы и направления. Формы политико-правовых учений различны (философские письма, декламации, статьи, диалоги, трактаты, памфлеты, манифесты и др.); в них на концептуальном уровне отражается многогранность политико-правовых запросов конкретного общества и времени, а также возможности их практического воплощения с учетом исторических условий.

Знакомство с историей любой науки дает много поучительного, открывая возможность сознательного отношения к современному ее состоянию, предупреждая от повторения уже пережитых наукой заблуждений, служит лучшему усвоению научных приемов каждой отрасли знания. Одна из особенностей социальных наук заключается в наличии субъективного компонента (оценки), что влияет на их предмет и методологию исследований. Еще во второй половине XIX в. русские

юристы отмечали методологические различия естественных и социальных наук и их подходы к изучению истории науки: в науках, изучающих явления природы, история научных теорий нужна только для выяснения генезиса нашего знания о данной группе явлений; в науках, изучающих явления общечеловечности, кроме этого и для выяснения генезиса самих изучаемых явлений. Поэтому юристу знакомство с историей политических и правовых учений необходимо не только для самостоятельных научных работ, но и для сознательного усвоения готовых выводов науки. Не имея представления о теоретических воззрениях, которыми руководствовались люди в предшествующие эпохи, создавая обычаи, законодательство, судебную практику, нельзя понять и современное состояние права и государства¹.

По классификации наук, предложенной неокантианцами баденской школы, науку истории политических и правовых учений можно определить как науку *индивидуализирующую* (идиографическую), задача которой заключается в демонстрации с наибольшей полнотой того или иного учения в конкретно-исторических обстоятельствах времени и места, и *обобщающую* (номологическую) — она стремится выявить закономерности политико-правовой идеологии на уровне продолжительного отрезка времени, раскрывая направленность

¹ См.: Коркунов Н. М. История философии права. 7-е изд., испр. М., 2011. С. 2.

юридического мышления эпохи в целом. В этом смысле, используя гегелевскую метафору, можно сказать, что каждое политико-правовое учение — это эпоха, схваченная мыслью. Содержание политико-правовых доктрин, тем более их оценка, вызывает различные интерпретации, толкования и споры, что создает ряд методологических трудностей. К основным сложностям науки истории политических и правовых учений можно отнести следующие.

1. Обеспеченность письменными первоисточниками

Если для Нового времени (начиная с эпохи книгопечатания) политико-правовые источники были уже известны и обширны, а новые находки (опубликование отдельных сочинений, писем, заметок) вносили лишь некоторые ценные дополнения в частности, не изменив в корне нашего мировоззрения, то этого нельзя сказать о древней философии. По оценкам исследователя марбургской школы неокантианства К. Форлендера², проблема изучения первоисточников в наибольшей степени касается античной литературы досократовского периода — до нас дошли лишь случайные ее отрывки, а из греческой философии после Аристотеля немногим более. Из-за явной недостаточности письменных свидетельств сложно оценить реальный вклад того или иного мыслителя в постановку и решение философских, этических, политических вопросов. Так, например, происходит с оценкой философии Фалеса: его попытка объяснить возникновение мира носит уже не мифологический, а научный характер, однако от Фалеса никаких сочинений не осталось, и вопрос, существовали ли они вообще, в источниковедении открыт. От Анаксимандра до нас дошло всего несколько строк. Демокрит, обстоятельно занимавшийся вопросами этики, излагал свои взгляды в виде коротких моральных сентенций, однако то, что до нас дошло, — это 230 фрагментов, которые ему только приписываются; полностью удостовериться в его авторстве этих текстов не представляется возможным. От Пифагора не осталось ни одной строчки, поэтому сложно говорить о достоверной оценке его взглядов. Протагор, наиболее значительный из софистов старшего поколения, долгое время провел в Афинах, где приобрел в образованных кругах своих сторонников и высоко ценился Периклом и Еврипидом. Его сочинения касаются этики, права, политики, педагогики, но из сочинений Протагора дошло всего 20 строк, остальное мы узнаем из вторых рук — диалогов Платона. Важность «Никомаховой этики» для понимания политического учения Аристотеля у специалистов

не вызывает сомнений: этика, по Аристотелю, должна быть введением в политику, нравственная задача может быть решена только в государстве. Вместе с тем история создания «Никомаховой этики», время написания и авторство — предмет длительных споров. Полной уверенности, что ее автором выступил сам Стагирит, нет³. Сложности есть и с оценками более поздних учений — философии стоиков и эпикурейцев. Например, нет ясности, что именно в стоическом учении принадлежит Зенону Китийскому, а что — его преемникам, Клеанфу и Хризиппу. О «парадоксе Эпикура» мы узнаем тоже только из вторых рук — от его критика, ратора Лактанция («О гневе Божьем»), так как труды Эпикура до нас не дошли.

Проблема первоисточников остро стоит и с оценками русской средневековой политико-правовой идеологии — отсутствие письменных источников затрудняет объективную оценку воззрений некоторых мыслителей того времени. Например, политические идеи Феодосия Косого получили известность благодаря работе его современника и оппонента Зиновия Оттенского, который, вполне вероятно, приписал своему противнику положения, ему не принадлежавшие, или усилил уже имеющиеся.

2. Расположение материала: по портретным характеристикам или в соответствии с идеологией политико-правовых течений

В том случае, если выстраивать учебный курс по истории политических и правовых учений исключительно «по персоналиям», создается представление о предмете этой дисциплины, как об очерках из серии «ЖЗЛ», — занимательных своими фактами, но исключаящими или по меньшей мере отодвигающими на периферию изучения методологический компонент учения. На практике это означает сведение богатейшего материала истории политических и правовых учений к перечню имен. Такой подход в XXI в., к сожалению, весьма распространен; он отрицательно сказывается на учебном процессе (студент воспринимает историю политических и правовых учений как нагромождение многочисленных персоналий, не понимая места той или иной доктрины в общем ходе идей). Кроме этого бытует мнение, что «украсив» какое-либо суждение великими именами мыслителей прошлого, само это суждение приобретает черты классической мысли, становясь как бы новым словом в науке. Отсюда — упоминания к месту и не к месту клише: «Платон/Аристотель/Гоббс/Локк/Монтескье/Руссо/Спиноза/Кант/Гегель/Маркс/Ленин... заявил, утверждал, полагал...».

² См.: Форлендер К. История философии. Античность. Средние века / пер. с нем.; под ред. В.А. Савальского. 2-е изд., испр. М., 2011. С. 30–39.

³ См.: Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4 / ред.: А.И. Доватур, Ф.Х. Кессидипер. М., 1984. С. 687.

В случаях, когда эти отсылки слабо связаны с контекстом, фундаментальность авторских заявлений не только не усиливается, но, напротив, девальвируется. Не должно быть и терминологической загроможденности, о чем писал еще Эразм Роттердамский применительно к своему времени (XVI в.), отмечая неблагоприятную роль риториков, полагающих «верхом изящества пересыпать латинские речи греческими словечками, словно бубенцами, хотя бы это и было некстати. Если же не хватает им заморской тарабарщины, они извлекают из полустивших грамот несколько устаревших речений, чтобы пустить пыль в глаза читателю. Кто понимает, тот тешится самодовольством, а кто не понимает, тот тем более дивится, чем менее понимает»⁴. Описательность — только внешняя сторона истории политических и правовых учений. За каждым именем/концепцией, изучаемой этой дисциплиной, стоит самостоятельная логико-теоретическая основа (методология) и соответствующая модель решения политико-правовых вопросов в исторически конкретный период времени. В академическом плане многочисленность «имен», с которой, как отмечалось, ассоциируется эта дисциплина, нередко приводит к тому, что история политических и правовых учений оценивается лишь с количественной стороны (больше имен — больше науки). Нежелание (неумение) видеть «за деревьями лес» и анализировать доктрину с учетом эволюции творчества мыслителя и оценки теории в общей системе социальных идей не может приучить к критическому мышлению, необходимому для научного исследования. Отсюда — более общая в настоящее время проблема недооценки фундаментальной юриспруденции в структуре современного образования, негативного отношения к формированию правового мышления, воспринимающего в современном мире скорее как помеху практико-ориентированному подходу к обучению студентов⁵.

Отдельно можно обозначить *проблему соотношения авторских имен и псевдонимов*. Как известно, многие впоследствии известные произведения были опубликованы под псевдонимами или вообще без указания имени автора. Так, из 173 псевдонимов Франсуа-Мари Аруэ наиболее известен — Вольтер, однако некоторые острые политические трактаты были написаны им под другими псевдонимами. Поэтому можно предположить, что последующая политико-правовая мысль не связала эти работы с именем данного автора. Самуэль

фон Пуфендорф опубликовал ряд своих произведений («О положении Германской империи», 1667) под псевдонимом Серина де Монцамбано. «Богословско-политический трактат» Бенедикта Спинозы вышел в свет в 1670 г. без указания имени автора, кроме этого в целях конспирации было неправильно указано место издания (Гамбург) и имя издателя (Генрих Кюнрат). В действительности книга была издана Христофором Конрадом в Амстердаме. Трактат Морелли «Кодекс природы или истинный дух ее законов» (1755) современники приписывали одному из идеологов Просвещения (в качестве авторов назывались Дидро, Туссен, Лабомель). Еще сложнее оценить авторство работ в среде монархмахов (тираноборцев). Так, их взгляды отстаиваются в сочинении «Защита против тиранов» (1753), вышедшем в свет под псевдонимом Юний Брут. Первоначально автором этого трактата считался Теодор Без; потом авторство трактата приписывали гугеноту, писателю и дипломату Гюберу Ланге; позднее исследователи склонились в пользу другого гугенота — Дюплесси-Морне.

Если выстраивать учебный курс с ориентиром на течения общественной мысли⁶, то в этом случае интеллектуально-волевой (личностный) компонент формирования доктрины уходит в сторону, а предмет истории политических и правовых учений сливается с политической социологией.

Различение индивидуального и научного мышления — предмет исследования мыслителей в разные исторические эпохи. Так, по оценкам Аристотеля, научное мышление всегда индивидуально. Согласно подходу Б.А. Кистяковского, научное мышление носит всеобщий характер, но это не означает, что оно имеет социальный характер: научное мышление социально лишь настолько, насколько вообще всякое мышление является социальной функцией (знание языка, возможность общения людей и др.). Таким образом, научное мышление не является коллективным или мышлением большинства, по своей сути оно всегда индивидуально.

3. *Остается открытым вопрос: с каких позиций производить оценку политико-правовой доктрины: ее содержание должно главным образом отражать историческую эпоху (академический аспект) или оказывать влияние на нее (идеологический компонент)?*

В первом случае за рамки изучения выносятся логический объем доктрины, т.н. теоретический субстрат, который имеет вневременную ценность

⁴ Эразм Роттердамский. Похвала Глупости / сост., вступ. ст., примеч. А.Л. Субботина. М., 1991. С. 35.

⁵ О проблемах современного юридического образования см.: Кроткова Н.В. Всероссийская конференция с международным участием «История политических и правовых учений как научная и учебная дисциплина» // Государство и право. 2023. № 8. С. 191–206.

⁶ Киники, мегарики, киренаики, старшие софисты, младшие софисты, неоплатоники, перипатетики, стоики, эпикурейцы, гомаристы, арминииане, левеллеры, индипенденты, диггеры, бабувисты, декабристы, славянофилы, западники, «левый» уклон, «правый» уклон, «центристы», социалисты, коммунисты, марксисты, ревизионисты, либералы, консерваторы и др.

социальной науки. Если это происходит, то изучаемый материал становится предметом скорее истории государства и права, как своего рода атрибут определенной эпохи — «доктрина урезывается в корень с эпохой» (Новгородцев). В случае если оценивается воздействие доктрины на политико-правовую реальность, то для объективности исследования следует четко понимать, с какого периода времени следует исчислять произведенное концепцией воздействие и с каких позиций его надо толковать. Например, Гераклит — оригинальный древнегреческий мыслитель, сильная сторона которого заключалась в гениальной интуиции, а не в специальном научном исследовании — в большей степени повлиял не на свое, а на последующее время (на Платона, Аристотеля, стоиков, Гегеля, Лассалья, Шлейермахера и др.). Другой пример: подлинные рукописи Аристотеля спрятали от захвата пергамскими царями в сыром погребке (в Трое), где они пролежали три или два столетия до н.э., позднее их доставили в Афины, откуда Сулла увез их в Рим. Затем перипатетик Андроник выпустил в Риме новое издание всех сочинений Аристотеля — именно оно лежит в основе текста, которым мы пользуемся в настоящее время. Вопрос, насколько он тождествен рукописям Стагирита, открыт. Кроме того, не до конца можно проследить влияние сочинений Аристотеля на своих ближайших учеников — до нас не дошло свидетельств о крупных последователях в среде перипатетиков. Как известно, уже во времена Аристотеля с сочувствием замечали: «дерево в сук растет». От перипатетиков в лучшем случае дошло всего несколько имен.

Трактат «О добровольном рабстве» Ла Боэси был опубликован через 24 года после его написания (и 18 лет после смерти автора), — в условиях быстроменяющихся обстоятельств религиозных войн во Франции это было значимо.

Трактат Г. Гроция «Три книги о праве войны и мира» был опубликован в разгар Тридцатилетней войны (март 1625), но уже с 1627 г. был внесен в папский список запрещенных книг, в котором находился до 1900 г.

Сочинение Ю. Крижанича «Политика» (1663–1667) попало в библиотеку русского книжника Сильвестра Медведева и пролежало там до 60-х годов XIX в.

«Завещание» Ж. Мелье было полностью опубликовано (1864) через 135 лет после смерти автора (1729).

В 1777 г. вышел в свет «Отрывок о правительстве» И. Бентама. Работа была напечатана без указания автора. Пока авторство этого произведения приписывали лордам, общественным деятелям, Э. Берку, оно вызывало сенсацию и успех; однако после того, как отец Бентама раскрыл тайну авторства,

восхваление работы резко снизилось — автором оказался адвокат, в это время отошедший от дел.

Книга немецкого мыслителя В. фон Гумбольдта «О пределах государственной деятельности» (1792) была опубликована после смерти автора, но повлияла на Дж. Ст. Милля (Англия) и Э. де Лабулэ (Франция).

Работы Дж. Вико «О единственном начале и единственной цели всеобщего права» и «Основания новой науки об общей природе наций» получили признание спустя почти столетие.

Первое полное издание А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» вышло в свет только после революции 1905 г., до этого времени его читали в основном Екатерина II и ее приближенные.

Главный политический трактат Н. М. Карамзина «Записка о древней и новой России» был практически неизвестен читающей публике. В полном объеме он впервые был опубликован лишь в 1861 г. в Берлине. Первое историческое и одновременно политическое его произведение «Историческое похвальное слово Екатерине II», содержащее политическую программу обоснования монархии, не издавалось полтора века.

Проекты государственных преобразований М. М. Сперанского широкой публике не были известны, их разработка совершалась втайне от общества.

Из восьми философических писем П. Я. Чаадаева было опубликовано только одно, а сам автор, как он писал, «излагал свои мысли легче и точнее на французском языке, нежели на русском».

«Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского читал преимущественно цензор, а опубликованы они были после 1905 г.

В юридической литературе известны разногласия в оценке выступления декабристов. Неясности начинаются уже с выявления социально-классовой основы их движения. Так, отмечается, что толкование событий 1825 г. как «заговора аристократии» не объясняет резкого противоречия между составом тайных обществ и их целями — противоречия, выраженного каламбуром графа Растопчина, впоследствии переданным стихотворными строками: «В Европе сапожник, чтоб барином стать, бунтует — понятное дело. У нас революцию делает знать — в сапожники, что ль, захотела?». Немало исследователей оценивают это выступление отрицательно, причем с противоположных позиций: одни сетуют на бестолковость и непрофессионализм стояния на Сенатской площади («надо было брать Зимний дворец!»), на неуклюжесть и несуразность блужданий Черниговского полка («надо

было штурмовать Киев!»), другие, наоборот, рассуждают, что это выступление воспрепятствовало проведению правительственных реформ⁷.

4. *Стиль изложения и единообразное понимание терминов*

Еще Эразм Роттердамский противопоставил философским заумствованиям здравый смысл. Так, борясь против невежества, односторонности, категоричности, формализма, догматизма, нидерландский гуманист замечал, что наука (философия) должна помогать людям в решении их жизненных проблем, а не предлагать «силлогизмы, конклюденты, королярии, суппозиции». Человеку легче выбрать из лабиринта, чем из «сетей реалистов, номиналистов, томистов, альбертистов, оккамистов, схолистов и прочих». В продолжение этих идей своего друга Томас Мор в «Утопии» (1516) писал о том, что формулировки законов должны быть точны, ясны и кратки. Аналогичные требования следует распространить и на учебную литературу: было бы желательно, чтобы эти тексты всегда отличал понятный язык (без повторов, многочисленных оговорок и толкований) с тем, чтобы студент мог усвоить сущность той или иной концепции, уметь пересказать и оценить ее основные положения. С точки зрения такого подхода учебник по истории политических и правовых учений — не место для высказываний сугубо авторского мнения и (или) того высокого слога, который, например, был свойствен ряду глав учебников советского времени. Так, в одном из разделов учебника по истории политических учений того времени отмечалось: «Гениальный продолжатель революционного учения К. Маркса и Ф. Энгельса, создатель Коммунистической партии Советского Союза, руководитель величайшей социальной революции, основатель первого в мире социалистического государства, вождь международного рабочего класса и всех трудящихся Владимир Ильич Ульянов (Ленин) родился 22 апреля 1870 г. в семье инспектора народных училищ, давшей целую плеяду революционных деятелей»⁸. Информация подобного рода, фактологически безупречная, создает ореол величия одним авторам в ущерб изложению сути других теорий.

Сложности в оценках ряда учений связаны и с разным содержательным наполнением ключевых понятий. Так, например, первоначальное значение термина «софист» подразумевало высокий профессионализм, софист — это мастер своего дела. Поколение старших софистов воспринималось и оценивалось именно с этих позиций.

⁷ См.: История политических и правовых учений: учеб. / под ред. О.Э. Лейста. М., 1997. С. 399, 400.

⁸ История политических учений: учеб. / под ред. К.А. Мокичева. М., 1972. Ч. II. С. 173.

Позднее, как известно, софистика выродилась в бессодержательность, только лишь область риторики; софисты этого времени — лица, которые за деньги могли научить красноречию, но были далеки от идейной глубины своих предшественников. Другой пример: термином «естественное право» охватывается один из видов политического права в учении Аристотеля, вид права в концепции Г. Гроция и в доктрине классика этой теории Дж. Локка. Вместе с тем для Аристотеля естественное право означало «нормальное», «типичное» состояние в обществе (семья, частная собственность, рабство), для Г. Гроция — способность самостоятельной, в том числе критической, оценки каждым индивидом предписаний верховной власти, для Дж. Локка — возможности человека иметь собственность, быть свободным и равным перед законом с другими лицами в естественном (догосударственном) состоянии. В то время как Локк, яркий сторонник теории естественного права, олицетворяет собой концепцию прав человека и гражданина, Гроций — родоначальник теории естественного права в Новое время — не упоминает о личных правах, сосредоточив свое внимание на едином понимании природы индивида (отсюда и предложенный им перечень принципов здравого разума человека), а Аристотель выступает с обоснованием рабства. Понятийно-категориальный аппарат и терминологические особенности важны не только для анализа политико-правового учения в отдельности, но и для адекватной оценки полемики (очной и заочной), которая велась между их представителями.

5. *Методологический диссонанс в изложении материала*

В процессе изучения и преподавания истории политических и правовых учений сложилась в основном как история концепций с наиболее разработанным теоретическим содержанием. В методологическом плане такой подход вполне оправдан, если при этом достаточное внимание уделяется и тем доктринам, борьба с которыми обусловила значимость изучаемых концепций. Анализ политико-правовых доктрин предполагает оценку, т.е. отграничение истинного от ложного, существенного от случайного в конкретно-исторических условиях времени и места. Эта дисциплина изучает (должна изучать) не только «господствующие», но и оппозиционные им государственно-правовые теории. В советское время недооценка отдельных политико-правовых доктрин была связана с доминирующей ролью принципа партийности: теории оценивались исключительно с точки зрения их классового содержания, теоретический концепт учения оставался на периферии. Так, вторая часть учебника по истории политических и правовых учений под

редакцией К.А. Мокичева (1972) содержала девять глав, но только две из них не касались рассмотрения марксистского учения о государстве и праве. Если изложение учения Б.Н. Чичерина в этом учебнике занимало полторы страницы, то вопросам развития марксистско-ленинской политической мысли после образования мировой социалистической системы уделялось более 40 страниц. Методологический перекося влиял и на оценку содержания концепций: например, о личности и творчестве Ф. Лассалья, авторитет которого, как известно, в Германии временами превосходил влияние идей К. Маркса, говорится мельком в параграфе под названием «Защита Марксом и Энгельсом идеи диктатуры пролетариата в борьбе с лассальянцами», не имеющим ни одной ссылки на труды Лассалья и его сторонников⁹. Аналогичным образом в этот период времени оценивались консервативные направления политико-правовой мысли. В частности, рассмотрение воззрений Э. Берка, де Местра, де Бональда заслонялось изучением считавшихся прогрессивными на тот исторический момент теориями, продвигающими развитие марксистско-ленинской политической теории на новом этапе движения советского общества к коммунизму. С идеологических позиций изучение материалов XXIII и XXIV съездов КПСС оказывалось информативнее и перспективнее, и потому эти программы предлагались студентам для изучения по курсу истории политических и правовых учений.

Однако любая искусственная выборка оценки доктрин по принципу «моды», «распространенности», «прогрессивности», «полезности» искажает общую картину науки истории политических и правовых учений — арены мировоззренческой и концептуальной борьбы, каждый из участников которой стремится обосновать политико-правовые воззрения, идеалы, программы, совпадающие с интересами той социальной группы, представителем которой он является. Важно понимать, что анализ обоснованности положений, логики построения и востребованности общественным сознанием требований, предлагаемых тем или иным учением права и государства, проявляется в наибольшей степени через очную или заочную полемику и борьбу идейных течений.

6. Попытки создать политически нейтральные, «объективные» теории о праве и государстве

Постановка этого вопроса — построить независимую от субъективных человеческих интересов политическую и правовую доктрину, своими логическими выводами подобную математике, — во многом определялась философией

рационализма Нового времени. Однако при всей четкости задачи попытки таких построений применительно к области права и государства не увенчались успехом: в политическую и правовую мысль проникали и закреплялись только те учения, которые совпадали с интересами каких-либо социальных групп ввиду актуальности поставленных задач и востребованности обществом. Наука истории политических и правовых учений *идеологична* по своей сути, — каждое политико-правовое учение имеет социально значимый характер, выражающийся в его программных положениях, где показаны интересы и идеалы социальных групп, их отношение к существующему политическому и правовому порядку и возможным в них изменениям.

7. Желание соединить компоненты разных доктрин, создав тем самым одну «единственно верную» или «истинную» теорию

История политических и правовых учений, изучая модели правового сознания какой-либо эпохи, формирует системные подходы к решению социально-политических проблем. Назначение этой науки и учебной дисциплины заключается в выявлении социально-политических доктрин, образующих некую общую модель решения проблем государства и права на определенном временном отрезке развития общества. Понимая суть политико-правовой реальности и зная механизмы решения подобных проблем в предшествующие эпохи, можно не только оценить значение того или иного учения в конкретно-исторический период времени, но и создать парадигмы изменения или сохранения политико-правового строя для будущих времен. В диалоге Платона «Государство» идеальной формой правления (там, где властвует мудрость) выступает аристократия или монархия. В действительности, по его мысли, существуют разные политические учреждения; Платон показывает четыре отклонения от идеала в порядке, обозначающем путь постепенного падения государственного устройства: тимократия (власть честолюбцев, спартанское правление), олигархия, демократия (господство неограниченной свободы), тирания (господство безумной и безмерной страсти, худшая форма правления)¹⁰. Этому закону, конечно, нельзя придавать абсолютного значения, уже Аристотель замечал, что нередко перемены происходят иначе: на примере Греции видно, что аристократия большей частью переходила в демократию через тиранию. Отчасти в Греции, а еще больше в Риме, переходной формой государства являлось правление, основанное на цензе

⁹ См.: История политических учений: учеб. / под ред. К.А. Мокичева. Ч. II. С. 119–127.

¹⁰ См.: Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи. М., 1994. С. 328–359.

(у Платона — олигархия), в сущности, это смешение аристократических и демократических начал. Однако возникновение тирании из необузданной демократии — явление обыкновенное во все эпохи. Это суждение Платона прочно вошло в последующую политико-правовую мысль.

История политических и правовых учений не предполагает «круговорот» идей. Для данной науки важен *принцип* решения политико-правовых вопросов. XXI век — век информационных технологий. Инновационные процессы в области создания ИИ, алгоритмизация всей жизнедеятельности обрушиваются на человека, тотально овладевая его разумом. Вместе с тем колоссальное расширение информационного объема не означает, что человечество (например, в античном полисе) имело меньше теоретических способностей решать обусловленные своим временем политико-правовые задачи. Истинное в истории не всегда то, что ново. По оценкам Б.Н. Чичерина, «нередко новое бывает выражением односторонних взглядов и еще чаще повторением старой односторонности, всплывающей вновь на поверхность при известном направлении умов. Истинно то, что прочно, что лежит в самой природе вещей, а потому проявляется везде и всегда»¹¹. О прогрессе в науке истории политических и правовых учений можно говорить в случаях постановки социально значимых проблем, оригинальности предложенных решений, обоснованности доводов в защиту того или другого варианта решения политико-правовых явлений, а не механического сведения воедино компонентов разных доктрин.

История политических и правовых учений не является кумулятивным процессом накопления и трансляции знаний — при всем обилии фактического материала в этой науке *не происходит суммирования идей*. Методологически это важно: нельзя сказать, что более поздняя теоретическая мысль заведомо весомее, значительнее, разумнее предыдущей, что, например, философия Эпикура глубже теоретических идей Зенона Китийского, рассуждения Локка о естественных правах и свободах человека перечеркнули программу построения абсолютной монархии Гоббса, «Философия права» Гегеля преодолела формализм кантовского категорического императива. Это примеры разных типов философий и политических воззрений, каждое из которых имеет свой набор логических аргументов. Для уяснения и оценки содержания доктрины важно, чтобы происходило ее *целостное восприятие*, поэтому не следует разрывать компоненты этой системы (методологическая основа,

содержание, программа) и, выбирая из контекста отдельные слова и фразы, оценивать их вне общего понимания доктрины. Наличие политического и правового учения предполагает связанность всех элементов его структуры, что проявляется в относительной устойчивости доктрин.

Каждое учение политической и правовой мысли содержит в себе некую относительную истину, о чем хорошо писал Б.Н. Чичерин: «Если истинно то, что вечно, что лежит в самом существе мысли, что проявляется как необходимое требование во всех ее отношениях к внешнему миру, то будущее не даст нам ничего существенного, что бы не было в прошедшем»¹². Политико-правовое учение включает в себя арсенал механизмов разрешения проблем политики, права, государства, однако нельзя его абсолютизировать: если забывается, что существуют и другие подходы к решению политико-правовых проблем, то возникает односторонность, проявляющаяся в ложных посылах и выводах. Так, либерализм имеет своим основным началом свободу, но если это начало абсолютизируется, свобода может смениться беззаконием и произволом, состоянием «свободы в неразбавленном виде» (Платон). Коммунизм выстраивается исходя из высшего начала коллективных ценностей, общего блага, но, развивая это начало в ущерб другим, отрицается личная свобода, семья, частная собственность (что показал уже Аристотель, критикуя план идеального государства Платона).

Политико-правовая доктрина обнаруживает себя в полемике с другими концепциями. Например, историческая школа права проявила себя в наибольшей степени в борьбе с теорией естественного права, а последняя — с теорией юридического позитивизма, которому на смену к концу XIX в. пришла обновленная модификация в виде «возрожденного» естественного права. Методологически важно исследовать политико-правовые учения *на равных началах*, оценивая логические доводы каждой концепции государства и права. В таком случае можно признать, что политико-правовая теория закономерна (появилась в силу определенных обстоятельств и условий своего времени), правомерна (возникла как проявление свободного творчества и самостоятельных оценок мыслителя) и необходима (решает актуальные вопросы государства и права конкретно-исторического общества). Доктрина может в большей или меньшей степени быть востребована своей эпохой, но как теоретический концепт каждое учение имеет право на существование.

¹¹ Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. I / подготовка текста, вступ. ст. и коммент. И.И. Евлампиева. СПб., 2006. С. 27.

¹² Там же. С. 28.

* * *

Как было показано, большинство методологических проблем истории политических и правовых учений находится в сфере доктринального мышления, они являются отражением деидеологизации предмета данной науки. В XXI в. дискуссии среди юристов порождают новые подходы к решению политико-правовых вопросов, а следовательно, переосмыслению прошлого, дают ответы на современные запросы государства и права, а также отчасти усматривают тенденции развития политико-правовых явлений, — в этом заключается непреходящая ценность истории политических и правовых наук как диалогической социогуманитарной науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 4 / ред.: А. И. Доватур, Ф. Х. Кессидипер. М., 1984. С. 687.
2. История политических и правовых учений: учеб. / под ред. О. Э. Лейста. М., 1997. С. 399, 400.
3. История политических учений: учеб. / под ред. К. А. Мокичева. М., 1972. Ч. II. С. 119–127, 173.
4. *Коркунов Н. М.* История философии права. 7-е изд., испр. М., 2011. С. 2.
5. *Кроткова Н. В.* Всероссийская конференция с международным участием «История политических и правовых учений как научная и учебная дисциплина» // Государство и право. 2023. № 8. С. 191–206.
6. *Платон*. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmus, A. A. Takho-Godi; авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А. Ф. Losev; примеч. А. А. Тахо-Годи. М., 1994. С. 328–359.

Сведения об авторе

ФРОЛОВА Елизавета Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

7. *Форлендер К.* История философии. Античность. Средние века / пер. с нем.; под ред. В. А. Савальского. 2-е изд., испр. М., 2011. С. 30–39.
8. *Чичерин Б. Н.* История политических учений. Т. I / подготовка текста, вступ. ст. и коммент. И. И. Евлампиева. СПб., 2006. С. 27, 28.
9. *Эразм Роттердамский*. Похвала Глупости / сост., вступ. ст., примеч. А. Л. Субботина. М., 1991. С. 35.

REFERENCES

1. *Aristotle*. Essays: in 4 vols. Vol. 4 / ed.: A. I. Dovatur, F. H. Kessidiper. M., 1984. P. 687 (in Russ.).
2. History of political and legal doctrines: textbook / ed. by O. E. Leist. M., 1997. Pp. 399, 400 (in Russ.).
3. History of political doctrines / ed. by K. A. Mokichev. M., 1972. Part II. Pp. 119–127, 173 (in Russ.).
4. *Korkunov N. M.* History of Philosophy of Law. 7th ed., cor. M., 2011. P. 2 (in Russ.).
5. *Krotkova N. V.* All-Russian Conference with international participation “History of political and legal doctrines as a scientific and educational discipline” // State and Law. 2023. No. 8. Pp. 191–206 (in Russ.).
6. *Plato*. Collected works: in 4 vols. Vol. 3 / transl. from ancient Greek; general ed. by A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi; author. intro art. and art. in note A. F. Losev; note A. A. Takho-Godi. M., 1994. Pp. 328–359 (in Russ.).
7. *Forlander K.* The history of philosophy. Antiquity. The Middle Ages / transl. from German; ed. by V. A. Savalsky. 2nd ed., cor. M., 2011. Pp. 30–39 (in Russ.).
8. *Chicherin B. N.* The history of political doctrines. Vol. I / text preparation, introductory article and commentary by I. I. Evlampiev. SPb., 2006. Pp. 27, 28 (in Russ.).
9. *Erasmus of Rotterdam*. Praise of Stupidity / comp., intro art., note by A. L. Subbotin. M., 1991. P. 35 (in Russ.).

Authors' information

FROLOVA Elizaveta A. — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; 1, bld. 13 (4th academic building), Leninskie Gory, 119991 Moscow, Russia

УДК 342

ОБЩЕСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2025 г. Г. Н. Чеботарев

Тюменский государственный университет

E-mail: g.n.chebotarev@utmn.ru

Поступила в редакцию 12.08.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена общественной власти, формируемой в гражданском обществе. Носителями общественной власти предлагается рассматривать организационные институты гражданского общества, к которым могут быть отнесены не только общественные объединения, некоммерческие организации, но и общественно-государственные организации, например Всероссийская общественно-государственная организация «Ассамблея народов России», а также общественные палаты, по сути также являющиеся общественно-государственными формированиями. Особое внимание уделяется общественному контролю, являющемуся важной функцией гражданского общества, органов общественной власти. Высказывается идея образования в будущем единого органа гражданского общества, представительства в нем основных общественных объединений, в частности Всемирного русского народного собора, а также высших церковных органов традиционных конфессий. Рассматривается возможность вхождения общественной власти в единую систему публичной власти в качестве ее подсистемы. Поддерживается предложение ученых конституционалистов о принятии Конституции РФ, в которой усилить духовно-нравственный потенциал укрепления солидарного общества и государства.

Ключевые слова: общественная власть, гражданское общество, общественно-государственные организации, общественные палаты, общественный контроль, новая Конституция РФ.

Цитирование: Чеботарев Г. Н. Общественная власть в публичной сфере Российской Федерации // Государство и право. 2025. № 11. С. 93–107.

DOI: 10.7868/S3034543X25110062

CIVIL SOCIETY IN THE PUBLIC SPHERE OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2025 G. N. Chebotarev

Tyumen State University

E-mail: g.n.chebotarev@utmn.ru

Received 12.08.2025

Abstract. The article describes the public authority formed in civil society. It is proposed to consider organizational institutions of civil society as bearers of public authority. Those can include not only public associations, non-profit organizations, but also public and governmental organizations, for example, the All-Russian Civil and State Organization the “Assembly of the Peoples of Russia”, as well as public chambers, which are essentially joint public and governmental formations. Special attention is paid to public control, which is an important function of civil society and governmental authorities. The author proposes the idea to form a single body of civil society in the future, representing the main public associations, in particular the World Russian People’s Council, as well as the highest church bodies of traditional religions. Public authority can be formed as a single system of governmental power and its subsystems. Constitutional scholars propose to adopt a new Constitution of the Russian Federation, which would strengthen the spiritual and moral potential of solidary civil society and the state.

Key words: public authority, civil society, public-governmental organizations, public chambers, public control, new Constitution of the Russian Federation.

For citation: Chebotarev, G.N. (2025). Civil society in the public sphere of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 93–107.

Введение

Общественную власть в публичной сфере Российской Федерации признают уже многие ученые-правоведы.

Так, В.В. Комарова наряду с публично-плебисцитной, государственной, муниципальной властью выделяет и общественную власть¹.

По мнению А.Н. Черткова, подлинная симфония власти невозможна без участия третьей подсистемы публичной власти — институтов гражданского общества².

Е.Н. Маркова рассматривает понятия «общественная власть» и «власть гражданского общества» как синонимы. Выделение общественной власти считает необходимым для обеспечения самостоятельности институтов гражданского общества³.

Наличие общественной власти признает и И.В. Иванов. К носителям общественной власти он относит некоммерческие организации, политические партии, общественные движения, общественные организации и другие институты гражданского общества⁴.

С точки зрения И.С. Романчука, вопросы общественной власти в целом нуждаются в дальнейшем доктринальном исследовании⁵.

Одним из первых российских ученых убежденно и последовательно раскрывает понятие, сущность, особенности формирования и функционирования общественной власти С.А. Авакьян⁶. Он пишет, что давно пришел к выводу о том, что «публичная

¹ См.: Комарова В.В. Конституционная система власти России и принцип разделения властей // Актуальные проблемы рос. права. 2017. № 9. С. 39, 40.

² См.: Чертков А.Н. Симфония властей как доктринальная основа триумvirата подсистем публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 44.

³ См.: Маркова Е.Н. Общественная и (или) публичная власть: проблемы соотношения в контексте конституционной реформы 2020 г. // Там же. 2021. № 12.

⁴ См.: Иванов И.В. Публичная власть в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 26.

⁵ См.: Романчук И.С. Проблематика концепции публичной власти в субъектах Российской Федерации // Там же. 2025. № 2. С. 43.

⁶ См.: Авакьян С.А. Гражданское общество, публичная власть и проблемы представительства // Роль и значение институтов гражданского общества в становлении государственности: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2014. С. 16–27; Его же. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистические начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 22.

власть представлена тремя организационными формами: а) государственная власть; б) общественная власть; в) власть местного самоуправления как смешанная общественно-государственная (или, если угодно, государственно-общественная — с учетом того, какие элементы являются ключевыми в том или ином институте) власть⁷.

Исследователи, признающие наличие общественной власти, относят ее к форме либо разновидности публичной власти, отводя ей место в качестве подсистемы публичной власти. В любом случае все, кто пишет об общественной власти, считают ее реально существующей в действительности. Для того чтобы определить сущностные черты общественной власти, необходимо, во-первых, отграничить ее от других видов публичной власти — государственной и муниципальной, а во-вторых, сформулировать ее основные признаки, источники возникновения, носителей общественно-властных полномочий, формы проявления, отличающиеся от иных видов публичной власти. Сделать это непросто, так как и само юридическое понятие публичной власти, сформулированное в Федеральном законе «О Государственном Совете Российской Федерации»⁸, не отвечает на все вопросы, возникающие при доктринальном объяснении феномена публичной власти.

Не менее сложно определить понятие «общественная власть». Каким образом возникают общественно-властные отношения, кто является носителем общественной власти, каковы их полномочия, методы осуществления? Если признавать существование общественной власти в России, то кому она принадлежит? Может ли быть субъектом общественных властеотношений гражданское общество в целом или только его отдельные институты? Сформирована ли система общественной власти в Российской Федерации? Если да, то какой существует единый центр (орган), обеспечивающий единство системы? И наконец, реальное функционирование системы органов общественной власти в публичной сфере (пространстве) общества и государства не означает ли, что эта система общественной власти тесно взаимодействует с единой системой публичной власти, с государственными органами, органами местного самоуправления и со временем может быть законодательно оформлена как третий элемент единой системы публичной власти? Ответы на эти вопросы могут быть даны в контексте одной из главных фундаментальных тем: соотношение общества, гражданского общества, государства. Не ставя

целью данной статьи хотя бы поверхностный обзор бесчисленного множества публикаций на эту тему, все-таки сошлемся на высказывания выдающихся ученых применительно к попыткам объяснения происхождения термина «общественная власть» и его связи с понятиями «общество», «гражданское общество», а также их соотношением с понятием «государство».

Общество и государство: проблемы взаимодействия

О тесной связи государства и общества Г. Еллинек писал: «Строгое разграничение и противопоставление государства и общества невозможно. Само государство есть, напротив, одна из форм общества, которая обуславливает другие формы и в то же время является продуктом их»⁹. Г. Еллинек рассматривал общество в широком смысле как совокупность проявляющихся во внешнем мире психологических связей между людьми, а в узком смысле как совокупность человеческих союзов, т.е. групп людей, объединенных каким-либо связующим элементом, и в самом узком смысле понятие общества «охватывает все общественные группы, за исключением государства»¹⁰.

М.Н. Марченко в качестве общих принципов и закономерностей, непосредственно касающихся взаимоотношений государства и общества вообще и правового государства и гражданского общества в частности, выделял, «во-первых, первичный характер общества и вторичный государства, во-вторых, соответствие, по общему правилу, уровня развития государства уровню развития породившего его общества, <...> в-пятых, наличие прямых и обратных связей между государством и обществом»¹¹.

Именно в обществе чаще всего первоначально формируются и получают распространение нравственные законы, как писал М.М. Сперанский, «законы общежительские». Если они противоречат законам естественным, они недействительны. Законы общежития, порядок его образования должны укрепляться действиями верховной власти¹². А если рассматривать, как предлагает М.В. Емельянов, общество в целом как высокоорганизованную систему в качестве источника власти, то различные элементы этой системы, институты гражданского общества также выступают как источник

⁷ См.: Авакьян С.А. Публичная власть как воплощение народовластия в России // Современные проблемы организации публичной власти. М., 2014. С. 59, 60.

⁸ См.: СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. III), ст. 8039.

⁹ Еллинек Г. Общее учение о государстве / вступ. ст. И.Ю. Козлихина. СПб., 2004. С. 123.

¹⁰ Там же. С. 119.

¹¹ Государство и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия / под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень, 2007. С. 8–11.

¹² См.: Сперанский М.М. Избранное / вступ. сл. П.В. Крашенинникова; сост. П.В. Крашенинников. М., 2015 (Юристы, изменившие право, государство и общество). С. 296.

власти — общественной власти — составной части публичной власти общества и государства¹³.

Сравнивая различные многочисленные определения общества, гражданского общества, отражающие тесные экономические, правовые, политические, психологические и другие связи общества, гражданского общества и государства, напрашивается закономерный вопрос: а кто от имени общества или его части — гражданского общества, осуществляет координацию элементов структуры гражданского общества, поддерживает и развивает связи с государством? Поскольку единого коллегиального представительного органа у современного гражданского общества не существует, такое взаимодействие осуществляется представительными органами институтов гражданской власти, наделенными в соответствии с законом и корпоративными актами общественной властью.

Осуществляя взаимодействие с органами государственной власти, органами местного самоуправления, участвуя в осуществлении государственной политики, оказывая непосредственное влияние на принятие нормативно-правовых актов, осуществляя общественный контроль за деятельностью органов публичной власти, субъекты общественного представительства осуществляют функции общественной власти. Поскольку эта деятельность носителей общественной власти осуществляется в едином публичном пространстве России, где также функционируют органы государственной власти, органы местного самоуправления, то логично рассматривать общественную власть как одну из разновидностей публичной власти.

Одним из первых российских ученых, употребивший термин «общественная власть» применительно к союзам, которые образуются в гражданском обществе, был Б.Н. Чичерин. По его мнению, «во всяком союзе существует общественная власть; а так как союзы различны, то и власти могут быть различны»¹⁴.

По определению С.А. Авакьяна, «общественная власть — это власть различных объединений и коллективов граждан в отношении лиц, состоящих в этих объединениях и коллективах, а также их внутренних подразделений»¹⁵. Действительно, общественная власть распространяется на членов общественных формирований, которые выполняют предписания коллегиальных представительных органов, сформированных гражданами, как правило, без какого-либо общественного принуждения, добровольно. Вместе с тем общественная власть не просто

взаимодействует, сотрудничает с органами государственной власти и местного самоуправления, а оказывает зачастую серьезное влияние на выработку государственной политики, принятие или неприятие важных для общества законов и иных нормативно-правовых актов. Таким образом, общественная власть в тесной связи с иными видами публичной власти играет заметную роль, занимает важное место в публичном пространстве Российской Федерации.

Под общественной властью мы понимаем разновидность публичной власти, сформированной на основе волеизъявления объединений граждан в целях реализации общественных групповых интересов для достижения публично значимых результатов общественной деятельности, влияющих на социально-экономическое и духовно-нравственное развитие общества и государства.

Общественная власть в единой системе публичной власти

О возможности вхождения общественной власти в единую систему публичной власти уже неоднократно высказывались российские ученые-правоведы. А.А. Югов писал, что «необходимой составной частью системы российского народовластия является власть общественных объединений, которую нужно рассматривать как отдельную подсистему публичной власти — это корпоративная власть»¹⁶.

А.Н. Чертков полагает, что публичная власть есть власть общества, осуществляемая в интересах общества, под контролем общества и по запросу общества. Она состоит из трех подсистем: государственной (власть государства), общественной (власть гражданского общества) и муниципальной (местное самоуправление) как смешанной или промежуточной государственно-общественной подсистемы»¹⁷.

Поскольку, как отмечают некоторые авторы, органы государственной власти и местного самоуправления не образуют единую систему публичной власти, а лишь входят в нее, то возможно вхождение в единую систему публичной власти и общественной власти¹⁸.

¹⁶ Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Екатеринбург, 1999. С. 78.

¹⁷ Чертков А.Н. Соотношение народовластия и публичной власти: концептуальное единство и практическая взаимообусловленность // Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации / отв. ред. В.А. Виноградов, А.А. Ларичев. М., 2021. С. 50, 51; *Его же*. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19–23.

¹⁸ См.: Чеботарев Г.Н. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // Росс. юрид. журнал. 2020. № 6. С. 9–17; Чертков А.Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. С. 19–23.

¹³ См.: Емельянов М.В. Тектоника власти. М., 2019. С. 203.

¹⁴ Чичерин Б.Н. Общегосударственное право / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2006. С. 61, 62.

¹⁵ Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. 1. С. 361.

По мнению В.А. Лебедева, в единую систему публичной власти необходимо включить и общественную власть. Под единой системой публичной власти, отмечает В.А. Лебедев, «следует понимать целостную, внутренне взаимосвязанную и сбалансированную, оптимально необходимую совокупность государственных органов, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, имеющих целью соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина, создание условий для решения стоящих перед обществом задач»¹⁹.

Вместе с тем вопрос о включении в единую систему публичной власти общественной власти остается дискуссионным. Так, И.В. Иванов считает, что общественная власть отлична от публичной власти, «включение ее в единую систему публичной власти не обосновано, поскольку коренным и системообразующим признаком публичной власти является ее способность к принуждению, чего лишена общественная власть, которая имеет другие цели и задачи»²⁰.

Можно допустить, что расхождения по отнесению или не отнесению общественной власти к разновидности публичной власти, а следовательно, и к ее включению в единую систему публичной власти, исходят из разного толкования понятия «публичная власть». Происходит это, как справедливо замечает О.А. Кожевников, из-за того, что понятие «публичная власть» «относится к научной терминологии и не находит своего полноценного выражения в тексте нормативных актов, более того, не имеет своего четкого, завершающего понимания ни в науке, ни в законодательстве»²¹.

Рассмотрение публичной власти лишь как совокупности органов государственной власти и органов местного самоуправления носит неоправданно ограничительный характер. Между тем публичную власть следует рассматривать в более широком аспекте, исходя не только из этимологии термина «власть», но и из понимания публичности. Публичная власть не сводится лишь к системе органов различного уровня, а открыта и должна быть доступна для участия в ее осуществлении представителям общества как через органы власти, так и через формы непосредственной демократии, а также посредством партисипативного участия²².

¹⁹ Лебедев В.А. Народовластие и публичная власть // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 6.

²⁰ Иванов И.В. Публичная власть в Российской Федерации // Там же. 2023. № 4. С. 26.

²¹ Кожевников О.А. Органы местного самоуправления в новой структуре единой системы публичной власти: вопросы нормативной регламентации // Вестник Белгородского юрид. ин-та МВД России им. И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 70.

²² См.: Нудненко Л.А. Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия.

Однако не все исследователи разделяют эту точку зрения. По мнению Е.Н. Марковой, объединение под одним понятием «публичная власть» не только государственной и муниципальной, но и общественной власти может привести к подавлению государственной властью самостоятельности гражданского общества и «подчинить интересы самых разных объединений и коллективов интересам текущего правящего большинства»²³.

Представляется, что такая аргументация о роли и месте гражданского общества в системе взаимоотношений общества и государства, о соотношении различных видов властей вызывает возражение. И вот почему. В начале данной статьи мы уже отмечали, что, во-первых, общество, гражданское общество и государство неразрывно связаны, их нельзя противопоставлять, они существуют в диалектическом единстве. Не может гражданское общество, состоящее из граждан и их объединений, социальных институтов, быть автономным. Государство обладает верховной властью, принимаемые им законы обязательны для исполнения всеми гражданскими и субъектами общественной власти. Поэтому нет разницы в отношении обязанности исполнения законов в зависимости от места общественной власти, принадлежит ли она гражданскому обществу в целом или представлена его отдельными многочисленными институтами в системе публичной власти или вне ее.

Как писал Г. Еллинек, «никакая общественная группа не может быть мыслима вне государства или, по крайней мере, без него, почему и само понятие общества нередко вызывало критическое к нему отношение, справедливое постольку, поскольку всякое иное, кроме чисто логического, обособление государства и общества, невозможно»²⁴.

Трудно представить себе самоорганизацию различных значимых общественных структур гражданского общества, их юридическое оформление, функционирование без поддержки государственных органов. Включение общественной власти в единую систему публичной власти обусловлено также необходимостью в сложные периоды существования Российского государства консолидировать власть, всемерно содействовать укреплению единства гражданского общества и государства, в том числе и в целях противостояния в настоящее время враждебным нам западным странам, ведущим против России прокси-войну.

М., 2021. С. 125; Кравец И. Институт ассамблеи граждан Cabido и делиберативное участие в современных государствах // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. Т. 34. № 1 (162). С. 40.

²³ Маркова Е.Н. Указ. соч. С. 28.

²⁴ Еллинек Г. Указ. соч. С. 122, 123.

О возрастающей сплоченности российского общества и государства свидетельствует, в частности, всенародная поддержка целей и задач специальной военной операции, оказываемая миллионами граждан, общественными формированиями разного уровня гуманитарная помощь военнослужащим российской армии, жителям Курской, Белгородской и других территорий, подвергающимся террористическим атакам украинских боевиков.

Подводя итог рассмотрению возможности включения общественной власти в единую систему публичной власти, можно предположить, что консолидация трех видов публичной власти предоставляет возможность субъектам общественной власти оказывать большее влияние на государственную политику, принятие тех или иных государственных решений в интересах многонационального народа Российской Федерации.

Органы общественной власти

Ряд исследователей характеризуют общественную власть как власть гражданского общества²⁵. Структура гражданского общества включает в себя многочисленные институциональные общественные формирования, включая политические партии, профсоюзы, иные общественные объединения, некоммерческие организации, общественные палаты, религиозные организации, общественные советы, общественные наблюдательные комиссии и иные общественные организационные институты. Наряду с ними в формирующуюся систему общественной власти входят разнообразные формы и методы организации внутрикорпоративной жизни общественных формирований, а также формы участия представительных органов общественной власти в реальном государственном управлении и местном самоуправлении.

О сложившейся системе общественной власти гражданского общества говорить пока преждевременно. Несмотря на создание таких значимых общероссийских институтов гражданского общества, как Общественная палата РФ, Всемирный русский народный собор, Ассамблея Народов России, Союз женщин, Союз семей России и других институций, они все же не олицетворяют все гражданское общество и не уполномочены всеми гражданами или по крайней мере подавляющим большинством институтов гражданского общества представлять их интересы и реализовывать их социально-бытовые потребности. Отсутствие единого центра (ядра) в структуре гражданского общества, вокруг которого происходила бы консолидация общественной власти различных структурных компонентов

общества, свидетельствует о незавершенности процесса формирования системы общественной власти гражданского общества.

Формирование такого центра в любой системе, в том числе и системе общественной власти, как отмечал Д.А. Керимов, «играет также роль направляющего, стимулирующего начала в организации и функционировании всей системы и каждого ее комплекса, под его воздействием осуществляется координация деятельности всего комплекса компонентов системы, развитие каждого компонента и всей системы»²⁶.

Гипотетически можно предположить, что со временем может появиться такой общественно-публичный Центр гражданского общества, консолидирующий подавляющее большинство институтов гражданского общества, который в состоянии будет выявить и согласовать общественную волю гражданского общества и общие общественные интересы.

В литературе приводились примеры успешных попыток объединения различных социальных групп населения для рассмотрения, обсуждения, выработки и принятия судьбоносных решений, в частности, практик созыва и проведения Земских соборов, съездов Всемирного русского народного собора²⁷. В Российской Федерации высказывались идеи о возможности использования исторического опыта соборного рассмотрения жизненно важных вопросов общества. Как подчеркивал Патриарх Кирилл, «может быть следующим этапом на пути соборности станет Земский Собор, который мог бы решать фундаментальные вопросы национальной жизни»²⁸.

Поскольку в структуре гражданского общества в настоящее время нет единого центрального органа общественной власти, функции общественной власти выполняют отдельные, составные компоненты формирующейся единой системы общественной власти. Их многообразие и относительная самостоятельность, отсутствие прочных взаимосвязей друг с другом усложняют процесс их взаимодействия от имени всего гражданского общества с органами государственной власти и местного самоуправления на федеральном уровне.

В литературе предлагается различная классификация институтов гражданского общества — носителей общественной власти. По мнению

²⁶ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 258.

²⁷ См.: Чеботарев Г.Н. Общественное представительство. М., 2017. С. 22, 23.

²⁸ Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси, Глава Всемирного Русского Народного Собора. Соборность и демократия // Вестник экспертного центра ВРНС. 2016. № 1. С. 24.

²⁵ См.: Чертков А.Н. Проблемы и перспективы развития публичной власти в условиях конституционной модернизации / под ред. Б.С. Эбзеева, Л.Т. Чихладзе. М., 2024. С. 56.

А.И. Черткова, в систему общественной власти входят прежде всего постоянно функционирующие структурированные общественные объединения, начиная с политических партий. Кроме них он включает в систему общественной власти все общественные объединения и движения и даже временные собрания, например участников публичных акций (митингов, демонстраций, шествий)²⁹.

Представляется, что такое расширительное отнесение к общественной власти индивидуальных участников собраний и различных иных публичных мероприятий неоправданно. Конечно, если понимать под общественной властью не только структурированные субъекты, но и различные формы их деятельности, т.е. рассматривать общественную власть в самом широком смысле, то это возможно. Однако если говорить о включении общественной власти в единую систему публичной власти, то тогда по аналогии с государственной властью и муниципальной властью в единую систему публичной власти могут войти организационно и юридически оформленные представительные органы субъектов общественной власти. В таком случае система общественной власти может рассматриваться в узком смысле.

Как видно из приведенных классификаций, к институтам гражданского общества относят не только организационные структуры гражданского общества, но и иные социальные институты. Понятие социального института не тождественно понятию института гражданского общества. Социальные институты охватывают и отдельные сферы деятельности государства. И хотя общим для социальных институтов является их нормативная база, сферы их функционирования различны. Как отмечает Г.В. Мальцев, «институт — созданная на нормативной основе многоликая социальная структура, способная выступать в различном формате, объединять своими действиями все или почти все общество либо государство»³⁰. Социальные институты действуют в самых разнообразных сферах гражданского общества и государства, в том числе и на микросоциальном уровне. Социальные институты гражданского общества большей частью совпадают с организационными институтами. Институционализация общества позволяет сохранять и поддерживать порядок через регулирование институциональной структуры общества. И здесь помимо саморегулирующих форм и механизмов важна роль и нормативного регулирования социальных институтов, институтов гражданского общества.

²⁹ См.: Чертков А.И. Проблемы и перспективы развития публичной власти в условиях конституционной модернизации / под ред. Б.С. Эбзеева, Л.Т. Чихладзе. С. 57.

³⁰ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 390.

Что же касается системы общественной власти в узком смысле, ее составными компонентами являются именно организационные институты, чьи общественные представительные органы, уполномоченные членами данных формирований осуществлять общественно властные полномочия в публичной сфере, могут наряду с органами государственной власти и местного самоуправления входить в единую систему публичной власти.

В последнее время помимо общественных формирований созданы общественно-государственные организации: Движение первых, Союз женщин, Ассамблея народов России. Полагаем, что данные организации, хотя и получили такой статус согласно Указам Президента РФ, остаются в структуре гражданского общества не только потому, что изначально были образованы как сугубо общественные организации, но и главным образом потому, что их деятельность направлена в первую очередь и главным образом на укрепление и развитие важных для всего общества, равно как и для государства, задач по патриотическому, духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи, поддержке детства, материнства, многодетных семей, формированию в обществе межнационального и межконфессионального мира и согласия. Поддержка их деятельности государством как раз нацелена на укрепление единства гражданского общества, создание необходимых юридических, организационных, экономических и финансовых условий свободного и добровольного участия граждан как в развитии самоуправленческих принципов коллективной деятельности, реализации своих индивидуальных и групповых общественных интересов, так и реального участия в управлении делами государства, осуществлении народовластия, в том числе и посредством общественной власти.

Общественные палаты

Одним из ключевых общественных институтов Российской Федерации, обладающих общественно властными полномочиями, является система общественных палат, в которую входят Общественная палата РФ, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные палаты муниципальных образований. Общественные палаты являются комплексным институтом гражданского общества, одновременно выполняющим функции посредника между гражданским обществом, частью которого они являются, и органами государственной и муниципальной власти.

О возможности отнесения общественных палат к институтам гражданского общества в литературе существуют прямо противоположные мнения. По мнению Е.Е. Никитиной, общественные палаты, будучи, по сути, общественно-государственными формированиями, не являются

институтом гражданского общества — они являются посредниками между государством и обществом³¹. Другая группа ученых относит общественные палаты к институтам гражданского общества³². По нашему мнению, общественные палаты — особый общественно-государственный институт гражданского общества³³. Как справедливо отмечает С.А. Авакьян, «общественные палаты созданы как некий синтез общественного и государственного образования <...> Тем не менее общественные палаты в реальной жизни не демонстрируют себя как органы с государственным участием. Более характерно для них упрочение позиций в гражданском обществе. И в этом плане они также активно проявляют себя как структура для представительства населения и для сотрудничества с общественными формированиями, не претендуя на позиции руководства в отношении общественных объединений»³⁴.

Об общественном характере деятельности общественных палат свидетельствуют принципы, формы их работы и полномочия, которые в совокупности отражают публичные начала в их деятельности. Прежде всего следует отметить такие важные принципы формирования и деятельности общественной палаты, установленные законом, как приоритет прав и законных интересов человека и гражданина, принципы законности, самоуправления, независимости, открытости и гласности. Не менее значимыми в обеспечении самостоятельности общественной палаты являются также полномочия по осуществлению общественного контроля за деятельностью органов публичной власти в различных формах: общественного наблюдения, общественных обсуждений, общественной проверки, общественной экспертизы нормативно-правовых актов, а также действий (бездействия) органов публичной власти, право участвовать в заседаниях коллегиальных органов публичной власти, запрашивать необходимую информацию.

Общественный контроль

Одной из значимых функций общественных палат, общественных советов является общественный контроль, под которым в Федеральном законе

«Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³⁵ понимается наблюдение субъектами общественного контроля, перечень которых дан в законе, за деятельностью органов публичной власти в целях проверки их деятельности, общественной оценки издаваемых ими актов.

В литературе высказано мнение о том, что взаимодействие между государством и обществом должно строиться на сотрудничестве, основанном на доверии, посредством общественного диалога, а поэтому не должно быть такого, когда гражданское общество контролирует действие другого участника диалога в лице органов публичной власти и отдельных должностных лиц. Общественный контроль автор считает квазиконтрольной деятельностью³⁶. То, что отношения государства и гражданского общества должны строиться посредством диалога, не вызывает возражений, но диалог не препятствует контролю государства за законностью деятельности организаций и иных институтов гражданского общества, в том числе субъектов общественного контроля, точно так же не мешает общественному контролю. Как отмечается в Докладе Общественной палаты РФ, «общественный контроль — это не столько наблюдение за деятельностью органов власти всех уровней, сколько механизм защиты прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций»³⁷. При этом субъекты общественного контроля, и в том числе общественные палаты, настроены на конструктивное взаимодействие с органами власти, в том числе осуществляющими государственный контроль. Мы полностью разделяем мнение Е.Е. Никитиной, которая считает, что общественный контроль является институтом российского гражданского общества — инструментом совместного решения стоящих перед государством и обществом задач³⁸. Е.В. Бердникова также рассматривает общественный контроль как форму конституционно-правового взаимодействия публичной власти и институтов гражданского общества³⁹. По мнению В.В. Гриба, общественный контроль является ключевой функцией гражданского

³¹ См.: Никитина Е.Е. Конституционно-правовые основы институционализации гражданского общества в Российской Федерации. М., 2019. С. 233.

³² См.: Гриб В.В. Модели и принципы формирования общественных палат в субъектах Российской Федерации // *Lex russica*. 2010. № 2. С. 352; Михеева Т.Н. К вопросу об общественных палатах муниципальных образований // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2015. № 31 (33). С. 88–92.

³³ Подробнее см.: Чеботарев Г.Н. Общественные палаты как особый общественно-государственный институт гражданского общества // *Росс. юрид. журнал*. 2023. № 6.

³⁴ Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., 2022. С. 412.

³⁵ См.: СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I), ст. 4213.

³⁶ См.: Багирян Г.А. Конституционная реформа 2020 года // *Конституционное и муниципальное право*. 2025. № 1. С. 4, 5.

³⁷ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год. М., 2024. С. 89.

³⁸ См.: Никитина Е.Е. Правовая природа общественного контроля и подходы к его регулированию в Российской Федерации // *Журнал рос. права*. 2023. № 4. С. 22–36.

³⁹ См.: Бердникова Е.В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 4.

общества, он необходим для того, чтобы публичная власть действовала в рамках закона⁴⁰.

Осуществляя общественный контроль, общественные палаты, как и другие субъекты общественного контроля, реализуют свою общественную власть в рамках полномочий, предоставленных им федеральными и региональными законами, используя такие формы общественного контроля, как общественный мониторинг, общественная проверка, общественная экспертиза, общественное обсуждение, общественные (публичные) слушания.

Одной из эффективных форм общественного контроля является независимая оценка качества условий оказания государственных и муниципальных услуг в социальной сфере общественными советами, сформированными общественными палатами субъектов Российской Федерации согласно Федеральным законам «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», «Об образовании в Российской Федерации», «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

Независимая оценка качества условий государственных и муниципальных услуг является, по сути, смешанной формой общественного контроля. В процессе ее проведения осуществляются мониторинг, общественные проверки, общественные обсуждения. Общественные советы по проведению независимой оценки качества условий оказания услуг формируются общественными палатами субъектов Российской Федерации. На конкурсной основе определяется юридический оператор, оказывающий организационно-технические функции при проведении проверки учреждений социальной сферы. Непосредственно в организациях образования, культуры, здравоохранения и социального обеспечения члены общественного совета проверяют качество условий по следующим критериям: открытость, доступность информации об организации; комфортность условий предоставления услуг, в том числе время ожидания предоставления услуг; доступность услуг для инвалидов; доброжелательность, вежливость работников организации; удовлетворенность качеством условий оказания услуг.

С помощью оператора проводится также опрос посетителей, анализируются поступающие жалобы и пожелания. Итоги проверки, опроса затем обнародуются на заседаниях общественных советов, коллегиях департаментов, Совете общественной палаты, после чего направляются высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации для подготовки его ежегодного отчета

на заседании законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Весомая роль Общественной палаты РФ, общественных палат субъектов Российской Федерации в развитии института общественного наблюдения за выборами в Российской Федерации. Внесенные изменения в Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации», Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федеральный закон «О выборе депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации» закрепили права общественных палат направлять на избирательные участки общественных наблюдателей.

Общественное наблюдение нами рассматривается как одна из форм общественного контроля, напрямую консолидированных с осуществлением народовластия посредством проведения выборов разного уровня. Участие наблюдателей, назначаемых общественными палатами по рекомендациям общественных объединений, некоммерческих организаций, способствует прозрачности процесса выборов, делает их легитимными, что особенно важно для укрепления доверия граждан к сформированным органам власти, восприятию их как легально обладающих полнотой государственной или муниципальной власти. И в этом также немалая заслуга общественной власти, которой обладают общественные палаты⁴¹. На выборах Президента РФ на избирательные участки от общественных палат было направлено 156 тыс. наблюдателей, в субъектах Российской Федерации общественными палатами создано 89 центров общественного наблюдения, организовано круглосуточное видеонаблюдение в режиме реального времени⁴².

Участие представителей гражданского общества в реализации общественного контроля на выборах, в наблюдении за деятельностью органов государственной власти и органов местного самоуправления по реализации национальных проектов, в реализации гражданских инициатив, направленных на защиту прав и свобод человека и гражданина, прав и законных интересов общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих организаций, по справедливой оценке С.А. Авакьяна, «аккумулирует потребности людей, их желание содействовать полезной деятельности

⁴¹ См.: Чеботарев Г.Н. Общественное наблюдение как фактор легитимации выборов // Государство и право. 2022. № 1. С. 120–129.

⁴² См.: Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год. С. 79.

⁴⁰ См.: Гриб В.В. Общественный контроль: учеб. М., 2017. С. 27.

органов публичной власти»⁴³. Приведенные примеры такого заинтересованного и результативного участия гражданских активистов, участвующих по своей инициативе или привлекаемых субъектами общественного контроля к проведению общественного контроля, свидетельствуют о том, что общественный контроль стал одним из реальных механизмов осуществления народовластия, важной функцией общественной власти, инструментом выстраивания диалога между гражданским обществом и государством.

Совершенствование законодательства об органах общественной власти

С целью консолидации общественной власти общественных палат стоило бы продумать возможность и целесообразность создания единой интегрированной системы общественных палат. В настоящее время связь Общественной палаты РФ с общественными палатами субъектов Российской Федерации номинальна. Региональные общественные палаты избирают в состав Общественной палаты РФ лишь одного своего представителя, не учитывается мнение общественных палат при выдвижении общественными объединениями, иными некоммерческими организациями своих представителей, проживающих на территориях субъектов Российской Федерации, для участия в конкурсном отборе. Как показала практика, такие кандидаты от общественных объединений, прошедшие конкурсный отбор, не ассоциируют себя с участием в деятельности региональных общественных палат. Между тем регулярные обращения постоянных комиссий, рабочих групп Общественной палаты в региональные общественные палаты с предложениями о проведении совместных мероприятий, в том числе общественного контроля, предполагает активное участие в них членов Общественной палаты РФ, выдвинутыми от общероссийских общественных объединений и иных некоммерческих организаций, проживающих в соответствующем субъекте Российской Федерации. Незначительна и роль в координации деятельности региональных общественных палат совета представителей общественных палат субъектов Российской Федерации. Его функции ограничиваются заслушиванием на своих заседаниях опыта работы отдельных общественных палат, вынесением рекомендаций по его использованию.

Для дальнейшего повышения роли общественных палат в представительстве гражданского общества, координации общественного контроля, укрепления партнерских отношений с государством представляется целесообразным придать

системе общественных палат статус Общероссийской общественно-государственной организации по примеру создания общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России» с учетом некоторых особенностей формирования и деятельности общественных палат.

Организационно-правовая форма общественных палат не определена, они не являются юридическими лицами, не могут самостоятельно участвовать в правоотношениях. Предусмотренное Федеральным законом «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»⁴⁴ создание аппаратов общественных палат в качестве государственного учреждения субъекта Российской Федерации либо подразделения государственного учреждения субъекта Российской Федерации ставит общественные палаты в зависимость аппарата, осуществляющего организационное, правовое, аналитическое, информационное, документационное, финансовое и материально-техническое обеспечение деятельности Общественной палаты. Несмотря на предоставленное законом председателям общественных палат полномочие по общему руководству деятельностью аппарата, руководитель аппарата напрямую не подотчетен председателю, поскольку он назначается на должность и освобождается от должности высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации по представлению Совета общественной палаты.

Преобразование общественных палат в единую систему в форме общероссийской общественно-государственной организации с правами юридического лица позволит не только упорядочить внутренние отношения между аппаратом и руководством общественной палаты (это частный вопрос), обеспечить финансирование ее деятельности, включая общественные палаты субъектов Российской Федерации на правах региональных отделений, но прежде всего создаст предпосылки для включения всероссийской общественно-государственной организации «Общественная палата России» в лице ее высшего коллегиального органа, наряду с другими Всероссийскими общественно-государственными организациями, представляющими значительную часть гражданского общества, в единую систему публичной власти.

По мнению С.А. Авакьяна, структурой, объединяющей все общество, могла бы стать Ассамблея народов России, одним из направлений деятельности которой, согласно Указу Президента РФ, является участие в реализации Стратегии государственной

⁴³ Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. С. 413.

⁴⁴ См.: СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I), ст. 3852.

национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Наряду с развитием межнациональных отношений Ассамблея народов России «могла бы рассматривать: в целом состояние развития гражданского общества в Российской Федерации; перспективы духовного и культурного развития гражданского общества в Российской Федерации; состояние развития социальной и политической солидарности в Российской Федерации; состояние межнациональных отношений»⁴⁵.

Принимая во внимание изданный Президентом РФ Указ от 30 мая 2025 г. № 354 «О некоторых вопросах Общероссийской общественно-государственной организации “Ассамблея народов России”», дополняющий перечень направлений деятельности Ассамблеи, помимо участия в реализации государственной национальной политики, участием в деятельности по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, участием в воспитании гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, исторических и национально-культурных традиций народов Российской Федерации⁴⁶, то высказанная С.А. Авакьяном идея о возможности рассматривать Ассамблею народов России, в случае расширения ее сфер деятельности, в качестве органа гражданского общества, объединяющего всех граждан нашей страны, вполне реализуема. И в этом случае в высшем органе управления Ассамблеи народов России — Совете должны быть представлены также и другие всероссийские общественно-государственные организации и всероссийские общественные организации и движения, в том числе и Всероссийская общественно-государственная организация «Общественная палата России». Представительство общероссийских общественно-государственных и всероссийских общественных организаций в высшем органе Ассамблеи народов России может быть зафиксировано не только в Уставе Ассамблеи, но и оформлено составлением открытого реестра, пополняемого с учетом возможного образования новых всероссийских общественно-государственных и всероссийских общественных организаций в целях их представительства в органах управления Ассамблеи народов России.

Достойное место в составе высшего органа гражданского общества должны занять традиционные религии в лице своих руководящих церковных органов. Их роль, особенно православия, в укреплении национальной идентичности, духовности

и нравственности неоднократно подчеркивалась Президентом РФ, отмечена в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁴⁷. В Основах ставится задача поддержки общественных проектов, институтов гражданского общества, включая поддержку религиозных организаций традиционных конфессий, по обеспечению их участия в деятельности, направленной на сохранение традиционных ценностей, противодействие деструктивным религиозным течениям.

Как отмечал И.В. Кириеевский, «там, где народ связан внутренне одинаковыми убеждениями веры, там он вправе желать и требовать, чтобы и внешне его связи — семейные, общественные и государственные — были согласны с его религиозными внушениями, и чтобы правительство его было проникнуто тем же духом. Действовать враждебно этому духу — значит действовать враждебно самому народу, хотя бы эти действия и доставляли ему какие-нибудь земные выгоды»⁴⁸.

Идея о едином органе гражданского общества, тесно взаимодействующем с государством, не единственная, высказанная учеными-правоведами. О возрождении соборности публичной власти в России, переосмыслении отечественного политико-правового знания и российских моделей публичной власти пишет С.Н. Бабурин, который предлагает рассмотреть возможность восстановления цивилизационной идентичности российского государства и его многонационального народа путем образования Конституционного собрания, предусмотренного ст. 135 Конституции РФ, могущего стать современной формой традиционного для Руси Земского собора⁴⁹.

Данная идея, так же как и идея С.А. Авакьяна, заслуживает внимательного рассмотрения научным сообществом. Тем более что в Республике Беларусь появился прецедент создания нового конституционного органа народовластия. Референдум, проведенный в Республике Беларусь 27 февраля 2022 г., конституировал Всебелорусское народное собрание, ранее имевшее консультативный характер для Президента Республики Беларусь, как высший представительный орган народовластия⁵⁰.

⁴⁷ См.: СЗ РФ. 2022. № 46, ст. 7977.

⁴⁸ Кириеевский И.В. Разум на пути к истине. М., 2002. С. 109.

⁴⁹ См.: Бабурин С.Н. Переосмысление историко-гражданских моделей политико-правового знания: съезды народных депутатов СССР и РСФСР как формы земского собора // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 4. С. 59.

⁵⁰ См.: Конституция Республики Беларусь. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, ст. 89.1. URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>

⁴⁵ Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. С. 387–389.

⁴⁶ См.: СЗ РФ. 2025. № 22 (ч. I), ст. 2836.

Реализация предлагаемых реформ конституционного устройства Российской Федерации, расширение единой системы публичной власти за счет включения в нее органов общественной власти гражданского общества, внесение иных изменений в российскую модель правления в целях дальнейшего укрепления единства гражданского общества и государства предполагает принятие новой Конституции РФ, в которой прежде всего будут определены духовно-нравственные императивы дальнейшего устойчивого развития нравственного общества и государства.

О Конституции Российской Федерации

Одними из первых о принятии новой Конституции еще в 2003 г. писали Д.А. Керимов⁵¹, С.Н. Бабурин⁵². В настоящее время тема новой Конституции получила развитие. По мнению С.А. Авакьяна, в первой главе новой Конституции нужно сказать не только о государстве, но и об обществе, о гражданском обществе, как составных элементах конституционного строя⁵³. Мы также разделяем мнение С.А. Авакьяна о корректировке в будущей новой Конституции РФ ст. 14, в которой следовало бы указать достойное место церкви в гражданском обществе, поскольку в статье говорится об отделении церкви от государства⁵⁴. Необходимо, на наш взгляд, поддержать предложение Т.Н. Михеевой, Д.С. Михеева о включении в первую главу новой Конституции отдельной статьи, посвященной институту публичной власти с определением термина «публичная власть»⁵⁵. Заслуживает также поддержки предложение Е.В. Бердниковой о закреплении в новой Конституции норм об общественном контроле⁵⁶.

Об усилении в новой Конституции духовно-нравственной самоорганизации общества, о формировании отечественного нравственного

государства пишет С.Н. Бабурин⁵⁷. Закрепление в новой Конституции национальной идеи, которая могла бы стать целью развития нашего общества, считает необходимым М.И. Клеандров⁵⁸. О необходимости конституционных преобразований, «трансплантации» в основы конституционного строя будущей России духовно-нравственных традиционных ценностей, новых социально-политических форм и институтов говорит В.И. Крусс⁵⁹.

Принятие Конституции РФ с учетом высказанных идей учеными-конституционалистами будет способствовать устойчивому консолидированному развитию общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Гражданское общество, публичная власть и проблемы представительства // Роль и значение институтов гражданского общества в становлении государственности: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Казань, 2014. С. 16–27.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. 1. С. 361.
3. Авакьян С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики. М., 2022. С. 387–389, 412, 413.
4. Авакьян С.А. Публичная власть и представительство: организационные, социальные и персоналистические начала (конституционно-правовой взгляд) // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 22.
5. Авакьян С.А. Публичная власть как воплощение народовластия в России // Современные проблемы организации публичной власти. М., 2014. С. 59, 60.
6. Авакьян С.А. Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 31. С. 10.
7. Бабурин С.Н. Время русского выбора. М., 2022. С. 20–23.
8. Бабурин С.Н. Переосмысление историко-гражданских моделей политико-правового знания: съезды народных депутатов СССР и РСФСР как формы земского собора // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 4. С. 59.
9. Бабурин С.Н. Этапы и черты российского конституционного строительства // Конституции России 10 лет:

⁵¹ См.: Керимов Д.А. О проблемах действующей Конституции Российской Федерации и ее реализации // Конституции России 10 лет: опыт реализации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 12.

⁵² См.: Бабурин С.Н. Этапы и черты российского конституционного строительства // Там же. С. 70, 71.

⁵³ См.: Авакьян С.А. Российский конституционализм: размышления о юбилейных итогах и перспективах // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 31. С. 10.

⁵⁴ См.: Гражданин и власть / под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 10.

⁵⁵ Михеева Т.Н., Михеев Д.С. О новых конституционных перспективах: взгляд «нестоличных» правоведов // Государство и право. 2025. № 4. С. 96.

⁵⁶ См.: Бердникова Е.В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 17, 20, 21.

⁵⁷ См.: Бабурин С.Н. Время русского выбора. М., 2022. С. 20–23.

⁵⁸ См.: Клеандров М.И. России нужна новая Конституция // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 4 (28). С. 144, 145.

⁵⁹ См.: Крусс В.И. Деконструкция культурного кода и конституционное преобразование России // Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации / под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень, 2024. С. 30, 31.

- опыт реализации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 70, 71.
10. Багирян Г.А. Конституционная реформа 2020 года // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 1. С. 4, 5.
11. Бердникова Е.В. Общественный контроль в конституционно-правовом взаимодействии публичной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2022. С. 4, 17, 20, 21.
12. Государство и гражданское общество: правовые проблемы взаимодействия / под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень, 2007. С. 8–11.
13. Гражданин и власть / под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень, 2023. С. 10.
14. Гриб В.В. Модели и принципы формирования общественных палат в субъектах Российской Федерации // Lex russica. 2010. № 2. С. 352.
15. Гриб В.В. Общественный контроль: учеб. М., 2017. С. 27.
16. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год. М., 2024. С. 79, 89.
17. Еллинек Г. Общее учение о государстве / вступ. ст. И.Ю. Козлихина. СПб., 2004. С. 119, 122, 123.
18. Емельянов М.В. Тектоника власти. М., 2019. С. 203.
19. Иванов И.В. Публичная власть в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 26.
20. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. С. 258.
21. Керимов Д.А. О проблемах действующей Конституции Российской Федерации и ее реализации // Конституции России 10 лет: опыт реализации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Тюмень, 2003. С. 12.
22. Киреевский И.В. Разум на пути к истине. М., 2002. С. 109.
23. Кирилл, Святейший Патриарх Московский и всея Руси, Глава Всемирного Русского Народного Собора. Соборность и демократия // Вестник экспертного центра ВРНС. 2016. № 1. С. 24.
24. Клеандров М.И. России нужна новая Конституция // Вестник Тюменского гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 4 (28). С. 144, 145.
25. Кожевников О.А. Органы местного самоуправления в новой структуре единой системы публичной власти: вопросы нормативной регламентации // Вестник Белгородского юрид. ин-та МВД России им. И.Д. Путилина. 2022. № 1. С. 70.
26. Комарова В.В. Конституционная система власти России и принцип разделения властей // Актуальные проблемы рос. права. 2017. № 9. С. 39, 40.
27. Кравец И. Институт ассамблеи граждан Sabido и делиберативное участие в современных государствах // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. Т. 34. № 1(162). С. 40.
28. Крусс В.И. Деконструкция культурного кода и конституционное преобразование России // Гуманитарный потенциал Конституции Российской Федерации / под ред. Г.Н. Чеботарева. Тюмень, 2024. С. 30, 31.
29. Лебедев В.А. Народовластие и публичная власть // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3. С. 6.
30. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011. С. 390.
31. Маркова Е.Н. Общественная и (или) публичная власть: проблемы соотношения в контексте конституционной реформы 2020 г. // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 12. С. 28.
32. Михеева Т.Н. К вопросу об общественных палатах муниципальных образований // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 31 (33). С. 88–92.
33. Михеева Т.Н., Михеев Д.С. О новых конституционных перспективах: взгляд «нестоличных» правоведов // Государство и право. 2025. № 4. С. 96.
34. Никитина Е.Е. Конституционно-правовые основы институционализации гражданского общества в Российской Федерации. М., 2019. С. 233.
35. Никитина Е.Е. Правовая природа общественного контроля и подходы к его регулированию в Российской Федерации // Журнал рос. права. 2023. № 4. С. 22–36.
36. Нудненко Л.А. Личность и государство: конституционно-правовые основы взаимодействия в сфере народовластия. М., 2021. С. 125.
37. Романчук И.С. Проблематика концепции публичной власти в субъектах Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 2. С. 43.
38. Сперанский М.М. Избранное / вступ. сл. П.В. Крашенинникова; сост. П.В. Крашенинников. М., 2015 (Юристы, изменившие право, государство и общество). С. 296.
39. Чеботарев Г.Н. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации // Росс. юрид. журнал. 2020. № 6. С. 9–17.
40. Чеботарев Г.Н. Общественное наблюдение как фактор легитимации выборов // Государство и право. 2022. № 1. С. 120–129.
41. Чеботарев Г.Н. Общественное представительство. М., 2017. С. 22, 23.
42. Чеботарев Г.Н. Общественные палаты как особый общественно-государственный институт гражданского общества // Росс. юрид. журнал. 2023. № 6.
43. Чертков А.Н. Проблемы и перспективы развития публичной власти в условиях конституционной модернизации / под ред. Б.С. Эбзеева, Л.Т. Чихладзе. М., 2024. С. 56, 57.
44. Чертков А.Н. Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19–23.
45. Чертков А.Н. Симфония властей как доктринальная основа триумvirата подсистем публичной власти // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 44.
46. Чертков А.Н. Соотношение народовластия и публичной власти: концептуальное единство и практическая взаимообусловленность // Народовластие как конституционная ценность: правовое регулирование и гарантии реализации / отв. ред. В.А. Виноградов, А.А. Ларичев. М., 2021. С. 50, 51.

47. *Чичерин Б.Н.* Общегосударственное право / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2006. С. 61, 62.
48. *Югов А.А.* Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Екатеринбург, 1999. С. 78.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* Civil society, public power and problems of representation // The role and importance of civil society institutions in the formation of statehood: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Kazan, 2014. Pp. 16–27 (in Russ.).
2. *Avakyan S.A.* Constitutional Law of Russia: studies. Course: textbook: in 2 vols. 5th ed., rev. and add. M., 2014. Vol. 1. P. 361 (in Russ.).
3. *Avakyan S.A.* Representation in Constitutional Law: issues of theory and practice. M., 2022. Pp. 387–389, 412, 413 (in Russ.).
4. *Avakyan S.A.* Public power and representation: organizational, social and personalistic principles (constitutional and legal view) // Constitutional and Municipal Law. 2014. No. 11. P. 22 (in Russ.).
5. *Avakyan S.A.* Public power as the embodiment of democracy in Russia // Modern problems of the organization of public power. M., 2014. Pp. 59, 60 (in Russ.).
6. *Avakyan S.A.* Russian constitutionalism: reflections on the jubilee results and prospects // Constitutional and Municipal Law. 2024. No. 31. P. 10 (in Russ.).
7. *Baburin S.N.* The time of the Russian choice. M., 2022. Pp. 20–23 (in Russ.).
8. *Baburin S.N.* Rethinking historical and civil models of political and legal knowledge: Congresses of People's Deputies of the USSR and the RSFSR as forms of the Zemsky Sobor // Proceedings of the IGP RAS. 2024. Vol. 19. No. 4. P. 59 (in Russ.).
9. *Baburin S.N.* Stages and features of Russian constitutional construction // Constitutions of Russia 10 years: implementation experience: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Tyumen, 2003. Pp. 70, 71 (in Russ.).
10. *Bagiryan G.A.* Constitutional reform of 2020 // Constitutional and Municipal Law. 2025. No. 1. Pp. 4, 5 (in Russ.).
11. *Berdnikova E.V.* Public control in the constitutional and legal interaction of public authorities and civil society institutions in the Russian Federation: abstract ... Doctor of Law. Saratov, 2022. Pp. 4, 17, 20, 21 (in Russ.).
12. The state and civil society: legal problems of interaction / ed. by G.N. Chebotarev. Tyumen, 2007. Pp. 8–11 (in Russ.).
13. Citizen and power / ed. by G.N. Chebotarev. Tyumen, 2023. P. 10 (in Russ.).
14. *Grib V.V.* Models and principles of formation of public chambers in the subjects of the Russian Federation // Lex russica. 2010. No. 2. P. 352 (in Russ.).
15. *Grib V.V.* Public control: textbook. M., 2017. P. 27 (in Russ.).
16. Report on the state of civil society in the Russian Federation for 2024. M., 2024. Pp. 79, 89 (in Russ.).
17. *Jellinek G.* General doctrine of the state / introductory article by I. Yu. Kozlikhin. SPb., 2004. Pp. 119, 122, 123 (in Russ.).
18. *Emelyanov M.V.* Tectonics of power. M., 2019. P. 203 (in Russ.).
19. *Ivanov I.V.* Public power in the Russian Federation // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 4. P. 26 (in Russ.).
20. *Kerimov D.A.* Methodology of law (subject, functions, problems of Philosophy of Law). M., 2000. P. 258 (in Russ.).
21. *Kerimov D.A.* On the problems of the current Constitution of the Russian Federation and its implementation // Constitution of Russia 10 years: implementation experience: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Tyumen, 2003. P. 12 (in Russ.).
22. *Kireevsky I.V.* Reason on the way to truth. M., 2002. P. 109 (in Russ.).
23. *Kirill, His Holiness Patriarch of Moscow and All Russia, Head of the World Russian People's Council.* Conciliarity and democracy // Herald of the VRNS Expert Center. 2016. No. 1. P. 24 (in Russ.).
24. *Kleandrov M.I.* Russia needs a new Constitution // Herald of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2021. Vol. 7. No. 4 (28). Pp. 144, 145 (in Russ.).
25. *Kozhevnikov O.A.* Local self-government bodies in the new structure of the unified system of public authority: issues of regulatory regulation // Herald of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1. P. 70 (in Russ.).
26. *Komarova V.V.* The constitutional system of power in Russia and the principle of separation of powers // Actual problems of the Russian law. 2017. No. 9. Pp. 39, 40 (in Russ.).
27. *Kravets I.* The Cabido Citizens' Assembly Institute and Deliberative Participation in Modern States // Comparative Constitutional Review. 2025. Vol. 34. No. 1 (162). P. 40 (in Russ.).
28. *Kruss V.I.* Deconstruction of the cultural code and constitutional transformation of Russia // Humanitarian potential of the Constitution of the Russian Federation / ed. by G.N. Chebotarev. Tyumen, 2024. Pp. 30, 31 (in Russ.).
29. *Lebedev V.A.* Democracy and public power // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 3. P. 6 (in Russ.).
30. *Maltsev G.V.* Social foundations of law. M., 2011. P. 390 (in Russ.).
31. *Markova E.N.* Public and (or) public power: problems of correlation in the context of the constitutional reform in 2020 // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 12. P. 28 (in Russ.).
32. *Mikheeva T.N.* On the issue of public chambers of municipalities // Actual problems of economics and law. 2015. No. 31 (33). Pp. 88–92 (in Russ.).
33. *Mikheeva T.N., Mikheev D.S.* On new constitutional perspectives: the view of "Non-metropolitan" jurists // State and Law. 2025. No. 4. P. 96 (in Russ.).
34. *Nikitina E.E.* Constitutional and legal foundations of the institutionalization of civil society in the Russian Federation. M., 2019. P. 233 (in Russ.).

35. *Nikitina E. E.* The legal nature of public control and approaches to its regulation in the Russian Federation // *Journal of Russ. law*. 2023. No. 4. Pp. 22–36 (in Russ.).
36. *Nudnenko L. A.* Personality and the state: constitutional and legal foundations of interaction in the sphere of democracy. M., 2021. P. 125 (in Russ.).
37. *Romanchuk I. S.* Problematics of the concept of public power in the subjects of the Russian Federation // *Constitutional and Municipal Law*. 2025. No. 2. P. 43 (in Russ.).
38. *Speransky M. M.* Selections / introduction by P. V. Krashenninnikov; comp. P. V. Krashenninnikov. M., 2015 (Lawyers who changed the law, the state and society). P. 296 (in Russ.).
39. *Chebotarev G. N.* Constitutional and legal mechanisms for the formation of a unified system of public authority in the Russian Federation // *Russ. legal journal*. 2020. No. 6. Pp. 9–17 (in Russ.).
40. *Chebotarev G. N.* Public observation as a factor of legitimization of elections // *State and Law*. 2022. No. 1. Pp. 120–129 (in Russ.).
41. *Chebotarev G. N.* Public representation. M., 2017. Pp. 22, 23 (in Russ.).
42. *Chebotarev G. N.* Public chambers as a special public-state institution of civil society // *Russ. legal journal*. 2023. No. 6 (in Russ.).
43. *Chertkov A. N.* Problems and prospects of development of public power in the context of constitutional modernization / ed. by B. S. Ebzeev, L. T. Chikhladze. M., 2024. Pp. 56, 57 (in Russ.).
44. *Chertkov A. N.* Public power: composition, unity and essence of interaction // *Constitutional and Municipal Law*. 2020. No. 10. Pp. 19–23 (in Russ.).
45. *Chertkov A. N.* The symphony of authorities as the doctrinal basis of the triumvirate of subsystems of public power // *Constitutional and Municipal Law*. 2022. No. 9. P. 44 (in Russ.).
46. *Chertkov A. N.* The correlation of democracy and public power: conceptual unity and practical interdependence // *Democracy as a constitutional value: legal regulation and guarantees of implementation* / ed. by V. A. Vinogradov, A. A. Larichev. M., 2021. Pp. 50, 51 (in Russ.).
47. *Chicherin B. N.* National law / ed. and with a preface by V. A. Tomsinov. M., 2006. Pp. 61, 62 (in Russ.).
48. *Yugov A. A.* The legal foundations of public power in the Russian Federation. Yekaterinburg, 1999. P. 78 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЧЕБОТАРЕВ Геннадий Николаевич —
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
почетный работник сферы образования РФ,
научный руководитель
Института государства и права
Тюменского государственного университета;
625003 Тюменская область, г. Тюмень,
ул. Володарского, д. 6;
Председатель Общественной палаты
Тюменской области

Authors' information

CHEBOTAREV Gennady N. —
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Worker of Education
of the Russian Federation,
Research Advisor, Institute of State and Law,
Tyumen State University;
6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen Region,
Tyumen, Russia;
Chairman of the Tyumen Region
Public Chamber

УДК 343.1

РАБОТА ВОЕННЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

© 2025 г. О. И. Александрова

*Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России), г. Москва*

E-mail: rpa.press@mail.ru

Поступила в редакцию 17.09.2025 г.

Аннотация. В статье рассматривается широкий круг вопросов, касающихся работы военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции. Особое внимание уделяется фиксации фактов совершения военно-политическим руководством, командным составом и рядовыми служащими Вооруженных сил Украины преступлений против мира и безопасности человечества, а также результатам расследования указанных преступлений. Анализ работы на данном направлении проводится на конкретных примерах с использованием статистических данных. Внесены предложения по улучшению работы на данном направлении.

Ключевые слова: специальная военная операция, военные следственные органы, киевский режим, уголовные дела, обстрелы.

Цитирование: Александрова О. И. Работа военных следственных органов Следственного комитета Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции // Государство и право. 2025. № 11. С. 108–112.

DOI: 10.7868/S3034543X25110076

THE WORK OF THE MILITARY INVESTIGATIVE BODIES OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

© 2025 O. I. Aleksandrova

*All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow*

E-mail: rpa.press@mail.ru

Received 17.09.2025

Abstract. The article examines a wide range of issues related to the work of the military investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation in the context of a special military operation. Special attention is paid to recording the facts of crimes against the peace and security of mankind committed by the military-political leadership, command staff and ordinary employees of the Armed Forces of Ukraine, as well as the results of the investigation of these crimes. The analysis of work in this area is based on specific examples using statistical data. Suggestions have been made to improve work in this area.

Key words: special military operation, military investigative authorities, Kiev regime, criminal cases, shelling.

For citation: Aleksandrova, O.I. (2025). The work of the military investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation in the conditions of the special military operation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 108–112.

24 февраля 2022 г. Президент РФ в обращении к гражданам сообщил о начале проведения специальной военной операции (далее — СВО) на Украине. Ее целью в первую очередь стала защита мирных жителей Донецкой и Луганской народных республик, которые на протяжении восьми лет подвергались геноциду со стороны киевского режима¹, а также устранение военных угроз для Российской Федерации со стороны государств НАТО, которые стремятся приблизить свой очередной форпост к границам Российской Федерации.

В текущей обстановке к основным задачам военных следователей отнесена фиксация и расследование фактов применения запрещенных средств и методов ведения войны со стороны вооруженных формирований Украины, а также расследование преступлений, непосредственно связанных с военной службой в условиях боевых действий.

В Следственном комитете РФ с первых дней проведения специальной военной операции Председателем Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкиным приняты необходимые организационно-распорядительные меры, направленные на повышение эффективности работы военных следователей. Как сообщалось на оперативном совещании, проведенном главой ведомства, к апрелю 2022 г. на территории Донбасса уже работали более 300 военных следователей². Было создано военное следственное управление Следственного комитета РФ по Объединенной группировке войск (сил) с подчиненными военными следственными отделами, которые осуществляют свою деятельность на всей территории новых субъектов Российской Федерации. В текущем году работа по совершенствованию штатной структуры продолжается. Например, в апреле 2025 г. был сформирован военный следственный отдел в г. Донецке³.

¹ См.: Обращение Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 10.08.2025).

² См.: Председатель Следственного комитета РФ провел в Луганске оперативное совещание о расследовании преступлений в отношении мирного населения и российских военнослужащих на территории Донбасса и Украины // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1678316/> (дата обращения: 12.08.2025).

³ См.: Ко Дню образования военных следственных органов открылся новый военный следственный отдел СК России // Видеохостинг «Рутуб». URL: <https://rutube.ru/video/b438072e67d51b149e60817ee1c8f864/> (дата обращения: 12.08.2025).

Необходимо отметить, что военными следователями проводится системная работа по фиксации и расследованию преступлений, совершаемых Вооруженными силами Украины, националистическими, террористическими структурами и организациями, наемниками, участвующими в конфликте.

Преобладающим большинством преступлений, совершенных военнослужащими вооруженных формирований Украины, являются артиллерийские обстрелы населенных пунктов, в которых проживают мирные жители, социальных объектов с использованием тяжелого наступательного вооружения, в том числе произведенными государствами НАТО. Указанные действия противоречат международным нормам, в том числе Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны (1949)⁴.

Среди всего массива расследуемых военными следователями преступлений в качестве примеров можно выделить: уголовное дело в отношении 10 военнослужащих — артиллеристов полка «Азов»⁵, которые в период с 25 февраля 2022 г. по 19 марта 2022 г. вели неизбирательные «веерные» обстрелы из 122 мм гаубицы жилых домов и объектов инфраструктуры населенных пунктов Старый Крым и Лебединское Донецкой Народной Республики. В общей сложности они произвели около 500 выстрелов из артиллерийского оружия по мирным гражданам. Решением суда все фигуранты уголовного дела признаны виновными, и им назначено наказание от 26 до 27 лет лишения свободы⁶; приговор в отношении военнослужащего

⁴ См.: Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны (Вместе с «Проектом Соглашения о санитарных и безопасных зонах и местностях», «Проектом Правил, касающихся коллективной помощи гражданским интернированным»), заключена в г. Женеве 12.08.1949 (с изм. от 08.12.2005) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1957. Вып. XVI. С. 204–278, 280.

⁵ Запрещенная в России террористическая организация (см.: Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил искковое заявление Генерального прокурора Российской Федерации о признании террористическим украинского военизированного националистического объединения «Азов» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=75772990> (дата обращения: 12.08.2025)).

⁶ См.: Десять боевиков «Азова»* получили от 26 до 27 лет за обстрелы ДНР // Информационное агентство «РИА». URL: <https://ria.ru/20240318/obstrel-1934064750.html> (дата обращения: 13.08.2025).

* Запрещенная в России террористическая организация.

войсковой части 3057 восточного оперативно-территориального объединения Национальной гвардии Украины солдата Владислава Сыггиса, совершившего 12 марта 2022 г. в городе Мариуполе убийство двух мирных жителей. Ему назначено пожизненное лишение свободы⁷. Аналогичное наказание суд назначил военнослужащим националистического батальона «Азов»⁸ — старшему сержанту Дмитрию Данилову и его подчиненному Павлу Гусеву. Военными следователями установлено, что в марте 2022 г. в г. Мариуполе Данилов отдал приказ расстрелять двоих мужчин, одетых в гражданскую одежду с белыми повязками на рукавах, а Гусев его исполнил⁹. По результатам деятельности следователей пожизненно осужден пулеметчик 82-й отдельной десантно-штурмовой бригады вооруженных формирований Украины солдат Александр Гусак. Установлено, что в августе 2024 г. Гусак, вооруженный ручным пулеметом, расстрелял трех взятых в плен российских военнослужащих¹⁰.

Кроме того, в числе ключевых задач военных следователей в современных условиях по-прежнему остается борьба с коррупцией. Результатом кропотливого труда военных следователей стал приговор бывшему начальнику Главного управления связи — заместителю начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал-лейтенанту Вадиму Шамарину. Следствием и судом установлено, что в 2019–2023 гг. ОАО «Пермский телефонный завод «Телта»» заключил с государственным заказчиком контракты на поставку устройств связи на общую сумму более 1.4 млрд руб. За увеличение объемов и стоимости поставляемой продукции Шамарин получил от должностных лиц названного завода взятки на общую сумму 36 млн руб. Приговором суда ему назначено наказание в виде семи лет лишения свободы¹¹. В суд также направлено уголовное дело в отношении бывшего начальника вещевого управления Министерства обороны РФ Владимира Демчика, получившего взятку в крупном размере от бывшего генерального директора АО «Княгининская швейная фабрика» Александра Свистунова за общее покровительство при исполнении 20 государственных контрактов на поставку

вещевого имущества Министерству обороны РФ на общую сумму более 0.5 млрд руб. В ходе предварительного следствия в целях обеспечения приговора наложен арест на имущество Демчика и Свистунова стоимостью более 100 и 35 млн соответственно¹². Следователями осуществлено предварительное следствие в отношении бывшего заместителя командующего Ленинградским военным округом по материально-техническому обеспечению генерал-майора Валерия Муминджанова. Он обвиняется в получении взятки в размере около 20 млн руб. при исполнении государственного оборонного заказа¹³.

Необходимо подчеркнуть, что, по данным Следственного комитета РФ, в 2024 г. количество поступивших сообщений о преступлениях в военные следственные органы возросло в 2.8 раз, что повлекло за собой увеличение числа возбужденных уголовных дел в 2.1 раз и значительный рост нагрузки на военных следователей. Следователи также рассмотрели свыше 89.9 тыс. обращений, более 50% из которых — от участников СВО и их семей. По итогам этой работы были восстановлены права более 44.7 тыс. граждан и организовано свыше 19.3 тыс. личных приемов, в том числе в медицинских учреждениях¹⁴. Кроме того, направляются представления об устранении обстоятельств, способствовавших нарушению прав мобилизованных и членов их семей по вопросам обеспечения денежным довольствием, необходимости установления местонахождения мобилизованных, ненадлежащего медицинского обеспечения.

Помимо этого, на системной основе военными следователями оказывается гуманитарная помощь проживающим на территории ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, а также организациям, расположенным в этих регионах. Без внимания сотрудников военных следственных органов не оставлены беженцы и пострадавшее население приграничных территорий. В рамках празднования 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. были организованы сборы и доставка гуманитарной помощи на территорию проведения специальной военной операции. Так, в период с 16 по 22 апреля 2025 г. осуществлена отгрузка гуманитарной помощи в 12 военных

⁷ См.: В Донецке суд вынес два пожизненных приговора украинским боевикам // Росс. газ. 2024. 27 марта.

⁸ Запрещенная в России террористическая организация.

⁹ См.: В Донецкой Народной Республике вынесен пожизненный приговор военнослужащему Национальной гвардии Украины // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1887026/?pdf=1> (дата обращения: 13.08.2025).

¹⁰ См.: Солдат ВСУ получил пожизненный срок за расстрел трех пленных под Курском // ИТАР ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/23185173> (дата обращения: 13.08.2025).

¹¹ См.: Область широкого давления // Коммерсантъ. 2025. № 71. С. 4.

¹² См.: Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1946984/> (дата обращения: 15.08.2025).

¹³ См.: Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1949284/> (дата обращения: 15.08.2025).

¹⁴ См.: Подведены итоги работы военных следственных органов Следственного комитета России за 2024 год // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/press/events/item/1951622/> (дата обращения: 15.08.2025).

и социальных объектов в восьми населенных пунктах (Донецк, Горловка, Мариуполь, Бердянск, с. Розовка Запорожской области, с. Азовское Херсонской области, Геническ и Скадовск). Протяженность гуманитарного маршрута составила более 4 тыс. км.

Кроме того, с 2023 г. военные следственные органы проводят большую работу по выявлению лиц, впервые принятых в российское гражданство и уклонившихся от постановки на воинский учет в установленный законом срок. Следователи в ходе рейдов установили и поставили на воинский учет более 90 тыс. уклонистов. Особое внимание уделяется совместной с органами военного управления работе по заключению натурализованными гражданами и лицами, которые не состоят в гражданстве Российской Федерации, контрактов о прохождении военной службы. Уже свыше 30 тыс. человек указанных категорий направлены в воинские подразделения по контрактам¹⁵.

На основании проведенного анализа открытых источников информации о деятельности военных следователей вносим предложения по улучшению деятельности сотрудников в зоне проведения специальной военной операции: организовать профилактические мероприятия совместно с командованием воинских частей, направленные на предупреждение правонарушений среди военнослужащих; активизировать информационное взаимодействие с органами военного управления, командирами подразделений и военной полицией для своевременного обмена информацией об оперативной обстановке и обеспечения безопасности при проведении неотложных следственных действий.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что военные следственные органы сумели перестроить свою деятельность в соответствии с особыми условиями проведения специальной военной операции. Продолжается внедрение передовых криминалистических технологий, обеспечивается методическое сопровождение следствия, что позволяет добиваться высоких результатов в раскрытии и расследовании преступлений.

Результаты деятельности военных следственных органов Следственного комитета РФ подтверждают их ведущую роль в обеспечении законности и правопорядка в условиях СВО, что способствует защите прав военнослужащих, гражданских лиц и интересов государства.

¹⁵ См.: Интервью «РИА Новости» Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина // Информационное агентство «РИА». URL: <https://ria.ru/20250725/bastrykin-2031318342.html> (дата обращения: 16.08.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Донецке суд вынес два пожизненных приговора украинским боевикам // Росс. газ. 2024. 27 марта.
2. В Донецкой Народной Республике вынесен пожизненный приговор военнослужащему Национальной гвардии Украины // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1887026/?pdf=1> (дата обращения: 13.08.2025).
3. Верховный Суд Российской Федерации удовлетворил исковое заявление Генерального прокурора Российской Федерации о признании террористическим украинского военизированного националистического объединения «Азов»* // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=75772990> (дата обращения: 12.08.2025). * Запрещенная в России террористическая организация.
4. Десять боевиков «Азова»* получили от 26 до 27 лет за обстрелы ДНР // Информационное агентство «РИА». URL: <https://ria.ru/20240318/obstrel-1934064750.html> (дата обращения: 13.08.2025). * Запрещенная в России террористическая организация.
5. Интервью «РИА Новости» Председателя Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкина // Информационное агентство «РИА». URL: <https://ria.ru/20250725/bastrykin-2031318342.html> (дата обращения: 16.08.2025).
6. Ко Дню образования военных следственных органов открылся новый военный следственный отдел СК России // Видеохостинг «Рутуб». URL: <https://rutube.ru/video/b438072e67d51b149e60817ee1c8f864/> (дата обращения: 12.08.2025).
7. Область широкого давления // Коммерсантъ. 2025. 18 апр. С. 4.
8. Обращение Президента Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 10.08.2025).
9. Подведены итоги работы военных следственных органов Следственного комитета России за 2024 год // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/press/events/item/1951622/> (дата обращения: 15.08.2025).
10. Председатель Следственного комитета РФ провел в Луганске оперативное совещание о расследовании преступлений в отношении мирного населения и российских военнослужащих на территории Донбасса и Украины // Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1678316/> (дата обращения: 12.08.2025).
11. Солдат ВСУ получил пожизненный срок за расстрел трех пленных под Курском // ИТАР ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/23185173> (дата обращения: 13.08.2025).
12. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1957. Вып. XVI. С. 204–278, 280.

REFERENCES

1. In Donetsk, a court handed down two life sentences to Ukrainian militants // *Ross. gaz.* 2024. March 27.
2. In the Donetsk People's Republic, a life sentence was handed down to a serviceman of the National Guard of Ukraine // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1887026/?pdf=1> (accessed: 13.08.2025).
3. The Supreme Court of the Russian Federation granted the statement of claim of the Prosecutor General of the Russian Federation on the recognition of the terrorist Ukrainian paramilitary nationalist association "Azov"* // Official website of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=75772990> (accessed: 12.08.2025). *As a terrorist organization banned in Russia.
4. Ten "Azov" militants* received from 26 to 27 years for shelling the DPR // RIA News Agency. URL: <https://ria.ru/20240318/obstrely-1934064750.html> (accessed: 13.08.2025). *A terrorist organization banned in Russia.
5. Interview with RIA Novosti by Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation A.I. Bastrykin // RIA News Agency. URL: <https://ria.ru/20250725/bastrykin-2031318342.html> (accessed: 16.08.2025).
6. On the Day of the formation of military investigative bodies, a new military investigative department of the Investigative Committee of Russia was opened // Rutube video hosting. URL: <https://rutube.ru/video/b438072e67d-51b149e60817ee1c8f864/> (accessed: 12.08.2025).
7. The area of wide pressure // *Kommersant.* 2025. Apr. 18. P. 4.
8. Address of the President of the Russian Federation // Official website of the President of the Russian Federation. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (accessed: 10.08.2025).
9. The results of the work of the military investigative bodies of the Investigative Committee of Russia for 2024 have been summarized // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <http://sledcom.ru/press/events/item/1951622/> (accessed: 15.08.2025).
10. The Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation held an operational meeting in Lugansk on the investigation of crimes against civilians and Russian military personnel in the territory of Donbass and Ukraine // Official website of the Investigative Committee of the Russian Federation. URL: <https://sledcom.ru/press/events/item/1678316/> (accessed: 12.08.2025).
11. A soldier of the Armed Forces of Ukraine received a life sentence for shooting three prisoners near Kursk // ITAR TASS. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/23185173> (accessed: 13.08.2025).
12. Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. M., 1957. Iss. XVI. Pp. 204–278, 280.

Сведения об авторе

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Ивановна — кандидат юридических наук, доцент, ректор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста); 119049 г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1

Author's information

ALEKSANDROVA Olga I. — PhD in Law, Associate Professor, Rector of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice); 14, bld. 1 Zhitnaya str., 119049 Moscow, Russia

УДК 341

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОДСУДНОСТЬ И ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО В ТРАНСГРАНИЧНЫХ СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ: JUNCTA JUVANT?

© 2025 г. Е. П. Войтович

*Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск*

E-mail: voytovich-ep@ranepa.ru

Поступила в редакцию 17.07.2025 г.

Аннотация. Дифференциация правил о применимом праве и компетентном суде является характерной чертой модели изолированного действия принципов выбора права и юрисдикции. Изменение парадигмы общественного развития, обусловленное совершенствованием коллизионных подходов и трансформацией юрисдикционных режимов, их взаимным влиянием, диктует потребность в ее пересмотре. Новая модель координации принципов выбора компетентного права и суда должна учитывать объективную связь коллизионного права и международного гражданского процесса и ее проявления в конвенционных и национальных механизмах регулирования трансграничных семейных отношений, обеспечивая корреляцию правил о применимом праве с форумом.

Ключевые слова: международное частное право, международный гражданский процесс, международный договор, коллизия, юрисдикция, компетенция.

Цитирование: Войтович Е. П. Международная подсудность и применимое право в трансграничных семейных спорах: juncta juvant? // Государство и право. 2025. № 11. С. 113–122.

DOI: 10.7868/S3034543X25110081

INTERNATIONAL JURISDICTION AND APPLICABLE LAW IN CROSS-BORDER FAMILY DISPUTES: JUNCTA JUVANT?

© 2025 Е. P. Voytovich

*Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Novosibirsk*

E-mail: voytovich-ep@ranepa.ru

Received 17.07.2025

Abstract. The differentiation between the applicable law and the competent court is a key feature of the isolated model of choice-of-law and jurisdiction principles. Due to the changing paradigm of social development and the improvement of conflict-of-laws approaches, as well as the transformation of jurisdictional regimes and their mutual influence, there is a need to revise this model. A new framework for coordinating choice-of-court and choice-of-law principles should take into account the interplay between conflict-of-laws and International Civil Procedure, as well as its manifestations in both conventional and national mechanisms for cross-border family relationships. This framework should ensure that the rules on applicable law are consistent with the forum's jurisdiction.

Key words: Private International Law, International Civil Procedure, international treaty, conflict, jurisdiction, competence.

For citation: Voytovich, E.P. (2025). International jurisdiction and applicable law in cross-border family disputes: juncta juvant? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 113–122.

Разрешение трансграничных споров обеспечивается совокупностью правовых средств, важное место среди которых занимают правила о применимом праве и подсудности. Различение их правовой природы и назначения обусловило формирование подхода, суть которого может быть сведена к формуле: «определение применимого права не следует за подсудностью, а подсудность не следует за выбором применимого права»¹. «В государствах континентальной традиции продолжают строго соблюдать это различие, что создает правовую определенность и предсказуемость, но вызывает разумные сомнения в правильности выбора права, подлежащего применению»², и релевантности суда.

Разграничение правил о применимом праве и компетентном суде, характеризующее отечественные исследовательские подходы, практически исключило параллелизацию критериев их установления. Заданный вектор научного дискурса способствовал дальнейшему обособлению коллизионных и процессуальных институтов³. Вместе с тем требование дифференциации не противоречит их тесной связи и зачастую приводит к совместному рассмотрению⁴. В настоящее время в доктрине международного частного права предпринимаются попытки переосмысления тезиса о невозможности построения параллельных систем применимого права и международной подсудности для договорных обязательств⁵, в то время как другие категории правоотношений (брачные, трудовые, земельные, наследственные и т.д.) объявляются успешным примером взаимной зависимости применимого права и международной подсудности⁶.

Не умаляя вклада исследователей, чьи суждения и выводы позволяют судить о гносеологическом значении доктринальных концепций, важно подчеркнуть, что, с одной стороны, работ, посвященных коллизионному праву⁷ и междуна-

родной подсудности⁸ много, с другой — обобщающих, фундаментальных по проблемам определения применимого права и судебной компетенции и их взаимосвязи при разрешении семейных споров трансграничного характера в отечественной юриспруденции явно недостаточно. Комплексное исследование правового регулирования семейных отношений с участием иностранцев было предпринято лишь в монографии Н.И. Марышевой, где в числе прочих рассмотрены и вопросы судопроизводства по семейным делам, включающие проблематику международной подсудности⁹. Вместе с тем задача координации коллизионных и юрисдикционных принципов в трансграничных семейных спорах российской наукой международного частного права не решена.

Потребность в ее обсуждении продиктована следующими обстоятельствами. Во-первых, эволюция коллизионного регулирования способствовала появлению новых и адаптации существующих моделей определения применимого права¹⁰. В свою очередь, юрисдикционный режим не подвергался столь значительным трансформациям, что обусловило поиск

Марышева Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М., 2007; *Малкин О.Ю.* Коллизионное регулирование семейных отношений. М., 2009; *Ермолаева Т.А.* Правовое регулирование личных неимущественных и имущественных отношений супругов, имеющих различное гражданство. Саратов, 2011; *Хромова Е.Ю.* Трансграничный брак: международно-правовой аспект. М., 2013; *Максименко С.Т., Ситкова О.Ю., Бугрова С.С. и др.* Проблемы коллизионного регулирования семейно-брачных отношений в праве Российской Федерации. М., 2019.

⁸ См.: *Шукин А.И.* Вопросы подсудности в международных договорах с участием России. М., 2015; *Мамаев А.А.* Международная судебная юрисдикция по трансграничным гражданским делам. М., 2008; *Гафаров С.Э.* Основные модели международной подсудности гражданских дел в национальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012; *Осипов А.О.* Институт международной подсудности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; *Шевченко И.М.* Проблемы рассмотрения дел с участием иностранных лиц в российском арбитражном процессе: международная подсудность, судебные извещения, средства доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012; *Богданова Н.А.* Право, применимое к соглашениям о международной подсудности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

⁹ См.: *Марышева Н.И.* Указ. соч. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

¹⁰ См.: Регламент ЕС № 1259/2010 о реализации расширения сотрудничества в области права, применимого к разводу и раздельному проживанию супругов; Регламент ЕС № 650/2012 о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений; Регламент Совета ЕС 2016/1104 об осуществлении расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам имущественных последствий зарегистрированных партнерств; Регламент Совета ЕС 2016/1103 об осуществлении расширенного сотрудничества в области юрисдикции, применимого права, признания и исполнения решений по вопросам режимов собственности супругов.

¹ *Левина Д.А.* Lex propria in foro proprio: параллелизация критериев определения применимого права и международной подсудности для договорных обязательств. М., 2021. С. 138.

² *Garnett R.* Determining the appropriate forum by the applicable law // *International & Comparative Law Quarterly*. 2022. No. 71. Pp. 591–593.

³ См.: *Лисицын-Светланов А.Г.* Тенденции развития международного гражданского процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 5; Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М., 2011. С. 925.

⁴ См.: *Луниц Л.А.* Курс международного права. М., 2002. С. 814.

⁵ См.: *Левина Д.А.* Указ. соч.

⁶ См.: там же. С. 136.

⁷ См.: *Федосеева Г.Ю.* Брачные отношения как объект международного частного права Российской Федерации. М., 2006;

удобного форума с помощью инструментария конфликтного права. Такой подход позволил исключить или по крайней мере свести к минимуму разрешение спора в «неудобном» суде, однако породил сомнения в том, может ли норма (коллизийная. — *E.B.*) использоваться для определения компетентного органа, наделенного полномочиями по разрешению трансграничного спора¹¹.

Во-вторых, современное международное частное право характеризуется проникновением коллизийных решений в сферу международной подсудности. Так, трансформация принципа тесной связи обусловила его закрепление в правилах о подсудности; автономия воли обеспечила выбор компетентного форума посредством соглашений; выделение особой категории конфликтного права — процессуальных коллизийных норм обернулось доктринальной ревизией природы и назначения юрисдикционных предписаний. В сложившихся условиях воздействия правил об определении применимого права на рассматриваемый процессуальный институт возникает закономерный вопрос — обеспечивают ли нормы о подсудности обратное влияние?

В-третьих, действующее правовое регулирование отличается неопределенностью содержания коллизийных и процессуальных начал, что нередко приводит к нарушениям при их применении. Поиск адаптированных к современным условиям повышенной трансграничной мобильности семей инструментов продиктован запросом закрепления таких правил, которые бы не допускали их произвольного применения, внося большую правовую определенность в регулирование семейных отношений.

Очевидно, что взаимосвязь между выбором права и юрисдикцией не только существует, но и имеет основополагающее значение, поскольку коллизийные и юрисдикционные нормы должны в совокупности гарантировать применение права, которое тесно связано с отношением, что составляет одну из целей коллизийного регулирования, а также обеспечить «доступный, легко исчисляемый форум»¹² для защиты своих прав, что характеризует назначение процессуальных предписаний.

Задача научного исследования в этих условиях видится не только в оценке нормативных и правоприменительных решений, но и в определении адекватной доктринальной основы коллизийного

права и международной подсудности, способных в сочетании обеспечить эффективную судебную защиту прав участников трансграничных семейных отношений.

Наличие множественных перекрывающихся юрисдикций почти всегда означает существование по крайней мере двух доступных судов, способных разрешить дело по существу, поэтому ситуации *lis alibi* могут возникать с завидной частотой. Представляется, что в таких условиях конкуренции действующие правила должны гарантировать слушание дела в суде, который является наиболее подходящим для обеспечения полного, эффективного и результативного разрешения спора сторон¹³. Что следует учитывать при конструировании подобных норм? Публичные или частные интересы? Применение права суда или обеспечение соблюдения индивидуального выбора? Место нахождения большинства доказательств или личную связь стороны с форумом? Ответы на эти вопросы предполагают обращение к правилам о юрисдикции, основу которых в Российской Федерации составляют положения международных договоров и национального законодательства.

Конвенционные и внутригосударственные механизмы, преследуя разные цели, содержат отличные друг от друга нормы определения подсудности: первые исходят из возможности разрешения спора судом, являющимся результатом консенсуса договаривающихся государств, а значит наиболее подходящим, вторые стремятся подчинить его юрисдикции собственных судебных учреждений, выделяя в спорном правоотношении такие характеристики, которые бы оправдывали национальную юрисдикцию.

Договоры о правовой помощи, действующие для Российской Федерации, разграничивают компетенцию судов по отдельным категориям семейных споров. Преимущественно их рассматривают суды общего гражданства или (последнего) совместного места жительства сторон. Защита «слабой» стороны (ребенка, получателя алиментов) обеспечена подсудностью спора суду гражданства или места жительства такого лица, а права на недвижимое имущество — суду страны места его нахождения. Особняком в ряду международных договоров стоит Гагская конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей¹⁴. Под ее действие попадают многие трансграничные семейные споры, основным критерием определения

¹¹ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 26.03.2024 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Э. Стаценко» // Росс. газ. 2024. 10 апр.

¹² Цит. по: *Левина Д.А.* Указ. соч. С. IX.

¹³ См.: *Keyes M.* Jurisdiction in international family litigation: a critical analysis // *UNSW Law Journal*. 2004. Vol. 27 (1). P. 58.

¹⁴ См.: *СЗ РФ*. 2013. № 32, ст. 4297.

форума по которым выступает не гражданство, а место обычного проживания ребенка, что, с одной стороны, удобно, но с другой — создает проблемы. Одной из них, отмечает М.Л. Шелютто, является некорректное отождествление судами проживания с регистрацией по месту жительства¹⁵.

Отличительной чертой конвенционных норм (норм договоров о правовой помощи. — *Е.В.*) выступает установление компетенции через подлежащее применению право, поэтому наиболее подходящим объявляется форум, чье право применяется. Нетрудно заметить, что эксплуатация конфликтного инструментария, актуализирующая указанные в коллизионной норме личные, за редким исключением территориальные, связи, обеспечивает в первую очередь интересы суда в установлении и применении собственного права, во вторую — интересы сторон в предсказуемости.

Такой подход, во-первых, вступает в противоречие с декларацией о стремлении договаривающихся государств к обеспечению надежной правовой защиты прав посредством свободного и беспрепятственного обращения в суды и иные учреждения; ограничивает доступ к правосудию в судах государств-участников конвенции; устанавливает правила о подсудности, не позволяющие выбрать судебное учреждение, которое стороны сочтут наиболее подходящим или благоприятным либо игнорирующее иную зависимость спорного правоотношения от форума.

Во-вторых, договоры о правовой помощи, действующие для России, не предусматривают передачи дела в суд другой страны на том основании, что иностранный форум является более подходящим для судебного разбирательства, в то время как международному частному праву уже известны инструменты, допускающие ее в делах по спорам о детях и «уязвимых» взрослых¹⁶, — положения этих актов позволяют компетентному суду отступать от общих правил юрисдикции и передавать дело или его часть в суд другого государства-члена, с которым ребенок имеет особую связь, если компетентный суд считает, что последний лучше подходит для рассмотрения дела и что передача будет отвечать наилучшим интересам ребенка¹⁷.

Такого полномочия российские суды, разрешающие трансграничные семейные споры, не имеют. Как следствие, их участники лишены возможности рассмотрения спора учреждением того государства, тесная связь с которым подтверждается иными обстоятельствами, юридического значения которым не придается.

В-третьих, конвенционные механизмы в том виде, в котором они существуют сейчас для Российской Федерации, способствуют нежелательной множественности процессов, инициированных в государствах-участниках. В результате требование о расторжении брака рассматривается в одной стране, в то время как спор о разделе имущества — в другой, по делам об определении места жительства ребенка компетентны учреждения постоянного совместного места жительства родителей и детей или гражданства ребенка, а на урегулирование вопросов, касающихся установления отцовства (материнства), претендуют суды места жительства ответчика. Инструментом, способным обеспечить концентрацию производств, и значит, снижение судебных издержек, является пророгация, которая в семейных делах не получила широкого распространения.

В отличие от конвенционных правил, трансграничные семейные споры согласно Гражданскому процессуальному кодексу РФ рассматриваются по месту жительства ответчика (ч. 1 ст. 402). «Определяя таким образом пределы компетенции российских судов, — замечает Н.И. Марышева, — законодатель, очевидно, учитывал, что предъявление иска по месту жительства ответчика удобно для последнего и облегчает его защиту. В то же время истец, если речь идет об имущественном споре, может рассчитывать на нахождение имущества, на которое можно обратить взыскание, именно в стране ответчика»¹⁸.

Имеет ли подобное преимущество истец? Ведь если равенство сторон является важным критерием разрешения споров, то, возможно, необходимо учитывать интересы обеих? Суды в Российской Федерации рассматривают дела с участием иностранных лиц в случае, если по делу о взыскании алиментов, об установлении отцовства и о расторжении брака истец имеет место жительства в Российской Федерации (ч. 3 ст. 402 ГПК РФ).

¹⁵ См.: Шелютто М.Л. О применении правил о международной подсудности дел, возникших из правоотношений родителей и детей // Комментарий судебной практики. Вып. 25 / под ред. К.Б. Ярошенко. М., 2019.

¹⁶ См.: McClean D. The transfer of proceedings in international family case // Journal of Private International Law. 2023. No. 19 (1). Pp. 3, 4. DOI: 10.1080/17441048.2023.2189072

¹⁷ См.: Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей 1996 г.; Регламент ЕС 1347/2000 от 29.05.2000 о юрисдикции, признании

и приведении в исполнение решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей (Брюссель II а); Регламент ЕС 2201/2003 от 27.11.2003 о юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по семейным делам и делам об обязанностях родителей (Брюссель II bis); Регламент ЕС 2019/1111 от 25.06.2019 о юрисдикции, признании и приведении в исполнение судебных решений по брачно-семейным делам и по вопросам родительской ответственности, а также о международном похищении детей (Брюссель II ter); Гагская конвенция о международной защите взрослых.

¹⁸ Марышева Н.И. Указ. соч. 2-е изд., перераб. и доп. С. 226.

Очевидно, что эти правила обеспечивают предвидимый форум для лица, претендующего на получение алиментов, родителя, супруга, отражая не только интерес «слабой» стороны в доступе к правосудию, но и возможность контроля брачного статуса лица со стороны государства.

По мнению некоторых авторов, «своеобразие отечественного подхода к регулированию рассматриваемых вопросов состоит в использовании комбинированного метода — сочетании принципов минимального контакта, гражданства, привязки судебной компетенции к месту нахождения имущества»¹⁹. Данное утверждение может быть принято с известной долей условности. В России поддерживается идея о том, что юрисдикция может быть основана на синтезе территориальных и личных факторов, что отчасти соответствует юридическим практикам большинства государств, где выделяют общую (универсальную) и специальную юрисдикцию²⁰. Вместе с тем правила о подсудности требуют в большинстве случаев доказательств лишь личной связи (гражданства, места жительства) стороны судебного разбирательства с форумом. Эта связь зачастую игнорирует иные связи спорного отношения с территорией Российской Федерации²¹.

Архаичность критериев подсудности привела к нежелательному эффекту поиска компетентного суда с помощью инструментария конфликтного права: «коллизияльная норма... использует два критерия определения юрисдикции: гражданство супругов и место их проживания», — объявляет Экономический Суд СНГ²². Однако такой подход не находит поддержки в практике применения норм международного частного права²³. Не считает

возможным использовать коллизияльную норму для определения компетентного органа и Конституционный Суд РФ²⁴.

Представляется, что такое смешение юрисдикционных и конфликтных правил обусловлено тождеством критериев их установления. При этом в литературе правомерно подчеркивается, что «процессуальные правила о международной подсудности и коллизияльные привязки, несмотря на их внешнее сходство, — это различные правовые категории»²⁵.

Проникновение коллизияльных начал в сферу международной подсудности вызвано близостью рассматриваемых институтов и их общим предназначением. Не случайно установление международной подсудности на основе принципа тесной связи было положено в основу общих правил определения компетенции арбитражных судов. И хотя данное обстоятельство во многом получило негативную доктринальную оценку²⁶, его практическая реализация в текущей повестке имеет несомненно положительный эффект, позволяя членам трансграничных семей реализовать право на судебную защиту даже тогда, когда рассмотрение спора за рубежом является невозможным или затруднительным. «Надлежащее обеспечение прав и свобод, отмечает — Конституционный Суд РФ, — в отдельных случаях требует учета объективных международных реалий, которые могут проявляться и в значительном ухудшении всего спектра отношений с отдельными государствами, что порой делает реализацию прав и свобод невозможной или существенно затрудненной, например в силу возникающей у заинтересованного лица необходимости нести дополнительные финансовые и иные затраты, несоизмеримые и избыточно обременительные в сравнении с их изначально предполагаемым уровнем»²⁷.

¹⁹ Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: Соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2008. С. 32.

²⁰ См.: Hartley T.C. Principles of Jurisdiction in Private International Law: The European Union, the United States and England // International and Comparative Law Quarterly. 2022. Vol. 71. P. 213. DOI: 10.1017/S0020589321000427

²¹ Верховным Судом РФ признаны ошибочными судебные постановления о неподсудности спора российскому суду в связи с отсутствием места жительства ребенка в Российской Федерации (см.: Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 5-КГ18-325 // В официальных источниках опубликовано не было).

²² См.: Решение Экономического Суда СНГ от 15.01.2002 № 01-1/3-2001 «О толковании п. 1 ст. 28 и п. 1 ст. 29 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной государствами — членами СНГ 22 января 1993 г. в г. Минске» // В официальных источниках опубликовано не было.

²³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 26.02.2019. URL: <https://vsrf.ru/> N5-КГ18-325; апелляционное определение Московского городского суда от 22.06.2021 по делу № 33-21462/2021 // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 № 1863-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Иоч Елизаветы Валерьевны на нарушение ее конституционных прав статьей 1212 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также статьями 29, 30 и 403 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁵ Гетьман-Павлова И.В. Процессуальные коллизияльные нормы в международном частном праве и международном гражданском процессе // Журнал рос. права. 2018. № 3. С. 94.

²⁶ См.: Осипов А.О. Указ. соч. С. 11; Митина М.А. Способы регулирования международной подсудности в российском праве // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2011. Вып. 4. С. 48, 52.

²⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 26.03.2024 № 12-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.Э. Стаценко» // СЗ РФ. 2024. № 14, ст. 1957.

Победное шествие *lex voluntatis* способствовало трансформации коллизионных начал в сфере гражданско-правовых обязательств, семейного права. Юрисдикционные нормы в этом отношении оказались менее развиты. «Подобное несоответствие между правовыми инструментами, которые на самом деле должны беспрепятственно работать вместе, необходимо устранить», — отмечает А. Лиманте²⁸. С этим нельзя не согласиться. Ощутимое повышение роли *lex voluntatis* в конфликтном праве вообще и в договорном в частности не только позволило членам трансграничных семей выбирать право, подлежащее применению к их правам и обязанностям по брачному договору²⁹, но и заставило профессиональное сообщество обратить внимание на несовершенство норм, допускающих такой выбор³⁰.

Тем не менее утверждение автономии воли для определения компетентного суда не имеет сегодня очевидных трансграничных семейно-правовых эффектов в Российской Федерации, а значит, не обеспечивает концентрацию юрисдикции, взаимное рассмотрение судом вопросов, разрешаемых при вынесении решения о расторжении брака (о месте жительства несовершеннолетних, о порядке выплаты средств на содержание и др.)³¹, применение единого материально-правового регулирования. Противоположный подход позволил бы сократить судебные издержки, обусловленные множественностью процессов, исключить или по крайней мере свести к минимуму риски, связанные с непризнанием семейно-правовых статусов.

Обратное влияние норм о подсудности на коллизионные предписания не столь динамично

и значительно, но именно оно обусловило эволюцию материального публичного порядка, формирующегося под влиянием практики отказов в признании и принудительном исполнении решений иностранных судов и арбитражей.

Поскольку коллизионный и материально-правовой результаты трансграничных споров напрямую зависят от выбранного форума, т.е. «от выбора национальной юрисдикции зависит не только процессуальный порядок рассмотрения споров, но и последовательное коллизионное и материально-правовое регулирование гражданско-правовых отношений с иностранным элементом»³², согласованность правил подсудности с конфликтными нормами крайне важна. Она не в последнюю очередь обеспечивается единым подходом к их толкованию. «Международная компетенция, — заключает В.В. Ярков, — определяется с помощью юрисдикционных привязок и оценочных понятий, образующих локальный предмет доказывания»³³. Аналогичный вывод следует и в отношении коллизионных предписаний, отыскание применимого права посредством которых предполагает доказывание связующих факторов.

Среди общепринятых критериев регулирования трансграничных семейных отношений наибольший удельный вес занимает *domicilii*. В то время как гражданство и место нахождения имущества относительно легко установимы, интерпретация места жительства в коллизионном праве и процессе вызывает затруднения, что порой приводит к неверному выбору права, подлежащего применению, ошибкам при установлении компетентного суда. Причины этого кроются в отсутствии нормативной определенности места жительства, а также его способности меняться под воздействием внешних обстоятельств.

Понятие места жительства определяется в Российской Федерации комплексом норм. Среди них, считает Верховный Суд РФ, ст. 20 ГК РФ, Закон РФ от 25 июня 1993 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» и др.³⁴ Наличие нескольких нормативных актов, возможность определять, имеет ли ответчик на территории Российской Федерации место жительства применительно к положениям ст. 2 Федерального закона от 18 июля 2006 г.

²⁸ См.: Limante A. Prorogation of jurisdiction and choice of law in EU family law: navigating through the labyrinth of rules // Journal of Private International Law. 2021. No. 17 (2). P. 352. DOI: 10.1080/17441048.2021.1953253

²⁹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 09.03.2021 № 5-КГ20-144-К2; Определение Калининградского областного суда от 14.07.2021 по делу № 33-3561/2021; Определение третьего кассационного суда общей юрисдикции от 21.04.2021 по делу № 8А-4506/2021 // В официальных источниках опубликованы не были.

³⁰ См.: Симатова Е.Л. Расширение принципа автономии воли сторон в брачно-семейных отношениях в международном частном праве // Современное право. 2014. № 12—1; Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 3; Войтович Е.П. Автономия воли в регулировании имущественных отношений супругов, осложненных иностранным элементом, в Российской Федерации // Журнал рос. права. 2019. № 2; Москвитин Ю.М. Расширение сферы применения автономии воли сторон в международном частном праве // Сибирский юрид. вестник. 2024. № 3 (106).

³¹ См.: Малкин О.Ю. Право, применимое к имущественным отношениям супругов: проблемы и тенденции правоприменительной практики // Образование и право. 2024. № 8. С. 323.

³² Лисицын-Светланов А.Г. Указ. соч. С. 7, 8.

³³ Ярков В.В. Определение международной компетенции на основе оценочных понятий // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 8. С. 3—6.

³⁴ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.02.2022 № 5-КГ21-167-К2 (УИД 77RS0003-02-2020-006257-16) // В официальных источниках опубликовано не было.

№ 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»³⁵, устанавливается на основе различных юридических фактов, не обязательно связанных с регистрацией его компетентными органами³⁶.

Близкая к рассматриваемой категория места обычного проживания, являющаяся ключевым принципом подсудности по Конвенции о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей, «встроенная» в ряд других международных соглашений, также не имеет определенного позитивного содержания, что порождает на практике неоднозначное истолкование, дающее возможность произвольного применения. «В данном вопросе, — отмечает О.Е. Савенко, — судебная практика государств чаще всего не скована какими-либо жесткими критериями и, в силу разных обстоятельств, в том числе санкционного давления недружественных стран, может меняться в ту или иную сторону»³⁷.

При этом определение места жительства ребенка в семейных спорах, не осложненных иностранным элементом, основывается преимущественно на принципе обеспечения его интересов, выступающем решающим аргументом при назначении родителя, с которым будет проживать ребенок³⁸; установление места жительства для целей внутренней подсудности базируется на опровержимой презумпции совпадения места жительства гражданина с местом его регистрационного учета³⁹. Утверждение же места жительства членов трансграничных семей для определения применимого права и компетентного суда нередко сопровождается произвольным выбором юридических фактов⁴⁰, формальным анализом правовых отно-

шений сторон⁴¹, «жонглированием» местом жительства и пребывания, ошибочным применением положений международного договора⁴².

Такой подход представляется неверным, поскольку решение коллизионного вопроса не должно ограничиваться установлением фактических обстоятельств дела, «техническим» определением законов и иных нормативных правовых актов, на основе которых может быть разрешен спор, осложненный иностранным элементом. «Суд обязан в соответствии с законом определить применимое... право и установить его содержание»⁴³, однако анализируемые судебные акты нередко демонстрируют обратное. Определение подсудности должно осуществляться в строгом соответствии с нормами национального процессуального законодательства, если иное не предусмотрено международным договором, чьи положения подлежат приоритетному применению в случае отличного национального регулирования.

Затруднительность квалификации постоянного места жительства вызвана не только нормативной неопределенностью и правоприменительным усмотрением. Место жительства, даже если оно квалифицируется как совместное, постоянное, обычное и т.д., может меняться. Это несет в себе правовую неопределенность, поскольку означает изменение применимого права. Следует ли суду, в производстве которого находится дело, реагировать на заявление стороны об изменении места жительства? Для коллизионных целей очевидно нет. Исключение составляет ст. 15 Конвенции

³⁵ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 5-КГ18-325 // В официальных источниках опубликовано не было.

³⁶ См.: постановления Конституционного Суда РФ от 24.11.1995 № 14-П, от 04.04.1996 № 9-П, от 15.01.1998 № 2-П, от 02.02.1998 № 4-П.

³⁷ Савенко О.Е. Определение места жительства ребенка при разрешении судами трансграничных семейных споров в условиях санкционного давления // Юрид. образование и наука. 2023. № 4. С. 27.

³⁸ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Росс. газ. 1998. 10 июня.

³⁹ См.: Пункт 13 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 2; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14.03.2023 № 53-КГ22-19-К8 // В официальных источниках опубликовано не было.

⁴⁰ Так, судом не принято во внимание фактическое проживание ребенка в Российской Федерации, обучение

в российской школе по месту пребывания. Прекращая производство по делу, суд указал на наличие регистрации ребенка и его матери в Казахстане, непредставлении истцом иных доказательств проживания в Российской Федерации (см.: Апелляционное определение Харабалинского районного суда Астраханской области от 11.11.2014 по делу № 11-26/2014 // В официальных источниках опубликовано не было).

⁴¹ Суд не усмотрел правовых оснований для применения к возникшему спору норм семейного законодательства Финляндии, основываясь на правилах ст. 161 СК РФ, признав юридически значимыми для дела следующие обстоятельства: нахождение спорного имущества на территории Российской Федерации, отсутствие у ответчика места жительства на территории Финляндии, отсутствие сведений о месте жительства супругов на территории Финляндии, наличие у ответчика гражданства Российской Федерации, нахождения сторон в зарегистрированном браке и проживание в период брака в квартире, расположенной в Российской Федерации (см.: Решение Тосненского городского суда Ленинградской области от 06.10.2017 № 2-729/2017 // В официальных источниках опубликовано не было).

⁴² См.: Апелляционное определение Верховного суда Чеченской Республики от 05.03.2024 по делу № 33-238/2024 // В официальных источниках опубликовано не было.

⁴³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30.01.2024 № 5-КГ23-139-К2 // В официальных источниках опубликовано не было.

о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей, допускающая изменение применимого права в связи с изменением места обычного проживания ребенка. Фиксация места жительства для определения судом права, подлежащего применению, должна осуществляться в момент возбуждения гражданского дела⁴⁴. Иное решение подталкивало бы к неоднократным поискам применимого закона в ущерб определенности. Коллизионные нормы тем не менее не ограничивают в выборе права, соответствующего заявлению стороны о новом месте жительства. Процессуальный закон демонстрирует в этом отношении большую предсказуемость (ст. 405 ГПК РФ): «место жительства имеет юридическое значение в вопросе подсудности только в момент возбуждения производства по делу».

Тем не менее оценка места жительства может быть затруднена в различных «пограничных» ситуациях, получающих все большее распространение («недобровольное», прерывистое или странствующее проживание). Следует ли считать лицо, регулярно перемещающееся между двумя (или более) странами, постоянным жителем обеих (или всех) из них или ни одной из них, или следует стремиться определить наиболее связанное место жительства? При переезде в другую страну становится ли лицо постоянным жителем сразу по прибытии или у него нет постоянного места жительства?⁴⁵ Можно ли считать местом жительства несовершеннолетних детей иностранцев место проживания (пребывания) их родителей, нарушивших миграционное законодательство и утративших право на законное пребывание в стране?⁴⁶ Должна ли судебная интерпретация «детского» и «взрослого» места жительства отличаться? Вот лишь небольшой перечень вопросов, ответы на которые еще предстоит получить. Однако очевидно, что их решение должно базироваться на единообразном толковании, способствующим правовой определенности.

* * *

Выработка единых приемов толкования и применения идентичных коллизионных и процессуальных критериев, их нормативного выражения диктует не только их совместное рассмотрение,

но и координацию, основой которой должна стать модель взаимного действия принципов выбора права и юрисдикции.

В юриспруденции долгие годы доминирует подход, разграничивающий правила о применимом праве и подсудности, что исключает координацию критериев их установления. Потребность в его пересмотре обусловлена не только близостью рассматриваемых институтов и их общим предназначением, но и взаимным влиянием коллизионных норм, способных в сочетании гарантировать судебную защиту прав участников трансграничных семейных отношений посредством обеспечения доступа к правосудию, реализации индивидуального выбора, исключения множественности процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова Н.А. Право, применимое к соглашениям о международной подсудности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
2. Войтович Е.П. Автономия воли в регулировании имущественных отношений супругов, осложненных иностранным элементом, в Российской Федерации // Журнал рос. права. 2019. № 2.
3. Гафаров С.Э. Основные модели международной подсудности гражданских дел в национальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
4. Гетьман-Павлова И.В. Процессуальные коллизионные нормы в международном частном праве и международном гражданском процессе // Журнал рос. права. 2018. № 3. С. 94.
5. Гетьман-Павлова И.В., Касаткина А.С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве России // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 3.
6. Ермолаева Т.А. Правовое регулирование личных неимущественных и имущественных отношений супругов, имеющих различное гражданство. Саратов, 2011.
7. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М., 2011. С. 925.
8. Левина Д.А. Lex propria in foro proprio: параллелизация критериев определения применимого права и международной подсудности для договорных обязательств. М., 2021. С. IX, 136, 138.
9. Лисицын-Светланов А.Г. Тенденции развития международного гражданского процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 5, 7, 8.
10. Лунц Л.А. Курс международного права. М., 2002. С. 814.
11. Любимова Е.В. Критерии подсудности в гражданском и административном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. С. 160.
12. Максименко С.Т., Ситкова О.Ю., Бугрова С.С. и др. Проблемы коллизионного регулирования семейно-брачных отношений в праве Российской Федерации. М., 2019.

⁴⁴ См.: Любимова Е.В. Критерии подсудности в гражданском и административном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2020. С. 160.

⁴⁵ См.: *Ní Shúilleabháin M.* Adult habitual residence in EU private international law: an interpretative odyssey begins // *Journal of Private International Law*. 2025. Vol. 21. No. 1. P. 34.

⁴⁶ См.: Решение Верховного Суда РФ от 28.06.2023 № АКПИ23-371 // В официальных источниках опубликовано не было.

13. *Малкин О.Ю.* Коллизийное регулирование семейных отношений. М., 2009.
14. *Малкин О.Ю.* Право, применимое к имущественным отношениям супругов: проблемы и тенденции право-применительной практики // Образование и право. 2024. № 8. С. 323.
15. *Мамаев А.А.* Международная судебная юрисдикция по трансграничным гражданским делам. М., 2008.
16. *Марышева Н.И.* Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России. М., 2007. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 226.
17. *Митина М.А.* Способы регулирования международной подсудности в российском праве // Вестник СПбГУ. Сер. 14. 2011. Вып. 4. С. 48, 52.
18. *Москвитин Ю.М.* Расширение сферы применения автономии воли сторон в международном частном праве // Сибирский юрид. вестник. 2024. № 3 (106).
19. *Осинов А.О.* Институт международной подсудности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 11.
20. *Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю.* Договорное право: Соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2008. С. 32.
21. *Савенко О.Е.* Определение места жительства ребенка при разрешении судами трансграничных семейных споров в условиях санкционного давления // Юрид. образование и наука. 2023. № 4. С. 27.
22. *Симатова Е.Л.* Расширение принципа автономии воли сторон в брачно-семейных отношениях в международном частном праве // Современное право. 2014. № 12-1.
23. *Федосеева Г.Ю.* Брачные отношения как объект международного частного права Российской Федерации. М., 2006.
24. *Хромова Е.Ю.* Трансграничный брак: международно-правовой аспект. М., 2013.
25. *Шевченко И.М.* Проблемы рассмотрения дел с участием иностранных лиц в российском арбитражном процессе: международная подсудность, судебные извещения, средства доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012.
26. *Шелютто М.Л.* О применении правил о международной подсудности дел, возникших из правоотношений родителей и детей // Комментарий судебной практики. Вып. 25 / под ред. К.Б. Ярошенко. М., 2019.
27. *Шукин А.И.* Вопросы подсудности в международных договорах с участием России. М., 2015.
28. *Ярков В.В.* Определение международной компетенции на основе оценочных понятий // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 8. С. 3–6.
29. *Hartley T. C.* Principles of Jurisdiction in Private International Law: the European Union, the United States and England // International and Comparative Law Quarterly. 2022. Vol. 71. P. 213. DOI: 10.1017/S0020589321000427
30. *Garnett R.* Determining the appropriate forum by the applicable law // International & Comparative Law Quarterly. 2022. No. 71. Pp. 591–593.
31. *Keyes M.* Jurisdiction in international family litigation: a critical analysis // UNSW Law Journal. 2004. Vol. 27 (1). P. 58.
32. *Limante A.* Prorogation of jurisdiction and choice of law in EU family law: navigating through the labyrinth of rules // Journal of Private International Law. 2021. No. 17 (2). P. 352. DOI: 10.1080/17441048.2021.1953253
33. *McClean D.* The transfer of proceedings in international family case // Journal of Private International Law. 2023. No. 19 (1). Pp. 3, 4. DOI: 10.1080/17441048.2023.2189072
34. *Ní Shúilleabháin M.* Adult habitual residence in EU private international law: an interpretative odyssey begins // Journal of Private International Law. 2025. Vol. 21. No. 1. P. 34.

REFERENCES

1. *Bogdanova N.A.* The law applicable to agreements on international jurisdiction: abstract ... PhD in Law. M., 2019 (in Russ.).
2. *Voytovich E.P.* Autonomy of the will in the regulation of property relations of spouses complicated by a foreign element in the Russian Federation // Journal of Russ. law. 2019. No. 2 (in Russ.).
3. *Gafarov S.E.* Basic models of international jurisdiction of civil cases in national law: abstract ... PhD in Law. Saratov, 2012 (in Russ.).
4. *Getman-Pavlova I.V.* Procedural conflict-of-laws rules in Private International Law and International Civil Procedure // Journal of Russ. law. 2018. No. 3. P. 94 (in Russ.).
5. *Get'man-Pavlova I.V., Kasatkina A.S.* Problems of conflict-of-laws regulation of marriage and family relations in Russian Private International Law // Law. HSE Journal. 2017. No. 3 (in Russ.).
6. *Ermolaeva T.A.* Legal regulation of personal non-property and property relations of spouses with different citizenship. Saratov, 2011 (in Russ.).
7. Commentary to the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. by V.V. Yarkov. 4th ed., rev. and reprint. M., 2011. P. 925 (in Russ.).
8. *Levina D.A.* Lex propria in foro proprio: parallelization of criteria for determining applicable law and international jurisdiction for contractual obligations. M., 2021. Pp. IX, 136, 138 (in Russ.).
9. *Lisitsyn-Svetlanov A.G.* Trends in the development of International Civil Procedure: abstract ... Doctor of Law. M., 2002. Pp. 5, 7, 8 (in Russ.).
10. *Lunts L.A.* Course of International Law. M., 2002. P. 814 (in Russ.).
11. *Lyubimova E.V.* Criteria of jurisdiction in Civil and Administrative Proceedings: dis. ... PhD in Law. Omsk, 2020. P. 160 (in Russ.).
12. *Maksimenko S.T., Sitkova O. Yu., Bugrova S.S., et al.* Problems of conflict of laws regulation of family relations in the law of the Russian Federation. M., 2019 (in Russ.).
13. *Malkin O. Yu.* Conflict of laws regulation of family relations. M., 2009 (in Russ.).

14. *Malkin O. Yu.* Law applicable to the property relations of the spouses: issues and trends in law enforcement // Education and law. 2024. No. 8. 3. 323 (in Russ.).
15. *Mamaev A.A.* International judicial jurisdiction in cross-border civil cases. M., 2008 (in Russ.).
16. *Marysheva N.I.* Family relations involving foreigners: legal regulation in Russia. M., 2007; 2nd ed., rev. and add. M., 2023. P. 226 (in Russ.).
17. *Mitina M.A.* Methods of regulating international jurisdiction in Russian law // Herald of St. Petersburg State University. Ser. 14. 2011. Iss. 4. Pp. 48, 52 (in Russ.).
18. *Moskvitin Yu. M.* Expanding the scope of application of the autonomy of the will of the parties in Private International Law // Siberian legal the messenger. 2024. No. 3 (106) (in Russ.).
19. *Osipov A.O.* Institute of international jurisdiction in the arbitration process: abstract ... PhD in Law. M., 2013. P. 11 (in Russ.).
20. *Rozhkova M.A., Eliseev N.G., Skvortsov O. Yu.* Contractual Law: Agreements on jurisdiction, international jurisdiction, conciliation procedure, arbitration (arbitration) and settlement agreements / under the general ed. of M.A. Rozhkova. M., 2008. P. 32 (in Russ.).
21. *Savenko O.E.* Determination of the child's place of residence when resolving cross-border family disputes by courts under conditions of sanctions pressure // Legal education and science. 2023. No. 4. P. 27 (in Russ.).
22. *Simatova E.L.* Expansion of the principle of the autonomy of the will of the parties in marriage and family relations in Private International Law // Modern Law. 2014. No. 12–1 (in Russ.).
23. *Fedoseeva G. Yu.* Marital relations as an object of Private International Law of the Russian Federation. M., 2006 (in Russ.).
24. *Khromova E. Yu.* Cross-border marriage: an international legal aspect. M., 2013 (in Russ.).
25. *Shevchenko I.M.* Problems of considering cases involving foreign persons in the Russian Arbitration Process: international jurisdiction, court notices, means of proof: abstract ... PhD in Law. SPb., 2012 (in Russ.).
26. *Shelutto M.L.* On the application of the rules on the international jurisdiction of cases arising from the legal relations of parents and children // Commentary on judicial practice. Iss. 25 / ed. by K.B. Yaroshenko. M., 2019 (in Russ.).
27. *Shchukin A.I.* Issues of jurisdiction in international treaties involving Russia. M., 2015 (in Russ.).
28. *Yarkov V.V.* Definition of international competence based on evaluative concepts // Arbitration and Civil Procedure. 2024. No. 8. Pp. 3–6 (in Russ.).
29. *Hartley T.C.* Principles of Jurisdiction in Private International Law: The European Union, the United States and England // International and Comparative Law Quarterly. 2022. Vol. 71. P. 213. DOI: 10.1017/S0020589321000427
30. *Garnett R.* Determining the appropriate forum by the applicable law // International & Comparative Law Quarterly. 2022. No. 71. Pp. 591–593.
31. *Keyes M.* Jurisdiction in international family litigation: a critical analysis // UNSW Law Journal. 2004. Vol. 27(1). P. 58.
32. *Limante A.* Prorogation of jurisdiction and choice of law in EU family law: navigating through the labyrinth of rules // Journal of Private International Law. 2021. No. 17(2). P. 352. DOI: 10.1080/17441048.2021.1953253
33. *McClellan D.* The transfer of proceedings in international family case // Journal of Private International Law. 2023. No. 19 (1). Pp. 3, 4. DOI: 10.1080/17441048.2023.2189072
34. *Ní Shúilleabháin M.* Adult habitual residence in EU private international law: an interpretative odyssey begins // Journal of Private International Law. 2025. Vol. 21. No. 1. P. 34.

Сведения об авторе

ВОЙТОВИЧ Елена Павловна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Сибирского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 630008 г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6

Authors' information

VOYTOVICH Elena P. — PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure Siberian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 6 Nizhegorodskaya str., 630008 Novosibirsk, Russia

УДК 340

ОБЪЕКТИВНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП ПОЗНАНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ПРАВОВОЙ ИДЕАЛИЗМ

© 2025 г. В. В. Кожевников

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

E-mail: kta6973@rambler.ru

Поступила в редакцию 12.04.2025 г.

Аннотация. В статье анализируется методологический принцип объективности. Определяется его статус по отношению к методологии познания государства и права, иных государственных правовых явлений. Подчеркивается, что соблюдение требований данного принципа обуславливает истинность знаний о них; соответственно, нарушение ведет к знаниям неистинным, правовому утопизму. В качестве примера последнего приводится правовое государство, закрепленное в Конституции РФ.

Ключевые слова: методологический принцип, методология государства и права, научное познание, правовой утопизм, правовое государство.

Цитирование: Кожевников В. В. Объективность как методологический принцип познания государства и права и правовой идеализм // Государство и право. 2025. № 11. С. 123–134.

DOI: 10.7868/S3034543X25110096

OBJECTIVITY AS A METHODOLOGICAL PRINCIPLE OF KNOWLEDGE OF THE STATE AND LAW AND LEGAL IDEALISM

© 2025 V. V. Kozhevnikov

Dostoevsky Omsk State University

E-mail: kta6973@rambler.ru

Received 12.04.2025

Abstract. The article analyzes the methodological principle of objectivity. Its status in relation to the methodology of cognition of the state and law, other state legal phenomena is determined. It is emphasized that compliance with the requirements of this principle determines the truth of knowledge about them; accordingly, violation leads to false knowledge, legal utopianism. As an example of the latter, the rule of law enshrined in the Constitution of the Russian Federation is given.

Key words: methodological principle, methodology of state and law, scientific knowledge, legal utopianism, rule of law.

For citation: Kozhevnikov, V.V. (2025). Objectivity as a methodological principle of knowledge of the state and law and legal idealism // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 123–134.

Введение

Любая наука, не исключая и общую теорию государства и права, исходит из общих методологических предпосылок относительно познания, путь к которому прокладывается благодаря совершенствованию подходов, принципов, методов и методик исследования. Методологические принципы, рассматриваемые как основополагающие познавательные установки, в рамках которых проводятся научные исследования, формируются под влиянием исходных суждений, аксиоматических идей (от слова «аксиома» — утверждение, не требующее доказательств, основа для доказательств других утверждений. — В.К.), определяющих общие стратегии исследования (концептуальные подходы)¹. По мнению В.П. Малахова, методологические принципы выступают в качестве мыслительных предпосылок, познавательных алгоритмов теоретического постижения предмета. Они служат условиями проникновения в предмет и позволяют конструировать смысловую модель предмета в результате его теоретического постижения. Выбор методологических принципов предопределяет результат исследования². Среди методологических принципов познания права, т.е. тех исходных, отправных начал, от которых отталкивается наука при исследовании своего предмета, — всестороннего исследования права, историзма, комплексности³, системности, научного плюрализма⁴, конкретности⁵, особое место занимает принцип объективности.

Принцип объективности научного познания. Прежде чем проанализировать обозначенную проблему, представляется необходимым обратиться к этимологии слова «объективность» с точки зрения иных общественных наук — филологии и философии.

С позиции С.И. Ожегова, объективный — «существующий вне нас как объект», «непредвзятый, беспристрастный»⁶. Авторы «Советского энциклопедического словаря» объективное трактуют как «то, что принадлежит самому объекту, не зависит

от субъекта, существует вне и независимо от сознания человека»⁷.

В философских словарях наблюдается схожая позиция⁸. В «Философском энциклопедическом словаре» одно из значений понятия «объективность» следующее: «объективный характер, освобождение от всего субъективного, от субъективных влияний; реальность, нейтральность»⁹.

Философы, обращаясь к проблеме объективности познания, весьма обоснованно полагают, что «искусство исследователя заключается в том, чтобы найти пути и средства проникновения в суть феномена, не внося при этом ничего внешнего, субъективного». Напротив, полагают ученые, метод интроспекции, не соответствующий принципу объективности, предполагает, что объективная реальность, в том числе внутренний мир человека, непознаваема и что в лучшем случае эту реальность можно познать, уловить только с помощью самонаблюдения, самосозерцания¹⁰.

В.Ю. Яковлевым замечалось, что «в классическом понимании принципа объективности суждение истинно, если и только если оно соответствует действительности»¹¹.

Л.А. Пафомова и Р.В. Федоров, анализируя взаимосвязь онтологического и эпистемологического в процессе научного исследования, пришли к выводу о том, что попытки представить научную теорию как совершенно произвольную логическую конструкцию казались обоснованными, пока речь шла о создании и анализе абстрактных и сильно формализованных структур, не включенных в контекст развивающейся науки. Сопоставление таких формальных построений с результатами реальной научно-технической деятельности показало их практическую бесполезность, что при разработке общеметодологических принципов привело к пересмотру тех философско-методологических установок, которые доминировали в философии науки в первой половине XX в. Характерные для этого периода попытки рассматривать эпистемологический уровень как абсолютно самостоятельный, существующий вне онтологического основания

¹ См.: Бехруз Х. Сравнительное правоведение. М., 2008. С. 51, 69.

² См.: Малахов В.П. Философия права. М., 2002. С. 67.

³ См.: Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 22, 23.

⁴ См.: Теория государства и права / под ред. П.В. Анисимова. М., 2005. С. 19.

⁵ См.: Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права. М., 2005. С. 48.

⁶ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 377.

⁷ Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1986. С. 914.

⁸ См.: Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 337.

⁹ Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский и др. М., 2000. С. 314; Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. М., 1975. С. 291.

¹⁰ См.: Бахтина И.Л., Лобут А.Л., Мартюшов Л.Н. Методология и методы научного познания. Екатеринбург, 2016. С. 42.

¹¹ Яковлев В.Ю. Принцип объективности и ценности научного познания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 87. С. 55.

и независимый от него, оказались настолько не состоятельными, что к концу XX в. большинство ученых признало рассмотрение **объективной реальности** в качестве основы любого теоретического отображения совершенно необходимым условием эффективности самой научно-исследовательской деятельности¹².

Представители общей философии, замечая, что метод существует, развивается только в сложной диалектике субъективного и объективного при определяющей роли последнего, подчеркивают, что в этом смысле любой метод прежде всего объективен, содержателен, «фактичен»; вместе с тем он одновременно субъективен. Субъективная сторона метода выражается не только в том, что на основе объективной стороны (познанные закономерности реальной действительности) формулируются определенные принципы, правила, регуляторы, но и в том, что его «носителем» является конкретный индивид, субъект, для которого данный метод и предназначен¹³.

К проблеме соотношения объективного и субъективного в процессе проведения научного исследования обращался и В.В. Балахонский, высказывавший ряд плодотворных положений. Так, им определялась следующая закономерность изменения соотношения субъективности и объективности на различных этапах исследовательского поиска ученого: влияние субъективных факторов в процессе научного поиска снижается по мере продвижения исследования от его научных этапов к завершению работы, а в итоговых результатах и выводах происходит достижение научной объективности¹⁴.

По мнению ученого, помимо результатов и выводов исследований, объективную основу реализации научной стратегии в области науки образуют две важнейшие формы научного познания — факты и законы. Это составляющие методологической основы осуществления важнейших эвристических процедур — объяснения, предсказания, ретросказания и доказательства, определяющих научный характер используемой методологии.

В.В. Балахонский полагает, что в меньшей степени проявляются возможности достижения объективности в процедурах интерпретации и оценки, которые оставляют большой простор для

субъективности. Однако и здесь «подобная специфика познавательных процедур интерпретации и оценки... требуют от исследователей особого внимания к их объективному использованию и методологической осторожности, направленной на то, чтобы избежать или хотя бы минимизировать субъективное влияние»¹⁵.

Статус принципа объективности в познании государства и права. Закономерно возникает вопрос о том, какое отношение имеют методологические принципы, в том числе и принцип объективности, к методам познания права, иных правовых явлений и процессов, к методологии в целом?

Есть группа ученых, которые методологические принципы рассматривают в качестве элемента методологии познания права. Так, В.И. Червонюк утверждает, что методология правоведения в узком значении — «это учение о принципах, способах, приемах научного познания предмета теории государства и права»¹⁶. С позиции В.Н. Хропанюка, методология теории государства и права — это применение совокупности определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных способов исследования общих закономерностей возникновения и развития государственно-правовых явлений¹⁷. Принципы познания включают в содержание методологии права и ряд других ученых¹⁸.

Отметим, что включение принципов в методологию права в свое время обосновывали и советские ученые-юристы, говоря, что «для юридической науки марксистско-ленинская методология — это учение о принципах, формах и способах научного познания правовой действительности...»¹⁹.

Фактически отождествляет методологию правоведения со всей совокупностью принципов, средств и методов рационального познания Д.А. Керимов, который в свое время писал: «Методология права есть не что иное, как общенаучный феномен, объединяющий всю совокупность принципов, средств и методов познания (мировоззрение, диалектические методы познания и учения

¹⁵ Там же.

¹⁶ Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права / под общ. ред. В.И. Червонюка. М., 2003. С. 24.

¹⁷ См.: Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1993. С. 9.

¹⁸ См.: Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2009. С. 22; Марченко М.Н. Предмет и методология теории государства и права // Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2009. С. 10; Косарев А.И. Историософия государства и права. М., 2012. С. 14.

¹⁹ Методологические и теоретические проблемы государства и права развитого социализма / под ред. А.И. Денисова, О.Е. Кутафина. М., 1983. С. 9.

¹² См.: Пафомова Л.А., Федоров Р.В. Объективные основания методологии научного познания // Дискурс. 2017. № 4. С. 15.

¹³ См.: Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяц Т.П., Фатхи Т.Б. Основы философии науки. Ростов н/Д., 2020. С. 315.

¹⁴ См.: Балахонский В.В. Объективность и субъективность в процессе проведения научного исследования: проблема соотношения в методологии исторического познания // Наука и мир. 2023. № 2.

о них, обще- и частнонаучные понятия и методы), выработанных всеми общественными науками, в том числе и комплексом юридических наук, и применяемых в процессе познания специфики правовой действительности, ее практического преобразования»²⁰.

Представляется, что понятие методологии права должно ориентироваться на философское представление о нем, согласно которому «методология имеет два основных значения: система определенных способов и приемов, применяемых в той или иной сфере деятельности (в науке, политике, искусстве и т.п.); учение об этой системе, общая теория метода, теория в действии»²¹.

В свое время А.Б. Венгеров полагал, что «методология представляет собой систему методов, набор способов и приемов исследовательской деятельности, знания о них»²².

И хотя существует позиция В.М. Сырых, согласно которой «методология в точном значении этого слова представляет собой учение о методах, особую науку, ставящую своей непосредственной задачей разработку и совершенствование системы приемов, способов научного познания»²³, автору следует ответить на ряд вопросов: «Если методология является лишь учением о методах, куда деваются сами методы? Возможно ли существование методологии без методов? Каким образом создается учение о методах вне самих методов?»²⁴.

Таким образом, не включая принципы в качестве элемента методологии познания права, тем не менее первые ни в коем случае не должны недооцениваться, ибо они должны пониматься как руководящие начала познания, требования, которыми должен руководствоваться исследователь. Методологические принципы научного познания правовых явлений включают в себя регулятивные правила научного поиска, которыми может пользоваться ученый-юрист при осуществлении научного исследования. Они выступают вектором развития научной теории и позволяють систематизировать имеющиеся научные данные»²⁵.

²⁰ Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 2022. С. 35.

²¹ Кохановский В.П., Лешкевич Т.Г., Матяш Т.П., Фатхи Т.Б. Указ. соч. С. 307.

²² Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1988. С. 19.

²³ Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Логические основания общей теории права. М., 2004. С. 361.

²⁴ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, философия права). М., 2001. С. 43.

²⁵ См.: Методология права // Большая российская энциклопедия. URL: bigenc.ru/c/metodologiya-prava-e547bf (дата обращения: 10.02.2025).

Н.А. Пьянов принципы познания трактовал как «... те исходные, отправные начала, от которых отталкивается наука при исследовании своего предмета»²⁶.

На наш взгляд, принципиальной является позиция, согласно которой «преодолеть изоляцию между социогуманитарной эпистемологией (эпистемология — философско-методологическая дисциплина, исследующая знание как таковое, его строение, структуру, функционирование и развитие. — В.К.) и правовой теорией можно только в форме исследования самых общих закономерностей, **принципов** и понятий, составляющих юридическую науку как органическое целое. К ним относятся понятия парадигмы, объекта и предмета теории права, ее методологические основания»²⁷.

Понятие принципа объективности в познании государства и права. Объективность как методологический принцип познания государства и права, иных государственно-правовых явлений и процессов учеными трактуется по-разному. Так, Н.А. Пьянов полагал, что данный принцип требует изучать государство, право, другие государственно-правовые явления такими, какими они были или есть в действительности²⁸. В.Н. Жуков, трактуя принцип объективности, полагает, что «теоретико-правовое познание должно стремиться к максимальной объективности в изложении сути изучаемых явлений»²⁹.

Принцип объективности, полагают авторы, означает, что в процессе познания следует подходить к исследуемым явлениям так, как они существуют в реальности, не искажая их сути, не идеализируя их³⁰.

Объективность как методологический принцип означает стремление к получению максимально достоверной информации об изучаемых явлениях, при этом влияние субъективных факторов (личное отношение, общественное мнение,

²⁶ Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Иркутск, 2020. С. 19.

²⁷ Беляев М.А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2009. С. 3.

²⁸ См.: Пьянов Н.А. Указ. соч. С. 19.

²⁹ Жуков В.Н. Методология теории государства и права // Теория государства и права / под общ. ред. О.В. Мартышина. М., 2007. С. 32.

³⁰ См.: Метод юридической науки. Методология юридической науки как наука. URL: <https://elfeco.ru/filtering/metod-yuridicheskoi-nauki-metodologiya-yuridicheskoi-nauki-kak-nauka> (дата обращения: 10.02.2025); Кроткова Н.В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5—31.

сформировавшаяся традиция) по возможности сводится к минимуму³¹.

В.Н. Жуков, констатируя, что наука — наиболее важный вид познавательной деятельности, направленный на выработку объективных, системно организованных и объективных знаний о мире, подчеркивает, что для научного познания характерно стремление к получению о свойствах вещей предельно точного, объективного знания³².

Одновременно автор, говоря об истине, писал, что именно она является «необходимым свойством знания, раскрывающим характер соответствия знания объективным параметрам действительности», обращал внимание на то, что «тезис об объективности истины не следует понимать буквально как абсолютно точный, всесторонний и полный слепок с действительности». Ученый утверждает, что «факты действительности, проходя бесчисленные лабиринты человеческого сознания, зачастую приобретают далекий от оригинала вид», а «наши представления о вещах — всегда мысленный образ, понятие, а не сама вещь. Между представлением о вещах и самими вещами будет всегда дистанция большего или меньшего размера»³³.

Если говорить словами автора, «дистанция большого размера» имела место в советской общественной, в том числе и юридической, чрезвычайно политизированной науке, которая отчасти перешла в сферу современной науки. На это обстоятельство обращалось внимание многими учеными.

Так, Е.Н. Тонков, говоря о том, что используемые в российском праве концепции социалистического правового реализма (идеи о постепенном «отмирании» государства и права, об уничтожении преступности как явления, об этапах построения коммунизма, о «единстве партии, правительства и народа») не требовали доказательств их практической пригодности, утверждает, что «установившийся в социалистический период разрыв между академической юридической наукой и практикой применения норм следует рассматривать как особенность российского права»³⁴.

А.Н. Кольев замечал: «Порок современной политической науки (к которой относится и теория государства и права. — В.К.) — постоянные попытки вывести реальное государство из умозрительных

посылок, выстроив логическую цепочку от придуманного государства к государству недалекого будущего»³⁵.

С позиции С.К. Евдокимова, «политическая утопия — это представление о несуществующем в реальности и локализованном в истории (в прошлом или будущем) обществе, построенном на основе альтернативной политической гипотезы; которое организовано на уровне социального и политического устройства более совершенно, чем существующее. Политическая утопия отражает чаяния индивидуумов, социальных групп, прослоек и классов на изменение характера мировоззрения и принципов политического руководства, господствующих в политике»³⁶.

Принцип необъективности и правовой утопизм. Применительно к теории государства и права игнорирование принципа объективности в научном исследовании ассоциируется с правовым утопизмом (идеализмом), который учеными понимается как переоценка права. Л.Н. Рассказов, который данную форму деформированного правосознания обозначил как правовой фетишизм, полагает, что он представляет собой «гипертрофированное представление о роли права, юридических средствах в решении социально-экономических, политических и иных задач»³⁷.

Р.А. Курносенко дает следующее определение анализируемого феномена: правовой идеализм есть «негативное направление правосознания на определенном (довольно низком) уровне развития правовой культуры, характеризующееся гипертрофированными идеологическими представлениями о социальных, политических, экономических и других возможностях права и закона и психологическим отношением к ним как всемогущим и самодостаточным средствам решения любых проблем общества»³⁸. В основном соглашаясь с данным утверждением, трудно согласиться с тем, что правовой идеализм связан с правовой культурой, даже низкого уровня. Речь должна идти о низком уровне правосознания, одной из деформированных форм которого выступает как раз правовой идеализм.

Как писал в свое время Н.И. Матузов, хотя внешне правовой идеализм менее заметен, не так бросается в глаза, он причиняет обществу

³¹ См.: Методология теории государства и права. URL: <https://www.turboreferat.ru/state-theory/metodologiya-teorii-gosudarstva-i-prava/6508-35312-page1.html> (дата обращения: 10.02.2025).

³² См.: Жуков В.Н. Философия права. М., 2019. С. 27.

³³ Там же.

³⁴ Тонков Е.Н. История формирования социалистического правового реализма // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сб. ст. / под ред. А.А. Пашенцева и А.А. Дорской. Саратов, 2022. С. 137.

³⁵ Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005. С. 72.

³⁶ Евдокимов С.К. Политическая утопия в эпоху модерна и постмодерна: дис. ... канд. полит. наук. М., 2001.

³⁷ Рассказов Л.П. Теория государства и права. М., 2008. С. 444.

³⁸ Курносенко Р.А. О сущности, причинах и путях преодоления правового идеализма // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования. Барнаул, 2011. С. 120, 121.

и государству вред не меньший, чем правовой нигилизм. Правовой идеализм крайне деструктивен по своим социальным последствиям. Осознается это, как правило, в итоге, когда результат становится очевидным. Ученый в категорической форме утверждал, что на право нельзя возлагать завышенные, несбыточные надежды, оно не всесильно. Не следует требовать от него большего, чем оно может заведомо дать: ему необходимо отводить то место и ту роль, которые вытекают из объективных возможностей данного института. Непосильные задачи могут только скомпрометировать право. Поэтому нельзя возводить его в абсолют. Юридические законы сами по себе не могут улучшить благосостояние людей³⁹.

Признается, что юридический фетишизм распространен в нашем обществе: имеется в виду распространенность идеи о том, что путем принятия в срочном порядке по тому или иному поводу законодательного акта можно и нужно решать любую острую проблему — одолеть дефицит и ведомственный монополизм, насытить рынок товарами, преодолеть организованную преступность и бесхозяйственность, значительно повысить культуру в обществе и т.д. Реализация такого подхода на практике приводит к чрезмерному увеличению (расходу) нормативно-правовых средств, принятию актов, которые не вызывались общественными потребностями. В результате такие акты теряют свое значение, оставляя у адресатов лишь неприятный осадок. С точки зрения И.Д. Невважай, правовой идеализм заключается в том, что определенный тип правовой культуры абсолютизирует собственную ценность и реальность⁴⁰.

В.В. Сорокин, обращаясь к анализу правосознания в переходный период общественного развития, полагая, что на первом его этапе господствует правовой романтизм (идеализм), который можно определить как преувеличение и переоценку роли и места права в жизни общества, напротив, правовой идеализм оценивает диалектически. В частности, по мнению ученого, «декларирование правовых идеалов можно признать допустимым в переходный период вариантом правового идеализма. Умеренный правовой романтизм поддерживает уважение к праву и правовой системе в целом, раскрывает резервы творческой активности субъектов правовой деятельности. И тогда правовые явления, казавшиеся недостижимыми, могут стать реальностью. Иллюстрацией тому является стремительное

распространение новых правовых идей, ранее находящихся под запретом»⁴¹.

Интересно заметить, что правовой утопизм объективно обуславливается и тем обстоятельством, что некоторые теоретики права включают в правовую идеологию «правовые утопии — продукт правовой мифологии, которая объединяет часть правовых представлений с установкой на достижение не просто несуществующего, вымышленного, но и идеального, совершенного общества и соответствующей ему правовой системы»⁴².

Как отмечается в литературе, утопия вбирает в себя нечто индивидуальное, выраженное в несбыточной мечте создателя утопии. В эту мечту вкладывается образ совершенного общества в будущем или уже забытые и ранее существовавшие идеальные государства. Гнетущая социальная реальность позволяет реализовать в утопиях образ прекрасного общества, в котором отсутствует несправедливость, где все механизмы направлены на достижение всеобщего счастья и благоденствия. И по сегодняшний день утопия является унифицированной идеей, позволяющей воплотить в ней несбыточную мечту о прекрасном будущем⁴³.

Анализируя правовую утопию, И.А. Шаповалов утверждает, что она проективна по своей природе; производна и органически связана с определенной правовой и идеологической идеологией; основана на установке мифологического сознания на сотворение таких социальных устройств и форм социальной жизни, которые могут быть созданы в завершенном виде на основе какого-либо и чьего-либо замысла, убеждения⁴⁴.

В.В. Лазаревым и С.В. Липенем отмечается, что инерция политического и правового идеализма идет еще от старых коммунистических времен, когда господствовал своего рода культ «исторических», «судьбоносных» планов, решений, постановлений. Дутые программы и обещания, лозунги о светлом будущем были излюбленными приемами работы. Все это переводилось на юридический язык, но оставалось нереализованным, поскольку

³⁹ Сорокин В.В. Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал рос. права. 2002. № 10. С. 67.

⁴² Рыбаков В.А. Правосознание и правовая культура // Кожевников В.В., Коженевский В.Б., Рыбаков В.А. Теория государства и права. М., 2023. С. 160; Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия: сб. ст. / отв. ред. и авт. предисл. В.А. Лекторский. М., 1996. С. 159.

⁴³ См.: Тарасова Т.А. Утопия как политическая и правовая конструкция общества и государства // Электронный науч. журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5. № 1.

⁴⁴ См.: Шаповалов И.А. Некоторые теоретические аспекты формирования российского правосознания // Государство и право. 2005. № 4. С. 85.

³⁹ См.: Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 187–200.

⁴⁰ См.: Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 28.

были далеки от существующей действительности. Авторы полагают, что и в постсоветское время сохранилась тенденция принятия заведомо невыполнимых нормативных правовых актов. Указы и другие акты о борьбе с коррупцией и преступностью, принимаемые в 90-е годы XX в., но не подкрепленные целенаправленной политикой и конкретными практическими мерами, охарактеризованы в печати как «маниловщина»⁴⁵.

Н.И. Матузов, который занимался проблемой правового идеализма достаточно давно и плодотворно, отмечал, что и сегодня рецидивы правового идеализма встречаются, но в форме популизма, непродуманных заявлений и посулов, шоковых рывков, наигранного оптимизма, неоправданных прогнозов и т.д. Как и раньше, поспешно принимаются законы, указы или отдельные юридические нормы, которые заведомо невыполнимы и отражают лишь отчаянное стремление их авторов бежать «вперед поезда»⁴⁶.

Приводя достаточно много примеров законов, являющихся продуктом правового идеализма, в том числе Декларацию прав и свобод человека и гражданина 1991 г., автор писал, что «известным забеганием вперед можно считать закрепленное в новой Конституции РФ положение о том, что Россия является правовым государством (ст. 1)». Ученый обосновано считал, что «это скорее цель, символ, перспектива, но не факт, хотя в качестве программного момента эта идея... заслуживала провозглашение в Основном законе страны»⁴⁷.

В другой работе ученым отмечается: «хорошо, что такая идея заявлена, законодательно закреплена, ибо умолчание по этому поводу было бы вообще непонятным. Но правовое государство не может быть в один прекрасный момент введено «сверху», в декретном порядке. Оно будет постепенно создаваться в ходе длительного и трудного развития российского общества»⁴⁸.

Анализируя метод идеализации, В.Н. Жуков утверждает, что этот метод означает представление чего-нибудь в более совершенном виде, чем оно есть на самом деле. С помощью метода идеализации ученый создает модель реального объекта, наделенного совершенными качествами. Наличие такой модели позволяет давать оценку реальным объектам, анализировать тенденции их

позитивного или негативного развития. С позиции ученого, идеальное правовое государство служит критерием оценки при анализе далекого от модели реального государства⁴⁹.

Заметим, что ряд ученых применительно и к прежней, и новой редакции Конституции РФ делают ряд существенных оговорок, имеющих отношение к проблеме правового утопизма. Так, характеризуя правовое государство, которое во всей своей деятельности подчиняется праву и главной целью считают обеспечение прав и свобод человека, М.В. Баглай и Б.Н. Габричидзе подчеркивают, что «для создания правового государства (имея в виду в Российской Федерации. — В.К.) недостаточно одного его провозглашения, оно должно фактически сложиться как система гарантий от беспредельного административного вмешательства в саморегулирующееся гражданское общество, от попыток кого бы то ни было прибегнуть к неконституционным методам осуществления власти»⁵⁰.

В.К. Бабаев утверждал, что Россия есть правовое государство, в основе которого лежат следующие принципы: 1) верховенство закона, примат права над государством; 2) разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную; 3) ответственность государства перед своими гражданами; 4) равенство граждан перед законом, их правовая защищенность.

Не вступая с автором в дискуссию о необходимости дифференциации принципов и признаков правового государства, обратим внимание на его позицию: «Россия стала на путь формирования правового государства, но таковым еще не стала. Правовое государство для нашей страны — цель, но пока еще не реальность»⁵¹.

Н.И. Матузов и А.В. Малько в этой связи замечают, что «сегодня правовое государство представляет в большей степени как конституционный принцип, лозунг...»⁵².

В комментариях и к Конституции РФ его автор Г.Д. Садовникова прямо заявляет, что «конституционное закрепление России как правового государства можно считать перспективной нормой, определяющей один из главных ориентиров общественного развития. Воплощение идеи правового государства — это скорее идеал, к которому должны стремиться все цивилизованные страны. Наличие в Конституции нормы о правовом государстве

⁴⁵ Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 2010. С. 399.

⁴⁶ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 13, 14.

⁴⁷ Там же. С. 14.

⁴⁸ Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2007. С. 717.

⁴⁹ См.: Жуков В.Н. Методология теории государства и права. С. 42.

⁵⁰ Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 113, 114.

⁵¹ Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. М., 1997. С. 18, 19.

⁵² Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2009. С. 137.

имеет большое значение. Она призвана оказать определяющее влияние на весь строй отношений личности — общества — государства»⁵³.

Думается, что авторы, признающие правовое государство в Российской Федерации⁵⁴, просто-напросто игнорируют те многочисленные проблемы, требующие решения для превращения идеала (модели) в факт (реальность).

М. К. Жданова, проявляя непоследовательность и противоречивость в суждениях, сначала утверждает, что «с правовой точки зрения в современной России в полной мере реализована идея правового государства. Конституция РФ пронизана полностью идеями правового государства, система законодательства дополняет и обеспечивает выполнение закрепленных в Основном Законе принципов; судебная система также нацелена на защиту прав и свобод человека, этому же способствует система и принципы функционирования судебных органов», а затем подчеркивает, что «несмотря на значительные демократические преобразования, закрепление приоритета прав и свобод человека, как важнейшей цели деятельности государственных органов, по прежнему сохраняются определенные проблемы при реализации основных идей правового государства, свидетельствующие об отступлении от реализации определенных прав, проблемах противодействия коррупции и формирования гражданского общества»⁵⁵.

Проблемы формирования правового государства в Российской Федерации, по мнению ученых, различные, однако они касаются признаков, принципов и предпосылок (экономических, социальных, нравственных и политических). В частности, ученые весьма часто обращаются к проблемам формирования в России саморазвивающегося гражданского общества⁵⁶.

Например, С. С. Алексеев обращал внимание на необходимость коренного преобразования социально-экономической и политической систем, в первую очередь преобразования собственности, ибо при безраздельном господстве монопольной государственной собственности,

неизбежно требующей жесткой административно-командной власти, правовое государство в принципе невозможно⁵⁷.

А. В. Малько, констатируя, что Россия в современный период находится в состоянии кризиса, который обостряет те трудности и препятствия, которые стоят на пути движения к правовому государству, утверждает, что «среди них особое беспокойство у общественности вызывает бесперспективное положение в области прав человека, рост преступности, коррупция, расцвет бюрократизма и т.п.»⁵⁸.

По мнению А. А. Чиглинцевой, одной из наиболее главных проблем развития правового государства является грубое нарушение в стране принципа верховенства права. Значительная часть норм, закрепленная федеральным законодательством, не реализуется, действует лишь формально. Государство не всегда оказывается способным обеспечить права и свободы граждан в разных сферах жизнедеятельности. Принцип разделения властей в Конституции РФ показывает, что законодательная власть не способна в полной мере организовывать парламентский контроль за исполнительной властью по обеспечению реализации федеральных законов. Успешное решение данной проблемы поможет создать благоприятную почву для создания правового государства. Необходимо достигать высокого уровня правового и политического сознания: создание непротиворечивого законодательства, развитие общей культуры и правовой, утверждение принципа плюрализма мнений и суждений во всех сферах⁵⁹.

Безусловно, существуют и другие отрицательные факторы, препятствующие формированию в России реального правового государства. В свое время О. В. Мартышин, рассуждая о перспективах правового государства в России, писал в статье, что «в стране нет социально-экономических и политических условий, нравственного климата, культурного уровня, которые позволяют осуществить принципы провозглашенного правового государства», которое «остается для нас пока идеалом, но в то же время служит и программным требованием, ориентиром»⁶⁰.

В другом месте статьи ученый особо подчеркивал, что главная задача, необходимый первый шаг к созданию правового государства состоит

⁵³ Садовникова Г. Д. Комментарий к Конституции РФ (постатейный). М., 2025. С. 12.

⁵⁴ См.: Макаревич А. А. Конституционное право: учеб. пособие. Новосибирск, 2011. Ч. 1. С. 109—116; Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2010.

⁵⁵ Жданова М. К. Особенности формирования правового государства в России // Вестник науки. 2022. Т. 4. № 4. С. 65, 66.

⁵⁶ См.: Черниловский З. М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. 1992. № 6. С. 142—151; Соколов А. Н. Коррупция, гражданское общество и правовое государство // Журнал рос. права. 2008. № 8. С. 32—41; Орлова О. В. Автономия личности и автономия гражданского общества // Государство и право. 2006. № 1. С. 12—18.

⁵⁷ См.: Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 216.

⁵⁸ Малько А. В. Правовое государство // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. С. 260.

⁵⁹ См.: Чиглинцева А. А. Основные проблемы развития правового государства в России // Актуальные исследования. 2020. № 10 (13).

⁶⁰ Мартышин О. В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5. С. 10.

в восстановлении элементарной законности. На решение этой задачи должна быть направлена правовая политика; ей следовало бы подчинить всю законодательную, административную, судебную деятельность⁶¹, а также меры по ее пропаганде и воспитанию⁶¹.

Заключение

В заключение отметим, что соблюдение требований принципа объективности познания государства и права является одним из критериев истинности знаний о них. Напротив, несоблюдение соответствующих требований данного принципа обуславливает неистинность знаний, правовой идеализм (романтизм), одним из примером которого является правовое государство, закрепленное в Конституции РФ.

Обращаясь к проблеме истинности знаний о государстве и праве, нами ранее подчеркивалось, что «различного рода методологические правила отражают не только особенности объекта познания, но и практику научного исследования. Их нарушение тоже может привести к необоснованным, неистинным научным выводам... Можно утверждать, что по своей сути любая наука является деятельностью по производству и организации знаний об объекте, исследованием которого она занимается. Получаемые наукой знания должны быть объективными, достоверными, обоснованными и проверяемыми, что требует следования определенным принципам и методам познания, а степень разработанности методологии научного исследования является одним из основных критериев развития науки»⁶².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Теория права. М., 1995. С. 216.
2. Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 113, 114.
3. Балахонский В. В. Объективность и субъективность в процессе проведения научного исследования: проблема соотношения в методологии исторического познания // Наука и мир. 2023. № 2.
4. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2010.
5. Бахтина И. Л., Лобут А. Л., Мартюшов Л. Н. Методология и методы научного познания. Екатеринбург, 2016. С. 42.
6. Беляев М. А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж, 2009. С. 3.
7. Бехруз Х. Сравнительное правоведение. М., 2008. С. 51, 69.
8. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 1988. С. 19.
9. Гойман-Калинский И. В., Иванец Г. И., Червонюк В. И. Элементарные начала общей теории права / под общ. ред. В. И. Червонюка. М., 2003. С. 24.
10. Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права. М., 2005. С. 48.
11. Евдокимов С. К. Политическая утопия в эпоху модерна и постмодерна: дис. ... канд. полит. наук. М., 2001.
12. Жданова М. К. Особенности формирования правового государства в России // Вестник науки. 2022. Т. 4. № 4. С. 65, 66.
13. Жуков В. Н. Методология теории государства и права // Теория государства и права / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2007. С. 32, 42.
14. Жуков В. Н. Философия права. М., 2019. С. 27.
15. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, философия права). М., 2001. С. 43.
16. Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. М., 2022. С. 35.
17. Кожевников В. В. К вопросу о критериях истинности знаний о государстве и праве // Современное право. 2014. № 12. С. 14.
18. Кольев А. Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005. С. 72.
19. Косарев А. И. Историософия государства и права. М., 2012. С. 14.
20. Кохановский В. П., Лешкевич Т. Г., Матяш Т. П., Фатхи Т. Б. Основы философии науки. Ростов н/Д., 2020. С. 307, 315.
21. Кроткова Н. В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.
22. Кулапов В. Л., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2009. С. 22.
23. Курносенко Р. А. О сущности, причинах и путях преодоления правового идеализма // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования. Барнаул, 2011. С. 120, 121.
24. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права. М., 2010. С. 399.
25. Макарец А. А. Конституционное право: учеб. пособие. Новосибирск, 2011. Ч. 1. С. 109–116.
26. Малахов В. П. Философия права. М., 2002. С. 67.
27. Малько А. В. Правовое государство // Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М., 2007. С. 260.
28. Мартышин О. В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. 1996. № 5. С. 10.
29. Марченко М. Н. Предмет и методология теории государства и права // Теория государства и права / под ред. М. Н. Марченко. М., 2009. С. 10.
30. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 187–200.

⁶¹ Мартышин О. В. Указ. соч. С. 10.

⁶² Кожевников В. В. К вопросу о критериях истинности знаний о государстве и праве // Современное право. 2014. № 12. С. 14.

31. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2007. С. 717.
32. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 13, 14.
33. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2009. С. 137.
34. Метод юридической науки. Методология юридической науки как наука. URL: <https://elfeco.ru/filtering/metod-yuridicheskoi-nauki-metodologiya-yuridicheskoi-nauki-kak-nauka> (дата обращения: 10.02.2025).
35. Методологические и теоретические проблемы государства и права развитого социализма / под ред. А.И. Денисова, О.Е. Кутафина. М., 1983. С. 9.
36. Методология права // Большая российская энциклопедия. URL: bigenc.ru/c/metodologiya-prava-e547bf (дата обращения: 10.02.2025).
37. Методология теории государства и права. URL: <https://www.turboreferat.ru/state-theory/metodologiya-teorii-gosudarstva-i-prava/6508-35312-page1.html> (дата обращения: 10.02.2025).
38. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В.В. Лазарев. М., 1997. С. 18, 19.
39. Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. С. 28.
40. Общая теория государства и права: академический курс: в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 22, 23.
41. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 377.
42. Орлова О.В. Автономия личности и автономия гражданского общества // Государство и право. 2006. № 1. С. 12–18.
43. Пафомова Л.А., Федоров Р.В. Объективные основания методологии научного познания // Дискурс. 2017. № 4. С. 15.
44. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права. Иркутск, 2020. С. 19.
45. Рассказов Л.П. Теория государства и права. М., 2008. С. 444.
46. Рыбаков В.А. Правосознание и правовая культура // Кожевников В.В., Коженевский В.Б., Рыбаков В.А. Теория государства и права. М., 2023. С. 160.
47. Садовникова Г.Д. Комментарий к Конституции РФ (по-статейный). М., 2025. С. 12.
48. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1986. С. 914.
49. Соколов А.Н. Коррупция, гражданское общество и правовое государство // Журнал рос. права. 2008. № 8. С. 32–41.
50. Сорокин В.В. Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал рос. права. 2002. № 10. С. 67.
51. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1. Логические основания общей теории права. М., 2004. С. 361.
52. Тарасова Т.А. Утопия как политическая и правовая конструкция общества и государства // Электронный науч. журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. Т. 5. № 1.
53. Теория государства и права / под ред. П.В. Анисимова. М., 2005. С. 19.
54. Тонков Е.Н. История формирования социалистического правового реализма // Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сб. ст. / под ред. А.А. Пашенцева и А.А. Дорской. Саратов, 2022. С. 137.
55. Шаповалов И.А. Некоторые теоретические аспекты формирования российского правосознания // Государство и право. 2005. № 4. С. 85.
56. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. М., 1975. С. 291.
57. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 1986. С. 337.
58. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост.: Е.Ф. Губский и др. М., 2000. С. 314.
59. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1993. С. 9.
60. Черниловский З.М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. 1992. № 6. С. 142–151.
61. Черткова Е.Л. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия: сб. ст. / отв. ред. и авт. предисл. В.А. Лекторский. М., 1996. С. 159.
62. Чиглинцева А.А. Основные проблемы развития правового государства в России // Актуальные исследования. 2020. № 10 (13).
63. Яковлев В.Ю. Принцип объективности и ценности научного познания // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 87. С. 55.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. Theory of law. M., 1995. P. 216 (in Russ.).
2. Baglay M.V., Gabrichidze B.N. Constitutional Law of the Russian Federation. M., 1996. Pp. 113, 114 (in Russ.).
3. Balakhonsky V.V. Objectivity and subjectivity in the process of scientific research: the problem of correlation in the methodology of historical cognition // Science and the World. 2023. No. 2 (in Russ.).
4. Barkhatova E. Yu. Commentary to the Constitution of the Russian Federation. M., 2010 (in Russ.).
5. Bakhtina I.L., Lobut A.L., Martyushov L.N. Methodology and methods of scientific cognition. Yekaterinburg, 2016. P. 42 (in Russ.).
6. Belyaev M.A. Scientific knowledge of law: genesis and epistemological specificity: abstract ... Candidate in Philology sciences. Voronezh, 2009. P. 3 (in Russ.).
7. Behrouz H. Comparative Jurisprudence. M., 2008. Pp. 51, 69 (in Russ.).
8. Vengerov A.B. Theory of State and law. M., 1988. P. 19 (in Russ.).

9. *Goiman-Kalinsky I.V., Ivanets G.I., Chervonyuk V.I.* Elementary principles of the General theory of law / under the general ed. of V.I. Chervonyuk. M., 2003. P. 24 (in Russ.).
10. *Golovistikova A.N., Dmitriev Yu.A.* Problems of the theory of the state and law. M., 2005. P. 48 (in Russ.).
11. *Evdokimov S.K.* Political utopia in the era of modernity and postmodernity: dis. ... Candidate of Political Sciences. M., 2001 (in Russ.).
12. *Zhdanova M.K.* Features of the formation of the rule of law in Russia // Herald of Science. 2022. Vol. 4. No. 4. Pp. 65, 66 (in Russ.).
13. *Zhukov V.N.* Methodology of the theory of state and law // Theory of the state and law / under the general ed. of O.V. Martyshin. M., 2007. Pp. 32, 42 (in Russ.).
14. *Zhukov V.N.* Philosophy of Law. M., 2019. P. 27 (in Russ.).
15. *Kerimov D.A.* Methodology of law (subject, functions, Philosophy of Law). M., 2001. P. 43 (in Russ.).
16. *Kerimov D.A.* Philosophical foundations of political and legal research. M., 2022. P. 35 (in Russ.).
17. *Kozhevnikov V.V.* On the question of the criteria of the truth of knowledge about the state and law // Modern Law. 2014. No. 12. P. 14 (in Russ.).
18. *Kolev A.N.* Nation and state. Theory of conservative reconstruction. M., 2005. P. 72 (in Russ.).
19. *Kosarev A.I.* Historiosophy of state and law. M., 2012. P. 14 (in Russ.).
20. *Kokhanovsky V.P., Leshkevich T.G., Matyash T.P., Fatkhi T.B.* Fundamentals of Philosophy of Science. Rostov-on-Don, 2020. Pp. 307, 315 (in Russ.).
21. *Krotkova N.V.* History and methodology of legal science ("Round Table" of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University and the journal "State and Law") // State and Law. 2016. No. 4. Pp. 5–31 (in Russ.).
22. *Kulapov V.L., Mal'ko A.V.* Theory of state and law. M., 2009. P. 22 (in Russ.).
23. *Kurnosenko R.A.* On the essence, causes and ways of overcoming legal idealism // The Russian legal system: formation, problems, ways of improvement. Barnaul, 2011. Pp. 120, 121 (in Russ.).
24. *Lazarev V.V., Lipen S.V.* Theory of the state and law. M., 2010. P. 399 (in Russ.).
25. *Makartsev A.A.* Constitutional Law: textbook. Novosibirsk, 2011. Part 1. Pp. 109–116 (in Russ.).
26. *Malakhov V.P.* Philosophy of Law. M., 2002. P. 67 (in Russ.).
27. *Mal'ko A.V.* The rule of law // Theory of the state and law / ed. by N.I. Matuzov and A.V. Mal'ko. M., 2007. P. 260 (in Russ.).
28. *Martyshin O.V.* Several theses on the prospects of the rule of law in Russia // State and Law. 1996. No. 5. P. 10 (in Russ.).
29. *Marchenko M.N.* The subject and methodology of the theory of state and law // Theory of the state and law / ed. by M.N. Marchenko. M., 2009. P. 10 (in Russ.).
30. *Matuzov N.I.* Actual problems of the theory of law. Saratov, 2003. Pp. 187–200 (in Russ.).
31. *Matuzov N.I.* Legal nihilism and legal idealism // Theory of the state and law / ed. by N.I. Matuzov and A.V. Mal'ko. M., 2007. P. 717 (in Russ.).
32. *Matuzov N.I.* Legal nihilism and legal idealism as two sides of the "same coin" // Jurisprudence. 1994. No. 2. Pp. 13, 14 (in Russ.).
33. *Matuzov N.I., Mal'ko A.V.* Theory of the state and law. M., 2009. P. 137 (in Russ.).
34. The method of legal science. Methodology of legal science as a science. URL: <https://elfeco.ru/filtering/metod-yuridicheskoi-nauki-metodologiya-yuridicheskoi-nauki-kak-nauka> (accessed: 10.02.2025) (in Russ.).
35. Methodological and theoretical problems of the state and law of developed socialism / ed/ by A.I. Denisov, O.E. Kutafin. M., 1983. P. 9 (in Russ.).
36. Methodology of law // Great Russian Encyclopedia // bigenc.ru/c/metodologiya-prava-e547bf (accessed: 10.02.2025) (in Russ.).
37. Methodology of the theory of state and law. URL: <https://www.turboreferat.ru/state-theory/metodologiya-teorii-gosudarstva-i-prava/6508-35312-page1.html> (accessed: 10.02.2025) (in Russ.).
38. Scientific and practical commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. by V.V. Lazarev. M., 1997. Pp. 18, 19 (in Russ.).
39. *Nevvazhay I.D.* Types of legal culture and forms of legal awareness // Law studies. 2000. No. 2. P. 28 (in Russ.).
40. General theory of the state and law: academic course: in 2 vols. M., 1998. Vol. 1. Pp. 22, 23 (in Russ.).
41. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language / ed. by N. Yu. Shvedova. M., 1984. P. 377 (in Russ.).
42. *Orlova O.V.* Autonomy of personality and autonomy of civil society // State and Law. 2006. No. 1. Pp. 12–18 (in Russ.).
43. *Pafomova L.A., Fedorov R.V.* Objective foundations of the methodology of scientific cognition // Discourse. 2017. No. 4. P. 15 (in Russ.).
44. *Pyanov N.A.* Consultations on the theory of state and law. Irkutsk, 2020. P. 19 (in Russ.).
45. *Rasskazov L.P.* Theory of state and law. M., 2008. P. 444 (in Russ.).
46. *Rybakov V.A.* Legal awareness and legal culture // Kozhevnikov V.V., Kozhenevsky V.B., Rybakov V.A. Theory of state and law. M., 2023. P. 160 (in Russ.).
47. *Sadovnikova G.D.* Commentary to the Constitution of the Russian Federation (article-by-article). M., 2025. P. 12 (in Russ.).
48. Soviet Encyclopedic Dictionary / chief ed. A.M. Prokhorov. M., 1986. P. 914 (in Russ.).
49. *Sokolov A.N.* Corruption, civil society and the rule of law // Journal of Russ. law. 2008. No. 8. Pp. 32–41 (in Russ.).
50. *Sorokin V.V.* Legal awareness in the transitional period of social development // Journal of Russ. law. 2002. No. 10. P. 67 (in Russ.).
51. *Syrykh V.M.* Logical foundations of the General theory of law: in 2 vols. Vol. 1. Logical foundations of the General theory of law. M., 2004. P. 361 (in Russ.).

52. *Tarasova T.A.* Utopia as a political and legal structure of society and the state // Electronic scientific journal "Science. Society. The state". 2017. Vol. 5. No. 1 (in Russ.).
53. Theory of the state and law / ed. by P.V. Anisimov. M., 2005. P. 19 (in Russ.).
54. *Tonkov E.N.* History of the formation of socialist legal realism // Philosophy of Law in the context of global social transformations: collection of articles / ed. by A.A. Pashentsev and A.A. Dorskaya. Saratov, 2022. P. 137 (in Russ.).
55. *Shapovalov I.A.* Some theoretical aspects of the formation of Russian legal consciousness // State and Law. 2005. No. 4. P. 85 (in Russ.).
56. Philosophical Dictionary / ed. by M.M. Rozental. M., 1975. P. 291 (in Russ.).
57. Philosophical Dictionary / ed. by I.T. Frolov. M., 1986. P. 337 (in Russ.).
58. Philosophical Encyclopedia / ed.-comp.: E.F. Gubsky et al. M., 2000. P. 314 (in Russ.).
59. *Khropanyuk V.N.* Theory of state and law. M., 1993. P. 9 (in Russ.).
60. *Chernilovsky Z.M.* Civil society: research experience // State and Law. 1992. No. 6. Pp. 142–151 (in Russ.).
61. *Chertkova E.L.* The specificity of utopian consciousness and the problem of the ideal // Ideal, utopia and critical reflection: collection of articles / ed. and author's preface by V.A. Lektorsky. M., 1996. P. 159 (in Russ.).
62. *Chiglitsseva A.A.* The main problems of the development of the rule of law in Russia // Actual research. 2020. No. 10 (13) (in Russ.).
63. *Yakovlev V. Yu.* The principle of objectivity and the value of scientific knowledge // Izvestiya of Herzen RSPU. 2009. No. 87. P. 55 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОЖЕВНИКОВ Владимир Валентинович —
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского;
644077 г. Омск, проспект Мира, д. 55а

Authors' information

KOZHEVNIKOV Vladimir V. —
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory
and History of State and Law,
Dostoevsky Omsk State University;
55a Mira Ave., 644077 Omsk, Russia

УДК 347.1

ПРАВОВОЙ ОБЫЧАЙ КАК ИСТОЧНИК ЧАСТНОГО ПРАВА И ЕГО ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ СМЕЖНЫХ РЕГУЛЯТОРОВ ЧАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

© 2025 г. В. Н. Лисица

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lissitsa@mail.ru

Поступила в редакцию 14.08.2025 г.

Аннотация. В статье рассмотрены понятие, юридическая сила и порядок применения правового обычая в частноправовой сфере с учетом теории, норм международного и российского права и практики их реализации. Предложено авторское определение правового обычая, позволяющее провести различие между ним как источником (формой выражения) права и обычной правовой нормой, содержание которой определяется исходя из сложившейся общепринятой практики поведения субъектов частного права в какой-либо области деятельности. Выявлены квалифицирующие признаки обычных норм права, а именно: а) нормативность, которая подлежит раскрытию через дополнительные характеристики сложившегося и широко применяемого правила поведения (достаточная определенность и однозначность в содержании, единообразие, устойчивость, широкая известность, регулярность и всеобщность применения); б) отсутствие закрепления в иных источниках права (в частности, в нормативно-правовых актах и нормативных договорах); в) санкционирование (признание) со стороны государства посредством указания на необходимость применения обычая в действующем законодательстве, международном договоре Российской Федерации или нормативном акте международной организации, подлежащем обязательному применению в Российской Федерации. Установлено соотношение правового обычая с деловыми обычаями, деловой практикой, примерными условиями договора и другими смежными регуляторами частных отношений. Обосновывается, что правовой обычай может существовать не только в виде неписанного правила, но и быть зафиксированным в каком-либо документе, в том числе разработанном и опубликованном торгово-промышленной палатой или иной уполномоченной организацией, например саморегулируемой. Принятые таким образом документы могут служить подтверждением существования обычая, однако в любом случае его наличие и применимость к возникшему правоотношению в качестве правовой нормы (*opinio juris*) подлежат доказыванию в процессе правоприменения, причем это возлагается на ту сторону, которая ссылается на его применение.

Ключевые слова: правовой обычай, источник права, обыкновение, сложившаяся практика, введенный порядок, примерные условия договора, правила ИНКОТЕРМС, акты саморегулирования.

Цитирование: Лисица В. Н. Правовой обычай как источник частного права и его отграничение от смежных регуляторов частных отношений // Государство и право. 2025. № 11. С. 135–144.

DOI: 10.7868/S3034543X25110107

LEGAL CUSTOM AS A SOURCE OF PRIVATE LAW AND DISTINGUISHING IT FROM OTHER REGULATORS OF PRIVATE LEGAL RELATIONS

© 2025 V. N. Lisitsa

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lissitsa@mail.ru

Received 14.08.2025

Abstract. The article highlights the concept, legal force and order of application of a legal custom in the private law sphere, relying on the theory, rules of international and Russian law and practice of their enforcement. The author's concept of a legal custom has been developed, which makes difference between it as a source (form of expression) of law and a customary rule of law, the content of which is determined based on the established generally accepted practice of conduct of subjects of private law in any field of activity. The qualifying features of customary rules have been identified, such as: a) normativity, which is subject to disclosure through additional characteristics of the established and widely used rules of conduct (sufficient certainty and unambiguity in the content, uniformity, stability, widespread awareness, regularity of use and universality of application); b) the lack of fixation in other sources of law (in particular, in normative legal acts and normative agreements); c) authorization (recognition) by the state throughout indicating the need to apply the custom in the current legislation, international treaty of the Russian Federation or normative act of an international organization to be applied in the Russian Federation. The correlation of a legal custom with business usages and practices, approximate contractual terms and other related regulators of private legal relations has been specified. It is proved that a legal custom can exist not only in the form of an unwritten rule, but also be fixed in any document, including one developed and published by a chamber of commerce or another authorized organization, for example, a self-regulatory one. The documents adopted in this way may serve as the confirmation of the existence of a custom. However, in any case, its existence, recognition and applicability to the legal relationship as a legal rule (*opinio juris*) are subject to proof in the law enforcement proceedings by the party that refers to its application.

Key words: legal custom, source of law, usage, established practice, routine, approximate contractual terms, INCOTERMS, acts of self-regulation.

For citation: *Lisitsa, V.N. (2025). Legal custom as a source of private law and distinguishing it from other regulators of private legal relations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 135–144.*

Правовой обычай является традиционным источником частного права¹. Так, к примеру, ему посвящена ст. 5 ГК РФ², которая определяет его как «сложившееся и широко применяемое... правило поведения», которое не предусмотрено действующим законодательством, причем вне зависимости от его фиксации в каком-либо документе. Тем самым законодатель указывает на следующие признака такого правила: а) сложившийся характер; б) широта применения; в) отсутствие в законодательстве.

Отмечаем, при определении обычая через правило поведения стирается грань между нормой права и источником права, который находит отражение

в практике поведения участников гражданского оборота и выступает формой выражения таких обычных норм права. Последние могут формироваться не только в какой-либо области предпринимательской, но и иной деятельности, что справедливо предусмотрено в ст. 5 ГК РФ, которая изначально была посвящена лишь обычаям делового оборота, действующим в сфере предпринимательской деятельности. Законодательное определение обычая также указывает на то, что он не должен быть установлен действующим законодательством. Иначе источником права является закон и дальнейшее рассмотрение правила поведения в качестве обычной нормы права не имеет юридического смысла. Учитывая, что источником частного права в российской правовой системе может быть не только закон, следует сделать важное дополнение о том, что обычная норма как неписанное со стороны государства правило поведения не должна быть предусмотрена не только в законодательстве, но и международном договоре Российской

¹ См., напр.: Гражданское право: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 45; Предпринимательское право Российской Федерации: в 2 т. / под ред. Е.П. Губина, П.Г. Ляхно. М., 2024. Т. 1. С. 81, 97–100; Russian Business Law / ed. by V. Lisitsa. Novosibirsk, 2019. Pp. 70, 71.

² См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

Федерации и нормативном акте международной организации, подлежащем обязательному применению в Российской Федерации³.

Помимо Гражданского кодекса РФ, признание обычая в качестве источника частного права в российской правовой системе, или другими словами — санкционирование его применения со стороны Российского государства, находит свое законодательное закрепление в ч. 1 ст. 11 ГПК РФ⁴, ч. 1 ст. 13 АПК РФ⁵, ч. 2 ст. 31 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»⁶, п. 3 ст. 28 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»⁷ и других нормативных правовых актах Российской Федерации. Как справедливо отмечается в литературе⁸, данное санкционирование касается не конкретного, а любых обычаев, допуская возможность их применения к частноправовым отношениям.

Рассматриваемый источник права характерен не только для российского, но и международного права⁹. В п. 1 ст. 38 Статута Международного Суда ООН¹⁰ международный обычай легально определен как «доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». Согласно ст. 9 Венской конвенции о праве международных договоров¹¹ стороны международного договора связаны любым обычаем, относительно которого они договорились, и практикой, которую они установили в своих взаимных отношениях. При отсутствии договоренности об ином считается, что стороны подразумевали применение к их договору или его заключению обычая, о котором они знали или должны были знать и который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли.

³ См.: Лисица В. Н. Международный договор и гражданское законодательство Российской Федерации: проблемы соотношения и применения в российской правовой системе // Государство и право. 2025. № 4. С. 103–105.

⁴ См.: СЗ РФ. 2002. № 46, ст. 4532; 2020. № 50, ст. 8073.

⁵ См.: СЗ РФ. 2002. № 30, ст. 3012; 2020. № 50, ст. 8073.

⁶ См.: СЗ РФ. 2016. № 1, ст. 2.

⁷ См.: Росс. газ. 1993. 14 авг.

⁸ См., напр.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М., 2003. Кн. 1. С. 63, 64.

⁹ См., напр.: Международное право / отв. ред. А. Н. Вылегжанин. М., 2024. С. 64, 65; Brownlie I. Principles of Public International Law. NY, Oxford, 1998. Pp. 4–10.

¹⁰ Статут Международного Суда ООН: принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945. URL: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml> (дата обращения: 20.03.2024).

¹¹ См.: Венская конвенция о праве международных договоров: принята 23.05.1969. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 20.03.2024).

Обычай упоминается также в ст. 4, п. 3 ст. 8, п. 3 ст. 18 данной Венской конвенции.

В международно-правовой науке к основным квалифицирующим признакам международно-правового обычая как сложившегося в международной практике неписаного правила поведения, за которым субъекты международного права признают юридическую обязательную силу¹², обычно относят два требования — существование всеобщей практики и признание ее в качестве правовой нормы. В теории в целях их понимания можно встретить и более развернутые характеристики, такие как продолжительность, единообразие, устойчивость и всеобщность практики, а также *opinio juris et necessitates*, т.е. убежденность в правомерности и необходимости применения обычая¹³, что, представляется, более точно раскрывает сущность правового обычая и подлежит учету при его определении и в частном праве. Формы признания (*opinio juris*) различны и могут включать, к примеру: официальные публикации и публичные заявления государств, дипломатическую переписку, правительственные юридические заключения, положения международных договоров, решения государственных судов, поведение государств относительно резолюций, принятых международной организацией или на межправительственной конференции¹⁴.

В этой связи нередко считается, что международно-правовые обычаи находят свое отражение в международно-правовых документах, в частности в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН, включая принятую ею Всеобщую декларацию прав человека¹⁵, и международных конвенциях, выработанных в рамках ООН¹⁶. В последнем случае правовым основанием для этого выступает ст. 38 Венской конвенции о праве международных договоров, указывающая на возможность применения в качестве международного обычая норм, содержащихся в международном договоре, к отношениям с участием третьих государств.

Вместе с тем можно встретить и критическое отношение, причем еще в советской литературе, к тому, что конвенции, принятые значительным числом государств, якобы создают общие нормы международного

¹² См.: Лукашук И. И. Обычные нормы в современном международном праве // Сов. ежегодник международного права. 1978. М., 1980. С. 88.

¹³ См.: Brownlie I. Op. cit. Pp. 5–7.

¹⁴ См.: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20.12.2018 № A/RES/73/203 «Выявление международного обычного права». URL: documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/457/44/pdf/n1845744.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁵ См., напр.: Хлестова И. О. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // Журнал рос. права. 1997. № 12. С. 23.

¹⁶ См., напр.: Нешатаева Т. Н. Международное право в судебной практике арбитражных судов // Закон. 1998. № 7. С. 93.

права¹⁷. Представляется, что подобный подход умаляет значение международного договора как основного источника международного права. Если бы было так, то для государства бы не имело юридического значения присоединение к тому или иному универсальному международному договору (конвенции), поскольку его положения уже имели бы обязательную юридическую силу в качестве обычной правовой нормы. Однако международно-правовая практика доказывает обратное: государства продолжают заключать однотипные международные договоры, к примеру в сфере поощрения и взаимной защиты иностранных капиталовложений¹⁸. То же самое касается решений (резолуций) и иных актов международных организаций (конференций)¹⁹, которые могут отражать норму международного обычного права, если соответствуют установленным требованиям: всеобщей практике и признанию в качестве правовой нормы (*opinio juris*)²⁰. Иными словами, не все из них изначально являются доказательством существования обычая. Это необходимо доказать, что следует учитывать в правоприменительной практике судов Российской Федерации при разрешении гражданских дел.

В частноправовой литературе так же, как и в международно-правовой, как правило, выделяют те же самые признаки обычая: устойчивая единообразная практика и ее санкционирование со стороны государства²¹ (с той лишь разницей, что признание сложившейся практики в качестве обычной нормы права осуществляется на национальном уровне самим государством; здесь не требуется признания со стороны большинства государств), нормативность и общеобязательность²² и т.д. Не вызывает сомнения, что практика в данном случае должна приобрести нормативный характер: отличаться достаточной

определенностью и однозначностью в своем содержании, единообразием (отсутствием других правил, регулирующих те же самые отношения), устойчивостью (продолжительностью существования и постоянством своего содержания во времени), широкой известностью (в силу чего стороны знают или должны знать об обычной норме как о сложившемся правиле в соответствующей области деятельности), регулярностью использования и всеобщностью (признанием и постоянным применением неопределенным кругом лиц в определенной сфере экономической деятельности). В противном случае она вряд ли может свидетельствовать о существовании обычной нормы права, для которой характерны такие признаки нормы права, как обязательность для неопределенного круга лиц, рассчитанность на неоднократное применение, направленность на урегулирование общественных отношений и т.д.²³ Представляется, что использование приведенных дополнительных критериев (характеристик), раскрывающих сущность практики, претендующей стать обычаем, является востребованным и позволяет лучше раскрыть и отграничить обычай от иных смежных правил, не обладающих чертами нормы права.

В свою очередь, санкционирование обычая как обязательного к применению осуществляется государством посредством закрепления соответствующих предписаний в международных договорах, действующем законодательстве (к примеру, в ст. 5 ГК РФ) и иных традиционных источниках права²⁴. Такие обычаи следует считать правовыми и отличать от других — неправовых обычаев (моральных, этических, этнических, религиозных корпоративных и других подобных социальных норм)²⁵, которые не обеспечиваются мерами государственного принуждения.

Указание на признаки и особенности применения правовых обычаев можно встретить в судебной и арбитражной практике по гражданским делам. Так, в частности, Пленум Верховного Суда РФ уточнил, что под сложившимся правилом поведения следует понимать такое, которое является достаточно определенным в своем содержании; обычай может применяться не только в предпринимательской, но и иной деятельности, быть зафиксированным, к примеру, в печатном издании, судебном решении, документе торгово-промышленной палаты или существовать

¹⁷ См., напр.: Лунц Л.А. Курс международного частного права. М., 2002. С. 63, 64; Перетерский И.С. Значение международного договора для третьего (не заключившего этот договор) государства // Сов. государство и право. 1957. № 4.

¹⁸ См., напр.: Лисица В.Н. Правовое регулирование иностранных инвестиций: проблемы теории и практики. Новосибирск, 2007. С. 91.

¹⁹ См., напр.: Lisitsa V. Responsibility of a Host State in Transnational Investment Disputes // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. IX. No. 1 (31). Pp. 139–146; Лизикова М.С. Вопросы трансформации нормативно-правового регулирования в области использования атомной энергии в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 4. С. 31, 32.

²⁰ См.: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 20.12.2018 № A/RES/73/203 «Выявление международного обычного права». URL: documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/457/44/pdf/n1845744.pdf (дата обращения: 20.10.2024).

²¹ См., напр.: Зыкин И.С. Обычаи и обыкновения в международной торговле. М., 1983. С. 84.

²² См.: Ерпылева Н.Ю. Источники международного коммерческого права: общая характеристика // Право и государство: теория и практика. 2005. № 3. С. 103.

²³ См.: Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Росс. газ. 2019. 15 янв.

²⁴ См.: Ромашев Ю.С. Признание практики в качестве правовой нормы (*opinio juris*) при формировании международного обычая // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 2. С. 124–148.

²⁵ См., напр.: Клеандров М.И. Этическое регулирование — «мягкое» регулирование, «мягкая» сила // Правосудие. 2023. Т. 5. № 4. С. 18–42.

независимо от фиксации в каком-либо документе; в любом случае его наличие и применимость к возникшему правоотношению подлежат доказыванию в процессе правоприменения, причем это возлагается на сторону, ссылающуюся на обычай²⁶. Этим он отличается от международного договора и нормативного правового акта, содержание которых является однозначным. С ними всегда можно ознакомиться, прочитав опубликованный текст, что делает обычай менее значимым (точнее — менее определенным) по сравнению с другими источниками, представленными в письменной форме.

По аналогии с международно-правовыми обычаями, применяемыми в межгосударственных отношениях, обычаи делового оборота и иные частноправовые обычаи могут быть представлены в документах, которые принимаются саморегулируемыми и иными некоммерческими организациями участников предпринимательской или профессиональной деятельности. В частности, это касается примерных условий (стандартной документации), которые разрабатываются для договоров определенного вида, публикуются в печати или иным образом обнародуются, например в сети Интернет. С точки зрения Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ, они могут применяться в качестве обычаев при отсутствии в договоре отсылки к ним и неурегулированности соответствующего вопроса договором или диспозитивной нормой²⁷.

По своей юридической силе в частноправовой сфере правовой обычай занимает более низкое положение по отношению к гражданскому законодательству и гражданско-правовому договору. На это прямо указывает п. 2 ст. 5 ГК РФ. Интересно отметить, что и в международно-правовой науке также господствует, причем еще с советских времен, точка зрения о том, что обычай занимает второе (после международного договора) место среди источников международного права и тем самым имеет меньшее значение по сравнению с договорными нормами²⁸. Вместе с тем в литературе можно встретить и другие позиции: о равнозначности обычных и договорных норм международного права²⁹, приоритете обычая перед

диспозитивной нормой, содержащейся в законодательстве или гражданском договоре³⁰.

Как известно, правовые обычаи многообразны. Они могут формироваться на международном, национальном или региональном уровне, касаться деятельности различных видов (групп) физических или юридических лиц в различных сферах и отличаться между собой по своему содержанию³¹. Наглядным примером для этого служит дата (01.02.03), которая по-разному понимается в Российской Федерации (1 февраля 2003 г.), КНР (3 февраля 2001 г.) и США (2 января 2003 г.), что необходимо учитывать в договорной практике субъектов внешнеэкономической деятельности.

Как было отмечено ранее, в сфере предпринимательской деятельности широко распространены обычаи делового оборота, применение которых можно найти при разрешении многих экономических споров в судебной и арбитражной практике. К примеру, в качестве таковых арбитражными судами Российской Федерации были признаны: размещение уличной вывески (таблички) с наименованием юридического лица в качестве указания на местонахождение или обозначения места входа³²; использование печати при составлении документов³³; передача документов по электронной почте между сторонами при отсутствии указания об этом в договоре³⁴; оплата за услуги, оказываемые в течение длительного времени, ежемесячно³⁵ и др.

Достаточно много примеров применения правовых обычаев можно найти в практике международных коммерческих арбитражных судов, в том числе при разрешении инвестиционных споров с участием

³⁰ См., напр.: *Розенберг М.Г.* Международная купля-продажа товаров. М., 1995. С. 32.

³¹ См., напр.: *Канашевский В.А.* Международные (межгосударственные) обычаи как регуляторы частноправовых отношений // Государство и право. 2008. № 7. С. 88–92; *Лантев В.А.* Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // Lex russica. 2017. № 4. С. 110–119; *Тарасенко О.А.* Обычаи делового оборота, применяемые в банковской практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 2. С. 68–71.

³² См.: Пункт 18 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.12.1998 № 37 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о рекламе» // Вестник ВАС РФ. 1999. № 2.

³³ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.02.2020 по делу № А40-12417/2016. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/GrGX0SStSYQe/?ysclid=m8fi3ja9g4876664131> (дата обращения: 19.03.2025).

³⁴ См.: Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 20.01.2016 № 07АП-12240/2015 // В официальных источниках опубликовано не было.

³⁵ См.: Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 18.10.2016 № 08АП-10862/2016 // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁶ См.: Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Росс. газ. 2015. 30 июня.

²⁷ См.: Пункт 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

²⁸ См., напр.: *Шурилов В.М.* Международные правоотношения. М., 1971. С. 21–23.

²⁹ См., напр.: *Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А.* Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал междунар. права. 2012. № 2. С. 26.

государств³⁶. Так, к примеру, в деле *Asian Agricultural Products Limited (AAPL) v. Republic of Sri Lanka* (ICSID Case No. ARB/87/3)³⁷ арбитраж Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) сослался на обычную норму международного права, которая возлагает на государство обязанность обеспечить с необходимым усердием режим наибольшего благоприятствования, предусмотренный в двустороннем международном договоре. Вместе с тем в другом деле *ADF Group Inc. v. United States of America* (ICSID Case No. ARB(AF)/00/1)³⁸ истец не смог доказать существование обычных норм международного права о справедливом и равном режиме к иностранным инвесторам, поскольку не привел необходимых положений многих действующих международных договоров, судебных и арбитражных решений, которые отражали бы единство (сходство) сложившейся практики по данному вопросу.

В качестве обычаев могут выступать примерные условия договора (разработанные для определенных видов договоров и опубликованные в печати), когда в договоре отсутствует отсылка к ним и они отвечают установленным требованиям для обычаев (п. 2 ст. 427 ГК РФ). Иначе их следует рассматривать в качестве договорных³⁹. В отличие от типовых договоров (п. 4 ст. 426 ГК РФ), которые утверждаются уполномоченными государственными органами в установленных законом случаях и являются обязательными для сторон при заключении и исполнении публичных договоров⁴⁰, примерные условия обычно принимаются саморегулируемыми и иными некоммерческими организациями участников рынка в отношении различных видов договоров⁴¹. В частности, это касается широко используемых во внешнеэкономическом обороте унифицированных правил (стандартных условий, типовых договоров и иных подобных документов) Международной торговой палаты (МТП) и других международных неправительственных организаций⁴². Некоммерческие организации могут

изначально создаваться для саморегулирования предпринимательской или иной деятельности, которое предусматривает своим содержанием установление стандартов и других обязательных правил осуществления экономической или профессиональной деятельности членами саморегулируемой организации и контроль за их соблюдением⁴³. Правовым основанием для этого в Российской Федерации служит Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»⁴⁴. Принятые в рамках саморегулирования акты имеют нормативный характер⁴⁵, обязательны для членов саморегулируемой организации и их можно рассматривать в качестве самостоятельного (отличного от нормативного правового акта, исходящего от государства) источника права, характерного прежде всего для предпринимательского, а не гражданского права⁴⁶.

От обычаев следует отличать деловые обыкновения (*usages*) или заведенный между сторонами порядок, которые упоминаются в литературе⁴⁷ и правоприменительной практике⁴⁸. В Гражданском кодексе РФ отсутствуют данные понятия. Вместо них в Кодексе в ряде случаев (п. 2 ст. 165¹, ст. 431) можно встретить другой термин — «практика, установившаяся во взаимоотношениях сторон», которая отдельно упоминается наряду с обычаями.

Как справедливо признается в юридической науке, данные правила, сложившиеся на основе постоянного и единообразного повторения действий сторон сделки, в отличие от правовых обычаев, не являются источником права, но входят в состав волеизъявления сторон в случае соответствия их намерениям и потому справедливо признаются в юридической науке договорными условиями⁴⁹. Они не требуют

³⁶ См.: Лисица В. Н. Правовое регулирование иностранных инвестиций: проблемы теории и практики. С. 87, 88.

³⁷ См.: ICSID Reports. Cambridge, 1997. Vol. 4. Pp. 246–251.

³⁸ См.: URL: <http://icsid.worldbank.org> (дата обращения: 20.03.2025).

³⁹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27–29 / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2016. С. 21.

⁴⁰ См., напр.: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч. С. 85, 86; Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27–29 / под ред. П. В. Крашенинникова. С. 60, 61.

⁴¹ См.: Пункт 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

⁴² См., напр.: Ерпылева Н. Ю. Указ. соч. С. 105; Логинов И. А. Назначение морского агента по выбору фрахтователя судна // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 4. С. 164–172.

⁴³ См.: Lisitsa V., Boldyrev V. Self-Regulation as an Alternative Mechanism of Private Governance and Dispute Resolution in Russia and Kazakhstan // Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution – RBADR. 2024. Vol. 6. No. 12. P. 251.

⁴⁴ См.: СЗ РФ. 2007. № 49, ст. 6076.

⁴⁵ См., напр.: Ершова И. В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 10. С. 2146.

⁴⁶ См.: Lisitsa V., Boldyrev V. Op. cit. P. 251.

⁴⁷ См., напр.: Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1. С. 64, 65; Новицкий И. Б. Источники советского гражданского права. М., 1959. С. 67; Зыкин И. С. Указ. соч. С. 17; Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27–29 / под ред. П. В. Крашенинникова. С. 21.

⁴⁸ См., напр.: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 3.06.2021 по делу № А33-21988/2020. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/7K7BAiOqCtJu/?ysclid=m8iedk80um634654262> (дата обращения: 30.10.2024).

⁴⁹ См., напр.: Гаврилов В. В. К вопросу о видах и соотношении источников международного частного права // Международное публичное и частное право. 2001. № 1. С. 52;

документального закрепления, могут формироваться на основе неформальных (устных) договоренностей, которые подкрепляются сложившейся практикой и имеют обязательную силу лишь для участников договора.

Так, к примеру, при рассмотрении спора по делу № 28/1998 Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате РФ (МКАС при ТПП РФ) установил формирование между сторонами практики расчетов, предусматривающей перечисление на счет истца денежных сумм без ссылки на номер контракта и наименование товара⁵⁰. Очевидно, что данный порядок не является распространенным и обязательным для любых субъектов предпринимательской деятельности и, как следствие, не может признаваться обычаем.

Вместе с тем в международно-правовых источниках не всегда прослеживается разница между данными регуляторами внешнеэкономических отношений. Так, согласно ст. 9 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров⁵¹, стороны связаны любым обычаем, относительно которого они договорились, и практикой, которую они установили в своих взаимных отношениях, а также обычаем, о котором они знали или должны были знать и который в международной торговле широко известен и постоянно соблюдается сторонами в договорах данного рода в соответствующей области торговли. Подобное положение можно встретить также в ст. 1.9 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА⁵². Представляется, что только последний случай приведенной формулировки ст. 9 Конвенции касается правового обычая, тогда как согласованные сторонами правила и установившаяся между ними практика по своей правовой природе имеют договорно-правовую природу и потому не могут квалифицироваться в качестве обычая, подлежащего применению независимо от соглашения сторон.

На практике разграничить данные правила довольно сложно⁵³. Эта проблема касается многих

унифицированных документов, разработанных Международной торговой палатой (МТП) (к примеру, широко известных Международных правил толкования торговых терминов ИНКОТЕРМС⁵⁴) и иными международными организациями, которые всегда неоднозначно квалифицировались в теории и практике⁵⁵. В отличие от изначального понимания обычая как неписанного правила, данные правила зафиксированы, что упрощает установление их содержания, но не снимает вопрос об обязательности их применения, особенно при отсутствии соглашения сторон⁵⁶. В литературе данные документы зачастую рассматриваются как деловые обыкновения⁵⁷, поскольку они подлежат применению лишь на основании соглашения сторон, тогда как для применения обычаев этого не требуется. Вместе с тем можно встретить и другую точку зрения, рассматривающую их в качестве обычаев делового оборота⁵⁸.

Действительно, с первого взгляда в силу важности соглашения сторон, в частности путем включения в текст договора ссылки на ИНКОТЕРМС с указанием того или иного базиса поставки, складывается впечатление об отсутствии у данных правил признаков правового обычая. Но не стоит забывать, что в случае отсутствия конкретного торгового термина в договоре купли-продажи довольно сложно (даже невозможно) применить ИНКОТЕРМС к возникшему на основании такого договора правоотношению, поскольку данный документ МТП предусматривает совершенно различные варианты содержания прав и обязанностей (модели поведения) продавца и покупателя. В случае если стороны указали один из них без упоминания ИНКОТЕРМС как документа МТП, причем действующего в определенной редакции (учитывая, что на протяжении своей истории действовали редакции с разными терминами и их содержанием), то этого, строго говоря, недостаточно для применения документа МТП (причем изначально не известно, какого именно) к отношениям сторон, поскольку последние согласовали отдельный термин ИНКОТЕРМС, а не конкретный документ МТП. Не исключено, что в этом случае стороны предполагали применение той или иной редакции ИНКОТЕРМС, т.е. имел место подразумеваемый выбор, определяемый из условий договора или совокупности обстоятельств дела, который допускает п. 2 ст. 1210 ГК РФ, но все эти вопросы подлежат установлению в процессе правоприменения.

Зыкин И.С. Указ. соч. С. 17; Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М., 2003. С. 314.

⁵⁰ См.: Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999–2000 гг. / сост. М.Г. Розенберг. М., 2002. С. 174–176.

⁵¹ См.: Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров: заключена в г. Вене 11.04.1980. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1056999-cisg-e-book-r.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

⁵² См.: Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (2016). URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-Russian-bl.pdf> (дата обращения: 20.03.2025).

⁵³ См.: Лисица В.Н. Правовое регулирование иностранных инвестиций: проблемы теории и практики. С. 91–93.

⁵⁴ См.: ICC Incoterms® 2020. URL: <https://iccwbo.org/business-solutions/incoterms-rules/incoterms-2020/> (дата обращения: 20.03.2024).

⁵⁵ См., напр.: Лисита В. Оп. cit. Р. 141.

⁵⁶ См.: Ерпылева Н.Ю. Указ. соч. С. 104.

⁵⁷ См., напр.: Гаврилов В.В. Указ. соч. С. 52, 53.

⁵⁸ См.: Нешатаева Т.Н. Указ. соч. С. 95; Тарасенко О.А. Указ. соч. С. 70.

Представляется, что в такой ситуации содержание выбранного сторонами торгового термина, особенно при разногласии сторон и неурегулированности (неясности) вопроса в договоре, должно определяться сложившимся обычаем в международной торговле, который зафиксирован в соответствующем документе МТП — действующей редакции ИНКОТЕРМС. Другими словами, данный документ МТП может выступать формой фиксации сложившегося внешне-торгового обычая по использованию различных терминов, устанавливающих разное распределение прав и обязанностей продавца и покупателя. Не исключено, что далеко не весь текст документа МТП отражает сложившиеся обычаи, учитывая, что МТП при издании своего документа может внести в него свои нововведения. Поэтому необходимо еще раз подчеркнуть необходимость доказывания обычая стороной, ссылающейся на его применение, в порядке правоприменения.

Исходя из вышеназванного, следует признать в целом обоснованной новую редакцию п. 11 ст. 1211 ГК РФ, введенную в 2013 г., согласно которой торговые термины, принятые в международном обороте (в нашем случае — ИНКОТЕРМС), могут обозначать обычаи, а их использование в договоре — согласование сторонами применения обычаев, которые им соответствуют. Подтверждение данному подходу можно найти в судебной⁵⁹ и арбитражной практике⁶⁰, особенно когда признание ИНКОТЕРМС в качестве торгового обычая находит свое подтверждение в документах уполномоченных органов и организаций разных государств (в Российской Федерации — это Торгово-промышленная палата Российской Федерации⁶¹, которая наделена правом свидетельствовать обычаи, сложившиеся в сфере предпринимательской деятельности⁶²). Подобный подход может быть использован и при квалификации практики (правил) поведения, содержащихся в других унифицированных документах международных и иных организаций. В частности, это касается Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, которые могут *inter alia* применяться при наличии согласия

сторон о регулировании их договорных отношений общими принципами права, *lex mercatoria* или аналогичными положениями.

* * *

На основании изложенного формулируем несколько выводов.

Во-первых, правовой обычай представляет собой сложившуюся общепринятую практику поведения субъектов права в какой-либо области деятельности, которая не предусмотрена в нормативных правовых актах и договорах, но признается государством в качестве самостоятельного источника права. Такое понимание позволяет провести различие между обычной нормой права и правовым обычаем как источником права, в котором находит свое выражение такая обычная норма права.

Во-вторых, квалифицирующими признаками обычных норм права являются: 1) нормативность, которая раскрывается через такие характеристики правила поведения, как сложившийся характер (завершенность формирования, достаточная определенность и однозначность в содержании); единообразие (отсутствие других правил, регулирующих те же самые отношения); устойчивость (длительное существование и постоянство своего содержания во времени); широкая известность (в силу чего стороны знают или должны знать об обычной норме как о сложившемся правиле в соответствующей области деятельности); регулярность (систематичность) применения; всеобщность (общепринятый характер, признание и применение неопределенным кругом лиц в аналогичных случаях сторонами гражданско-правового отношения того же вида в соответствующей области деятельности); 2) отсутствие закрепления в иных источниках права. Иначе формой выражения нормы права следует считать, в частности, нормативный правовой акт или нормативный договор; 3) санкционирование (признание) со стороны государства посредством указания на необходимость применения обычая (практики поведения) в качестве источника права в действующем законодательстве, международном договоре Российской Федерации или нормативном акте международной организации, подлежащем обязательному применению в Российской Федерации.

В-третьих, правовой обычай может существовать не только в виде неписаного правила, но и быть зафиксированным в каком-либо документе (в печатном издании, судебном решении, акте торгово-промышленной палаты или иной уполномоченной организации). Его наличие и обязательная применимость к возникшему правоотношению в качестве правовой нормы (*opinio juris*) подлежат доказыванию в процессе правоприменения, причем это возлагается на сторону, ссылающуюся на его применение.

⁵⁹ См., напр.: Пункт 11 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.12.1996 № 10 «Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц» // Вестник ВАС РФ. 1997. № 3.

⁶⁰ См., напр.: Решение МКАС при ТПП РФ от 24.12.2020 по делу № М-2/2020. URL: <https://www.cisg.info/tekst-resheniya.php?id=299> (дата обращения: 20.03.2025).

⁶¹ См.: Постановление Правления Торгово-промышленной палаты РФ от 28.06.2001 № 117-13 (цит. по: Ершалева Н. Ю. Указ. соч. С. 105; Розенберг М. Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М., 2003. С. 29).

⁶² См.: Подпункт «н» п. 3 ст. 15 Закона РФ от 07.07.1993 № 5340-1 (ред. от 12.12.2023) «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» // Росс. газ. 1993. 12 авг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. М., 2003. Кн. 1. С. 63, 64, 85, 86.
2. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал междунар. права. 2012. № 2. С. 26.
3. Гаврилов В.В. К вопросу о видах и соотношении источников международного частного права // Международное публичное и частное право. 2001. № 1. С. 52, 53.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Общие положения о договоре. Постатейный комментарий к главам 27–29 / под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2016. С. 21, 60, 61.
5. Гражданское право: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 45.
6. Ерылева Н.Ю. Источники международного коммерческого права: общая характеристика // Право и государство: теория и практика. 2005. № 3. С. 103–105.
7. Ершова И.В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности: вопросы теории и законодательства // Актуальные проблемы рос. права. 2014. № 10. С. 2146.
8. Зыкин И.С. Обычаи и обыкновения в международной торговле. М., 1983. С. 17, 84.
9. Канашевский В.А. Международные (межгосударственные) обычаи как регуляторы частноправовых отношений // Государство и право. 2008. № 7. С. 88–92.
10. Клеандров М.И. Этическое регулирование – «мягкое» регулирование, «мягкая» сила // Правосудие. 2023. Т. 5. № 4. С. 18–42.
11. Комментарий к части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского, Е.А. Суханова. М., 2003. С. 314.
12. Лантнев В.А. Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // Lex russica. 2017. № 4. С. 110–119.
13. Лизикова М.С. Вопросы трансформации нормативно-правового регулирования в области использования атомной энергии в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 4. С. 31, 32.
14. Лисица В.Н. Международный договор и гражданское законодательство Российской Федерации: проблемы соотношения и применения в российской правовой системе // Государство и право. 2025. № 4. С. 103–105.
15. Лисица В.Н. Правовое регулирование иностранных инвестиций: проблемы теории и практики. Новосибирск, 2007. С. 87, 88, 91–93.
16. Логинов И.А. Назначение морского агента по выбору фрахтователя судна // Труды ИГП РАН. 2024. Т. 19. № 4. С. 164–172.
17. Лукашук И.И. Обычные нормы в современном международном праве // Сов. ежегодник международного права. 1978. М., 1980. С. 88.
18. Луниц Л.А. Курс международного частного права. М., 2002. С. 63, 64.
19. Международное право / отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М., 2024. С. 64, 65.
20. Нешатаева Т.Н. Международное право в судебной практике арбитражных судов // Закон. 1998. № 7. С. 93, 95.
21. Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. М., 1959. С. 67.
22. Перетерский И.С. Значение международного договора для третьего (не заключившего этот договор) государства // Сов. государство и право. 1957. № 4.
23. Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 1999–2000 гг. / сост. М.Г. Розенберг. М., 2002. С. 174–176.
24. Предпринимательское право Российской Федерации: в 2 т. / под ред. Е.П. Губина, П.Г. Лахно. М., 2024. Т. 1. С. 81, 97–100.
25. Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М., 2003. С. 29.
26. Розенберг М.Г. Международная купля-продажа товаров. М., 1995. С. 32.
27. Ромашев Ю.С. Признание практики в качестве правовой нормы (opinio juris) при формировании международного обычая // Право. Журнал ВШЭ. 2018. № 2. С. 124–148.
28. Тарасенко О.А. Обычаи делового оборота, применяемые в банковской практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 2. С. 68–71.
29. Хлестова И.О. Соотношение международного и внутригосударственного права и Конституция Российской Федерации // Журнал рос. права. 1997. № 12. С. 23.
30. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. М., 2005. Т. 1. С. 64, 65.
31. Шуршалов В.М. Международные правоотношения. М., 1971. С. 21–23.
32. Lisitsa V. Responsibility of a Host State in Transnational Investment Disputes // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. IX. No. 1 (31). Pp. 139–146.
33. Lisitsa V., Boldyrev V. Self-Regulation as an Alternative Mechanism of Private Governance and Dispute Resolution in Russia and Kazakhstan // Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution – RBADR. 2024. Vol. 6. No. 12. P. 251.
34. Brownlie I. Principles of Public International Law. NY, Oxford, 1998. Pp. 4–10.
35. Russian Business Law / ed. by V. Lisitsa. Novosibirsk, 2019. Pp. 70, 71.

REFERENCES

1. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contractual Law. General provisions. M., 2003. Book 1. Pp. 63, 64, 85, 86 (in Russ.).
2. Vylegzhanin A.N., Kalamkaryan R.A. The significance of international custom in modern International Law // Moscow Journal of International Law. 2012. No. 2. P. 26 (in Russ.).
3. Gavrilov V.V. On the question of the types and correlation of sources of Private International Law // International Public and Private Law. 2001. No. 1. Pp. 52, 53 (in Russ.).

4. The Civil Code of the Russian Federation. General provisions of the agreement. Article-by-article commentary to chapters 27–29 / ed. by P.V. Krasheninnikov. M., 2016. Pp. 21, 60, 61 (in Russ.).
5. Civil Law: in 3 vols / ed. by A.P. Sergeev. M., 2008. Vol. 1. P. 45 (in Russ.).
6. Erpyleva N. Yu. Sources of International Commercial Law: general characteristics // Law and the State: theory and practice. 2005. No. 3. Pp. 103–105 (in Russ.).
7. Ershova I.V. Self-regulation of entrepreneurial and professional activity: issues of theory and legislation // Current problems of Russ. law. 2014. No. 10. P. 2146 (in Russ.).
8. Zykin I.S. Customs and customs in international trade. M., 1983. Pp. 17, 84 (in Russ.).
9. Kanashevsky V.A. International (interstate) customs as regulators of private law relations // State and Law. 2008. No. 7. Pp. 88–92 (in Russ.).
10. Kleandrov M.I. Ethical regulation — “soft” regulation, “soft” force // Justice. 2023. Vol. 5. No. 4. Pp. 18–42 (in Russ.).
11. Commentary to part three of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by A.L. Makovsky, E.A. Sukhanov. M., 2003. P. 314 (in Russ.).
12. Laptev V.A. Local legal custom as a source of regulation of business relations // Lex russica. 2017. No. 4. Pp. 110–119 (in Russ.).
13. Lizikova M.S. Issues of transformation of regulatory regulation in the field of atomic energy use in the context of digitalization // Problems of economics and legal practice. 2023. Vol. 19. No. 4. Pp. 31, 32 (in Russ.).
14. Lisitsa V.N. International treaty and civil legislation of the Russian Federation: problems of correlation and application in the Russian legal system // State and Law. 2025. No. 4. Pp. 103–105 (in Russ.).
15. Lisitsa V.N. Legal regulation of foreign investments: problems of theory and practice. Novosibirsk, 2007. Pp. 87, 88, 91–93 (in Russ.).
16. Loginov I.A. Appointment of a marine agent to choose a vessel charterer // Proceedings of the IGP RAS. 2024. Vol. 19. No. 4. Pp. 164–172 (in Russ.).
17. Lukashuk I.I. Customary norms in modern International Law // Soviet Yearbook of International Law. 1978. M., 1980. P. 88 (in Russ.).
18. Lunts L.A. Course of Private International Law. M., 2002. Pp. 63, 64 (in Russ.).
19. International Law / ed. by A.N. Vylegzhanin. M., 2024. Pp. 64, 65 (in Russ.).
20. Neshataeva T.N. International Law in the judicial system the practice of arbitration courts // Law. 1998. No. 7. Pp. 93, 95 (in Russ.).
21. Novitsky I.B. Sources of Soviet Civil Law. M., 1959. P. 67 (in Russ.).
22. Peretersky I.S. The significance of an international treaty for a third (non-signatory) state // Soviet State and Law. 1957. No. 4 (in Russ.).
23. The practice of the International Commercial Arbitration Court at the CCI of the Russian Federation for 1999–2000 / comp. M.G. Rosenberg. M., 2002. Pp. 174–176 (in Russ.).
24. Business Law of the Russian Federation: in 2 vols / ed. by E.P. Gubin, P.G. Lakhno. M., 2024. Vol. 1. Pp. 81, 97–100 (in Russ.).
25. Rosenberg M.G. International purchase and sale contract. Modern practice of imprisonment. Dispute resolution. M., 2003. P. 29 (in Russ.).
26. Rosenberg M.G. International purchase and sale of goods. M., 1995. P. 32 (in Russ.).
27. Romashev Yu. S. Recognition of practice as a legal norm (opinio juris) in the formation of international custom // Law. HSE Journal. 2018. No. 2. Pp. 124–148 (in Russ.).
28. Tarasenko O.A. Business practices used in banking practice // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2009. No. 2. Pp. 68–71 (in Russ.).
29. Khlestova I.O. The correlation of International and domestic law and the Constitution of the Russian Federation // Journal of Russ. law. 1997. No. 12. P. 23 (in Russ.).
30. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law. M., 2005. Vol. 1. Pp. 64, 65 (in Russ.).
31. Shurshalov V.M. International legal relations. M., 1971. Pp. 21–23 (in Russ.).
32. Lisitsa V. Responsibility of a Host State in Transnational Investment Disputes // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2018. Vol. IX. No. 1 (31). Pp. 139–146.
33. Lisitsa V., Boldyrev V. Self-Regulation as an Alternative Mechanism of Private Governance and Dispute Resolution in Russia and Kazakhstan // Revista Brasileira de Alternative Dispute Resolution — RBADR. 2024. Vol. 6. No. 12. P. 251.
34. Brownlie I. Principles of Public International Law. NY, Oxford, 1998. Pp. 4–10.
35. Russian Business Law / ed. by V. Lisitsa. Novosibirsk, 2019. Pp. 70, 71.

Сведения об авторе

ЛИСИЦА Валерий Николаевич —
доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
гражданского
и предпринимательского права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LISITSA Valeriy N. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Leading Researcher of the Sector of Civil
and Business Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

УДК 347

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

© 2025 г. Е. А. Останина

Челябинский государственный университет

E-mail: elenaostanina@mail.ru

Поступила в редакцию 08.06.2025 г.

Аннотация. Чертой современного общества является многозадачность, при которой гражданин с необходимостью переключается от дел семейных и домашних к профессиональным функциям, сочетает общественную жизнь и стремление к конфиденциальности. Цифровизация сделала доступными для граждан те социальные роли, которые ранее могли выполнять лишь организации. Совмещение социальных ролей влечет ролевой конфликт, который тоже нуждается в гражданско-правовом регулировании, но без представления о сущности ролевого конфликта его гражданско-правовое разрешение будет неполным.

Ключевые слова: правосубъектность, правовой статус, социальная роль, ролевой конфликт, предпринимательская деятельность, самозанятый гражданин.

Цитирование: Останина Е.А. Социальные роли физического лица и их отражение в гражданском праве // Государство и право. 2025. № 11. С. 145–154.

DOI: 10.7868/S3034543X25110119

SOCIAL ROLES OF INDIVIDUALS AND THEIR REFLECTION IN CIVIL LAW

© 2025 Е. А. Ostanina

Chelyabinsk State University

E-mail: elenaostanina@mail.ru

Received 08.06.2025

Abstract. A characteristic feature of modern society is multitasking, whereby persons are forced to switch between family and domestic affairs and professional duties, combining public life with a desire for privacy. Digitalisation has made social roles that were previously only available to organisations accessible to citizens. The combination of social roles leads to role conflict, which also needs to be regulated by Civil Law, but without an understanding of the nature of role conflict, its civil law resolution will be incomplete.

Key words: legal capacity, legal status, social role, role conflict, entrepreneur, self-employed citizen.

For citation: Ostanina, E.A. (2025). Social roles of individuals and their reflection in Civil Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 145–154.

Введение

Право вообще и гражданское право в частности регулирует отношения между людьми. Ведь и юридические лица, и публично-правовые образования являются объединениями, в которых участвует человек. Следовательно, непременным условием успешного применения норм гражданского права является достаточное знание о гражданине как адресате гражданско-правового регулирования, о его интересах и его конкретной ситуации.

1. Понятие социальной роли

Особенность современных социальных отношений состоит в том, что гражданин одновременно может выполнять несколько социальных задач, которые порой противоречат друг другу.

В качестве примера можно привести один из споров, рассмотренных Верховным Судом РФ. Гражданин заключил с застройщиком договор долевого участия в строительстве в отношении 15 квартир. В отношении застройщика было возбуждено дело о банкротстве, гражданин предъявил требование о включении в реестр в качестве потребителя — участника долевого строительства. Суд не согласился с тем, что гражданин в этом договоре является потребителем. Из количества приобретенных квартир (по мнению Суда) следовало, что договор был заключен в коммерческих целях (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.08.2022 № 305-ЭС22-7163)¹. В том же Определении отмечено, что в случаях, когда часть квартир приобретена в потребительских целях, а иная часть — в инвестиционных, требования кредитора подлежат включению в реестр исходя из правовой природы отношения. Итак, заключая один и тот же договор участия в долевом строительстве, по поводу одной квартиры гражданин может действовать как потребитель, по поводу других — как предприниматель. Специфические ситуации «совмещения» возникают не так уж редко. Родитель является одновременно собственником со своим ребенком в их праве собственности на недвижимость (и действует с учетом ограничений, предусмотренных ст. 37 ГК РФ). Предъявляя иск о защите чести и достоинства умершего (абз. 2 п. 1 ст. 152 ГК РФ), член семьи отстаивает репутацию умершего и одновременно свое доброе имя. Супруги в своих имущественных и неимущественных отношениях одновременно являются законными сопредставителями своих несовершеннолетних детей.

«Те или иные аспекты правовой действительности могут в рамках своих предметов исследовать разные

науки»²; в данном случае речь идет о социальном процессе, поэтому уместен небольшой экскурс в социологию. Понятие «социальная роль гражданина» появилось в социальной философии в 30-х годах XX в. Его ввели в научный обиход почти одновременно (и при этом независимо друг от друга³) два американских социолога — Дж. Г. Мид⁴ и Р. Линтон⁵.

1.1. Психологическое объяснение социальной роли

Дж. Г. Мид⁶ сделал вывод, что социальная роль возникает в процессе общения между людьми, не только в результате языковой коммуникации, но и с учетом мимики, жестов, поступков⁷. Р. Линтон определил социальную роль как совокупность ожиданий, которые гражданин вызывает у тех, с кем взаимодействует, в соответствии со своим социальным статусом⁸. Теория Р. Линтона, продолженная Т. Парсонсом⁹ и Р.К. Мертоном¹⁰, привела к исследованию некоторых типичных социальных ролей, в том числе таких, как родитель, коммерсант, врач, пациент, студент, исследователь и т.д. В отечественной (философской и социологической) литературе теория социальной роли стала популярной уже в конце XX в.

1.2. Социологическое объяснение социальной роли

Р. Линтон считал, что каждому статусу свойственна определенная социальная роль. Р.К. Мертон возражал ему, что для каждого статуса

² Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025. С. 145; см. также: Кроткова Н. В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.

³ См.: Носов П. В. Социальные роли как фактор организации общественных отношений: автореф. ... канд. филос. наук. М., 2009. С. 4, 5.

⁴ См.: Мид Дж. Г. От жеста к символу // Американская социологическая мысль: тексты. М., 1994. С. 215–224.

⁵ См.: Linton R. The Study of Man. NY, 1936; Линтон Р. Культурные основания личности // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры. М., 2011. С. 74–114.

⁶ См.: Мид Дж. Г. Указ. соч. С. 220.

⁷ См.: Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: сб. переводов / пер. В. Г. Николаева; ред. Д. В. Ефременко. Сер.: Теория и история социологии. М., 2010. С. 281–298; Фэрис Э. Социальная психология Джорджа Мида // Там же. С. 236–248; Фэрис Э. Природа человеческой природы // Там же. С. 248–262.

⁸ См.: Семенов В. А., Зарубин В. Г., Мартынова Н. А. Социология Роберта К. Мертона. М., 2021. С. 50.

⁹ См.: Parsons T. The social system. Cambridge, 1951 (цит. по: Семенов В. А., Зарубин В. Г., Мартынова Н. А. Указ. соч. С. 45).

¹⁰ См.: Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 243.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 22.08.2022 № 305-ЭС22-7163 по делу № А41-34210/2020 // В официальных источниках опубликовано не было.

характерна не одна, а несколько социальных ролей (Мертон называл их «ролевой набор», *role-set*¹¹); например, для университетского преподавателя характерны как минимум роли преподавателя — по отношению к студентам, исследователя — в части отчетности по науке и коллеги — по отношению к другим преподавателям; а если преподаватель так или иначе включен в управление образовательным процессом, то также и социальная роль администратора¹². Р. Блау обратил внимание на то, что роли могут по-разному исполняться в зависимости от субъективных предпочтений: так, кто-то из преподавателей больше исследователь, а кто-то — больше администратор¹³. Один и тот же гражданин все чаще объединяет в себе множество социальных ролей (например — родитель, сын, исследователь, инвестор, потребитель, консультант, пациент, начальник и подчиненный), причем некоторые социальные роли противоречат друг другу. Возникает ролевой конфликт. Концепция ролевого конфликта развивалась Р.К. Мертоном и Т. Парсонсом. Т. Парсонс писал о наличии определенной вероятности ролевых конфликтов в силу того, что каждый субъект имеет множество ролей, подразумевающих различное отношение к другим; так что каждое действие может соответствовать ожиданиям одних, но противоречить ожиданиям других¹⁴. Р.К. Мертон считал, что ролевой конфликт решается путем различной вовлеченности в исполнение разных социальных ролей¹⁵.

Множество социальных ролей и ролевые конфликты — это действительность регулируемых гражданским правом отношений. Как эти особенности отражаются (и отражаются ли) в гражданском праве?

1.3. Юридическое определение социальной роли

Можно предложить следующее определение социальной роли: это *фактическое состояние физического лица в одном или нескольких взаимосвязанных гражданских правоотношениях, объединенных общей целью или общей социальной функцией*.

Как соотносится понятие социальной роли с понятием гражданско-правового статуса?

Гражданско-правовой статус отражает в первую очередь субъективные права и обязанности,

которыми обладает гражданин. Так, С.Н. Братусь писал: «в широком смысле слова гражданским состоянием или статусом лица называют те его естественные и общественные свойства, с наличием или отсутствием которых закон связывает определенные юридические последствия»¹⁶. Я.Р. Веберс писал, что правовой статус охватывает все элементы, которые закрепляют отношение между государством и гражданами¹⁷. Р.О. Халфина отмечала, что все субъективные права и обязанности, все правовые связи входят в правовой статус¹⁸. Н.В. Витрук писал об особой категории прав — правах общего состояния¹⁹ и включал эти права, наряду с законным интересом, в понятие правового статуса личности²⁰. С.С. Алексеев отмечал, что «именно субъективные права (и обязанности), существующие в виде общего состояния, определяют основу правового положения личности — то стабильное, основополагающее в правовом положении субъекта, что в полной мере соответствует смыслу понятия “статус”. Конкретные же права и обязанности — это, скорее, вопрос факта в юридической области, специфики в реальном положении лица, нежели основы его общего правового положения в данной правовой системе»²¹.

Социальная роль — категория еще более динамичная, чем социальный статус. Она отражает не только субъективные права и обязанности, но и способы их осуществления. Например, наличие жилого помещения в собственности может влиять на гражданско-правовой статус, а способы осуществления этого права (например, наймодатель, заключивший договор коммерческого найма, или отец семейства, вселивший в жилое помещение членов своей семьи) образуют социальную роль. При этом категория «социальная роль», как пришедшая из психологии и социологии, позволяет учитывать цель и мотивы вступления в правоотношение.

2. Социальная роль как способ отразить «переходное состояние» между типичными гражданско-правовыми статусами

Между такими классическими гражданско-правовыми статусами, как предприниматель и потребитель, имеется множество переходных состояний. Эти переходные состояния часто

¹¹ См.: Семенов В.А., Зарубин В.Г., Мартыанова Н.А. Указ. соч. С. 50.

¹² См.: там же. С. 51.

¹³ См.: Blau P. Structural Constraints of Status Complexities // The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton / ed. by Lewis A. Coser. NY, 1975. P. 120 (цит. по: Семенов В.А., Зарубин В.Г., Мартыанова Н.А. Указ. соч. С. 51–53).

¹⁴ См.: Parsons T. Op. cit. (цит. по: Семенов В.А., Зарубин В.Г., Мартыанова Н.А. Указ. соч. С. 54, 55).

¹⁵ См.: Мертон Р.К. Указ. соч. С. 427–433.

¹⁶ Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 81.

¹⁷ См.: Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 37, 38.

¹⁸ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 123.

¹⁹ См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 105.

²⁰ См.: там же. С. 147–159.

²¹ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 153.

сопровождаются количественными характеристиками: когда в литературе говорится о том, что инвестор, приобретающий квартиры для сдачи в аренду, — больше предприниматель, чем потребитель²², или спортсмен-профессионал — больше творческая личность, чем работник по трудовому договору²³, часто речь идет именно об определенных промежуточных состояниях между типичными частно-правовыми статусами, такими как предприниматель и гражданин, не осуществляющий предпринимательскую деятельность, работник и лицо, осуществляющее самостоятельную профессиональную деятельность.

Гражданско-правовую значимость переходных правовых состояний лучше всего показывает правоприменительная практика, складывающаяся в связи с категорией «самозанятый».

2.1. Отдельные виды «переходных состояний»: самозанятый гражданин

До недавнего времени гражданское законодательство дифференцировало отношения, в которых гражданин участвовал в качестве предпринимателя, и отношения, в которых гражданин участвовал в качестве потребителя. Для первых было характерным присутствие предпринимательского риска, для вторых — юридический патернализм²⁴. Так, понимание того, что гражданин является потребителем, традиционно влечет применение диспозитивных норм, возлагающих на противоположную сторону, коммерческую или некоммерческую организацию, повышенные обязанности или ответственность; понимание того, что граждане действуют как предприниматели, напротив, обычно влечет признание за ними большей свободы в определении условий договора (например, ст. 310 ГК РФ) и большей ответственности за неисполнение обязательства (п. 3 ст. 401 ГК РФ). Иными словами, степень патернализма напрямую зависит от того, кем является гражданин в регулируемом правоотношении.

²² См.: Соловьева А.А. Предоставление физлицом в аренду нежилой недвижимости — предпринимательская деятельность // Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение. 2022. № 1. С. 62–67.

²³ См.: Васильевич В.П. Правовой режим деятельности спортсмена: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022. С. 64.

²⁴ О понятии патернализма, его видах, достоинствах и недостатках см. подр.: Cserne P. Freedom of Contract and Paternalism: Prospects and Limits of an Economic Approach (excerpt) (December 5, 2012) // Freedom of Contract and Paternalism: Prospects and Limits of an Economic Approach. Palgrave Macmillan, 2012. URL: <https://ssrn.com/abstract=2234362>; Карапетов А.Г. Комментарий к ст. 308 ГК РФ // Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2022.

Понятие «самозанятого» изначально планировалось законодателем как понятие налогового права; эта задача решалась Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на профессиональный доход”»²⁵ (далее — Федеральный закон № 422-ФЗ). Общая идея норм о налоге на профессиональный доход, вероятно, состояла в том, чтобы максимально упростить легализацию индивидуальной экономической деятельности тем гражданам, кто не хотел бы работать по трудовому договору, но при этом также не готов и получить правовой статус индивидуального предпринимателя со всеми его бухгалтерскими и налоговыми обязанностями. Для самозанятого гражданина допускается любой вид деятельности, кроме исключений, перечень которых установлен в качестве исчерпывающего перечня. Первоначально, на стадии налогового эксперимента до 2019 года, законодатель устанавливал исчерпывающий перечень видов деятельности, которые могут осуществляться самозанятыми гражданами, затем перешел к исчерпывающему перечню исключений. В частности, самозанятый гражданин не вправе осуществлять торговлю подакцизными товарами, не может выступать в качестве ритейлера и т.д. (ст. 4 Федерального закона № 422-ФЗ). Условия применения этого специального налогового режима: во-первых, недопустимость привлечения работников; во-вторых, суммарный годовой доход не должен превышать 2 400 000 руб. (ст. 4). По мере успешного развития этого налогового эксперимента стали появляться вопросы гражданско-правового характера. Так, прежде всего, если самозанятый заключает договоры с гражданами, следует ли применять к такому договору нормы о потребительском договоре, а на самозанятого гражданина возлагать ответственность, как на коммерсанта?

Первоначальная идея, заложенная в основу Федерального закона № 422-ФЗ, скорее позволила бы ответить на этот вопрос отрицательно. Самозанятость планировалась первоначально как некий вариант борьбы с безработицей, более мягкий вариант осуществления профессиональной деятельности, чем установлен для индивидуальных предпринимателей. Поэтому возлагать на самозанятого гражданина ту же ответственность, что и на индивидуального предпринимателя (т.е. на началах предпринимательского риска, п. 3 ст. 401 ГК РФ), казалось бы, вряд ли обоснованно.

Вместе с тем существующая судебная практика (складывающаяся пока только на уровне кассационных инстанций, поскольку до Верховного Суда РФ пока такие споры не доходили), склонна

²⁵ См.: СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I), ст. 7494.

признавать, что деятельность самозанятого — это разновидность предпринимательской деятельности. Так, в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 февраля 2024 г. № 88-3817/2024 сказано, что договор, по которому самозанятый гражданин обязан оказать услуги другому гражданину по возмездному договору, является договором с участием потребителя. Для суда в этом деле особое значение имел возмездный характер договора. С гражданина, действующего в качестве самозанятого, взыскана компенсация морального вреда и неустойка, предусмотренная Законом РФ от 7 февраля 1992 г. «О защите прав потребителей»²⁶.

В Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 февраля 2022 г. по делу № 88-4140/2022 сказано, что гражданин, действующий в качестве самозанятого, вправе «заниматься определенными видами предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя». Такой же вывод сделан в Определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 4 августа 2023 г. по делу № 88-27000/2023.

В Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 3 июня 2024 г. № 88-10367/2024 юрист, действующий в качестве самозанятого, был признан лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность.

В Определении Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 15 марта 2023 г. по делу № 88-1817/2023 деятельность самозанятого гражданина, который заключил договор о выполнении ремонтных работ, была признана предпринимательской деятельностью, а договор — договором бытового подряда. Такой же вывод сделан в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13 декабря 2022 г. по делу № 88-26468/2022.

Итак, в судебной практике поддерживается вывод о том, что деятельность самозанятого гражданина является предпринимательской деятельностью, осуществляемой без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Примечательно, что при определении подведомственности спора с участием самозанятого та же судебная практика различает понятие «предпринимательская деятельность» и «профессиональная деятельность».

В процессуальном праве уже возник вопрос о том, какой суд компетентен рассматривать споры с участием самозанятого. Общее мнение состоит в том, что регистрация в качестве самозанятого

никак не меняет гражданско-процессуальный статус гражданина.

Так, в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 10 февраля 2023 г. № 09АП-8642/2023 по делу № А40-219728/2022 Суд установил, что истец является самозанятым гражданином и передал дело в суд общей юрисдикции по подсудности. «Законодательство различает понятия “профессиональной” и предпринимательской деятельности», — отметил при этом Суд. Аналогичный вывод сделан в Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2023 г. № 13АП-13795/2023 по делу № А56-1169/2023: «действующее законодательство разграничивает понятия предпринимательской деятельности в качестве “профессиональной” и деятельности граждан, которые получают доход для целей собственного обеспечения», — указал Суд, передавая спор в суд общей юрисдикции по подсудности. В Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20 февраля 2023 г. № 88-4788/2023 упоминается, что предпринимательская деятельность в некоторых случаях может осуществляться и без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, но тут же подчеркивается, что профессиональная деятельность в качестве самозанятого не идентична предпринимательской деятельности.

Возникает закономерный вопрос: распространяется ли правило об ответственности независимо от вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ) на ответственность самозанятого гражданина?

А.Г. Карапетов считает неразумным распространять правила об ответственности на началах предпринимательского риска на все договоры граждан с самозанятыми²⁷. С этим мнением можно согласиться *de lege ferenda*. Сравнивая гражданско-правовой статус индивидуального предпринимателя и гражданско-правовой статус самозанятого гражданина, нельзя не отметить, что самозанятый гражданин, как правило, обладает меньшими экономическими и переговорными возможностями, чем индивидуальный предприниматель. Это следует хотя бы из того, что самозанятый гражданин не привлекает третьих лиц на основании трудовых договоров к исполнению своих обязательств перед контрагентами. Поэтому простое распространение на деятельность самозанятых граждан всех правил о предпринимательском риске и предпринимательской ответственности, действительно, кажется несколько поспешным и недостаточно

²⁶ См.: Росс. газ. 1992. 7 апр.

²⁷ См.: Карапетов А.Г., Павлов А.А. Комментарий к ст. 2 ГК РФ // Основные положения гражданского права: постановочный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2020. С. 300.

эффективным решением. Тем не менее, пока законодатель не определил правила участия самозанятых граждан в обязательствах, *de lege lata* гражданско-правовой статус самозанятых граждан приближен к гражданско-правовому статусу индивидуальных предпринимателей.

2.2. Отдельные виды «переходных состояний»: участник корпорации

Другой пример гражданско-правового статуса, не совпадающего со статусом предпринимателя, но близкого к нему, — это гражданско-правовой статус участника корпорации. Анализ корпоративных отношений сам по себе не входит в предмет исследования, и нужно обратить внимание только на статус гражданина — участника корпорации. С одной стороны, он формально не имеет статуса лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, с другой — на отдельные сделки по поводу долей или акций в обществе распространяются правила о предпринимательских сделках (например, ст. 406¹, 431² ГК РФ). Так, ст. 406¹ ГК РФ допускает соглашение о возмещении потерь в предпринимательской деятельности и в договорах с участием граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя, но отчуждающих принадлежащие им доли в уставном капитале хозяйственных обществ или акции. В литературе отмечается, что ограничение круга участников соглашения о возмещении потерь связано с необходимостью «обезопасить граждан от их собственных действий»²⁸; на граждан — участников корпоративных отношений этот «защитный эффект» не распространяется.

2.3. Отдельные виды переходных состояний: лицо, осуществляющее профессиональную деятельность

Довольно обширной категорией, не совпадающей с категорией предпринимательской деятельности, является категория самостоятельной профессиональной деятельности. Ю.В. Блинова считает, что профессионализм — это признак предпринимательской деятельности²⁹. С этим выводом вряд ли можно полностью согласиться: понятие «профессиональная деятельность», очевидно, не совпадает с предпринимательской деятельностью; так, деятельность арбитражного управляющего является профессиональной деятельностью, но не является предпринимательской деятельностью.

²⁸ Толстолаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Вестник гражданского права. 2023. № 5. С. 153–199; № 6. С. 133–197.

²⁹ См.: Блинова Ю.В. Автономия воли в трансграничных деликтах // Актуальные проблемы рос. права. 2024. № 11. С. 170–184.

Н.В. Козлова и С.Ю. Филиппова верно отмечают, что профессиональная деятельность адвоката, нотариуса или медиатора осуществляется гражданином самостоятельно и связана с риском, но ее отличает от предпринимательской деятельности в первую очередь принципиально иная цель³⁰.

К лицам, осуществляющим профессиональную деятельность, в частности, относятся нотариусы, адвокаты, арбитражные управляющие.

В.С. Белых, Т.М. Звездина³¹, Е.В. Лебедев³² отмечают, что в одних случаях законодатель признает профессиональную деятельность разновидностью предпринимательской деятельности (например, деятельность оценщика), а в других случаях данная деятельность не является предпринимательской, об этом имеется прямое указание в законе (адвокат, нотариус, арбитражный управляющий, медиатор). В связи с этим В.С. Белых отмечает, что понятие предпринимательской деятельности в ст. 2 ГК РФ отличается некоторой неопределенностью³³.

2.4. Отдельные виды «переходных состояний»: предприниматели, инвесторы

Еще одним блоком отношений, также примыкающим к понятию предпринимательской деятельности, являются отношения по предоставлению имущества в аренду либо по договору коммерческого найма. В одном из разъяснений Верховный Суд РФ отметил, что «законодатель связывает необходимость регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя с осуществлением им предпринимательской деятельности, о наличии которой в действиях гражданина может свидетельствовать, в частности, приобретение имущества с целью последующего извлечения прибыли от его использования и реализации» (п. 12 Обзора правовых позиций, принятых во втором квартале 2023 г. по вопросам налогообложения)³⁴. А.Г. Карапетов, А.А. Павлов, например, предлагают учитывать в качестве одного

³⁰ См.: Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. К вопросу о гражданско-правовом статусе граждан, занимающихся профессиональной деятельностью, не являющейся предпринимательской // Хозяйство и право. 2019. № 10 (513). С. 17–26.

³¹ См.: Белых В.С., Звездина Т.М. Понятие субъектов малого и среднего предпринимательства в науке предпринимательского права // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 4–10.

³² См.: Лебедева Е.В. Категория «иная экономическая деятельность»: взгляд законодателя и правоприменителя // Администратор суда. 2023. № 2. С. 43–46.

³³ См.: Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2009.

³⁴ См.: Письмо ФНС России от 31.05.2023 № БВ-4-7/6781 «Обзор правовых позиций, отраженных в судебных актах Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, принятых в первом квартале 2023 года по вопросам налогообложения» // В официальных источниках опубликовано не было.

из критериев «масштабы извлекаемой прибыли в соотношении с иными доходами гражданина»³⁵.

Вопрос об особенностях гражданско-правового статуса гражданина, систематически сдающего имущество в аренду, важен и для определения особенностей гражданско-правовой ответственности, и для решения вопроса о мере допустимого патернализма. Если считать такого гражданина лицом, не осуществляющим предпринимательскую деятельность, то применяются общие нормы гражданского права, отмеченные определенной долей правового патернализма³⁶. Например, отказ от договора допускается в случаях, предусмотренных законом, но не соглашением сторон (ст. 310 ГК РФ). Если же считать арендодателя предпринимателем, то к договору применяются нормы о предпринимательских обязательствах, в том числе и нормы об ответственности на началах предпринимательского риска (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Понятие инвестиционной деятельности как деятельности физических лиц, направленной на получение дохода, само по себе является неким переходным состоянием. Как отмечает А.В. Майфат, «инвестор схож с предпринимателем, однако, в отличие от последнего, инвестор доход не создает, его создает или пытается создать иной субъект, с которым инвестор связан относительно, как правило, договорным правоотношением»³⁷.

Следовательно, многообразие социальных ролей уже отражено в гражданском законодательстве. Наряду с привычными категориями потребителя и предпринимателя, имеются также понятия, пришедшие из публичного права и не всегда достаточно «ассимилированные» в гражданском праве.

3. Категория «социальная роль» как средство выявления нетипичных индивидуальных черт в типичном гражданско-правовом статусе

Даже стандартные социальные роли, такие как потребитель, не всегда связаны со стандартными, стереотипными признаками. Так, вопреки стандартному представлению, потребитель — не всегда слабая сторона договорного обязательства. Категория «потребитель» сама по себе относится к одной из наиболее распространенных социальных ролей физического лица. Традиционно законодательство, доктрина и судебная практика исходят из того, что потребитель представляет собой более слабую (в экономическом и организационном плане) сторону договорного

правоотношения, в силу чего потребителю должна быть предоставлена дополнительная защита³⁸. Вместе с тем некоторые потребители обладают настолько отработанными навыками участия в той или иной группе гражданских правоотношений (например, в отношениях, связанных с участием в долевом строительстве), что экономический и организационный дисбаланс перестает ощущаться. Иногда в таких случаях в доктрине говорится о «потребительском экстремизме»³⁹. Очевидно, такие единичные случаи не означают ненужности потребительского законодательства как такового: эта проблема решается применением нормы ст. 10 ГК РФ к отдельным требованиям, которые представляют собой злоупотребление правом.

Таким образом, прослеживая многочисленные социальные роли, которые принимает на себя гражданин, можно видеть как общие признаки, характерные для той или иной группы гражданских правоотношений (например, потребительских обязательств или предпринимательской деятельности), так и особенности конкретного субъекта и конкретного правоотношения.

3.1. Изменение законодательства в телеологическое толкование

В некоторых случаях новая социальная роль может стать настолько распространенной, а правовые проблемы, связанные с ней, — настолько значительными, что потребуют самостоятельного правового регулирования. Вместе с тем вряд ли возможно отразить в законодательстве все социальные роли граждан, поэтому не менее перспективным вариантом развития является телеологическое толкование норм права. Возможность такого толкования предусмотрена, например, нормой п. 4 ст. 23 ГК РФ, согласно которому суд может применить к сделкам гражданина, фактически осуществляющего предпринимательскую деятельность, правила Гражданского кодекса РФ об обязательствах, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, несмотря на отсутствие регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Гражданское законодательство содержит ряд терминов, касающихся гражданско-правового статуса

³⁸ Так, В.В. Богдан обоснованно пишет о дополнительных правовых гарантиях, предоставленных потребителю (см.: Богдан В.В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики: автореф. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2015. С. 10).

³⁹ См.: Степанова Е.Е. Проблемы защиты прав потребителей (по материалам судебной практики мировых судей Санкт-Петербурга и Ленинградской области): учеб. пособие. СПб., 2023; Потребительский терроризм — не более чем выдумка со стороны бизнеса [Интервью с М.С. Орловым] // Закон. 2021. № 9. С. 8–14; Петров Д.А. О недобросовестных коммерческих практиках профессиональных участников финансового рынка // Там же. 2024. № 9. С. 54–61.

³⁵ Каранетов А.Г., Павлов А.А. Указ. соч. С. 308.

³⁶ См.: Mitchell Gr. Libertarian Paternalism is an Oxymoron // FSU College of Law, Public Law Research Paper. 2005. No. 136. Pp. 3–42; Kirchaessner G. Soft Paternalism, Merit Goods, and Normative Individualism // CESifo Working Paper Series. 2014. No. 4688. Pp. 1–14.

³⁷ Майфат А.В. Инвестиционные договоры в системе гражданского права // Власть Закона. 2021. № 1 (45). С. 121.

и социальных ролей физического лица. Помимо уже упомянутой категории «предпринимательская деятельность» (ст. 2 ГК РФ) можно назвать также категорию «член семьи» (п. 2 ст. 185.1, п. 2 ст. 288, ст. 292, п. 5 ст. 449.1, п. 1 ст. 578, п. 2 ст. 672 ГК РФ)⁴⁰. Эта категория и связанные с ней нормы допускают телеологическое толкование, в том числе учитывающее мотивы лиц, участвующих в правоотношении.

Итак, понятие социальной роли, которое обращает внимание исследователя или правоприменителя на цель осуществления прав, принадлежащих гражданину, может быть полезно в телеологическом толковании норм гражданского права.

3.2. Ролевой конфликт и его отражение в законодательстве

Всевозможные ролевые конфликты уже учитываются действующим законодательством. Прежде всего в основе категории «сделка с заинтересованностью» (например, ст. 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁴¹, ст. 81 Федерального закона «Об акционерных обществах»⁴²) лежит понимание возможности ролевого конфликта. Применительно к гражданам законодатель учитывает возможность ролевого конфликта, когда обязывает орган опеки и попечительства временно освободить опекуна (попечителя) от исполнения обязанностей в случае возникновения противоречий между интересами подопечного и интересами опекуна или попечителя (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»⁴³); а также когда обязывает орган опеки и попечительства назначить представителя несовершеннолетнего в случае конфликта интересов несовершеннолетнего и его родителя (п. 2 ст. 64 ГК РФ); так что в случае, например, когда в результате смерти супруга в процессе о разделе имущества супругов на стороне ответчика оказывается правопреемник — несовершеннолетний ребенок, мать не может быть одновременно и истицей, и представителем ответчика, и орган опеки и попечительства, в силу п. 2 ст. 64 ГК РФ, должен выступить в качестве процессуального представителя или назначить представителя.

Заключение

Категория социальной роли позволяет отразить индивидуальные особенности осуществления того

или иного права, выявить промежуточные состояния между типичными правовыми статусами, в том числе и в случае, когда эти промежуточные состояния еще не получили правового регулирования. Теория социальной роли включает в себя учение о ролевом конфликте — ситуации, когда один субъект принимает несколько социальных ролей, препятствующих друг другу; некоторые типичные ролевые конфликты уже получили регулирование в отечественном гражданском праве, и теория социальной роли только позволяет понять и оценить это регулирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 153.
2. Бандо М. В. Об основаниях возникновения прав членов семьи нанимателей специализированных жилых помещений // Росс. юстиция. 2016. № 10. С. 24–27.
3. Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2009.
4. Белых В. С., Звездина Т. М. Понятие субъектов малого и среднего предпринимательства в науке предпринимательского права // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 4–10.
5. Блинова Ю. В. Автономия воли в трансграничных деликтах // Актуальные проблемы рос. права. 2024. № 11. С. 170–184.
6. Блумер Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: сб. переводов / пер. В. Г. Николаева; ред. Д. В. Ефременко. Сер.: Теория и история социологии. М., 2010. С. 281–298.
7. Богдан В. В. Гражданско-правовое регулирование защиты прав потребителей в современной России: проблемы теории и практики: автореф. ... д-ра юрид. наук. Курск, 2015. С. 10.
8. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 81.
9. Васильевич В. П. Правовой режим деятельности спортсмена: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022. С. 64.
10. Веберс Я. Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. С. 37, 38.
11. Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 105, 147–159.
12. Карапетов А. Г. Комментарий к ст. 308 ГК РФ // Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2022.
13. Карапетов А. Г., Павлов А. А. Комментарий к ст. 2 ГК РФ // Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М., 2020. С. 300, 308.

⁴⁰ О понятии «член семьи» см.: Бандо М. В. Об основаниях возникновения прав членов семьи нанимателей специализированных жилых помещений // Росс. юстиция. 2016. № 10. С. 24–27; Михайлова И. А. Родственные и семейные связи граждан: понятие, соотношение и значение // Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики / отв. ред. Е. В. Вавилин, О. М. Родионова. М., 2024.

⁴¹ См.: СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 785.

⁴² См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 1.

⁴³ См.: СЗ РФ. 2008. № 17, ст. 1755.

14. Козлова Н.В., Филиппова С.Ю. К вопросу о гражданско-правовом статусе граждан, занимающихся профессиональной деятельностью, не являющейся предпринимательской // *Хозяйство и право*. 2019. № 10 (513). С. 17–26.
15. Кроткова Н.В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // *Государство и право*. 2016. № 4. С. 5–31.
16. Лебедева Е.В. Категория «иная экономическая деятельность»: взгляд законодателя и правоприменителя // *Администратор суда*. 2023. № 2. С. 43–46.
17. Линтон Р. Культурные основания личности // *Антология исследований культуры. Символическое поле культуры*. М., 2011. С. 74–114.
18. Майфат А.В. Инвестиционные договоры в системе гражданского права // *Власть Закона*. 2021. № 1 (45). С. 121.
19. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 243, 427–433.
20. Мид Дж. Г. От жеста к символу // *Американская социологическая мысль: тексты*. М., 1994. С. 215–224.
21. Михайлова И.А. Родственные и семейные связи граждан: понятие, соотношение и значение // *Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики* / отв. ред. Е.В. Вавилин, О.М. Родионова. М., 2024.
22. Носов П.В. Социальные роли как фактор организации общественных отношений: автореф. ... канд. филос. наук. М., 2009. С. 4, 5.
23. Петров Д.А. О недобросовестных коммерческих практиках профессиональных участников финансового рынка // *Закон*. 2024. № 9. С. 54–61.
24. Потребительский терроризм — не более чем выдумка со стороны бизнеса [Интервью с М.С. Орловым] // *Закон*. 2021. № 9. С. 8–14.
25. Семенов В.А., Зарубин В.Г., Мартыанова Н.А. Социология Роберта К. Мертона. М., 2021. С. 51–55.
26. Соловьева А.А. Предоставление физлицом в аренду нежилой недвижимости — предпринимательская деятельность // *Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение*. 2022. № 1. С. 62–67.
27. Степанова Е.Е. Проблемы защиты прав потребителей (по материалам судебной практики мировых судей Санкт-Петербурга и Ленинградской области): учеб. пособие. СПб., 2023.
28. Тарасов Н.Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025. С. 145.
29. Тололаева Н.В., Церковников М.А. Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // *Вестник гражданского права*. 2023. № 5. С. 153–199; № 6. С. 133–197.
30. Фэрис Э. Природа человеческой природы // *Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: сб. переводов / пер. В.Г. Николаева; ред. Д.В. Ефременко. Сер.: Теория и история социологии*. М., 2010. С. 248–262.
31. Фэрис Э. Социальная психология Джорджа Мида // *Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: сб. переводов / пер. В.Г. Николаева; ред. Д.В. Ефременко. Сер.: Теория и история социологии*. М., 2010. С. 236–248.
32. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 123.
33. Blau P. Structural Constraints of Status Complements // *The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton* / ed. by Lewis A. Coser. NY, 1975. P. 120.
34. Cserne P. Freedom of Contract and Paternalism: Prospects and Limits of an Economic Approach (excerpt) (December 5, 2012) // *Freedom of Contract and Paternalism: Prospects and Limits of an Economic Approach*. Palgrave Macmillan, 2012. URL: <https://ssrn.com/abstract=2234362>
35. Kirchgassner G. Soft Paternalism, Merit Goods, and Normative Individualism // *CESifo Working Paper Series*. 2014. No. 4688. Pp. 1–14.
36. Linton R. *The Study of Man*. NY, 1936.
37. Mitchell Gr. Libertarian Paternalism is an Oxymoron // *FSU College of Law, Public Law Research Paper*. 2005. No. 136. Pp. 3–42.
38. Parsons T. *The social system*. Cambridge, 1951.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. General theory of law: in 2 vols. M., 1981. Vol. 2. P. 153 (in Russ.).
2. Bando M.V. On the grounds of the rights of family members of tenants of specialized residential premises // *Russ. Justice*. 2016. No. 10. Pp. 24–27 (in Russ.).
3. Belykh V.S. Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia. M., 2009 (in Russ.).
4. Belykh V.S., Zvezdina T.M. The concept of subjects of small and medium-sized businesses in the science of Entrepreneurial Law // *Entrepreneurial Law*. 2018. No. 2. Pp. 4–10 (in Russ.).
5. Blinova Yu. V. Autonomy of the will in cross-border torts // *Actual problems of the Russian Academy of Sciences*. 2024. No. 11. Pp. 170–184 (in Russ.).
6. Bloomer G. Sociological implications of George Herbert Mead's thinking // *Interactionism in American sociology and social psychology of the first half of the twentieth century: collection of translations / transl. by V.G. Nikolaev; ed. by D.V. Efremenko. Ser.: Theory and History of Sociology*. M., 2010. Pp. 281–298 (in Russ.).
7. Bogdan V.V. Civil law regulation of consumer protection in modern Russia: problems of theory and practice: abstract ... Doctor of Law. Kursk, 2015. P. 10 (in Russ.).
8. Bratus S.N. Subjects of Civil Law. M., 1950. P. 81 (in Russ.).
9. Vaskevich V.P. The legal regime of an athlete's activity: a civilistic study: dis. ... Doctor of Law. Kazan, 2022. P. 64 (in Russ.).
10. Webers Ya. R. The legal personality of citizens in Soviet Civil and Family Law. Riga, 1976. Pp. 37, 38 (in Russ.).
11. Vitruk N.V. Fundamentals of the theory of the legal status of the individual in a socialist society. M., 1979. Pp. 105, 147–159 (in Russ.).
12. Karapetov A.G. Commentary to art. 308 of the Civil Code of the Russian Federation // *Fulfillment and termination of obli-*

- gations: commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation / ed. by A.G. Karapetov. M., 2022 (in Russ.).
13. *Karapetov A.G., Pavlov A.A.* Commentary to art. 2 of the Civil Code of the Russian Federation // Basic provisions of Civil Law: an article-by-article commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] / ed. by A.G. Karapetov. M., 2020. Pp. 300, 308 (in Russ.).
 14. *Kozlova N.V., Filippova S. Yu.* On the issue of the civil status of citizens engaged in professional activities that are not entrepreneurial // *Economy and law*. 2019. No. 10 (513). Pp. 17–26 (in Russ.).
 15. *Krotkova N.V.* History and methodology of legal science (“Round Table” of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University and the journal “State and Law”) // *State and Law*. 2016. No. 4. Pp. 5–31 (in Russ.).
 16. *Lebedeva E.V.* The category “other economic activity”: the view of the legislator and the law enforcer // *Court administrator*. 2023. No. 2. Pp. 43–46 (in Russ.).
 17. *Linton R.* Cultural foundations of personality // *An anthology of cultural studies. The symbolic field of culture*. M., 2011. Pp. 74–114.
 18. *Mayfat A.V.* Investment contracts in the system of Civil Law // *The Rule of Law*. 2021. No. 1 (45). P. 121 (in Russ.).
 19. *Merton R.K.* Social theory and social structure. M., 2006. Pp. 243, 427–433 (in Russ.).
 20. *Mead J.G.* From gesture to symbol // *American sociological thought: texts*. M., 1994. Pp. 215–224 (in Russ.).
 21. *Mikhailova I.A.* Kinship and family ties of citizens: concept, correlation and meaning // *Modern Civil and Family Law: prospects for the development of doctrine, legislation and law enforcement practice* / ed. by E.V. Vavilin, O.M. Rodionova. M., 2024 (in Russ.).
 22. *Nosov P.V.* Social roles as a factor in the organization of public relations: abstract ... Candidate of Philosophical Sciences. M., 2009. Pp. 4, 5 (in Russ.).
 23. *Petrov D.A.* On unfair commercial practices of professional financial market participants // *Law*. 2024. No. 9. Pp. 54–61 (in Russ.).
 24. Consumer terrorism is nothing more than an invention on the part of business [Interview with M.S. Orlov] // *Law*. 2021. No. 9. Pp. 8–14 (in Russ.).
 25. *Semenov V.A., Zarubin V.G., Martianova N.A.* Robert K. Merton’s Sociology. M., 2021. Pp. 51–55 (in Russ.).
 26. *Solovyova A.A.* Provision of non-residential real estate by an individual – entrepreneurial activity // *Construction: accounting and taxation*. 2022. No. 1. Pp. 62–67 (in Russ.).
 27. *Stepanova E.E.* Problems of consumer rights protection (based on the judicial practice of magistrates of St. Petersburg and the Leningrad region): textbook. SPb., 2023 (in Russ.).
 28. *Tarasov N.N.* History and methodology of legal science: methodological problems of jurisprudence: textbook for universities. 2nd ed., rev. and add. M., 2025. P. 145 (in Russ.).
 29. *Tololaeva N.V., Tserkovnikov M.A.* Scientific and practical commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2016 No. 7 “On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation on liability for breach of obligations” // *Herald of Civil Law*. 2023. No. 5. Pp. 153–199; No. 6. Pp. 133–197 (in Russ.).
 30. *Faris E.* The nature of human nature // *Interactionism in American sociology and social psychology of the first half of the twentieth century: collection of translations* / transl. by V.G. Nikolaev; ed. by D.V. Efremenko. Ser.: Theory and History of Sociology. M., 2010. Pp. 248–262 (in Russ.).
 31. *Faris E.* George Meade’s Social Psychology // *Interactionism in American sociology and social psychology of the first half of the twentieth century: collection of translations* / transl. by V.G. Nikolaev; ed. by D.V. Efremenko. Ser.: Theory and History of Sociology. M., 2010. Pp. 236–248 (in Russ.).
 32. *Khalfina R.O.* The general doctrine of legal relations. M., 1974. P. 123 (in Russ.).
 33. *Blau P.* Structural Constraints of Status Complements // *The Idea of Social Structure: Papers in Honor of Robert K. Merton* / ed. by Lewis A. Coser. NY, 1975. P. 120.
 34. *Cserne P.* Freedom of Contract and Paternalism: Prospects and Limits of an Economic Approach (excerpt) (December 5, 2012) // *Freedom of Contract and Paternalism: Prospects and Limits of an Economic Approach*. Palgrave Macmillan, 2012. URL: <https://ssrn.com/abstract=2234362>.
 35. *Kirchgaessner G.* Soft Paternalism, Merit Goods, and Normative Individualism // *CESifo Working Paper Series*. 2014. No. 4688. Pp. 1–14.
 36. *Linton R.* The Study of Man. NY, 1936.
 37. *Mitchell Gr.* Libertarian Paternalism is an Oxymoron // *FSU College of Law, Public Law Research Paper*. 2005. No. 136. Pp. 3–42.
 38. *Parsons T.* The social system. Cambridge, 1951.

Сведения об авторе

ОСТАНИНА Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Челябинского государственного университета; 454001 г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129
ORCID: 0000-0003-0026-3161

Authors’ information

OSTANINA Elena A. – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Process, Chelyabinsk State University; 129 Brat’ev Kashirinykh str., 454001 Chelyabinsk, Russia

УДК 349

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЕКТОВ И ПРОГРАММ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

© 2025 г. Е. Е. Шевченко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: eeshevchenko@outlook.com

Поступила в редакцию 12.07.2025 г.

Аннотация. Экологическое благополучие является одной из национальных целей развития России. До 2024 года действовал национальный проект «Экология», который в 2025 г. продолжен под наименованием, соответствующим названию национальной цели. В статье рассматриваются документы федерального уровня, служащие основанием для проведения экологических мероприятий в России, и каким образом они закрепляются.

В статье представлен анализ соотношения национального проекта, государственной программы и федерального проекта, а также соотношение понятий национальной цели, национального интереса и стратегических национальных приоритетов. Сопоставлены задачи по экологии из разных документов стратегического планирования для определения полноты охвата намеченных и реализуемых экологических задач.

Выявлено, что в настоящее время правовые основы государственных проектов по экологии проходят этап развития в направлении повышения эффективности, выраженной в большей прозрачности, конкретности, определенности во времени, измеримости, достижимости поставленных целей.

Ключевые слова: экологическое благополучие, стратегическое планирование, национальный проект, государственная программа, национальная цель, национальные интересы, стратегические национальные приоритеты.

Цитирование: Шевченко Е. Е. Правовые основы российских государственных проектов и программ в экологической сфере // Государство и право. 2025. № 11. С. 155–169.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00935, <https://rscf.ru/project/24-28-00935>

DOI: 10.7868/S3034543X25110128

THE LEGAL BASIS OF RUSSIAN GOVERNMENT PROJECTS AND PROGRAMS IN THE ENVIRONMENTAL FIELD

© 2025 Е. Е. Shevchenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: eeshevchenko@outlook.com

Received 12.07.2025

Abstract. Environmental well-being is one of Russia's national development goals. Until 2024, the "Ecology" national project operated, which in 2025 was continued under a name corresponding to the name of the national goal. The article examines the federal documents that serve as the basis for environmental measures in Russia, and how they are approved.

The article presents an analysis of the relationship between the national project, the state program and the federal project, as well as the relationship between the concepts of national purpose, national interest and strategic national priorities. Environmental objectives from different strategic planning documents are compared to determine the completeness of coverage of planned and implemented environmental objectives. It has been revealed that currently the legal foundations of the state's environmental projects are undergoing a stage of development in the direction of increasing efficiency, expressed in transparency, concreteness, certainty in time, measurability, and achievability of the goals set.

Key words: strategic planning, national project, state program, ecological well-being, national development goal, national interests, strategic national priorities.

For citation: *Shevchenko, E.E. (2025).* The legal basis of Russian government projects and programs in the environmental field // *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, No. 11, pp. 155–169.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00935, <https://rscf.ru/project/24-28-00935>

В современной эколого-правовой науке вопросы обеспечения права на благоприятную окружающую среду и экологическое благополучие населения являются предметом тщательного исследования¹. Обозначаются возможные подходы к решению экологических проблем, предлагаются различные способы обеспечения экологической безопасности. Рациональное природопользование рассматривается как ориентированный на будущее

способ использования природных ресурсов, выраженный в праве, при этом наилучшим результатом охраны окружающей среды и рационального природопользования ученым видится экологическая безопасность, экологическое благополучие².

Экологическое благополучие является одной из национальных целей развития России на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Данной национальной цели соответствует одноименный национальный проект «Экологическое благополучие». Именно на основе документов стратегического планирования вырабатываются направления деятельности государства в области охраны окружающей среды, определяются цели и задачи на несколько лет вперед, разрабатываются экологические мероприятия, утверждаются целевые показатели и необходимые на их выполнение ресурсы.

Национальный проект представляет собой документ стратегического планирования и является одним из целой системы документов, принимаемых в рамках стратегического планирования в России. Суть стратегического планирования состоит в целеполагании, прогнозировании, планировании и программировании социально-экономического развития страны³, его основы закреплены Федеральным законом о стратегическом планировании⁴.

¹ См. подр.: *Боголюбов С.А.* Потенциал экологических норм Конституции России // *Журнал рос. права*. 2018. № 5. С. 16–25; *Васильева М.И.* Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности // *Экологическое право*. 2005. № 1. С. 19–26; *Волков Г.А., Голиценков А.К., Нарышева Н.Г.* Проблемы правового регулирования использования и охраны лесов на землях сельскохозяйственного назначения // Там же. 2023. № 4. С. 13–21; *Дубовик О.Л.* Современные эколого-правовые конфликты в области охраны климата и борьбы с глобальным потеплением // Там же. 2018. № 5. С. 37–42; *Игнатъева И.А.* Правовое обеспечение ликвидации накопленного вреда окружающей среде // *Росс. юрид. журнал*. 2017. № 2. С. 164–177; *Краснова И.О.* Правовая природа и система актов государственной экологической политики // *Актуальные проблемы рос. права*. 2022. № 1. С. 164–177; *Петрова Т.В.* Рациональное использование природных ресурсов: понятие, принцип, полномочие, направление государственной экологической политики // *Экологическое право*. 2016. № 3. С. 29–34; *Пономарев М.В.* Эколого-правовые проблемы обращения с отходами недропользования в Арктической зоне Российской Федерации // *Журнал рос. права*. 2021. № 10. С. 143–156; *Анисимов А.П., Устюкова В.В., Чикильдина А.Ю.* Эколого-правовая ответственность за причинение вреда окружающей среде: проблемы обоснования // *Труды ИГП РАН*. 2017. № 4 (62). С. 133–161; *Харьков В.Н.* Правовые проблемы обеспечения экологического благополучия и охраны природных ресурсов Российской Федерации // *Экологическое право*. 2022. № 4. С. 15–18; *Ялбулганов А.А.* Право на благоприятную окружающую среду в системе конституционных норм: современные проблемы правопонимания в контексте конституционной культуры // *Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности*. М., 2011. С. 187–200.

² См.: *Бринчук М.М.* Правовое обеспечение «устойчивого природопользования» как дежавю // *Экологическое право*. 2025. № 3. С. 2–8.

³ См.: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ст. 3) // *СЗ РФ*. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3378.

Научный подход к пониманию понятия отражен, к примеру: *Никифорова Е.Н.* Правовые аспекты стратегического планирования в Российской Федерации // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии*. 2017. № 1 (31). С. 42.

⁴ См.: *СЗ РФ*. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3378.

Поименованным Федеральным законом предусмотрено четыре вида федеральных документов стратегического планирования:

1) разрабатываемые в рамках целеполагания (например, ежегодное Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, Стратегия социально-экономического развития России, Стратегия национальной безопасности России, Стратегия научно-технологического развития России);

2) разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному принципу (например, отраслевые документы стратегического планирования России, Стратегия пространственного развития России);

3) разрабатываемые в рамках прогнозирования (например, прогноз научно-технологического развития России, стратегический прогноз России, прогноз социально-экономического развития России на долгосрочный и среднесрочный период, бюджетный прогноз России на долгосрочный период);

4) разрабатываемые в рамках планирования и программирования (например, основные направления деятельности Правительства РФ, национальные проекты, государственные программы, планы деятельности федеральных органов исполнительной власти) (ст. 11).

Из приведенной выше классификации видно, что национальные проекты относятся к документам стратегического планирования, которые разрабатываются в рамках планирования и программирования. В соответствии с федеральным законом о стратегическом планировании, национальный проект содержит комплекс планируемых мероприятий, направленных на получение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений и обеспечивающих достижение национальных целей развития России и их целевых показателей, иных общественно значимых результатов, задач и их показателей (п. 30.1). Для национального проекта разрабатывается паспорт, который содержит целевые показатели, сроки и ответственных⁵.

Статус национального проекта, наличие у него свойства нормативного правового акта — вопрос дискуссионный⁶. Весь процесс стратегического планирования построен на документах, которые

сами по себе не имеют статуса нормативных правовых актов, а в них облакаются за счет утверждения, как правило, на подзаконном уровне (указ, постановление, распоряжение). К примеру, как отмечают специалисты Минэкономразвития России, «с правовой точки зрения послание Президента РФ не является источником права и не имеет юридической силы, являясь при этом документом стратегического планирования, его положения конкретизируются в последующих указах Президента РФ, которые не относятся к документам стратегического планирования, а выполняют роль юридического оформления ежегодного послания Президента РФ»⁷. Исключение составляет, например, федеральный проект, паспорт которого утверждает проектный комитет, не принимающий нормативных правовых актов⁸.

Сущность документов стратегического планирования в науке определяется по-разному. В частности, отмечается, что по своей природе они ближе к политико-правовым доктринам как источнику формирования правовой политики, отвечающей идеалам правового государства и развитого гражданского общества. И к Стратегии национальной безопасности как базовому документу стратегического планирования это относится в первую очередь⁹.

С чего начинается стратегическое планирование — также вопрос дискуссионный. Специалисты Минэкономразвития России считают, что с правовой точки зрения стратегического планирования должны выступать системообразующие документы, содержащие национальную идею, формирующую стратегический образ будущего страны (например, Концепция социально-экономического развития и научно-технической политики) — на них основываются долгосрочные прогнозы, раскрывающие риски, перспективы и угрозы социально-экономического развития, а на их основе разрабатываются уже документы долгосрочного целеполагания¹⁰. Все документы должны быть взаимосвязаны между собой.

⁷ Смирнова О.О., Бочарова Л.К., Беляевская-Плотник Л.А., Богданова Ю.Н. Концептуальные подходы к формированию архитектуры документов стратегического планирования в России // Модернизация. Инновации. Развитие. 2019. Т. 10. № 4. С. 450.

⁸ См.: постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 16.12.2024) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 45, ст. 6947.

⁹ Данный и иные подходы представлены, например, в: Кардашова И.Б. Документы стратегического планирования в сфере безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 3. С. 6–7.

¹⁰ См.: Смирнова О.О., Бочарова Л.К., Беляевская-Плотник Л.А., Богданова Ю.Н. Указ. соч. С. 445.

⁵ См.: Пункт 36 Положения об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 16.12.2024) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации») // СЗ РФ. 2018. № 45, ст. 6947.

⁶ См.: Гвоздева А.А. Роль актов стратегического планирования в системе конституционно-правового регулирования // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 19–24.

По содержанию Федерального закона о стратегическом планировании и ряда документов стратегического планирования можно сделать вывод о том, что отправной точкой стратегического планирования являются национальные цели, то есть целеполагание. Именно на национальные цели ссылаются, к примеру, Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года¹¹, Концепция технологического развития России на период до 2030 года¹², Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года¹³. При этом в науке отмечается, что предшествование этапа целеполагания этапу прогнозирования не вполне логично, поскольку именно в документах прогнозирования определяются объективные, научно обоснованные представления о перспективном состоянии тех или иных сфер общественной жизни, а значит определение целей до прогнозирования может привести к их отрыву от реальности. Так, А.Г. Добкин замечает, что «если целеполагание все же осуществляется перед прогнозированием, то степень его детализации неизбежно будет недостаточно конкретной, и определяемые цели будут нуждаться в существенном уточнении по результатам завершения этапа прогнозирования»¹⁴, фактически так и происходит.

Целеполагание ежегодно корректируется. Национальные цели отражаются в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ¹⁵ и затем утверждаются Указом Президента РФ¹⁶. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ в начале электорального цикла рассчитано на шесть лет (срок полномочий главы государства), а ежегодные

послания в течение электорального цикла являются основой для корректировок документов стратегического планирования¹⁷.

Текущие задачи в области экологии на ближайшие шесть лет были поставлены в Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2024 г. В дальнейшем они были оформлены и конкретизированы в указе Президента РФ, на основании которого было поручено разработать национальный проект «Экологическое благополучие» (рис. 1).

Задачи, обозначенные в послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ, не полностью соотносятся с целевыми показателями и задачами, утвержденными Указом Президента РФ о национальных целях развития России на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. В частности, нормативное правовое закрепление не получили и не вошли в единый план Правительства РФ по достижению национальных целей¹⁸ такие задачи из послания Президента РФ, как:

снижение возраста общественного транспорта для соответствия экологическим стандартам;

повышение заработной платы специалистам, которые занимаются важнейшими вопросами экологического благополучия (лесное хозяйство, метеорология, охрана окружающей среды);

учреждение фонда экологических и природоохранных проектов на поддержку грантами гражданских инициатив по защите окружающей среды (1 млрд руб. в год).

Поскольку на основе Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ разрабатываются Основные направления деятельности Правительства РФ, с учетом Стратегии социально-экономического развития РФ и Стратегии научно-технологического развития¹⁹, для выполнения трех выше обозначенных задач может не возникнуть правовых оснований, если они не найдут отражения в упомянутых стратегиях, и там они действительно не упоминаются.

Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов определяет меры по обеспечению к 2030 г. сокращения выбросов парниковых газов, а также направления и меры развития с низким уровнем

¹¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22, ст. 3964.

¹³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СЗ РФ. 2021. № 45, ст. 7556.

¹⁴ Добкин А.Г. О системе документов, принимаемых в рамках целеполагания при осуществлении стратегического планирования на федеральном уровне // Административное право и процесс. 2021. № 9.

¹⁵ См., напр.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 29.02.2024 // Росс. газ. 2024. 1 марта.

¹⁶ См., напр.: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

¹⁷ См.: Смирнова О.О., Бочарова Л.К., Беляевская-Плотник Л.А., Богданова Ю.Н. Указ. соч. С. 450.

¹⁸ См.: Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Документ опубликован не был.

¹⁹ См.: Смирнова О.О., Бочарова Л.К., Беляевская-Плотник Л.А., Богданова Ю.Н. Указ. соч. С. 451.

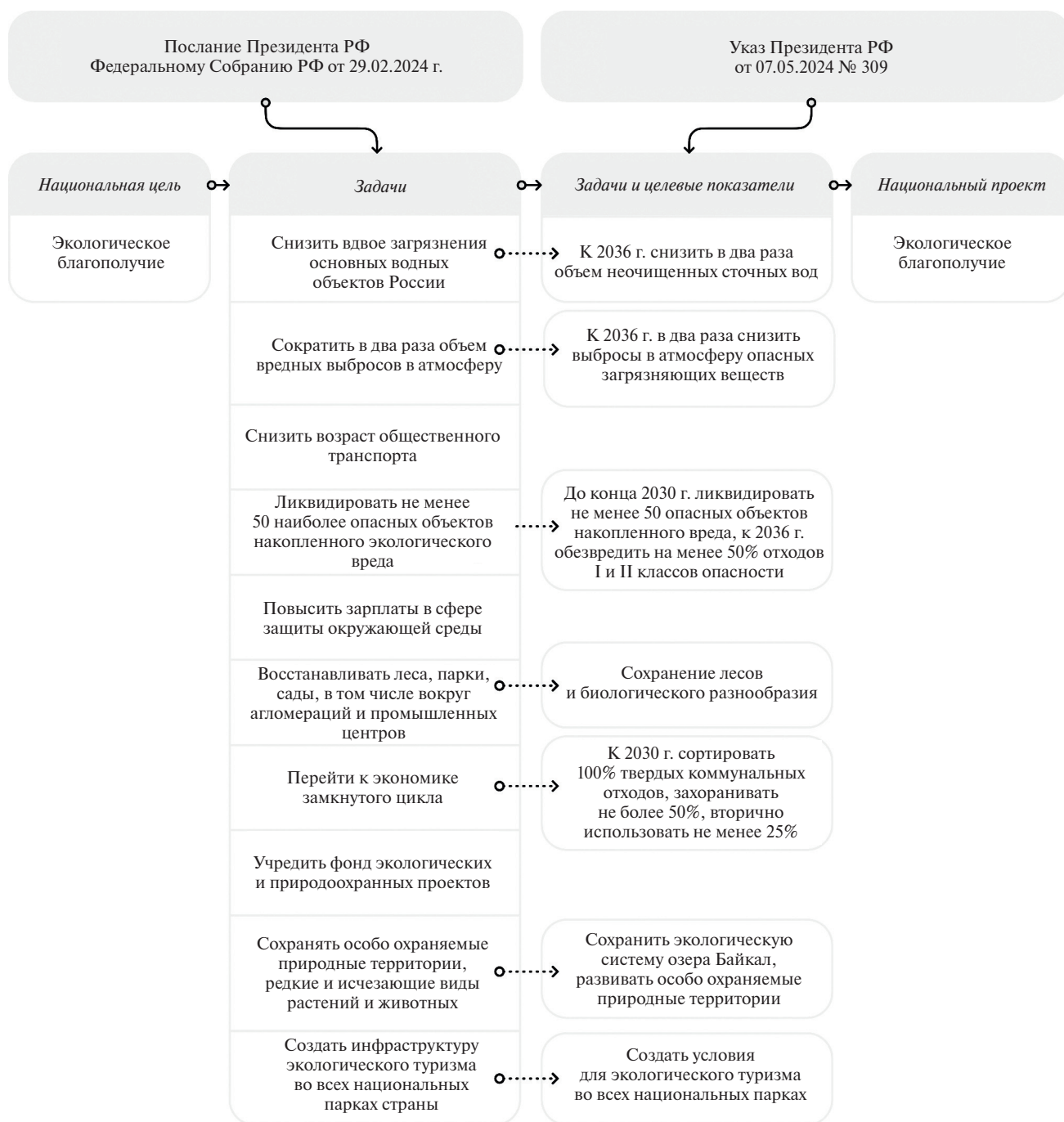

Рис. 1. Сравнение поставленных задач и целевых показателей по экологии.

выбросов парниковых газов до 2050 г.²⁰ Из двух сценариев социально-экономического развития России (инерционный и интенсивный) выбран интенсивный, который предусматривает дополнительные меры по сокращению выбросов

²⁰ См.: Распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р «Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» // СЗ РФ. 2021. № 45, ст. 7556.

парниковых газов и глобальный энергопереход, рассматриваемый как фактор конкурентоспособности российской экономики (ст. 11 Стратегии). В качестве одной из мер по реализации интенсивного сценария предусматривается масштабное изменение структуры грузового и пассажирского транспорта в пользу менее углеродоемких (ст. 29 Стратегии). О повышении заработных плат и учреждении фонда экологических и природоохранных проектов не сказано. Следует отметить,

что интенсивный сценарий разработан исходя из предпосылок сотрудничества между странами (недискриминация, содействие, сближение стандартов) (ст. 18 Стратегии), что видится весьма оптимистичным. Нельзя не согласиться с тем, что экология и климат (как часть экологии) давно превратились в инструменты влияния на геополитическом уровне²¹.

Стратегия научно-технологического развития России утверждена в 2024 г. и предусматривает среди приоритетов научно-технологического развития направления, позволяющие получить значимые научные и научно-технические результаты и создать отечественные наукоемкие технологии, влияющие на экологию и которые в ближайшее десятилетие должны обеспечить:

переход к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, повышение эффективности добычи и глубокой переработки углеводородного сырья, формирование новых источников энергии, способов ее передачи и хранения;

переход к высокопродуктивному и экологически чистому агрохозяйству и аквахозяйству, разработку и внедрение систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, хранение и эффективную переработку сельскохозяйственной продукции, создание безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания²².

Задачи снижения возраста общественного транспорта, повышения заработных плат в сфере охраны окружающей среды и создания фонда экологических и природоохранных проектов на поддержку грантами гражданских инициатив с обозначенными выше приоритетами не соотносятся.

Стратегия национальной безопасности, которая служит основой для остальных долгосрочных стратегий, предусматривает улучшение состояния окружающей среды в качестве меры, необходимой для перехода России на новый уровень экономического развития и повышения качества жизни граждан (п. 14)²³. Согласно Стратегии национальной безопасности охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата

признаются *национальным интересом*, а экологическая безопасность и рациональное природопользование — *стратегическим национальным приоритетом*, в рамках которого предусмотрены цели и задачи (п. 5, 25, 27, 83) по обеспечению национальной безопасности (рис. 2).

При сопоставлении задач по достижению национальной цели экологического благополучия и задач по достижению экологической безопасности и рационального природопользования можно сделать вывод о том, что задачи в рамках стратегического национального приоритета «Экологическая безопасность и рациональное природопользование» шире и многообразнее задач по достижению национальной цели «Экологическое благополучие».

Все перечисленные задачи утверждены Указом Президента РФ, разница в сроках, на которые они рассчитаны. Стратегия национальной безопасности — это базовый документ стратегического планирования, определяющий на долгосрочную перспективу национальные интересы и стратегические национальные приоритеты России, цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития России. Национальные цели же Президент РФ определяет на шесть лет, то есть они рассчитаны на среднесрочный период. Раз задачи данных документов не соотносятся между собой, то возникает вопрос о соотношении понятий «национальная цель», «национальные интересы» и «национальные приоритеты».

Понятие *национальной цели* законодательно не закреплено. Исходя из Указа Президента РФ о национальных целях развития его можно сформулировать так: под национальной целью понимается направление развития по достижению устойчивого экономического и социального развития России, укреплению суверенитета, увеличению численности и повышению уровня жизни населения страны, обеспечению безопасности государства и общественной безопасности²⁴. В Едином плане по достижению национальных целей развития, утвержденном Правительством РФ, национальные цели рассматриваются в качестве ответа на вызовы, которые формируют как ограничения, так и новые возможности для развития страны²⁵.

Понятие *национальных интересов* определено в Стратегии национальной безопасности, согласно которой под национальными целями понимаются объективно значимые потребности личности,

²¹ См.: Шпаковский Ю. Г., Жаворонкова Н. Г. Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации // Актуальные проблемы рос. права. 2024. № 7.

²² См.: Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10, ст. 1373.

²³ См.: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

²⁴ См.: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

²⁵ См.: Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Документ опубликован не был.

Рис. 2. Сопоставление целей и целевых показателей национальной цели с задачами экологической безопасности.

общества и государства в безопасности и устойчивом развитии (п/п. 2 п. 5). В науке при анализе законопроектов и пояснительных записок к ним установлено, что понятие «национальные интересы» нередко заменяется и размывается, а оно должно объединять конкретные групповые и государственные интересы под общим знаменателем²⁶.

Стратегические национальные приоритеты также определены в Стратегии национальной безопасности и представляют собой важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития России (п/п. 3 п. 5). Взаимосвязь между национальными интересами и стратегическими национальными приоритетами следующая. Национальная безопасность есть состояние защищенности *национальных интересов*, которые определяются с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в России и в мире на современном этапе, и данное состояние защищенности обеспечивается путем достижения целей и решения задач, предусмотренных в рамках *стратегических национальных приоритетов*.

Применительно к экологии защищенность национального интереса по охране окружающей среды, сохранению природных ресурсов и рациональному природопользованию, адаптации к изменениям климата обеспечивается выполнением задач в рамках стратегического национального приоритета в области экологической безопасности и рационального природопользования, что позволит государству достигнуть национальной цели

экологического благополучия. Кратко и схематично приведенная формула отражена на *рис. 3*.

Задачи, предусмотренные Стратегией национальной безопасности и не упомянутые в Послании Президента РФ, остаются не охваченными Указом Президента РФ о национальных целях развития, который определяет конкретные целевые показатели по достижению национальной цели экологического благополучия. Данные задачи покрываются документами стратегического планирования, которые разрабатываются в рамках планирования и программирования и предусматривают мероприятия и целевые показатели, на выполнение которых утверждаются бюджетные ассигнования.

Национальной цели «Экологическое благополучие» корреспондируют одноименный национальный проект «Экологическое благополучие», включающий федеральные проекты «Вода России», «Экономика замкнутого цикла», «Сохранение лесов», «Генеральная уборка», «Чистый воздух», «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма». А приоритетам и целям национальной безопасности корреспондируют государственная программа «Охрана окружающей среды», включающая федеральный проект «Развитие научно-экспедиционного флота», государственная программа «Воспроизводство и использование природных ресурсов», включающая федеральные проекты «Ликвидация локальных дефицитов водных ресурсов», «Защита от наводнений и иных негативных воздействий вод и обеспечение безопасности гидротехнических сооружений»,

Рис. 3. Схема соотношения национального интереса, стратегического национального приоритета и национальной цели по экологии.

²⁶ См.: Ибрагимова Ю. Э. Понятие и содержание национальных интересов в науке и практике // Журнал рос. права. 2023. № 12. С. 94.

«Геология: возрождение легенды», и государственная программа «Развитие лесного хозяйства».

Примечательно, что национальный проект и государственная программа — условно не пересекаются, не соотносятся как часть и целое. Нормативно закреплено, что государственная программа обеспечивает достижение приоритетов и целей национальной безопасности,

проект обеспечивает достижение и (или) вклад в достижение цели, результатов, выполнение задач национального проекта (если входит в национальный проект) или государственной программы (если не входит в национальный проект)²⁸. Иными словами, национальный проект и государственная программа — это понятия разного уровня (рис. 4).

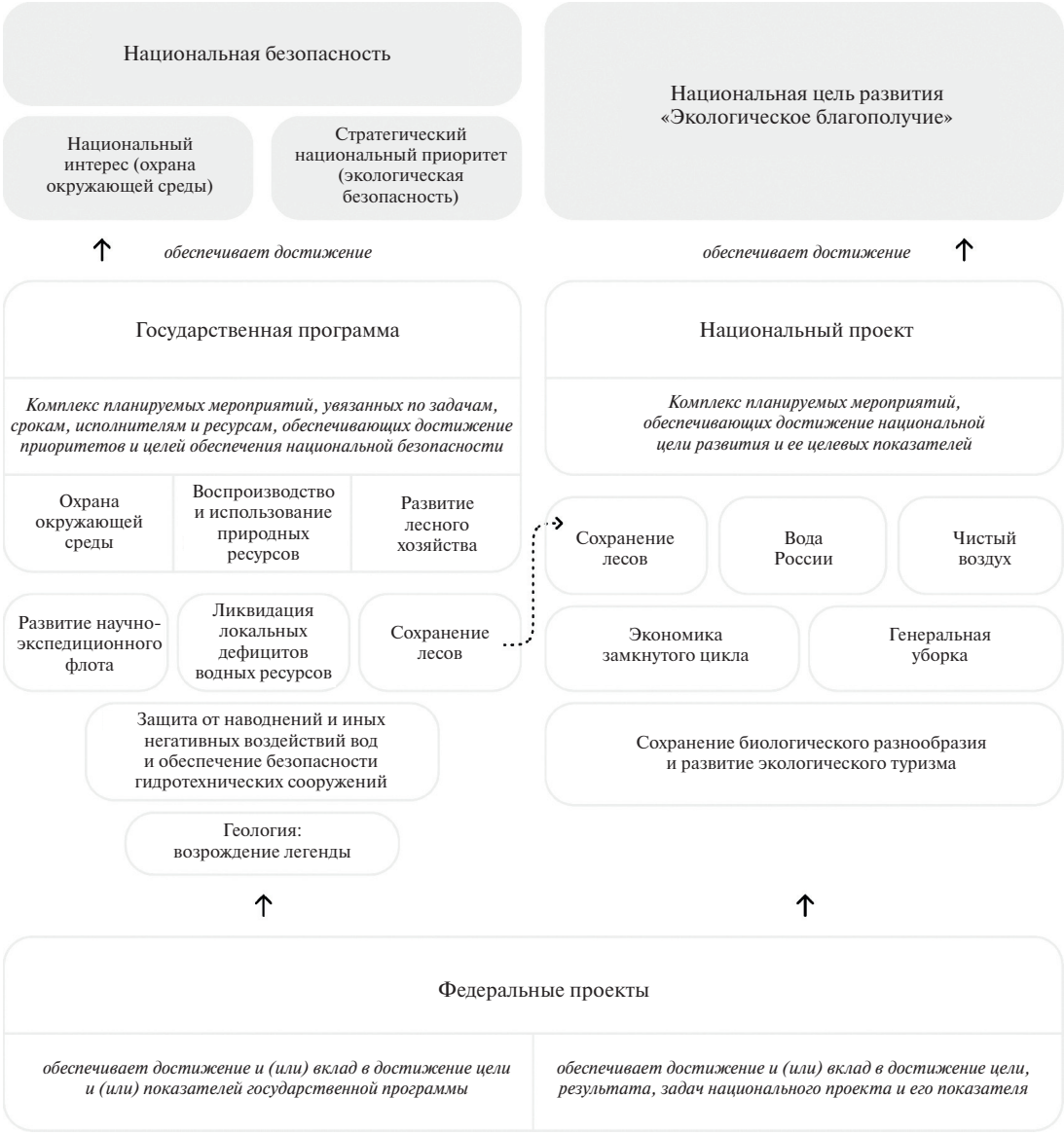

Рис. 4. Соотношение государственной программы, национального проекта, федеральных проектов.

а национальный проект обеспечивает достижение национальных целей развития и их целевых показателей²⁷. В свою очередь, федеральный

²⁷ См.: Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (ст. 3) // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3378.

Помимо Федерального закона о стратегическом планировании и документов стратегического

²⁸ См.: постановление Правительства РФ от 31.10.2018 № 1288 (ред. от 16.12.2024) «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 45, ст. 6947.

планирования взаимосвязь национального проекта и государственной программы разъясняется в научных работах. При научном подходе национальный проект и государственная программа все же соотносятся между собой. Мероприятия государственных программ считаются инструментом достижения национальных целей, а национальные проекты представляют собой набор тех инструментов государственных программ, которые определены в качестве приоритетных²⁹. Национальные проекты рассматриваются как часть государственных программ, через которые реализуются наиболее значительные направления последних³⁰.

Примечательно, что некоторые задачи, обозначенные в государственной программе, не сопоставляются со Стратегией национальной безопасности. Так, в государственной программе «Охрана окружающей среды», утвержденной постановлением Правительства РФ в 2014 г.³¹, среди основных задач государственного управления и обеспечения национальной безопасности в области охраны окружающей среды отмечаются, к примеру: улучшение ресурсной базы охотничьего хозяйства и увеличение численности охотничьих ресурсов; сокращение площади земель, нарушенных в результате хозяйственной и иной деятельности. При этом задача улучшения ресурсной базы охотничьего хозяйства не предусмотрена Стратегией национальной безопасности, а упоминается в Стратегии развития охотничьего хозяйства до 2030 года³², которая не поименована в государственной программе, в том числе среди стратегических документов, отражающих приоритеты и цели государственной политики в сфере охраны окружающей среды и экологической безопасности. А задача сокращения нарушенных земель в результате хозяйственной и иной деятельности была дословно приведена в Стратегии экологической безопасности на период до 2025 года³³, в Стратегии национальной безопасности такая задача тоже отсутствует,

а план конкретных мероприятий по этой задаче, который можно было бы сопоставить с мероприятиями в других документах стратегического планирования, государственной программой не предусмотрен.

Следует отметить, что в результате реформирования государственных программ Минэкономразвития России, они были трансформированы и стали компактнее³⁴. В частности, практически не применяется паспорт государственной программы по экологии в табличном виде, как существовал ранее. В государственной программе приводятся по отдельности задачи обеспечения национальной безопасности и задачи, определенные в соответствии с национальной целью.

Промежуточные целевые показатели, которые ранее приводились в паспорте, отсутствуют, например по тексту государственной программы «Охрана окружающей среды» установлен только показатель на 2030 г. Промежуточные показатели содержит паспорт национального проекта «Экологическое благополучие», но с показателями государственной программы «Охрана окружающей среды» не все пересекаются. При этом в государственной программе «Охрана окружающей среды» нет упоминания о национальной цели «Экологическое благополучие», но есть отсылка к национальной цели «Комфортная и безопасная среда для жизни», что не совсем понятно, ведь целевые показатели последней совсем другие, исходя из Указа Президента РФ о национальных целях.

Еще одним наблюдением является то, что в документах стратегического планирования можно обнаружить примеры задач, поглощающих друг друга или, наоборот, разделенных на несколько отдельных задач. Приведенная ранее задача сокращения нарушенных земель в результате хозяйственной и иной деятельности, обозначенная в государственной программе «Охрана окружающей среды», по сути, пересекается с несколькими задачами и целевыми показателями из других документов стратегического планирования, а также не с одним федеральным проектом, утверждаемым Правительством РФ (рис. 5).

Из вышеизложенного видно, что формулировки задач в разных документах могут отличаться, вследствие этого их дословное содержание не всегда коррелирует между собой в полной мере. А с учетом того, что в государственной программе «Охрана окружающей среды» приводятся как предыдущие

²⁹ См.: Яременко А.Я. Национальные проекты, госпрограммы, национальные цели. Как они скоординированы // Бюджет. 2019. № 10 (202). С. 35.

³⁰ См.: Мухлынина М.М. Актуальные правовые и организационные вопросы реализации национального проекта «Экология» // Образование и право. 2023. № 5. С. 258.

³¹ См.: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 326 (ред. от 25.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. III), ст. 2171.

³² См.: Распоряжение Правительства РФ от 03.07.2014 № 1216-р «Об утверждении Стратегии развития охотничьего хозяйства в Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2014. № 28, ст. 4107.

³³ См.: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2546.

³⁴ См.: Новая система управления государственными программами Российской Федерации // Официальный сайт Министрства экономического развития Российской Федерации // https://www.economy.gov.ru/material/departments/d19/metodologicheskoe_obespechenie_razrabotki_i_realizacii_gos_programm_rf/novaya_sistema_upravleniya_gosudarstvennymi_programmami_rf/ (дата обращения: 30.06.2025).

Государственная программа «Охрана окружающей среды»	Задачи по достижению целей обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования	Задачи по достижению национальной цели «Экологическое благополучие»	Федеральные проекты
Сокращение нарушенных земель в результате хозяйственной и иной деятельности	8) Снижение объемов образования отходов производства и потребления, развитие индустрии их утилизации и вторичного использования 9) Предотвращение деградации земель и снижения плодородия почв, рекультивация нарушенных земель, ликвидация накопленного вреда окружающей среде, экологическая реабилитация территорий	а) Формирование экономики замкнутого цикла, к 2030 г. отсортировать 100% твердых коммунальных отходов, захоранивать не более 50%, вторично использовать не менее 25% в) До конца 2030 г. ликвидировать не менее 50 опасных объектов накопленного вреда, к 2036 г. обезвредить не менее 50% отходов I и II классов опасности	Генеральная уборка (ликвидации объектов накопленного вреда окружающей среде и иных бесхозяйных объектов) Экономика замкнутого цикла (сортировка, захоронение, вовлечение в хозяйственный оборот твердых коммунальных отходов)

Рис. 5. Сопоставление задач на примере задачи сокращения нарушенных земель.

задачи сроком выполнения до 2024 г., так и уточненные со сроком выполнения до 2030 г., возникают вопросы актуальности государственной программы в некоторой части, потому что текстуально преемственность сделанного и предстоящего к реализации не всегда прослеживается из-за отсутствия промежуточных целевых показателей.

Следует отдельно отметить опору на метод постановки целей SMART³⁵ при формировании целей государственных программ. Так, согласно данному методу, каждая цель должна быть конкретной, измеримой, достижимой, актуальной и ограниченной во времени. Заметно, что метод применялся при формулировании положений государственной программы «Охрана окружающей среды», чего, к сожалению, нельзя сказать о государственной программе «Развитие лесного хозяйства». Цели программы

«обеспечение воспроизводства лесов на уровне не менее 100% объема вырубленных и погибших лесов» и «повышение эффективности ведения лесного хозяйства, охраны, защиты, использования и воспроизводства лесов, обеспечение кадрового развития лесного хозяйства, а также обеспечение комфортной и безопасной среды для жителей Российской Федерации»³⁶ не ограничены во времени и неизмеримы.

Сведения о ресурсном обеспечении также больше не приводятся в государственных программах по экологии, а приводятся в паспорте национального проекта «Экология». При этом бюджетные ассигнования предусмотрены в Федеральном законе о бюджете на 2025 год и плановый период в разрезе государственных программ и федеральных проектов (табл.).

Таблица

План ассигнований федерального бюджета на государственные проекты по экологии*

Наименование	ЦСР	2025 г., тыс. руб.	2026 г., тыс. руб.	2027 г., тыс. руб.
Государственная программа Российской Федерации «Охрана окружающей среды»	12	92 655 927.30	129 863 891.90	140 536 671.50
Федеральный проект «Развитие научно-экспедиционного флота»	12 2 02	6 341 688.30	3 916 604.00	9 941 707.70
Федеральный проект «Вода России»	12 2 Ч5	2 248 846.00	3 365 218.40	5 344 024.80

*См.: Приложение 17 к Федеральному закону от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Метод постановки целей SMART предполагает комплекс требований к цели, отраженных в заглавных буквах приведенной латинской аббревиатуры: S — конкретная (Specific), M — измеримая (Measurable), A — достижимая (Achievable), R — актуальная (Relevant), T — ограниченная по времени (Time-bound).

³⁶ См.: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 318 (ред. от 18.10.2021) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II), ст. 2164.

Таблица. Продолжение

Наименование	ЦСР	2025 г., тыс. руб.	2026 г., тыс. руб.	2027 г., тыс. руб.
Федеральный проект «Чистый воздух»	12 2 Ч4	6 002 030.30	13 308 013.70	13 318 518.30
Федеральный проект «Экономика замкнутого цикла»	12 2 Ч2	16 225 952.50	31 232 744.00	37 220 098.50
Федеральный проект «Генеральная уборка»	12 2 Ч1	12 229 282.70	23 789 708.00	16 938 421.30
Федеральный проект «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма»	12 2 Ч3	1 403 616.50	4 997 514.20	6 397 514.10
Государственная программа Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов»	28	53 595 037.50	68 634 456.30	73 682 867.50
Федеральный проект «Защита от наводнений и иных негативных воздействий вод и обеспечение безопасности гидротехнических сооружений»	28 2 02	6 511 527.90	6 759 491.30	7 268 408.30
Федеральный проект «Геология: возрождение легенды»	28 2 6L	9 000 000.00	16 000 000.00	16 000 000.00
Федеральный проект «Ликвидация локальных дефицитов водных ресурсов»	—	—	—	—
Федеральный проект «Вода России»	28 2 Ч5	3 128 526.00	10 202 799.40	14 125 700.00
Государственная программа Российской Федерации «Развитие лесного хозяйства»	29	62 474 202.20	69 504 970.00	70 833 066.70
Федеральный проект «Сохранение лесов»	29 2 Ч6	6 001 883.80	10 832 835.70	10 883 614.40
Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации»	05	1 546 921 847.80	1 144 761 154.30	1 021 201 514.40
Федеральный проект «Вода России»	05 2 Ч5		7 295 376.90	16 657 431.60
Государственная программа Российской Федерации «Развитие энергетики»	30	62 641 613.20	57 518 627.30	56 343 195.40
Федеральный проект «Чистый воздух»	30 2 Ч4		2 728 078.10	2 717 126.30
Государственная программа Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»	47	1 474 598 586.00	1 615 432 466.40	1 624 903 404.50
Федеральный проект «Чистый воздух»	47 2 Ч4	12 300.00	12 300.00	12 300.00
Государственная программа Российской Федерации «Развитие атомного энергопромышленного комплекса»	22	88 278 097.70	103 103 485.40	104 948 862.30
Федеральный проект «Экономика замкнутого цикла»	22 2 Ч2	1 186 354.50	1 186 354.40	200 000.00

Из приведенных данных видно, что финансирование федеральных проектов по экологии может проводиться не только в рамках государственных программ по экологии. В частности, федеральный проект «Чистый воздух» финансируется также в рамках государственной программы «Развитие энергетики», а федеральный проект «Вода России» финансируется в рамках государственной программы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации».

Финансированию национальных проектов, как отмечает Р.И. Тугушев, присущи многоканальность источников (сочетание бюджетных

и внебюджетных ресурсов), возможность перераспределения финансовых ресурсов между отдельными проектами, прозрачность распределения и расходования финансовых средств, оценка достигнутых результатов³⁷. Проверка Счетной палаты за прошедшие периоды показывает, что выполнение всех показателей и плановых значений национального проекта по экологии обеспечивается в том числе за счет корректировок в сторону

³⁷ См.: Тугушев Р.И. Финансирование национальных проектов в Российской Федерации // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15. № 12 (121). С. 75.

«ослабления» обязательств, а исполнение бюджетных ассигнований при этом складывается на уровне 99,9%³⁸. Это может говорить либо о нереальности плановых показателей, что может быть следствием приоритетности целеполагания над прогнозированием, либо о недостаточно эффективном государственном управлении в области экологии.

Несмотря на то что у контролирующих органов немало замечаний в отношении проводимых государственных мероприятий по экологии, необходимо отметить, что работа ведется, и имеются результаты. Наиболее значимые достижения обозначены Правительством РФ в 2024 г., среди которых:

создано свыше 250 инфраструктурных объектов обращения с твердыми коммунальными отходами, и данная отрасль развивается;

завершены работы по более чем 130 свалкам и 80 наиболее опасным объектам;

в Магадане расчищены бухты от брошенных судов;

к эксперименту по сокращению выбросов в атмосферу привлечены, помимо 12 крупных промышленных центров, еще 29 городов;

общественный транспорт переводится на газомоторное топливо, модернизируются котельные, газифицируются частные домовладения;

за шесть лет созданы 23 новые особо охраняемые территории, в 2023 г. национальные парки посетили свыше 14 млн человек³⁹.

Вышеизложенное позволяет говорить о том, что государственные проекты по экологии и их организация не безупречны, но применяются и работают.

* * *

Таким образом, вопросы экологии в России имеют государственное значение, государство стремится формировать необходимые мероприятия, финансировать их осуществление и контролировать их выполнение по целевым показателям. Выполнение государством экологических мероприятий в области экологии заложено в документах стратегического планирования, рассчитанных на довольно продолжительные периоды времени и утверждаемых подзаконными нормативными правовыми актами.

³⁸ См.: Заключение Счетной палаты Российской Федерации. С. 37 // Официальный сайт Счетной палаты РФ // <https://ach.gov.ru/upload/iblock/04e/55sdkwvtvuzge13hav98oltyah085ez8f.pdf> (дата обращения: 29.06.2025).

³⁹ См.: Официальный сайт Правительства Российской Федерации. URL: <http://government.ru/news/52265/> (дата обращения: 29.06.2025).

Экологическое благополучие является одной из национальных целей развития России, на достижение которой направлен одноименный национальный проект, включающий конкретные мероприятия и целевые показатели. Правовое регулирование национального проекта по экологии основано на Федеральном законе о стратегическом планировании, принятых документах стратегического планирования, которые утверждаются подзаконными нормативными правовыми актами (Постановление Президента РФ, закрепляемое Указом Президента РФ) или не утверждаются (федеральный проект), но исполняются органами власти на основании норм Федерального закона о стратегическом планировании.

Охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата признается национальным интересом. На обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования направлены государственные программы, утверждаемые подзаконными нормативными правовыми актами, и федеральные проекты.

Несмотря на то что стратегическое планирование и прогнозирование в России имеет давнюю историю, которая оставила признанные труды исследователей разного времени⁴⁰, в настоящее время государственное управление в области программных документов еще развивается, оптимизируется, периодически пересматривается. Отчасти это приводит к тому, что выпадают и не претворяются в жизнь некоторые задачи и цели, определяемые как Президентом РФ, так и в самих программных документах. Формулировки задач по экологии в разных документах стратегического планирования могут отличаться, и их дословное содержание не всегда коррелирует между собой в полной мере, цели не всегда измеримы и ограничены во времени. Тем не менее работа в направлении экологического благополучия ведется, регулярно финансируется и критически оценивается органом внешнего государственного контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов А. П., Устюкова В. В., Чикильдина А. Ю. Эколого-правовая ответственность за причинение вреда окружающей среде: проблемы обоснования // Труды ИГП РАН. 2017. № 4 (62). С. 133–161.
2. Боголюбов С. А. Потенциал экологических норм Конституции России // Журнал рос. права. 2018. № 5. С. 16–25.

⁴⁰ См.: Смирнова О. О., Бочарова Л. К., Беляевская-Плотник Л. А., Богданова Ю. Н. Указ. соч. С. 443.

3. *Бринчук М.М.* Правовое обеспечение «устойчивого природопользования» как дежавю // Экологическое право. 2025. № 3. С. 2–8.
4. *Васильева М.И.* Право на благоприятную окружающую среду как элемент правового статуса личности // Экологическое право. 2005. № 1. С. 19–26.
5. *Волков Г.А., Голиченков А.К., Нарышева Н.Г.* Проблемы правового регулирования использования и охраны лесов на землях сельскохозяйственного назначения // Экологическое право. 2023. № 4. С. 13–21.
6. *Гвоздева А.А.* Роль актов стратегического планирования в системе конституционно-правового регулирования // Российско-азиатский правовой журнал. 2020. № 2. С. 19–24.
7. *Добкин А.Г.* О системе документов, принимаемых в рамках целеполагания при осуществлении стратегического планирования на федеральном уровне // Административное право и процесс. 2021. № 9.
8. *Дубовик О.Л.* Современные эколого-правовые конфликты в области охраны климата и борьбы с глобальным потеплением // Экологическое право. 2018. № 5. С. 37–42.
9. *Ибрагимова Ю.Э.* Понятие и содержание национальных интересов в науке и практике // Журнал рос. права. 2023. № 12. С. 94.
10. *Игнатьева И.А.* Правовое обеспечение ликвидации накопленного вреда окружающей среде // Росс. юрид. журнал. 2017. № 2. С. 164–177.
11. *Кардашова И.Б.* Документы стратегического планирования в сфере безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2024. № 3. С. 6, 7.
12. *Краснова И.О.* Правовая природа и система актов государственной экологической политики // Актуальные проблемы рос. права. 2022. № 1. С. 164–177.
13. *Мухлынина М.М.* Актуальные правовые и организационные вопросы реализации национального проекта «Экология» // Образование и право. 2023. № 5. С. 258.
14. *Петрова Т.В.* Рациональное использование природных ресурсов: понятие, принцип, полномочие, направление государственной экологической политики // Экологическое право. 2016. № 3. С. 29–34.
15. *Пономарев М.В.* Эколого-правовые проблемы обращения с отходами недропользования в Арктической зоне Российской Федерации // Журнал рос. права. 2021. № 10. С. 143–156.
16. *Смирнова О.О., Бочарова Л.К., Беляевская-Плотник Л.А., Богданова Ю.Н.* Концептуальные подходы к формированию архитектуры документов стратегического планирования в России // Модернизация. Инновации. Развитие. 2019. Т. 10. № 4. С. 443, 445, 450, 451.
17. *Тугушев Р.И.* Финансирование национальных проектов в Российской Федерации // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15. № 12 (121). С. 75.
18. *Харьков В.Н.* Правовые проблемы обеспечения экологического благополучия и охраны природных ресурсов Российской Федерации // Экологическое право. 2022. № 4. С. 15–18.
19. *Шпаковский Ю.Г., Жаворонкова Н.Г.* Экологическая безопасность устойчивого развития: стратегия и механизмы реализации // Актуальные проблемы рос. права. 2024. № 7.
20. *Ялбулганов А.А.* Право на благоприятную окружающую среду в системе конституционных норм: современные проблемы правопонимания в контексте конституционной культуры // Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности. М., 2011. С. 187–200.
21. *Яременко А.Я.* Национальные проекты, госпрограммы, национальные цели. Как они скоординированы // Бюджет. 2019. № 10 (202). С. 35.

REFERENCES

1. *Anisimov A.P., Ustyukova V.V., Chikildina A. Yu.* Ecological and legal liability for environmental damage: problems of justification // Proceedings of the IGP RAS. 2017. No. 4 (62). Pp. 133–161 (in Russ.).
2. *Bogolyubov S.A.* The potential of environmental norms of the Constitution of Russia // Journal of Russ. law. 2018. No. 5. Pp. 16–25 (in Russ.).
3. *Brinchuk M.M.* Legal support for “sustainable environmental management” as a de ja vu // Environmental Law. 2025. No. 3. Pp. 2–8 (in Russ.).
4. *Vasileva M.I.* The right to a favorable environment as an element of the legal status of an individual // Environmental Law. 2005. No. 1. Pp. 19–26 (in Russ.).
5. *Volkov G.A., Golichenkov A.K., Narysheva N.G.* Problems of legal regulation of the use and protection of forests on agricultural lands // Environmental Law. 2023. No. 4. Pp. 13–21 (in Russ.).
6. *Gvozdeva A.A.* The role of strategic planning acts in the system of constitutional and legal regulation // Russian-Asian Law Journal. 2020. No. 2. Pp. 19–24 (in Russ.).
7. *Dobkin A.G.* On the system of documents adopted within the framework of goal-setting in the implementation of strategic planning at the federal level // Administrative Law and Process. 2021. No. 9 (in Russ.).
8. *Dubovik O.L.* Modern ecological and legal conflicts in the field of climate protection and combating global warming // Environmental Law. 2018. No. 5. Pp. 37–42 (in Russ.).
9. *Ibragimova Yu.E.* The concept and content of national interests in science and practice // Journal of Russ. law. 2023. No. 12. P. 94 (in Russ.).
10. *Ignatieva I.A.* Legal support for the elimination of accumulated environmental damage // Journal of Russian Law. 2017. No. 2. Pp. 164–177 (in Russ.).
11. *Kardashova I.B.* Strategic planning documents in the field of road safety // Road safety. 2024. No. 3. Pp. 6, 7 (in Russ.).
12. *Krasnova I.O.* The legal nature and system of acts of the state environmental policy // Current problems of Russ. law. 2022. No. 1. Pp. 164–177 (in Russ.).
13. *Mukhlynina M.M.* Actual legal and organizational issues of the implementation of the national project “Ecology” // Education and Law. 2023. No. 5. P. 258 (in Russ.).

14. *Petrova T.V.* Rational use of natural resources: concept, principle, authority, direction of state environmental policy // *Environmental Law*. 2016. No. 3. Pp. 29–34 (in Russ.).
15. *Ponomarev M.V.* Ecological and legal problems of waste management in the Arctic zone of the Russian Federation // *Journal of Russ. law*. 2021. No. 10. Pp. 143–156 (in Russ.).
16. *Smirnova O.O., Bocharova L.K., Belyaevskaya-Plotnik L.A., Bogdanova Yu.N.* Conceptual approaches to the formation of architecture of strategic planning documents in Russia // *Modernization. Innovation. Development*. 2019. Vol. 10. No. 4. Pp. 443, 445, 450, 451 (in Russ.).
17. *Tugushev R.I.* Financing of national projects in the Russian Federation // *Actual Problems of the Russian Academy of Sciences*. 2020. Vol. 15. No. 12 (121). P. 75 (in Russ.).
18. *Kharkov V.N.* Legal problems of ensuring environmental well-being and protection of natural resources of the Russian Federation // *Environmental Law*. 2022. No. 4. Pp. 15–18 (in Russ.).
19. *Shpakovsky Yu. G., Zhavoronkova N.G.* Environmental safety of sustainable development: strategy and implementation mechanisms // *Actual problems of Russ. law*. 2024. No. 7 (in Russ.).
20. *Yalbulganov A.A.* The right to a favorable environment in the system of constitutional norms: modern problems of legal understanding in the context of constitutional culture // *Constitutional culture: universal values and national characteristics*. M., 2011. Pp. 187–200 (in Russ.).
21. *Yaremenko A. Ya.* National projects, state programs, national goals. How they are coordinated // *Budget*. 2019. No. 10 (202). P. 35 (in Russ.).

Сведения об авторе

ШЕВЧЕНКО Евгения Евгеньевна —
кандидат юридических наук,
исполнитель научного проекта
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
123001 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Authors' information

SHEVCHENKO Evgeniya E. —
PhD in Law,
the Executor of a Research Project
in Kutafin Moscow State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
123001 Moscow, Russia

УДК 343.101

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ОСТАВИТЬ КАК ЕСТЬ, УПРАЗДНИТЬ ИЛИ РЕФОРМИРОВАТЬ?

© 2025 г. С. Б. Россинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: igpran@igpran.ru

Поступила в редакцию 30.08.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению хорошо известных, но так и не разрешенных проблем, присущих возбуждению уголовного дела как дебютной стадии российского уголовного судопроизводства. Говорится о серьезных противоречиях стадии возбуждения уголовного дела, оказывающих негативное влияние на правоприменительную практику, в том числе обуславливающих юридическую ущербность результатов проводимых органами дознания и предварительного следствия проверочных мероприятий и одновременно приводящих к недобросовестности либо принципиальной невозможности производства аналогичных по содержанию процессуальных действий. Попутно высказываются предложения о причинах возникновения стадии возбуждения уголовного дела — они связываются с намерениями советских ученых-процессуалистов обеспечить подлинную легитимность предварительного расследования в условиях сформировавшейся к тому времени самобытной системы досудебного производства, предполагающей наделение внесудебных правоохранительных органов юрисдикционной правосубъектностью. В результате формулируется вывод о неприемлемости ликвидации стадии возбуждения уголовного дела вне системного единства с другими преобразованиями российского уголовного процесса в целом и предварительного расследования в частности, без четкого и ясного понимания направлений и перспектив затеваемых реформ.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, досудебное производство, начало предварительного расследования, полномочия дознавателя, полномочия следователя, проверка сообщения о преступлении, рассмотрение сообщения о преступлении.

Цитирование: Россинский С.Б. Возбуждение уголовного дела: оставить как есть, упразднить или реформировать? // Государство и право. 2025. № 11. С. 170–176.

DOI: 10.7868/S3034543X25110132

INITIATION OF CRIMINAL CASE: LEAVE AS IS, ABOLISH OR REFORM?

© 2025 S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: igpran@igpran.ru

Received 30.08.2025

Abstract. The article is devoted to the consideration of problems that are well known, but have not been resolved. They are inherent in the initiation of a criminal case — the first stage of Russian criminal proceedings. It is said about serious contradictions of the stage of initiation of a criminal case, which have a negative impact on law enforcement practice, including causing the legal inadequacy of the results of verification activities carried out by police and preliminary investigation bodies. It is said that such activities are often carried out in bad faith. In addition, it is said that parts of the similar procedural actions in content cannot be carried out. At the same time, proposals are made about the reasons for the emergence of the stage of initiation of a criminal case — they are associated with the intentions of Soviet scientists-proceduralists to ensure the genuine legitimacy of the preliminary investigation in the context of the original system of pre-trial proceedings that had formed by that time, which implied the endowment of extra-judicial law enforcement agencies with jurisdictional legal capacity. As a result, a conclusion is formulated about the unacceptability of the liquidation of the stage of initiation of a criminal case without extra-systemic unity with other transformations of the Russian criminal process in general, and preliminary investigation in particular, without a clear and distinct understanding of the directions and prospects of the planned reforms.

Key words: initiation of a criminal case, pre-trial proceedings, commencement of a preliminary investigation, powers of a police investigator, powers of an investigator, verification of a report of a crime, consideration of a report of a crime.

For citation: Rossinskiy, S.B. (2025). Initiation of criminal case: leave as is, abolish or reform? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 170–176.

За прошедшее время интерес к данной проблематике усилился. Автор периодически уделял ей внимание в иных научных работах, участвовал в ее обсуждении на конференциях, круглых столах и тому подобных мероприятиях. В результате одни ранее высказанные позиции были дополнены, «отполированы», усилены новыми доводами и аргументами, тогда как другие — частично переосмыслены. Ныне ощущается потребность в обобщении всех возникших за истекший период авторских взглядов на стадию возбуждения уголовного дела, в их «поселении под одну крышу» — реализации этих замыслов и посвящена данная статья.

Итак, стадия возбуждения уголовного дела, будучи частью практической деятельности органов дознания или предварительного следствия, сводится к попыткам выявления условий и предпосылок для начала (как бы «открытия») нового досудебного производства, для возникновения и дальнейшего развития процессуальных отношений, составляющих содержание следующей по порядку стадии — предварительного расследования. А ее основная цель заключается в разрешении юридической дилеммы о надобности либо ненадобности

осуществления публичного уголовного преследования в отношении установленного либо еще не установленного лица (вариативно — двух или более лиц). Лишь в случае положительного ответа на данный вопрос и официального объявления о начале реализации соответствующих намерений в постановлении о возбуждении уголовного дела — ввиду выявления признаков преступления — сотрудникам органов дознания и предварительного следствия становится дозволено использовать весь предусмотренный законом арсенал процессуальных полномочий, требуемых для избощения потенциального обвиняемого (потенциальных обвиняемых) в совершении инкриминируемого деяния (инкриминируемых деяний). Так, после возбуждения уголовного дела появляются правовые возможности производства допросов, очных ставок, предъявлений для опознания, обысков, осуществления других когнитивных приемов, способствующих полному, всестороннему и объективному установлению обстоятельств случившегося, формированию необходимой для обоснования позиции обвинения доказательственной базы; одновременно возникают условия для применения мер пресечения,

иных правоограничительных мер, для использования предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом РФ правообеспечительных механизмов и пр. И в этой связи от участвующих в рассмотрении и разрешении сообщений о преступлениях должностных лиц требуется особая тщательность в исполнении служебных обязанностей, предопределенная подлинным пониманием всей важности и юридической значимости актов возбуждения уголовного дела, осознанием всей полноты ответственности перед потенциальными обвиняемыми за незаконность начинаемых в отношении них уголовных преследований, с одной стороны, а также перед обществом, государством и пострадавшими от преступных деяний лицами за неправомерные отказы от подобных намерений — с другой.

Ввиду прелиминарности стадии возбуждения уголовного дела, ее пребывания как бы в «пред-процессуальном» пространстве — до официального объявления о начале досудебного производства посредством соответствующего постановления — деятельности органов предварительного расследования по рассмотрению и разрешению сообщений о преступлениях присущи достаточно существенные противоречия, в течение многих лет оказывающие негативное влияние на правоприменительную практику. Так, с одной стороны, из смысла закона явствует четкий, признаваемый всеми и вполне логичный мораторий на использование подавляющего большинства находящихся в арсенале дознавателей и следователей процессуальных инструментов — в ином случае сама концепция открытия процесса посредством процедуры возбуждения уголовного дела просто лишилась бы всякого смысла. В частности, рассматривающим сообщения о преступлениях должностным лицам запрещается проводить допросы, предъявления для опознания, обыски, прочие следственные действия, составлять протоколы задержания подозреваемых, применять иные меры принуждения и т.д. за исключением некоторых прямо предусмотренных в Уголовно-процессуальном кодексе РФ вынужденных «послаблений», выраженных в дозволенности осуществления вообще не терпящих промедлений осмотров мест происшествий, предметов, документов, трупов, освидетельствований, назначений судебных экспертиз. Исходя из некогда возникших замыслов законодателя, такие процессуальные препятствия должны способствовать законности правоприменительной практики, усиливать степень защищенности от полицейского произвола, снижать риски необоснованных ограничений прав личности¹.

¹ См.: Ляхов Ю.А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. М., 2005. С. 11, 12; Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / отв. ред. И.С. Дикарев. М., 2012. С. 19, 20; и др.

Однако, с другой стороны, существующие запреты приводят к невозможности надлежащего собирания и оформления полезных, прежде всего предрасположенных к потере или изменению, сведений, к неспособности получения соответствующих доказательств по горячим следам — в первые часы или сутки после сигнала о преступлении, т.е. в наиболее благоприятный для выяснения обстоятельств случившегося период. Конечно, следователи и сотрудники органов дознания в праве активно использовать (и используют!) познавательный потенциал допустимых до возбуждения уголовного дела осмотров, освидетельствований, судебных экспертиз — тех самых вынужденных «послаблений». Кстати, большинство указанных дозволений появилось лишь в 2008 и 2013 гг.², тогда как ранее разрешалось проводить лишь осмотры мест происшествий. Но подобные возможности весьма лимитированы — они просто не в состоянии обеспечить удовлетворение всех возникающих в стадии возбуждения уголовного дела познавательных потребностей, а результаты их использования не в состоянии заменить результатов других следственных действий, в первую очередь допросов и обысков.

И в этой связи субъектам рассмотрения сообщений о преступлениях приходится обходиться иными «подручными средствами» и способами получения необходимых для их разрешения сведений. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ вполне допустимо прибегать к помощи непроцессуальных когнитивных приемов: к получению объяснений, некому истребованию предметов и документов, к назначению ревизий, документальных проверок, прочих внеэкспертных исследований и т.д.; кроме того, дозволяется письменно обращаться за содействием к персоналу оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов.

Вместе с тем результаты подобных мероприятий ввиду их необремененности надлежащими процессуальными гарантиями доброкачественности вряд ли можно признать абсолютно полноценными средствами доказывания, равными по юридической силе доказательствам, полученным в ходе дознания, предварительного следствия и тем более судебного заседания³. Даже несмотря на предпринятую в 2013 г., к слову, весьма неудачную, правотворческую попытку придания этим сведениям

² См.: Федеральный закон от 02.12.2008 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 49, ст. 5724; Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9, ст. 875.

³ См.: Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 130.

и материалам большей статусности и официально-сти за счет предусмотренной ч. 1² ст. 144 УПК РФ вроде бы как возможности их использования в качестве доказательств, невзирая на одновременное усиление формализации порядка рассмотрения сообщений о преступлениях путем введения ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ, в реальности подобные информационные активы так и не смогли заслужить должного признания у практических работников. Особого доверия к ним не наблюдается ни со стороны сотрудников и руководителей органов предварительного расследования, ни тем более со стороны прокуроров, судей и, разумеется, адвокатов. Кстати, именно этим во многом и объясняется низкая востребованность предусмотренной гл. 32¹ УПК РФ сокращенной формы дознания, изначально основанной на приоритетности использования в качестве средств доказывания сведений и материалов, полученных в ходе рассмотрения и проверки сообщения о преступлении. Иными словами, сфера применения результатов упоминаемых в ч. 1 ст. 144 УПК РФ непроцессуальных приемов, как правило, ограничивается лишь стадией возбуждения уголовного дела — их познавательный потенциал преимущественно пригоден только для принятия соответствующих процессуальных решений. Тогда как для потребностей последующей правоприменительной практики, в первую очередь для нужд уголовно-процессуального доказывания, они достаточно часто оказываются бесполезными.

Таким образом, должностные лица органов дознания и предварительного следствия после возбуждения уголовных дел сталкиваются с необходимостью повторного получения ранее полученных сведений, итеративного установления уже установленных обстоятельств, но в уголовно-процессуальной форме: посредством обысков — вместо «полицейских» досмотров и оперативных обследований, допросов — вместо получения объяснений и т.д. Встречаются даже случаи, связанные с назначением дополнительных или повторных судебных экспертиз, — они предопределяются предусмотренными ч. 1² ст. 144 УПК РФ возможностями заявления участниками со стороны защиты или потерпевшими соответствующих, причем не подлежащих отклонению ходатайств.

И в этой связи дознавательская и следственная практика обременяется множеством дополнительных проблем, недостатков, шероховатостей. В частности, увеличиваются объемы уголовных дел, процессуальные сроки; возрастает и служебная нагрузка. Кроме того, нередко наблюдается обесценивание процессуальной формы и выхолащивание подлинной роли процессуальных доказательств, то есть не просто полезных сведений, а познавательных ресурсов, накопленных в установленном законодательством порядке с учетом

существующих правовых гарантий их доброкачественности, главным образом юридической пригодности для обоснования приговоров, постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительных актов либо иных ответственных решений. Такие недостатки хорошо заметны на примерах проводимых следователями и дознавателями допросов потерпевших и свидетелей в случаях предварительного получения от них последственных объяснений в отношении тех же самых обстоятельств. Ведь именно добытые по горячим следам объяснения (а не сформированные в дальнейшем показания!) предрасположены к наиболее точному и детальному отражению случившегося, в том числе к доскопальной вербальной реконструкции обстановки места происшествия, внешности и других идентификационных признаков предполагаемого преступника, его конкретных действий (бездействия), поведения присутствующих лиц, иных имеющих значение для уголовного дела подробностей. Тогда как формируемые посредством проводимых по прошествии определенного времени допросов свидетельские показания (показания потерпевших) ввиду понятных психофизиологических причин обычно уже не могут характеризоваться столь высокой точностью и беспробельностью. Поэтому нередко возникают соблазны использования явно недопустимой прикладной технологии, состоящей в фактической подмене полноценного допроса банальным переписыванием в протокол содержания ранее полученных от данного лица последственных объяснений. А в связи с повсеместной компьютеризацией правоприменительной практики и появлением технических возможностей изготовления основной массы процессуальных документов с помощью известных программ для редактирования текста подобные соблазны только усилились — реализация таких недобросовестных намерений на сегодняшний день сводится лишь к злоупотреблению примитивным компьютерным алгоритмом *copy → paste* («копировать → вставить»).

Однако проблемы все же возникают в работе с добытыми до возбуждения уголовного дела, но при этом не предрасположенными к многократному получению сведениями об обнаружении и изъятии имеющих значение для доказывания предметов или документов. Например, найденные и реквизированные в ходе последственного досмотра орудия совершения преступления, похищенные вещи и т.п. не могут быть повторно найдены и реквизированы посредством обыска в жилище подозреваемого, отысканные и изъятые во время фактического задержания лица наркотики, оружие, взрывные устройства, взрывчатые вещества не подлежат повторному отысканию и изъятию в ходе личного обыска, сопутствующего составлению дознавателем или следователем протокола

задержания, и т.д., если, конечно, не постараться, грубо нарушив закон, возратить нечто обнаруженное на прежнее место, то есть как бы «запихнуть его назад». В этой связи в правоприменительной практике давно изобретены хорошо известные обходные пути, вроде бы как позволяющие создать иллюзию соблюдения закона, а фактически предполагающие игнорирование принципиально не подлежащих выполнению (!) предписаний. Они состоят в позиционировании материалов непроцессуальных мероприятий — всевозможных протоколов досмотров, добровольных выдачей, актов изъятий, истребований, приемов-передач и тому подобных документов — в качестве полноценных средств уголовно-процессуального доказывания, предусмотренных ст. 84 УПК РФ («Иные документы»). Кроме того, в случаях возбуждения уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности нередко встречаются «маскировочные» подмены полноценных обысков осмотрами мест происшествий, осуществляемых во время задержаний взяточдателей (взятополучателей, посредников и т.п.) с личным.

Поэтому неудивительно, что свойственные рассмотрению сообщений о преступлениях столь серьезные противоречия и вызываемые ими никак не поддающиеся преодолению практические трудности, недостатки, шероховатости — объекты постоянной критики и скептических оценок. Уже не первый год в среде специалистов — парламентариев, общественных деятелей, представителей прокуратуры, органов предварительного расследования, адвокатуры и, конечно, ученых-процессуалистов — обсуждаются вопросы и ведутся достаточно ожесточенные споры и дискуссии о перспективах дальнейшего сохранения стадии возбуждения уголовного дела, по крайней мере в существующем виде. Высказываются самые разные позиции: от ее полного упразднения⁴, в том числе по примеру ряда стремящихся к европеизации досудебного производства постсоветских государств, до сохранения *status quo*⁵ и даже реставрации некоторых аннулированных в недавнем прошлом процедурных деталей⁶. К слову, наиболее яркими сторонниками ликвидации стадии возбуждения

уголовного дела, конечно, являются дознаватели, следователи и в особенности их руководители, а также, увы, не способные абстрагироваться от корпоративных интересов своей прежней службы в органах предварительного расследования ученые-процессуалисты. Ведь эти перспективы, безусловно, привлекательны избавлением от части обременительных формальностей, сокращением служебной нагрузки, устранением потребностей в преодолении множества практических затруднений, освобождением от гнета прокурорского надзора за законностью и обоснованностью принимаемых по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях решений.

Однако согласиться с подобными мнениями все же нельзя. Ведь замыслы отцов-основателей некогда введенной в сферу уголовно-процессуального регулирования стадии возбуждения уголовного дела — чл.-корр. Академии наук СССР М.С. Строговича и других крупнейших советских специалистов в области уголовной юстиции — по всей вероятности, были далеко не такими беспочвенными, какими могут показаться на первый взгляд. Тем более они вряд ли являлись воплощением правотворческого волонтаризма, предопределялись стремлениями к созданию бессмысленных помех для продуктивности дознавательской и следственной практики. Напротив, эти замыслы скорее всего обуславливались намерениями обеспечить подлинную легитимность предварительного расследования в условиях сформировавшейся к тому времени самобытной системы советского досудебного производства по уголовному делу, предполагающей наделение внесудебных правоохранительных органов юрисдикционной правосубъектностью, обычно свойственной исключительно судам или специальным судебно-следственным чиновникам. Разумеется, авторы-разработчики послевоенного уголовно-процессуального законодательства, в том числе Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., отчетливо понимали (просто не могли не понимать!) «слабые звенья» подобной системы: в первую очередь рискованность внесудебного формирования полноценных доказательств, изначально равных по юридической силе доказательствам, получаемым в судебном заседании. И конечно, прежде всего не могли быть оставлены без внимания весьма распространенные ситуации, связанные с проведением т.н. неполнообъемных дознаний (в современной терминологии — неотложных следственных действий) должностными лицами, ранее принимавшими участие в выявлении и раскрытии соответствующих преступлений, например сотрудниками уголовного розыска, подразделений БХСС, участковыми инспекторами милиции и т.д.

⁴ См., напр.: Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Росс. юстиция. 2011. № 6. С. 58; Гаврилов Б.Я. XX лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 11, 12.

⁵ См., напр.: Быков В.М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал рос. права. 2006. № 7. С. 55; Волков А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80–83.

⁶ См., напр.: Шадрин В.С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 50, 51.

Очевидно, что именно в этой связи и были спроектированы обремененные дополнительными правовыми гарантиями «страховочные» механизмы, позволяющие посредством усиленной формализации следственной, в особенности дознательской, деятельности обеспечить большую доброкачественность ожидаемых результатов. Одним из таких механизмов стала стадия возбуждения уголовного дела. Ее резонность, вне сомнений, была усмотрена в прелиминарной фильтрации всего множества поступающих сообщений о неких выходящих за рамки обыденности обстоятельствах, т.е. в первоначальном отборе потенциально предрасположенных к попаданию в сферу уголовного судопроизводства деяний. А условия подобного отбора, как известно, было решено связать с первичным распознаванием в объективной реальности признаков преступления, с более или менее четким уразумением обоснованности и перспективности предполагаемого уголовного преследования — только в этих случаях органы дознания или предварительного следствия стали наделяться всей полнотой юрисдикционной правосубъектности, всем спектром соответствующих властных полномочий. Образно говоря, рассмотрением (проверкам) сообщений о преступлениях фактически была уготована роль своеобразных пробных испытаний, осуществляемых в целях осознания возможностей проведения основных изысканий посредством не вполне «безопасных» методов. А следить от имени общества и государства за надежностью результатов таких испытаний, то есть выполнять роль проверяющих контролеров, было вполне ожидаемо поручено прокурорам — именно им в соответствии со ст. 116 УПК РСФСР стало предписано надзирать за законностью стадии возбуждения уголовного дела, в том числе отменять выносимые по ее итогам неправомерные решения.

Нетрудно заметить, что эти же, некогда внедренные в советский уголовный процесс идеи сполна отразились и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Правда, судить об осознанности или банальной инерционности подобного правотворческого решения в настоящее время достаточно сложно. Но тем не менее ясно одно: стадия возбуждения уголовного дела по-прежнему остается важным «страховочным» механизмом, способствующим обеспечению легитимности предварительного расследования в условиях сохранившейся (так никуда и не девшейся!) советской системы досудебного производства, предполагающей наделение юрисдикционной правосубъектностью внесудебных правоохранительных органов. Более того, в Уголовно-процессуальный кодекс РФ включены даже новые гарантии правомерности возбуждений и отказов в возбуждениях уголовных дел — помимо

традиционного прокурорского надзора эти вопросы попали в орбиту уже доказавшего свою эффективность судебного контроля за законностью дознательской и следственной практики.

Таким образом, можно с уверенностью предположить, что в случае желаемой многими специалистами ликвидации стадии возбуждения уголовного дела вновь проявятся несколько подзабытые, но никоим образом не изжитые, а лишь отодвинутые на задний план «слабые звенья» советской системы досудебного производства. По крайней мере никаких альтернативных способов их нивелирования на сегодняшний день не предлагается! А ввиду либерализации правопорядка, усиления криминогенности общества и прочих присущих современной России факторов подобные «слабые звенья» предрасположены к более опасным по сравнению с советским периодом формам и воплощениям — вполне предсказуемы серьезные проблемы, которые уже наблюдаются в отмахнувшихся от механизмов возбуждения уголовного дела постсоветских государствах. И прежде всего актуализируются вопросы внесудебного формирования полноценных, изначально пригодных к использованию для обоснования приговоров (и иных правоприменительных актов) средств доказывания. Причем, в силу предопределенных ч. 2 ст. 50 Конституции РФ повышенных требований к допустимости доказательств, эти проблемы станут гораздо более заметными. Кроме того, лишившись права на отказ в возбуждении уголовного дела, органы предварительного расследования столкнутся с потребностью в безусловном принятии к производству огромного, превышающего разумные пределы, количества как бы уже возбужденных материалов о преступлениях, намного превосходящего советские цифры, и т.д.

* * *

Таким образом, ликвидация стадии возбуждения уголовного дела вне системного единства с другими преобразованиями российского уголовного процесса в целом и предварительного расследования в частности, без четкого и ясного понимания направлений и перспектив затеваемых реформ является абсолютно неприемлемой. Нужны ли в настоящее время подобные преобразования? Думается, что да! Ведь существующий, т.е. «советский», порядок начала досудебного производства, несмотря на все попытки модернизации, и в самом деле уже давно перестал соответствовать сильно изменившимся условиям развития российского общества и неразрывно связанным с ними потребностям правоприменительной практики.

Понятны ли направления и перспективы назревших реформ дебютного этапа досудебного

производства? Думается, что далеко не всем! В ином случае следовало бы ожидать не столь спонтанных правотворческих метаний, которые наблюдались в последние годы и сводились не более чем к «латанию дыр», в первую очередь к перманентным корректировкам правил рассмотрения сообщений о преступлениях. Кроме того, вряд ли можно было бы встретить топорные, доктринально непроработанные и обусловленные лишь мнимыми надеждами на улучшение ведомственной статистики предложения о безусловной отмене стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем направления и перспективы подобных преобразований представляются очевидными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Быков В.М.* Проблемы стадии возбуждения уголовного дела // Журнал росс. права. 2006. № 7. С. 55.
2. *Волеводз А.Г.* Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса // Уголовный процесс. 2014. № 1. С. 80–83.
3. *Гаврилов Б.Я.* XX лет российскому уголовно процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 11, 12.
4. *Кругликов А.П.* Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Росс. юстиция. 2011. № 6. С. 58.
5. *Ляхов Ю.А.* Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела. М., 2005. С. 11, 12.

Сведения об авторе

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

6. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / отв. ред. И.С. Дикарев. М., 2012. С. 19, 20.
7. *Химичева Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 130.
8. *Шадрин В.С.* Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. 2015. № 1. С. 50, 51.

REFERENCES

1. *Bykov V.M.* Problems of the stage of initiation of a criminal case // Journal of Russ. law. 2006. No. 7. P. 55 (in Russ.).
2. *Volevodz A.G.* Abolition of the stage of initiation of a criminal case: the price of the question // Criminal Process. 2014. No. 1. Pp. 80–83 (in Russ.).
3. *Gavrilov B. Ya.* XX years of the Russian Criminal Procedure Law: does it comply with the scientific views and requirements of the law enforcer // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2021. No. 6. Pp. 11, 12 (in Russ.).
4. *Kruglikov A.P.* Is the stage of initiation of a criminal case necessary in the modern criminal process of Russia? // Russ. Justice. 2011. No. 6. P. 58 (in Russ.).
5. *Lyakhov Yu.A.* Legal regulation of the stage of initiation of a criminal case. M., 2005. Pp. 11, 12 (in Russ.).
6. The essence and actual problems of the stage of initiation of a criminal case / ed. by I.S. Dikarev. M., 2012. Pp. 19, 20 (in Russ.).
7. *Khimicheva G.P.* Pre-trial proceedings in criminal cases: the concept improving criminal procedural activity. M., 2003. P. 130 (in Russ.).
8. *Shadrin V.S.* The fate of the stage of initiation of a criminal case // Legality. 2015. No. 1. Pp. 50, 51 (in Russ.).

Authors' information

ROSSINSKIY Sergey B. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 343.36

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ И СУБЪЕКТА ПРИНУЖДЕНИЯ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ

© 2025 г. Е. А. Мельников

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Поступила в редакцию 12.08.2025 г.

Аннотация. Статья посвящена отдельным дискуссионным вопросам объективной стороны и субъекта состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ. В статье также рассмотрены отдельные проблемные вопросы, связанные с внесенными Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ч. 1 ст. 302 УК РФ, а также проанализированы положения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». Отдельно в статье уделено внимание возможной квалификации действий следователя (дознателя, иного сотрудника правоохранительного органа), давшего «молчаливое согласие» на принуждение потерпевшего к даче показаний/заклЮчения.

Ключевые слова: принуждение к даче показаний, принуждение к даче заключения экспертом, состав преступления, преступление, преступления против правосудия, объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Цитирование: Мельников Е.А. Некоторые спорные вопросы объективной стороны и субъекта принуждения к даче показаний // Государство и право. 2025. № 11. С. 177–185.

DOI: 10.7868/S3034543X25110146

SOME CONTROVERSIAL ISSUES OF THE OBJECTIVE SIDE AND THE SUBJECT OF COMPULSION TO GIVE EVIDENCE

© 2025 E. A. Melnikov

Lomonosov Moscow State University

E-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Received 12.08.2025

Abstract. The article is devoted to certain controversial issues of the objective side and the subject of the corpus delicti provided for in Part 1 of Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article also examines certain problematic issues related to the amendments introduced by Federal Law No. 307-FZ of July 14, 2022 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” in Part 1 of Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as analyzes the provisions of Resolution No. 20 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2022 “On Certain Judicial Issues Practice in criminal cases of crimes against justice”. Separately, the article focuses on the possible qualification of the actions of an investigator (inquirer, other law enforcement officer) who gave “tacit consent” to compulsion to give evidence or coercion of an expert to make a report.

Key words: compulsion to give evidence, coercion of an expert to make a report, corpus delicti, crime, crimes against justice, object, objective side, subject, subjective side.

For citation: Melnikov, E.A. (2025). Some controversial issues of the objective side and the subject of compulsion to give evidence // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 177–185.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ, заключается в принуждении указанных лиц к даче показаний (заклЮчения) и состоит из двух взаимосвязанных элементов: применения незаконных принудительных мер к потерпевшему и требования дать определенные показания/заклЮчение.

В ст. 302 УК РФ говорится только о незаконном принуждении. Данное утверждение представляется важным, так как принуждение к даче показаний может быть законным. Например, предупреждение об ответственности за отказ от дачи показаний и дачу ложных показаний и заклЮчений (ст. 307, 308 УК РФ, ч. 5 ст. 164 УПК РФ). Данное предупреждение можно рассматривать как санкционированную законодателем «угрозу», которая, безусловно, влияет на свободу волеизъявления лица.

Принуждение применяется с целью получения показаний/заклЮчения. Как указано в ст. 76–79 УПК РФ, показания — это сведения, сообщенные подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим или свидетелем в ходе досудебного производства (во время дознания или предварительного следствия) или в суде. Эти сведения сообщаются не только при допросе, но и при производстве других процессуальных действий (следственный эксперимент (ст. 181 УПК РФ), очная ставка (ст. 192 УПК РФ), предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ), проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ)).

Поэтому, на наш взгляд, в качестве результата принуждения по ст. 302 УК РФ могут выступать такие доказательства, предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ, как: показания подозреваемого, обвиняемого (п. 1); показания потерпевшего, свидетеля (п. 2); заклЮчение и показания эксперта (п. 3); заклЮчение и показания специалиста (п. 3¹); протоколы следственных действий (п. 5).

De lege lata не имеет значения, к каким показаниям/заклЮчению по их содержанию (достоверным или ложным), принуждают потерпевших. Однако *de lege ferenda* принуждение к даче ложных показаний/заклЮчения более опасно, чем правдивых, и должно вести к более строгой уголовной ответственности, так как может привести к осуждению невиновного, либо, наоборот, к освобождению виновного от уголовной ответственности.

В доктрине существует мнение, что принуждение к даче заведомо ложных показаний образует

идеальную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 302 и ст. 303 УК РФ¹. Эта позиция представляется заслуживающей внимания. С одной стороны, очевидно, что для фальсификации протокола допроса следователю (дознАвателю) не требуется вообще кого-либо принуждать, с другой стороны, принуждая к даче заведомо для него ложных показаний следователь (дознАватель) действительно вносит в протокол заведомо ложную информацию. Однако, как представляется, в случае ложных показаний/заклЮчения в ст. 302 УК РФ и ст. 303 УК РФ идет речь о принципиально различных способах получения недостоверных доказательств. К этому выводу приводит анализ ч. 2, 4 ст. 303 и ч. 2–4 ст. 309 УК РФ, в которых фальсификация доказательств и принуждение к даче ложных показаний, заклЮчения и перевода входят в объективную сторону разных составов преступлений.

Преступление, предусмотренное ст. 302 УК РФ, считается оконченным с момента совершения действий по принуждению к даче показаний/заклЮчения независимо от того, были ли в дальнейшем даны соответствующие показания/заклЮчение.

Действующее законодательство выделяет несколько способов незаконного принуждения. В ч. 1 ст. 302 УК РФ перечислены три его вида: угрозы, шантаж и иные незаконные действия; в ч. 2 — применение насилия, издевательств, а в ч. 3, 4 — пытки².

Под угрозами как способом совершения данного преступления понимаются высказывания или другие действия следователя, дознАвателя, а равно действующего с их ведома или молчаливого согласия другого лица, которые свидетельствуют о намерении, в частности, применить любое физическое насилие, уничтожить или повредить чужое имущество, когда у подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта или специалиста имелись основания опасаться осуществления такого намерения (абз. 2 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»).

¹ См., напр.: Иванов В.Д. Уголовное законодательство Российской Федерации. Т. 3. Часть Особенная. Ростов-н/Д., 1997. С. 148.

² В законодательстве советского периода способы принуждения были менее детализированы. Так, в ст. 112 УК РСФСР 1922 г. и ч. 2 ст. 115 УК РСФСР 1926 г. говорилось в самом общем виде о применении незаконных мер, в ч. 1 ст. 179 УК РСФСР 1960 г. были выделены отдельно угрозы, а в ч. 2 — применение насилия или издевательств.

Таким образом, Верховный Суд РФ ограничил возможные проявления угрозы только угрозами физического насилия и причинения вреда чужому имуществу. На наш взгляд, такое ограничительное понимание угрозы как способа принуждения не основано на законе. Угроза, прежде всего, должна быть направлена на побуждение принуждаемого дать показания/заключение и при этом ограничивать его волеизъявление, т.е. с высокой долей вероятности предопределять безальтернативность его поведения. Поэтому, по нашему мнению, угроза как способ принуждения может проявляться и в иных видах угроз, например в виде угрозы изменить статус свидетеля на статус подозреваемого (обвиняемого); безосновательные угрозы избрания меры пресечения³.

Важным признаком угрозы является ее реальность — если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Реальность определяется двумя факторами: объективным (возможностью угрожающего осуществить угрозу) и субъективным (восприятием потерпевшим реальности таких действий)⁴.

Однако в ряде случаев объективный критерий формально может отсутствовать. Например, следователь принуждает свидетеля к даче показаний и угрожает ему изменить его статус на статус подозреваемого (обвиняемого) по этому или иному уголовному делу, хотя реально по каким-то причинам такое решение юридически принять не может. При этом свидетель осведомлен, что принятие такого решения относится к процессуальным полномочиям следователя и не знает, что в данном случае юридическая возможность реализовать угрозу у следователя отсутствует. В данном случае объективный критерий формально отсутствует. Однако, на наш взгляд, это не препятствует рассматривать данную угрозу именно как способ принуждения. Ключевым в данном случае является то обстоятельство, что данное полномочие в принципе относится к полномочиям следователя, и принуждаемый, принимая решение дать показание, исходит именно из этого.

Возможно, Верховный Суд РФ ограничил возможные проявления угрозы только явными очевидными формами противоправного поведения, запрещенного законом, чтобы уйти от довольно сложной проблемы разграничения принуждения к даче

показаний от провокационных методов и тактических приемов, применяемых в ходе допроса.

Следующим способом принуждения к даче показаний/заключению является шантаж. Шантаж, применяемый для принуждения к даче показаний или заключения, состоит, в частности, в высказывании или ином выражении угрозы распространения заведомо ложных сведений, позорящих подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста или их близких, либо сведений, составляющих охраняемую законом тайну (например, личную или семейную тайну, о состоянии здоровья, о банковских вкладах), которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам указанных лиц (абз. 2 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20).

По большому счету шантаж является видом угрозы, и его выделение в отдельный способ принуждения лишено практического смысла⁵. Вместе с этим, на наш взгляд, Верховный Суд РФ также необоснованно ограничил шантаж высказыванием или иным выражением угрозы⁶ распространения именно *заведомо ложных сведений*, позорящих потерпевшего или его близких.

В доктрине уголовного права шантаж обычно рассматривают как один из способов вымогательства, но при этом при определении данного понятия существуют различные точки зрения, обусловленные различным толкованием ч. 1 ст. 163 УК РФ⁷.

Вне зависимости от точек зрения все авторы едины в том, что к шантажу можно отнести распространение *любых* сведений, позорящих потерпевшего или его близких.

В этом случае шантажом будет считаться, например, угроза сообщения членам семьи о неподобающем поведении принуждаемого (например, о супружеских изменах, не имеющих отношения к конкретному делу).

Однако описанная ситуация не рассматривается Верховным Судом РФ ни как угроза, ни как шантаж, ни как иные незаконные действия, — что, на наш взгляд, неверно.

⁵ См., напр.: Шестаков А.Л. Квалификация действий органов внутренних дел при совершении преступлений против правосудия // Росс. судья. 2010. № 5. С. 28–31.

⁶ В доктрине указывается, что угроза может быть выражена вербально (словесно) и невербально (путем, например, демонстрации различных предметов или действий) (см., напр.: Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. М., 2005).

⁷ См., напр.: Метельский П.С. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний (статья 302 УК РФ) // Вестник НГУ. Серия: Право. 2009. Т. 5. Вып. 2. С. 93; Уголовное право: учеб. для вузов. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 2001. С. 242.

³ См.: Уголовное право Российской Федерации: учеб. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

⁴ См.: Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 371.

Наиболее сложным является понятие иных незаконных действий, поскольку в ч. 1 ст. 302 УК оно не конкретизировано.

По смыслу уголовного закона к иным незаконным действиям, совершаемым в целях принуждения к даче показаний/заключения, могут быть отнесены, например, оскорбление данных лиц, умышленное существенное нарушение установленных требований о продолжительности и об условиях проведения допроса, использование сфальсифицированных доказательств (п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20).

Из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 следует, что к иным незаконным действиям как способу принуждения может быть отнесено также и бездействие. Эта позиция в целом разделяется и в доктрине. В качестве примеров такого бездействия, в частности, приводят незаконное содержание задержанного под стражей свыше предусмотренного законом срока⁸ и непредоставление допрашиваемому лицу срочной медицинской помощи⁹.

Верховный Суд РФ также отнес к иным незаконным действиям умышленное существенное нарушение установленных требований о продолжительности и об условиях проведения допроса. Представляется, что в данном случае речь может идти лишь о тех нарушениях закона о порядке проведения допроса, которые могли существенным образом повлиять на волеизъявление допрашиваемого. Не должно рассматриваться как принуждение нарушение норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регулирующих право подозреваемого (обвиняемого) на участие защитника (п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 9 ч. 4 ст. 47), возможность участия адвоката при допросе свидетеля (ч. 5 ст. 189), а также норм, устанавливающих правила о проведении допроса в ночное время (ч. 3 ст. 164), о продолжительности допроса (ст. 187), о допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (ст. 191), о допросе несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) (ст. 425). Нарушение данных норм в ряде случаев может вести к признанию доказательств недопустимыми, дисциплинарной ответственности, но все же сами по себе данные нарушения условий и порядка проведения допроса не являются принуждением, не ограничивают волеизъявление допрашиваемого.

⁸ См.: Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 112.

⁹ См.: Бунев А.Ю., Бунева И.Ю. Особенности уголовной ответственности за принуждение к даче показаний. Красноярск, 2001. С. 51.

В литературе описываются примеры, когда «иные незаконные действия» трактуются, на наш взгляд, чрезмерно широко. Например, к ним относят любые «безнравственные и противоправные действия допрашивающего в отношении допрашиваемого с целью получения от него соответствующей информации»¹⁰.

Не разделяем также позицию ученых, которые относят к иным противоправным действиям как форме принуждения абсолютно любые формы воздействия, запрещенные законом, либо для которых не имеется предусмотренных на то в законе оснований или условий¹¹.

Кроме этого к «иным незаконным действиям», по нашему мнению, ошибочно относят любые провокационные методы и тактические приемы, применяемые в ходе допроса, например: ложные обещания прекратить уголовное дело, изменить меру пресечения на более мягкую, изменить квалификацию преступления, а также фактический обман, т.е. совершение действий, которые вводят допрашиваемого в заблуждение относительно установленных обстоятельств и т.д.¹²

Отдельно в качестве способа принуждения в форме «иных незаконных действий» в доктрине выделяется фактический обман. Ряд ученых считают, что при фактическом обмане принуждаемый не может полностью распоряжаться своей волей по причине получения неверной картины происходящего, вследствие чего относят его к способу принуждения к даче показаний/заключения¹³.

Вместе с этим далеко не каждый способ воздействия, описанный выше (в том числе фактический обман), ограничивает или вовсе исключают свободу волеизъявления принуждаемого. В частности, фактический обман может рассматриваться как тактический психологический прием, применяемый в ходе допроса, который не ставит жесткой альтернативы в вариантах поведения

¹⁰ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С. 475.

¹¹ См.: Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 19; Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств / отв. ред. А.И. Чучаев. Ульяновск, 2001. С. 83, 84; Лобанова Л.В. Указ. соч. С. 110.

¹² См.: Дворянсков И.В. Указ. соч. С. 83, 84.

¹³ См.: Бунева И.Ю. Указ. соч. С. 10; Уголовное право Российской Федерации: учеб. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога. А.И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп.; Преступления против правосудия. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2021.

допрашиваемого и не исключает свободу его волеизъявления¹⁴. При этом не имеет значения, что решение принимается с учетом обстоятельств, которые не существуют или которые изменены.

Ситуация о провокационных методах допроса, их отнесении к способам принуждения к даче показаний является очень неоднозначным. В теоретическом плане это может быть и выглядит логичным, но представляется, что строгое претворение этого подхода в жизнь сильно сократит раскрываемость преступлений. Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает ряд привилегий для лиц, которые намерены сотрудничать со следствием (например, гл. 40¹ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве»). При этом следователь, озвучивая лицу данные возможности, предусмотренные законодательством, в ряде случаев не может гарантировать их реализацию, так как последняя находится в компетенции прокуратуры или суда. Более того, в ряде случаев следователь, опираясь на практический опыт, заведомо знает, что обвиняемому, заключившему досудебное соглашение о сотрудничестве, с высокой долей вероятности будет назначено более строгое наказание, чем то, на которое он рассчитывает¹⁵. Отличить недопустимых провокационных методы от допустимых провокационных методов, которые могут быть такими же аморальными, крайне сложно.

С учетом сказанного можно согласиться с позицией, что «иные незаконные действия» будут выступать способом принуждения к даче показаний при одновременном наличии всех нижеперечисленных условий: 1) ограничивают свободу волеизъявления потерпевшего в ущерб его законным интересам; 2) преследуют цель принуждения к даче показаний; 3) предусмотрены законом, но применены представителем власти ненадлежащим образом (не к тем участникам или без соблюдения порядка и условий их использования) либо прямо закреплены в Уголовном кодексе РФ в качестве самостоятельных преступлений (исключая угрозы, шантаж, насилие, издевательство, пытку как уже указанные в ст. 302 способы)¹⁶.

В качестве иных незаконных действий как способ принуждения в доктрине также рассматривают

применение гипноза, наркотических, алкогольных и алкоголесодержащих средств, привлечение экстрасенсов к получению доказательств¹⁷. При этом указывается, что не имеет значения, совершались ли эти действия насильно, с использованием обмана или же с согласия либо даже по просьбе потерпевшего — главное, что они в той или иной степени ограничивают свободу волеизъявления принуждаемого.

В целом в доктрине ученые сходятся во мнении, что применение гипноза, наркотических, алкогольных и алкоголесодержащих средств возможно рассматривать как способ принуждения в виде «иных незаконных действий», однако зачастую ставят такую возможность в зависимость от способа их применения: насильственного или по желанию допрашиваемого. Неоднозначная позиция высказывается только в отношении привлечения экстрасенсов ввиду сложности моделирования ситуации, когда эта мера являлась бы именно принуждением к даче показаний¹⁸.

В отношении гипноза ряд ученых полагает, что при согласии допрашиваемого на применение гипноза принуждение к даче показаний отсутствует, и такие действия в принципе не являются противоправными¹⁹. Другие считают, что гипноз, даже при согласии допрашиваемого, является нарушением конституционных прав человека на личную неприкосновенность²⁰.

Мы придерживаемся позиции, что если целью гипноза не является принуждение к даче показаний, то само по себе ограничение волеизъявления допрашиваемого не может рассматриваться как незаконное принуждение.

В зависимости от порядка применения наркотических и аналогичных им средств позиции ученых также разнятся. Ряд из них полагает, что их принудительная дача является видом насилия и подлежит квалификации по ч. 2 ст. 302 УК РФ, в то время как их применение по просьбе (согласию) потерпевшего может рассматриваться как принуждение к даче показаний и быть квалифицировано по ч. 1 ст. 302 УК РФ²¹.

Другие, наоборот, считают, что если наркотические и аналогичные им средства применяются без насилия и обмана, по желанию принуждаемого,

¹⁴ См.: Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. С. 380, 381; Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой; Есаков Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А. И. Рарог. М., 2007.

¹⁵ См.: Малаховский А. Сделка без гарантий: проблемы досудебных соглашений. URL: <https://pravo.ru/story/215629/>

¹⁶ См.: Авдеева Е. А. Принуждение к даче показаний: причины и меры предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 12.

¹⁷ См.: Есаков Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Указ. соч.

¹⁸ См.: Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) / под ред. Н. А. Лопашенко М., 2023. С. 286.

¹⁹ См.: Гримаков Л. П., Хабалев В. Д. «Следственный гипноз» и права человека // Государство и право. 1997. № 4. С. 46–49.

²⁰ См.: Дворянсков И. А. Указ. соч. С. 85; Ларин А. М., Ратинков А. Р. Злоупотребление психиатрией // Там же. № 6. С. 77–79.

²¹ См.: Горелик А. С., Лобанова Л. В. Указ. соч. С. 377, 378.

то это можно рассматривать лишь как способ дополнительного стимулирования нужного следователю поведения, а не способ ограничения его волеизъявления, и поэтому вменять ч. 1 ст. 302 УК РФ²² в данном случае нельзя. Данное деяние при соответствующих обстоятельствах можно рассматривать как должностное преступление²³, предусмотренное ст. 285, 286 УК РФ.

Представляется, что вопрос о степени ограничения волеизъявления допрашиваемого в результате применения наркотических и аналогичных им средств должен разрешаться в каждом конкретном случае индивидуально — в зависимости от физиологических особенностей допрашиваемого лица. Кроме этого, для квалификации действий по ч. 1 ст. 302 УК РФ важное значение будет иметь направленность умысла субъекта данного преступления. Если из обстоятельств дела будет следовать, что данное лицо хотело лишь расположить допрашиваемого к сотрудничеству, то вменение ч. 1 ст. 301 УК РФ будет вряд ли возможно.

Указанные действия можно было бы рассматривать как подкуп допрашиваемого, однако уголовный закон не рассматривает подкуп как самостоятельный способ принуждения к даче показаний.

Более того, Уголовный кодекс РФ разграничивает понятия подкупа и принуждения, что следует из ч. 1, 2 ст. 309 «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу».

В научной литературе отмечается, что в ряде стран подкуп считается одним из способов принуждения к даче показаний²⁴.

С учетом сказанного, возможно, было бы целесообразно спроектировать ст. 302 УК РФ по аналогии со ст. 309 УК РФ, указав, помимо принуждения, подкуп как незаконный способ получения показаний/заклЮчения. Указанный пробел в настоящее время при соответствующих обстоятельствах может быть восполнен путем квалификации действий должностных лиц по ст. 285, 286 УК РФ. Однако составы преступлений, предусмотренные данными статьями, являются материальными в отличие от ч. 1–3 ст. 302 УК РФ.

Несмотря на то что в ст. 302 УК РФ говорится о принуждении к даче показаний, правоприменительной практике известны примеры квалификации

по данной статье деяний, связанных с принуждением к отказу от показаний, данных ранее. Юридически в данном случае здесь также идет речь о принуждении к даче показаний²⁵. Однако в ряде случаев уголовная ответственность может быть предусмотрена в том числе за принуждение и подкуп потенциальных процессуальных потерпевших к юридическому и фактическому бездействию (например, ст. 309 УК РФ, ст. 434–15 УК Франции). Представляется, что возможность квалификации деяния в случае принуждения к фактическому и юридическому бездействию принуждаемого по ст. 302 УК РФ исключена.

Принуждение к даче показаний *окончено* в момент совершения принудительных действий независимо от того, были ли фактически получены требуемые показания и наступили ли какие-либо иные последствия.

Субъект преступления указан в диспозиции ст. 302 УК РФ: следователь, лицо, производящее дознание, иной сотрудник правоохранительного органа, другое лицо, действующее с ведома или молчаливого согласия следователя, лица, производящего дознание, или иного сотрудника правоохранительного органа.

В первоначальной редакции ч. 1 ст. 302 УК РФ *субъектами* преступления были указаны только следователь или лицо, производящее дознание. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» понятие субъекта расширено: им признано также другое лицо, совершившее те же действия с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание. Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 307 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» круг субъектов был снова расширен. К субъекту было отнесено любое лицо правоохранительного органа, а также другое лицо, совершившее те же действия с ведома или молчаливого согласия любого сотрудника правоохранительного органа.

Таким образом, субъект преступления часто специальный, хотя, если деяние совершается другим лицом с молчаливого согласия специального субъекта, в качестве этого другого лица может выступить и общий субъект.

Принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта, специалиста к даче заключения или показаний, совершенное лицом, действующим с ведома или молчаливого согласия следователя или

²² См.: Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) / под ред. Н.А. Лопашенко. С. 286.

²³ См.: там же.

²⁴ См.: Попова Я., Попов Н. Законодательство об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний: исторические и сравнительно-правовые аспекты // Уголовное право. 2003. № 3. С. 53.

²⁵ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16.02.2012 № 12-О12-5 // В официальных источниках опубликовано не было.

дознателя, квалифицируется по ст. 302 УК РФ при условии, что следователь или дознаватель достоверно знал о намерении другого лица совершить указанные противоправные действия и выразил свое согласие на совершение таких действий, в том числе не возражал против их совершения (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20).

Ответственность за преступления, предусмотренные ст. 302 УК РФ, не исключается, если должностные лица, их совершившие, были приняты на службу (работу) или приобрели определенный статус с нарушением требований или ограничений, например при отсутствии документа, подтверждающего получение необходимого образования, без требуемого стажа работы, при наличии судимости и т.п. (п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20).

Очень сложным вопросом, на который не ответил Пленум Верховного Суда РФ, является вопрос о том, привлекается ли и как к уголовной ответственности следователь (дознатель, иной сотрудник правоохранительного органа), давший молчаливое согласие на принуждение потерпевшего к даче показаний/заключения. Как представляется, фактический исполнитель «другое лицо» и следователь (дознатель, иной сотрудник правоохранительного органа) действуют согласованно, при этом главным для всех действующих лиц является именно специальный субъект, который не возражает против применения принуждения сторонним лицом. Проблема заключается в том, что осведомленность или молчаливое согласие, выраженные невербальное, по мнению ряда ученых, не могут рассматриваться как соучастие (организация, пособничество)²⁶.

В доктрине не раз отмечалось, что понятие пособничества не охватывает все его фактические формы²⁷. Зачастую правоприменителю приходится выходить из ситуации за счет расширительного толкования такой формы пособничества, как устранение препятствий совершения преступления²⁸. На наш взгляд, осведомленность или молчаливое согласие также могли бы быть рассмотрены как пособничество в форме устранения препятствий совершения преступления.

Однако, исходя из действующей модели предварительного производства, по нашему мнению,

в случаях, когда речь идет об осведомленности или молчаливом согласии следователя (дознателя), то оно должно рассматриваться как соисполнительство преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ. К подобному выводу нас подталкивает позиция Верховного Суда РФ, который предлагает в ряде случаев рассматривать как соисполнительство действия лиц, не участвующих в совершении преступления непосредственно и не выполняющих даже часть объективной стороны состава преступления. Например, п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» к соисполнителям отнесены лица, которые лишь подстраховывают других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления.

В доктрине также указывается, что правоприменительная практика идет по пути, когда непосредственное участие в преступлении (ч. 2 ст. 33 УК РФ) больше не рассматривается как единственная форма выполнения объективной стороны состава²⁹.

Подобный подход на практике реализуется за счет формулировок, содержащихся в ст. 30 УК РФ. В частности, отделяя приготовление к совершению преступления от покушения (начала выполнения объективной стороны преступления), законодатель указал, что к последнему относятся «умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления» (ч. 3 ст. 30 УК РФ). Таким образом, формально законодатель отнес к объективной стороне не только совершение лицом преступления, но и совершение им умышленных действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления.

Представляется, что сказанное позволяет квалифицировать осведомленность или молчаливое согласие следователя (дознателя) на принуждение к даче показаний/заключения, совершаемого третьим лицом, как соисполнительство преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ.

В контексте рассматриваемой проблемы также возникает вопрос о разграничении между ст. 302 УК РФ и ч. 2 ст. 309 УК РФ, устанавливающей ответственность за принуждение к даче показаний, но со стороны общего субъекта (частного лица).

Основным критерием применения ст. 302 УК РФ является связь этого другого лица со следователем, лицом, производящим дознание, либо иным сотрудником правоохранительного органа,

²⁶ См. об этом же: Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой.

²⁷ См.: *Бриллиантов О.А.* О правовой оценке роли посредника // Уголовное право. 2006. № 5. С. 13–15; *Ображиев К.* Пособничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2019. № 3.

²⁸ См.: *Ображиев К.* Указ. соч.

²⁹ См.: *Данилов Д.О., Яни П.С.* Соисполнительство (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору): позиция высшего судебного органа // Законность. 2020. № 1.

имеющего отношение к расследованию уголовного дела.

Если частное лицо применяло принуждение к даче показаний без ведома или молчаливого согласия следователя (дознателя, иного сотрудника правоохранительного органа), т.е. по собственной инициативе, например желая оказать содействие следствию или преследуя собственный интерес, то его действия должны квалифицироваться по ч. 2–4 ст. 309 УК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеева Е.А. Принуждение к даче показаний: причины и меры предупреждения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 12.
2. Бриллиантов О.А. О правовой оценке роли посредника // Уголовное право. 2006. № 5. С. 13–15.
3. Бунев А.Ю., Бунева И.Ю. Особенности уголовной ответственности за принуждение к даче показаний. Красноярск, 2001. С. 51.
4. Бунева И.Ю. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2000. С. 10, 19.
5. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 371, 377, 378, 380, 381.
6. Гримаков Л.П., Хабалев В.Д. «Следственный гипноз» и права человека // Государство и право. 1997. № 4. С. 46–49.
7. Данилов Д.О., Яни П.С. Соисполнительство (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору): позиция высшего судебного органа // Законность. 2020. № 1.
8. Дворянсков И.В. Уголовно-правовая охрана процессуального порядка получения доказательств / отв. ред. А.И. Чучаев. Ульяновск, 2001. С. 83–85.
9. Есаков Г.А., Рарог А.И., Чучаев А.И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2007.
10. Иванов В.Д. Уголовное законодательство Российской Федерации. Т. 3. Часть Особенная. Ростов-н/Д., 1997. С. 148.
11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. М., 1996. С. 475.
12. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
13. Ларин А.М., Ратинов А.Р. Злоупотребление психиатрией // Государство и право. 1997. № 6. С. 77–79.
14. Лобанова Л.В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 110, 112.
15. Малаховский А. Сделка без гарантий: проблемы досудебных соглашений. URL: <https://pravo.ru/story/215629/>
16. Метельский П.С. Уголовная ответственность за принуждение к даче показаний (статья 302 УК РФ) // Вестник НГУ. Серия: Право. 2009. Т. 5. Вып. 2. С. 93.
17. Обращение К. Послужничество преступлению: проблемы уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2019. № 3.
18. Попова Я., Попов Н. Законодательство об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний: исторические и сравнительно-правовые аспекты // Уголовное право. 2003. № 3. С. 53.
19. Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) / под ред. Н.А. Лопашенко М., 2023. С. 286.
20. Преступления против правосудия. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
21. Преступления против правосудия / под ред. А.В. Галаховой. М., 2005.
22. Уголовное право: учеб. для вузов. Особенная часть / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 2001. С. 242.
23. Уголовное право Российской Федерации: учеб. Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.
24. Шестаков А.Л. Квалификация действий органов внутренних дел при совершении преступлений против правосудия // Росс. судья. 2010. № 5. С. 28–31.

REFERENCES

1. Avdeeva E.A. Coercion to testify: reasons and preventive measures: abstract ... PhD in Law. M., 2008. P. 12 (in Russ.).
2. Brilliantov O.A. On the legal assessment of the role of an intermediary // Criminal Law. 2006. No. 5. Pp. 13–15 (in Russ.).
3. Bunev A. Yu., Buneva I. Yu. Features of criminal liability for coercion to testify. Krasnoyarsk, 2001. P. 51 (in Russ.).
4. Buneva I. Yu. Criminal liability for coercion to testify: abstract ... PhD in Law. Omsk, 2000. Pp. 10, 19 (in Russ.).
5. Gorelik A.S., Lobanova L.V. Crimes against justice. SPb., 2005. Pp. 371, 377, 378, 380, 381 (in Russ.).
6. Grimakov L.P., Khabalev V.D. "Investigative hypnosis" and human rights // State and Law. 1997. No. 4. Pp. 46–49 (in Russ.).
7. Danilov D.O., Yani P.S. Co-execution (group of persons, group of persons by prior agreement): the position of the supreme judicial body // Legality. 2020. No. 1 (in Russ.).
8. Dvoryanskov I.V. Criminal law protection of the procedural procedure for obtaining evidence / ed. by A.I. Chuchayev. Ulyanovsk, 2001. Pp. 83–85 (in Russ.).
9. Yesakov G.A., Rarog A.I., Chuchayev A.I. The table book of a judge in criminal cases / ed. by A.I. Rarog. M., 2007 (in Russ.).
10. Ivanov V.D. Criminal legislation of the Russian Federation. Vol. 3. Special part. Rostov-on-Don, 1997. P. 148 (in Russ.).
11. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Special part / under the general ed. of Yu.I. Skuratov and V.M. Lebedev. M., 1996. P. 475 (in Russ.).

12. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. by A.I. Rarog. 7th ed., rev. and add. M., 2011 (in Russ.).
13. *Larin A.M., Ratinov A.R.* Abuse of psychiatry // State and Law. 1997. No. 6. Pp. 77–79 (in Russ.).
14. *Lobanova L.V.* Crimes against justice: theoretical problems of classification and legislative regulation. Volgograd, 1999. Pp. 110, 112 (in Russ.).
15. *Malakhovsky A.* A deal without guarantees: problems of pre-trial agreements. URL: <https://pravo.ru/story/215629/> (in Russ.).
16. *Metelsky P.S.* Criminal liability for coercion to testify (Article 302 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Herald of the National Research University. Series: Law. 2009. Vol. 5. Iss. 2. P. 93 (in Russ.).
17. *Obrazhiev K.* Complicity in crime: problems of criminal law assessment // Criminal Law. 2019. No. 3 (in Russ.).
18. *Popova Ya., Popov N.* Legislation on criminal liability for coercion to testify: historical and comparative legal aspects // Criminal Law. 2003. No. 3. P. 53 (in Russ.).
19. Crimes against justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation) / ed. by N.A. Lopashenko. M., 2023. P. 286 (in Russ.).
20. Crimes against justice. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article) / ed. by G.A. Yesakov. 9th ed., rev. and add. M., 2021 (in Russ.).
21. Crimes against justice / ed. by A.V. Galakhova. M., 2005 (in Russ.).
22. Criminal Law: textbook for universities. Special part / ed. by I. Ya. Kozachenko, Z.A. Neznamova, G.P. Novoselov. M., 2001. P. 242 (in Russ.).
23. Criminal Law of the Russian Federation: textbook. Special part / ed. by L.V. Inogamova-Hegay, A.I. Rarog, A.I. Chuchaev. 2nd ed., rev. and add. M., 2009 (in Russ.).
24. *Shestakov A.L.* Qualification of actions of law enforcement agencies in the commission of crimes against justice // Russ. judge. 2010. No. 5. Pp. 28–31 (in Russ.).

Сведения об авторе

МЕЛЬНИКОВ Евгений Александрович —
кандидат юридических наук,
доцент кафедры экономических и финансовых
расследований Высшей школы
государственного аудита
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова; 119234 г. Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 13

Authors' information

MELNIKOV Eugene A. —
PhD in Law,
Associate Professor of the Department of Economic
and Financial Investigations
of the Higher School of Public Audit,
Lomonosov Moscow State University;
1, bld. 13 Leninskie Gory, 119234 Moscow, Russia

УДК 342

ЛЕГИТИМНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА)

© 2025 г. С. А. Агамагомедова*, В. Н. Плигин**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

**E-mail: saniyat_aga@mail.ru*

***E-mail: plvlad1@mail.ru*

Поступила в редакцию 07.09.2025 г.

Аннотация. В статье предпринята попытка обосновать понятие легитимности в качестве принципа государственного контроля (надзора). На основе анализа существующих в науке подходов к пониманию легитимности предложено рассматривать легитимность в качестве одного из принципов государственного контроля (надзора), а также его правового регулирования. Сделан вывод о возможности отнесения данного принципа как к отдельным составляющим системы государственного контроля (надзора), к смежным с ним институтам, так и ко всей такой системе в целом. Доказана тесная связь принципа легитимности с принципами законности, обоснованности, иными принципами государственного контроля (надзора).

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), принципы государственного контроля (надзора), легитимность, доверие, законность, обоснованность, обязательные требования.

Цитирование: Агамагомедова С.А., Плигин В.Н. Легитимность как принцип государственного контроля (надзора) // Государство и право. 2025. № 11. С. 186–193.

DOI: 10.7868/S3034543X25110157

LEGITIMACY AS A PRINCIPLE OF STATE CONTROL (SUPERVISION)

© 2025 S. A. Agamagomedova*, V. N. Pligin**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

**E-mail: saniyat_aga@mail.ru*

***E-mail: plvlad1@mail.ru*

Received 07.09.2025

Abstract. The article attempts to substantiate the concept of legitimacy as a principle of state control (supervision). Based on the analysis of existing scientific approaches to understanding legitimacy, it is proposed to consider legitimacy as one of the principles of state control (supervision), as well as its legal regulation. A conclusion is made about the possibility of attributing this principle both to individual components of the state control (supervision) system, to related institutions, and to the entire system as a whole. A close connection and mutual dependence of the principle of legitimacy with the principles of legality, validity, and other principles of state control (supervision) is proven.

Key words: state control (supervision), principles of state control (supervision), legitimacy, trust, legality, validity, mandatory requirements.

For citation: Agamagomedova, S.A., Pligin, V.N. (2025). Legitimacy as a principle of state control (supervision) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 186–193.

Развитие теории государственного контроля (надзора) базируется на традиционных в отечественной юридической науке подходах, а также генерирует качественно новые методологические приемы к исследованию данных публично-правовых институтов. Значимой частью этой теории выступают доктринальная разработка и обоснование системы принципов государственного контроля (надзора). Актуальность подобного обоснования трудно переоценить. Во-первых, принципы контрольно-надзорной деятельности государства есть полноценный каркас для текущего и перспективного правового регулирования контрольно-надзорных механизмов. Во-вторых, принципы государственного контроля (надзора) позволяют нивелировать как изъяны и пробелы правового регулирования контрольно-надзорной деятельности в системе публичного управления, так и проблемы правоприменительной практики в данной сфере общественных отношений. В-третьих, единые, выстроенные в целостную систему принципы государственного контроля (надзора) призваны объединить сферы контрольно-надзорного воздействия со стороны государства (централизованную и децентрализованные сферы, различные виды государственного контроля (надзора)), осуществлять его единообразно, сделать контрольно-надзорное внимание более целенаправленным и, как следствие, более эффективным.

Именно целостная система принципов в рамках регулирования государственного контроля (надзора) придает ему такую важнейшую характеристику, как предсказуемость. Критерий предсказуемости служит часто основным при принятии решения о возможности осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, являющейся важнейшим условием развития экономики и выступающей объектом воздействия со стороны государства.

Принципы в анализируемой сфере так же, как и в других областях правового регулирования, формируют ценностный каркас, служащий ориентиром для деятельности, осуществляемой

всеми участниками возникающих правоотношений. На практике достаточно часто приходится сталкиваться с недооценкой роли именно института правовых принципов, которым иногда отводится роль исключительно теоретической конструкции. Это заблуждение носит широко распространенный характер и не учитывает в условиях быстро меняющегося законодательства того, что право играет роль регулятора в условиях сохранения им своих основных характеристик, которые и отражаются в принципах. На некоторое общее представление, то есть представление, отражающееся в принципах, ориентируется и значительное число физических лиц – участников общественных отношений.

Несомненно, что, оставаясь консервативной, система принципов также может развиваться и дополняться новым содержанием, которое особенно меняется в условиях революционных изменений подходов к правовому регулированию, что неоднократно случалось в нашей стране в течение XX в.

Принципы государственного контроля (надзора), муниципального контроля закреплены законодателем в специальной гл. 2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹, ставшего основой обновленного правового регулирования контрольно-надзорной деятельности в условиях реформы системы государственного контроля (надзора), а также в иных нормативных правовых актах, регулирующих проведение других видов контрольно-надзорной деятельности. Данная система может быть дополнена принципами, правовое обоснование которых предлагает научная доктрина и правоприменительная практика². Представляется, что в этой связи обосновано говорить о системе принципов публичного контроля (вбирающего в себя государственный контроль (надзор)

¹ См.: Росс. газ. 2020. 5 авг.

² См.: Агамагомедова С.А. Принципы государственного контроля (надзора) в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. 2025. № 2. С. 41–49.

и муниципальный контроль) как необходимом условии обеспечения легитимности осуществления государственной политики в контрольно-надзорной деятельности.

Легитимность, с одной стороны, — важная характеристика изучаемой системы, т.е. каждый из ее элементов может быть проанализирован с позиций легитимности. Результат проделанного анализа позволит сделать вывод о необходимости корректировки нормативного материала или правоприменительных подходов для обеспечения их эффективности. С другой стороны, являясь условием, относимым к отдельным принципам системы, легитимность должна определять и систему в целом. В этом качестве легитимность может быть вычленена как самостоятельный принцип. В то же время необходимо обратить внимание на то, что одним из основных вариантов научного позиционирования государственного контроля (надзора) является его представление в качестве одного из базовых средств обеспечения законности, что делает весьма востребованными вопросы соотношения принципов законности и обоснованности с понятием легитимности применительно к системе государственного контроля (надзора).

В этой связи в настоящей статье предлагается попытка представить правовое обоснование легитимности как принципа государственного контроля (надзора).

Легитимность в системе государственного контроля (надзора)

Понятие легитимности исследуется, как правило, в философской, теоретико-правовой и политологической науках.

В частности, легитимность права предлагается рассматривать в трех аспектах: как свойство (атрибут) права, с точки зрения ситуации добровольной и осознанной самоидентификации некоторого круга лиц — агентов, поддерживающих правовой порядок, как характеристику того уровня правовой культуры, которого достигло в своем развитии то или иное конкретное общество³.

С учетом разнообразных интерпретаций легитимности в современных политико-правовых учениях существенной признается отсылка к легитимности как модели юридической аргументации, опирающейся на понятие правопорядка и средства правопорядка⁴.

В науке имеет место и понимание легитимности как коллективного согласия и веры в то, что существующий порядок, положение вещей, решения и/или действия субъекта более правильны, чем любые альтернативные в рамках определенной социальной структуры, в существующем контексте и системе ценностей⁵.

Отметим, что понятие легитимности может относиться (применяться) к разным категориям и, соответственно, охватывать различный уровень действительности. Так, легитимность позиционируется как поддержка, одобрение, принятие и используется по отношению к политическому порядку, лидеру, режиму, власти как таковой в определенный исторический период⁶ и политическому курсу в целом, а также на более низком уровне — по отношению к конкретному действию или решению⁷. Представляется, что подобное разграничение уровней понимания и использования понятия легитимности может быть проецировано и на контрольно-надзорные правоотношения. Можно говорить о легитимности определенного действия в рамках контрольно-надзорной процедуры, а можно характеризовать конкретный режим государственного контроля (надзора) как легитимный.

При этом распространенный еще в советский период подход к пониманию контроля как правовой формы деятельности⁸, на наш взгляд, подтверждает применимость понятия легитимности к характеристикам, свойствам контрольно-надзорной деятельности как таковой, признает ее исключительно правовую основу.

Думается, что материально-правовая и процедурная составляющие контрольно-надзорного воздействия также нуждаются в отдельном обосновании с точки зрения легитимности.

Формирование представления о легитимности можно изучать применительно к правовым статусам участников контрольно-надзорного взаимодействия (материальный аспект) и административным процедурам государственного контроля (надзора) (процедурный аспект). Более того, в определенной степени отражает принцип легитимности правового регулирования контрольно-надзорной деятельности, на наш взгляд, и процедура принятия базового закона в области

³ См.: Денисенко В. В. Легитимность права: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2020. С. 14, 15.

⁴ См.: Плигин В. Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 14.

⁵ См.: Мясников С. А. Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений // Политическая наука. 2019. № 3. С. 230.

⁶ См.: Миронов Б. Н. О нелегитимности советской власти // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 8–38.

⁷ См.: Мясников С. А. Указ. соч. С. 224.

⁸ См.: Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987.

государственного контроля (надзора), обсуждение проекта которого проходило в публичном формате, а при его подготовке и рассмотрении законодателями ставилась задача не просто уйти от избыточных, ненужных и формальных процедур, а работать на опережение, на упреждение возможных негативных последствий, чтобы защитить здоровье граждан, обеспечить безопасность и высокое качество их жизни⁹.

Кроме того, легитимность, на наш взгляд, может рассматриваться в контексте системы государственного контроля (надзора) с точки зрения базового принципа его осуществления и вектора направленности его правового регулирования. Безусловно, принципы права имеют значение смыслообразующих начал легитимности политико-правовой системы¹⁰. В этой связи, к примеру, права человека как универсальный принцип права¹¹ выступают в качестве фундамента всей системы правового регулирования в целом и правового регулирования контрольно-надзорных механизмов государства как ее части.

Легитимность как политико-правовой феномен может рассматриваться как концентрированное выражение устремленности политико-правовой системы, ее основных структур и функций к согласию с ключевыми единицами цивилизованного правосознания¹². Данный тезис позволяет говорить о легитимности как векторе направленности, приоритете правового регулирования государственного контроля (надзора), его уровне и одновременно свойстве, признаке такого регулирования.

Таким образом, в контексте системы государственного контроля (надзора) легитимность как теоретико-правовая и политико-правовая категория может позиционироваться в качестве: принципа, уровня, свойства и вектора правового регулирования и осуществления государственного контроля (надзора), способа юридической аргументации (обоснования) правового регулирования государственного контроля (надзора), отражения принятия (одобрения, поддержки) такого регулирования и практики осуществления контрольно-надзорной деятельности государства. Важно подчеркнуть

связь легитимности с правовой наполненностью объекта оценки с позиций легитимности. Это связано с тем, что именно право в условиях современной цивилизации остается главным регулятором, правда, достаточно часто отступая от этой роли в условиях «слабых» государств.

Соотношение принципа легитимности с иными принципами государственного контроля (надзора)

Понимание легитимности как принципа государственного контроля (надзора) видится нам наиболее определенным и востребованным в современных условиях. Причем легитимность может рассматриваться и как принцип правового регулирования государственного контроля (надзора), и одновременно как принцип его осуществления. При этом возникает вопрос о возможных теоретико-правовых моделях соотношения принципа легитимности с иными, в том числе и закрепленными законодателем, принципами государственного контроля (надзора), среди которых прежде всего принципы законности и обоснованности. Не случайно в современной теоретико-правовой науке признается необходимость более точного сопоставления легитимности с законностью¹³.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» называет законность и обоснованность первыми среди всех принципов государственного контроля (надзора). Содержание их сводится к нескольким базовым тезисам: деятельность по организации и осуществлению государственного контроля (надзора), муниципального контроля ведется в соответствии с действующими нормативными правовыми актами и в пределах установленной ими компетенции контрольно-надзорных органов; действия и решения контрольного (надзорного) органа и его должностных лиц должны быть законными, обоснованными и объективными; не допускаются необоснованные решения и действия при организации и осуществлении контрольно-надзорной деятельности.

Полагаем, что легитимность не тождественна законности, но в условиях стабильного общества заметно обусловлена ею. Легитимность, черпающая свои основания из закона, — исторически повторяющееся явление¹⁴.

Представляется, что легитимность может быть применена к нескольким ключевым институтам административного права, используемым в рамках практической реализации и теоретико-правового

⁹ См.: Стенограмма заседания Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 22 июля 2020 года. Бюллетень № 309 (1857). Издание Государственной Думы, 2020. С. 66, 67. URL: https://parlib.duma.gov.ru/common/upload/doc/Stenogramma_Otchet_Pravitelstva_2020.pdf (дата обращения: 02.09.2025).

¹⁰ См.: *Плигин В.Н.* Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 18.

¹¹ См.: *Варламова Н.В.* Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 146–171.

¹² См.: *Плигин В.Н.* Указ. соч. С. 14.

¹³ См.: там же. С. 18.

¹⁴ См.: *Плигин В.Н.* Легальное господство и вопросы легитимности государства в работах Макса Вебера // Государство и право. 2020. № 7. С. 97.

обоснования контрольно-надзорной деятельности. Речь идет, на наш взгляд, об административных процедурах государственного контроля (надзора), административных актах в рамках таких процедур и административной юрисдикции (в данном случае содержание административной юрисдикции связано прежде всего с компетенцией контрольно-надзорного органа). Предлагаемая теоретическая конструкция подтверждает, по нашему мнению, сквозной, универсальный (всеобъемлющий) характер контрольно-надзорной деятельности государства, обоснование которой охватывает и определенным образом развивает целый ряд ключевых публично-правовых институтов.

Безусловно, принцип легитимности не совпадает с принципами законности и обоснованности при организации и осуществлении государственного контроля (надзора). Однако присутствие его, как представляется, должно подразумевать законность и обоснованность контрольно-надзорного воздействия и одновременно оно предполагает определенные характеристики этой деятельности, отражающие принятие такого воздействия со стороны подконтрольных субъектов, необходимый уровень доверия к законодателю и правоприменителю в рассматриваемой сфере, поддержки степени и формы контрольно-надзорного внимания государства к конкретной области общественных отношений. При этом чем явственнее реализуется принцип легитимности при организации и осуществлении государственного контроля (надзора), тем выше степень вовлеченности подконтрольных лиц в контрольно-надзорные процедуры, участия их в контрольно-надзорных правоотношениях, позитивной активности и инициативности невластных субъектов в них.

Кроме того, принцип легитимности в системе государственного контроля (надзора) тесно связан с иными закрепленными законодателем принципами, в особенности с такими принципами, как стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований, соразмерность вмешательства в деятельность контролируемых лиц и др. Думается, что только легитимный государственный контроль (надзор) (или контрольно-надзорная деятельность, основанная на принципе легитимности) способен стимулировать, поощрять добросовестное поведение подконтрольных лиц. Легитимность такой деятельности государства выступает закономерной предпосылкой добросовестного и добровольного соблюдения невластными лицами установленных обязательных и иных связанных с ними требований.

Принцип соразмерности вмешательства государства (его органов) в деятельность контролируемых лиц отражается в таком свойстве

контрольно-надзорной деятельности, как достаточность контрольно-надзорного воздействия, его соответствие характеру реальных или потенциальных нарушений обязательных требований, реальному или возможному вреду (ущербу) охраняемым законом ценностям. Принцип легитимности связан и с требованием недопущения вреда подконтрольным лицам, их имуществу или деловой репутации. Принцип легитимности вбирает в себя и своего рода минимализм при регламентации, организации и осуществлении государственного контроля (надзора), условие процедурной экономии, которая должна обязательно учитываться при правовом регулировании контрольно-надзорного воздействия.

Очевидна связь рассматриваемого нами принципа легитимности с принципом охраны прав и законных интересов, уважения достоинства личности, деловой репутации контролируемых лиц. Справедливо отмечается тот факт, что легитимность права сохраняется до тех пор, пока члены коммуникативного сообщества пребывают в режиме признания друг друга как свободных, разумных, равных и ответственных лиц, использующих правовые средства для достижения индивидуальных целей наиболее конструктивным для данного сообщества способом¹⁵. В рассматриваемой нами системе — системе государственного контроля (надзора) — речь идет о взаимном признании прав и законных интересов как части правового статуса субъектов контрольно-надзорных связей, прежде всего — невластных субъектов. Их защита справедливо признается учеными в качестве ключевой проблемы организации и осуществления контрольно-надзорной деятельности органами исполнительной власти¹⁶.

Соблюдение принципа легитимности государственного контроля (надзора) как условие правомерного поведения подконтрольных лиц

Принцип легитимности государственного контроля (надзора) имплицитно связан с такими свойствами контрольно-надзорного правоотношения, как определенность (предсказуемость, устойчивость) его правового регулирования, доверительность (фидуциарность) контрольно-надзорных правоотношений, солидарность его сторон.

Легитимность как принцип стимулирует не только добросовестное поведение подконтрольных лиц, но и их позитивную активность, инициативность, ответственность. Несмотря на относительную самостоятельность последней, она тесно связана

¹⁵ См.: Денисенко В. В. Указ. соч. С. 14, 15.

¹⁶ См.: Кобзарь-Фролова М. Н. Актуальные вопросы организации и осуществления органами исполнительной власти государственного контроля (надзора) // Вестник ВИПКС МВД России. 2023. № 4 (68). С. 43—47.

с контрольно-надзорным воздействием и выступает его возможным (необязательным) продолжением при выявлении нарушений установленных обязательных требований. Речь идет исключительно о публично-правовой ответственности, в отношении которой ученые констатируют, что ее правовые конструкты имеют чрезвычайно широкое влияние на восприятие гражданами власти, включая вопросы атрибуции ей статуса легитимной или нелегитимной, а также на осознание того, как функционирует правопорядок и какое место занимает в нем конкретный гражданин. Системное, стабильное и адекватное социальной действительности регулирование публичной ответственности создает предпосылки устойчивого функционирования государства, а следовательно, и легитимизирует его, предотвращая социально-экономические кризисы¹⁷. Таким образом, эффективное и системное правовое регулирование государственного контроля (надзора) и публично-правовой ответственности (их можно рассматривать как самостоятельные стадии регуляторного цикла¹⁸) призвано легитимизировать деятельность государства в целом и содействовать повышению доверия к нему.

Характеризуя государственный контроль (надзор), в данной статье имеем в виду прежде всего контроль и надзор органов исполнительной власти. При этом важно понимать значимость и иных видов публичного контроля, среди которых, к примеру прокурорский надзор и судебный контроль. Применительно к последнему ученые отмечают тот факт, что легитимность судебного контроля над нормотворчеством обусловлена тем фактом, что Конституция РФ, узаконивающая судебный контроль, была принята по инициативе и воле народа России¹⁹. С этих широких методологических позиций легитимность государственного контроля (надзора) обусловлена конституционными устоями и принципами функционирования единой системы органов публичной власти. С учетом административно-правовой природы института государственного контроля (надзора) подобная обусловленность, связь отражает процессы закономерной конституционализации административных правоотношений, важной частью которых выступают контрольно-надзорные²⁰.

¹⁷ См.: *Плигин В.Н.* Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. С. 19.

¹⁸ См.: *Зырянов С.М.* Государственный контроль (надзор). М., 2023.

¹⁹ См.: *Тремблей Л.Б.* Легитимность судебного контроля: границы диалога между судами и органами законодательной власти // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 2(55). С. 120.

²⁰ См.: *Кобзарь-Фролова М.Н.* О конституционализации административных правоотношений // Государство и право. 2023.

Представляется, что принцип легитимности государственного контроля (надзора) включает в себя и презумпцию добросовестности сторон контрольно-надзорного правоотношения, и презумпцию достоверности сведений, предоставляемых в рамках контрольно-надзорных процедур.

Развивая тезис о том, что соблюдение принципа легитимности государственного контроля (надзора) может позиционироваться в качестве условия правомерного поведения подконтрольных лиц, их добросовестности в контрольно-надзорных правоотношениях, можно заключить, что современный «умный» контроль (надзор) — это контроль (надзор) легитимный, принятый, поддержанный подконтрольными лицами и, как следствие, влекущий за собой правомерное и добросовестное поведение лиц, деятельность которых подлежит контрольно-надзорному вниманию государства.

Принятие или непринятие, поддержка или ее отсутствие применительно к правовому регулированию государственного контроля (надзора) и, соответственно, признак легитимности такого регулирования являются важнейшей частью подходов к исследованию контрольно-надзорной деятельности с точки зрения административных барьеров²¹. Непринятие соответствующего правового регулирования государственного контроля (надзора), несогласие с уровнем и формами контрольно-надзорного воздействия свидетельствуют о восприятии контрольно-надзорных механизмов государства в качестве административных барьеров, избыточных для подконтрольных лиц процедур, неоправданного вмешательства в их деятельность, что несомненно отразится на системе правопорядка в стране, приведет к массовым нарушениям. Однако это не обозначает, что контрольно-надзорный механизм должен искусственно нацеливаться на компромиссное решение вопросов, связанных с подконтрольной деятельностью. Рациональное отражение в правовом материале общественных интересов несомненно встретит понимание социума, то есть будет ориентировать на соблюдение принципа легитимности.

Заключение

Система принципов государственного контроля (надзора) включает в себя как закрепленные законодателем принципы контрольно-надзорной деятельности, так и принципы такой деятельности, предлагаемые научной доктриной. Принципы, разработанные в рамках научной теории, не представляют собой оторванную от реальной практики теоретико-правовую конструкцию, их

№ 12. С. 66–71.

²¹ См.: *Агамагомедова С.А.* Административные барьеры для бизнеса: минимизация в условиях реформы государственного контроля и надзора // Росс. юстиция. 2021. № 2. С. 6–9.

вычленение производится на базе использования накопленного потенциала и методологических приемов административно-правовой науки. В систему принципов государственного контроля (надзора) может быть включен принцип легитимности, который тесно связан с принципами законности и обоснованности, иными принципами контрольно-надзорной деятельности государства.

Рассматриваемый принцип может быть отнесен к требованиям, предъявляемым как к отдельным элементам системы государственного контроля (надзора), к смежным с контрольно-надзорными механизмами институтам, так и ко всей системе государственного контроля (надзора) в целом, к режиму контрольно-надзорного воздействия. Легитимность следует рассматривать в качестве неотъемлемого свойства контрольно-надзорной деятельности, а также вектора, приоритета ее правового регулирования. Учет выделенного принципа позволяет не просто повысить результативность и эффективность контрольно-надзорных механизмов, но и стимулировать доверие к ним со стороны невластных участников контрольно-надзорных правоотношений, укрепить поддержку государственной политики в сфере государственного контроля (надзора) со стороны всех участников этих отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамагомедова С.А. Административные барьеры для бизнеса: минимизация в условиях реформы государственного контроля и надзора // Росс. юстиция. 2021. № 2. С. 6–9.
2. Агамагомедова С.А. Принципы государственного контроля (надзора) в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. 2025. № 2. С. 41–49.
3. Варламова Н.В. Права человека как принципы права // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 6 (157). С. 146–171.
4. Горшенев В.М., Шахов И.Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987.
5. Денисенко В.В. Легитимность права: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2020. С. 14, 15.
6. Зырянов С.М. Государственный контроль (надзор). М., 2023.
7. Кобзарь-Фролова М.Н. Актуальные вопросы организации и осуществления органами исполнительной власти государственного контроля (надзора) // Вестник ВИПКС МВД России. 2023. № 4 (68). С. 43–47.
8. Кобзарь-Фролова М.Н. О конституционализации административных правоотношений // Государство и право. 2023. № 12. С. 66–71.
9. Миронов Б.Н. О нелегитимности советской власти // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 1. С. 8–38.
10. Мясников С.А. Легитимация и обоснование политики: анализ концептуальных разграничений // Политическая наука. 2019. № 3. С. 224, 230.
11. Плигин В.Н. Легальное господство и вопросы легитимности государства в работах Макса Вебера // Государство и право. 2020. № 7. С. 97.
12. Плигин В.Н. Проблема легитимности в современных политико-правовых учениях: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 14, 18, 19.
13. Тремблей Л.Б. Легитимность судебного контроля: границы диалога между судами и органами законодательной власти // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 2 (55). С. 120.

REFERENCES

1. Agamagomedova S.A. Administrative barriers for business: minimization in the context of the reform of state control and supervision // Russ. Justice. 2021. No. 2. Pp. 6–9 (in Russ.).
2. Agamagomedova S.A. Principles of state control (supervision) in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // State and Law. 2025. No. 2. Pp. 41–49 (in Russ.).
3. Varlamova N.V. Human rights as principles of law // Comparative Constitutional Review. 2023. No. 6 (157). Pp. 146–171 (in Russ.).
4. Gorshenev V.M., Shakhov I.B. Control as a legal form of activity. M., 1987 (in Russ.).
5. Denisenko V.V. The legitimacy of law: a theoretical and legal study: dis. ... Doctor of Law. SPb., 2020. Pp. 14, 15 (in Russ.).
6. Zyryanov S.M. State control (supervision). M., 2023 (in Russ.).
7. Kobzar-Frolova M.N. Actual issues of organization and implementation by executive authorities of state control (supervision) // Herald of the VIPKS of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (68). Pp. 43–47 (in Russ.).
8. Kobzar-Frolova M.N. On the constitutionalization of administrative legal relations // State and Law. 2023. No. 12. Pp. 66–71 (in Russ.).
9. Mironov B.N. On the illegitimacy of the Soviet government // The modern history of Russia. 2022. Vol. 12. No. 1. Pp. 8–38 (in Russ.).
10. Myasnikov S.A. Legitimation and justification of politics: an analysis of conceptual distinctions // Political Science. 2019. No. 3. Pp. 224, 230 (in Russ.).
11. Pligin V.N. Legal rule and issues of the legitimacy of the state in the works of Max Weber // State and Law. 2020. No. 7. P. 97 (in Russ.).
12. Pligin V.N. The problem of legitimacy in modern political and legal doctrines: abstract ... Doctor of Law. M., 2021. Pp. 14, 18, 19 (in Russ.).
13. Tremblay L.B. The legitimacy of judicial control: the boundaries of dialogue between courts and legislative authorities // Comparative Constitutional Review. 2006. No. 2 (55). P. 120 (in Russ.).

Сведения об авторах

АГАМАГОМЕДОВА Саният Абдулганиевна —
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник
сектора административного права
и административного процесса
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

ПЛИГИН Владимир Николаевич —
доктор юридических наук,
заслуженный юрист РФ,
заведующий сектором административного
права и административного процесса
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

AGAMAGOMEDOVA Saniyat A. —
PhD in Law, Associate Professor,
Senior Researcher, Administrative Law
and Administrative Process Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

PLIGIN Vladimir N. —
Doctor of Law,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Head of the Administrative Law
and Administrative Process Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342.9

НАЛОГ НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2025 г. М. В. Карасева

Воронежский государственный университет

E-mail: mvsentsova@gmail.com

Поступила в редакцию 28.07.2025 г.

Аннотация. В статье исследуется НДС с позиций экономико-правового анализа. Подчеркивается, что правовой анализ НДС должен всегда опираться на учет экономической природы налога в единстве с дуальностью его правовой формы. Кроме того, очень важно понимать, что НДС имеет два экономических объекта и один юридический. Уделено внимание толкованию статьи 154 и п. 1 ст. 168 Налогового кодекса РФ. Обосновано мнение автора по актуальным вопросам современной судебной практики: о возможности увеличения или уменьшения цены уже заключенного договора в связи с изменением налогового законодательства, а также о возможности исключения суммы НДС из уже заключенного гражданско-правового договора в случае освобождения налогоплательщика-продавца от исполнения обязанности по уплате налога.

Ключевые слова: НДС, объекты налогообложения, экономическая сущность налога, добавленная стоимость, потребление, цена договора, освобождение налогоплательщика от исполнения обязанности по уплате налога.

Цитирование: Карасева М.В. Налог на добавленную стоимость: экономико-правовой анализ и современные юридические проблемы // Государство и право. 2025. № 11. С. 194–203.

DOI: 10.7868/S3034543X25110166

VALUE-ADDED TAX: ECONOMIC AND LEGAL ANALYSIS
AND CURRENT LEGAL ISSUES

© 2025 M. V. Karaseva

Voronezh State University

E-mail: mvsentsova@gmail.com

Received 28.07.2025

Abstract. In article, the VAT from positions of the economical and legal analysis is investigated. It is emphasized that the legal analysis of the VAT shall rely always on the accounting of the economic nature of the tax in unity with duality of its legal form. Besides it is very important to understand that the VAT has two economic objects and one legal. The attention is paid to interpretation of article 154 and item 1 of Art. 168 of the Tax Code of the Russian Federation. The opinion of the author on topical issues of modern jurisprudence is proved: about the possibility of increase or reduction of the price of already signed agreement in connection with change of tax laws, and also about the possibility of the exception of the VAT amount of already signed civil agreement in case of release of the taxpayer seller from discharge of duty on payment of the tax.

Key words: VAT, the taxation objects, economic entity of the tax, value added, consumption, the agreement price, release of the taxpayer from discharge of duty on payment of the tax.

For citation: Karaseva, M.V. (2025). Value-added tax: economic and legal analysis and current legal issues // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 194–203.

Введение

Налог на добавленную стоимость — это налог, который появился в налоговой системе Российской Федерации в 1992 г. и взимался в соответствии с Законом РФ от 6 декабря 1991 г. «О налоге на добавленную стоимость»¹. Ныне он взимается согласно положению гл. 21 НК РФ (Часть вторая от 19.07.2000²).

НДС являлся одним из важнейших бюджетообразующих федеральных налогов и одним из самых сложных в аспекте экономического и правового понимания. Свидетельство тому — нескончаемое число правовых споров по НДС, весьма противоречивых судебных решений и не всегда эффективных научных подходов к его осмыслению. Судебная практика по НДС подчас ставит вопросы, которые заводят практикующих юристов в тупик из-за удивления, а иногда радуют практическими возможностями, которые, как кажется, слишком хороши, чтобы казаться устойчивыми.

Сложность научного и практического понимания НДС заключается в том, что юристы не всегда в полной мере понимают в системном анализе такие экономические категории, как цена, стоимость, норма прибыли, надбавки и др., что делает невозможным видение цельной картины НДС.

Экономисты же, напротив, не воспринимают дuality правовой сущности этого налога, складывающейся из частноправовой и публично-правовой³ составляющих со всеми обусловленными этим правовыми особенностями.

Для понимания сущности НДС, а отсюда — создания правовой методологии для разрешения любых правовых ситуаций по НДС, требуются не столько отдельные, т.е. юридические и экономические правовые исследования, сколько единые экономико-правовые исследования НДС, т.е. исследования экономической сущности НДС в единстве с правовой формой этого налога⁴.

На экономико-правовую природу НДС как фактор методологического подхода к его анализу указывал Конституционный Суд РФ в постановлениях от 28 марта 2000 г. № 5-П⁵, от 17 марта 2009 г. № 5-П⁶, 22 июня 2009 г. № 10-П⁷ и в целом ряде определений.

³ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 22.09.2009 № 5451/09 // В официальных источниках опубликовано не было.

⁴ Экономико-правовое исследование НДС не равно экономическому анализу НДС. Последнее представляет собой исследование правовой формы НДС с позиций экономического подхода, с учетом экономических критериев.

⁵ См.: СЗ РФ. 2000. № 14, ст. 1533.

⁶ См.: СЗ РФ. 2009. № 14, ст. 1770.

⁷ См.: СЗ РФ. 2009. № 27, ст. 3383.

¹ См.: Ведомости СНД РФ и Верховного Совета РФ. 1991. № 52, ст. 1871.

² См.: СЗ РФ. 2000. № 32, ст. 3340; 2025. № 31, ст. 4653.

Экономико-правовой механизм НДС

НДС был сконструирован во Франции в 1954 г. и пришел на смену налога с оборота, который существовал в большинстве европейских стран. С 1930 по 1991 г. налог с оборота существовал и в СССР⁸.

Все косвенные налоги по своей экономической характеристике являются налогами на потребление⁹. Эта экономическая характеристика очень важна для понимания экономической сущности НДС, а отсюда — и для осознания правовых последствий при разрешении налоговых ситуаций по НДС. Не случайно даже в постановлениях Конституционного Суда РФ по вопросам НДС постоянно подчеркивается, что НДС — это налог на потребление. Такая экономическая характеристика НДС подтверждается и правоприменительной практикой Европейского Суда, который установил, что «потребление является обязательным признаком объекта налогообложения по этому налогу»¹⁰.

Именно эта экономическая характеристика НДС, как будет показано ниже, составляет важный элемент методологической базы для анализа правовых вопросов НДС, возникающих на практике.

НДС как налог на потребление характеризуется в экономической теории с разных позиций: и с позиций уровня потребления индивида, рассматриваемой в связи с его платежеспособностью, и с позиций стадий хозяйственной деятельности и т.д.¹¹. В данном случае, применительно к целям настоящего исследования, требующего решения точечных задач, связанных с юридической практикой, мы будем исходить из чисто формального подхода к потреблению, который выражается, во-первых, в том, что НДС, как любой косвенный налог, устанавливается не на доход, а на расход. Этот расход осуществляется потребителем (фактическим плательщиком налога) исходя из договорной цены. Потребление, т.е. расход для фактического налогоплательщика НДС, есть экономический объект НДС, ибо расход покупателя как определенная денежная сумма, выраженная в цене, включает в себя

и сумму НДС, обременяющую его, покупателя, экономически. Отсюда следует, что, осуществляя расход, в цену которого включена сумма НДС, он несет бремя НДС¹². Во-вторых, через потребление, которое осуществляется в рамках товарно-денежных отношений, а в правовом смысле — отношений гражданско-правовых, проявляется регулирующая функция этого налога. Она выражается в движении структуры производства и потребления в обществе по воле законодателя, который, манипулируя главным образом налоговыми льготами и ставками НДС, стимулирует развитие одних секторов экономики, сдерживая другие, одновременно замещая потребление одних товаров, работ, услуг другими¹³. В связи с этим очень важно иметь в виду, что одним из критериев правильности разрешения правового спора, иной правовой ситуации в связи с взиманием НДС должна являться проверка на реальность выполнения этим налогом регулирующей функции исходя из замысла законодателя.

Наконец, через потребление, т.е. расход потребителя (фактического налогоплательщика) в рамках товарно-денежных (гражданско-правовых) отношений, начинается «работа» всего экономического и, соответственно, правового механизма движения НДС. Так следует считать потому, что выход на добавленную стоимость как экономический объект НДС у продавца (поставщика) начинается только после того, как покупатель произвел расход по цене, предложенной продавцом с включением в нее суммы НДС с целью последующей добавки к ней новой стоимости для создания нового продукта.

Добавленная стоимость является вторым экономическим объектом НДС, но уже относительно продавца (поставщика) как юридического плательщика НДС. Это естественно, ибо наличие в механизме НДС двух плательщиков НДС — фактического и юридического, естественно предполагает и наличие двух экономических объектов НДС¹⁴. Это еще объясняется и тем, что при конструировании НДС его создатели стремились именно

⁸ См.: Постановление ЦИК и СНК СССР от 02.09.1930 // СЗ СССР. 1930. № 46, ст. 476, 477; Положение о налоге с оборота, утв. постановлением Совета Министров СССР от 30.06.1975 № 572 // СП СССР. 1975. № 17, ст. 108.

⁹ В истории налогообложения НДС является третьим косвенным налогом. Первым являлся акциз, а вторым — налог с оборота. Промежуточное место в этой системе занимает налог с продаж (см.: Финансы: учеб. / под ред. В.В. Ковалева. М., 2001 С. 101).

¹⁰ Кудряшова Е.В. Правовые аспекты косвенного налогообложения. М., 2006. С. 40.

¹¹ См.: Рау К.Г. Основные начала финансовой науки. СПб., 1868. Т. 2. С. 151; Болдырев Г.И. Лекции по финансовой науке М., 1928. С. 249.

¹² См.: Карасева М.В. НДС: экономические объекты и юридическая конструкция // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Право». 2022. № 4 (51). С. 253–260.

¹³ См.: Пушкарева Е.М. История финансовой мысли и политики налогов: учеб. пособие. М., 1996. С. 172–199.

¹⁴ См. подр.: Карасева М.В. Указ. соч. В экономической литературе часто отмечается, что добавленная стоимость выступает в качестве предмета НДС. Однако данная характеристика не является структурной, т.е. выстраивающей экономическую структуру налога подобно его юридической конструкции, она, скорее, является производной от его экономической характеристики как косвенного налога с универсальным предметом обложения (см.: Бахтигозина З.И. Влияние НДС на цену товаров, работ, услуг // Научные труды Вольного экономического общества России. М., 2010. С. 264).

к замене «оборота» как экономического объекта налога с оборота таким экономическим объектом, как добавленная стоимость, ведь налог с оборота, имея в качестве объекта оборот товаров, весьма часто создавал кумулятивный эффект стоимости, в результате чего оборот отдельных товаров облагался налогом дважды¹⁵.

Кроме того, доказательством того, что добавленная стоимость является экономическим объектом НДС, служит и тот факт, что в первой редакции Закона об НДС, принятого в 1991 г., в ст. 1 было определено: «налог представляет собой форму изъятия в бюджет части добавленной стоимостью, создаваемой на всех стадиях производства и определяемой как разница между стоимостью реализованных товаров, работ, услуг и стоимостью материальных затрат, отнесенных на издержки производства и обращения». Иными словами, в первые годы введения НДС в налоговой системе России последний определялся не через потребление, а через добавленную стоимость как его экономический объект¹⁶. Она, добавленная стоимость, лишь фактически формируется у продавца (поставщика) как юридического плательщика налога, ибо не определяется бухгалтерским путем, а проявляется лишь через исчисление этого налога, т.е. инвойсным методом, суть которого основана на исчислении разницы между «исходящим» и «входным» НДС¹⁷. Юридический же объект НДС, который согласно ст. 146 НК РФ установлен прежде всего как реализация товаров, работ, услуг, определяется исходя из взаимоотношений продавца (поставщика) с покупателем (потребителем) его продукции. «Объект косвенных налогов предполагает наличие двух лиц, между которыми существует юридическая связь»¹⁸. Фактически получается так, что юридический объект НДС в смысловом содержании прямо пропорционален расходу покупателя как фактического плательщика налога и потребителя, т.е. реализация товара продавцом корреспондирует расходу покупателя. Отсюда — юридический объект НДС, так же как и потребление, представляющий собой один из экономических объектов НДС, реализуются в рамках товарно-денежных отношений, а с юридической точки зрения — в рамках гражданско-правового отношения.

¹⁵ В частности, в СССР «стоимость отдельных видов товаров, используемых в качестве сырья и материалов для изготовления новых видов товаров, включалась в облагаемый налогом оборот» (см.: Финансы и кредит СССР: учеб. / под ред. Л.А. Дробозиной. М., 1988. С. 147).

¹⁶ См.: Зарипов В.М. Указ. соч.

¹⁷ См.: Налоговое право: учеб. / под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2015. С. 67, 69.

¹⁸ Там же. С. 67.

Экономико-правовой подход к разрешению правовых проблем взимания НДС

Исходя из юридической связанности продавца и покупателя в экономико-правовом механизме НДС (через цену и реализацию товаров), вытекает и особенность налоговой базы по НДС. Как известно, в п. 1 ст. 154 НК РФ налоговая база при реализации товаров, работ, услуг определяется как «стоимость этих товаров, исчисленная исходя из цен, определяемых в соответствии со ст. 105³ настоящего Кодекса с учетом акцизов (для подакцизных товаров) и без включения суммы налога». Особенность налоговой базы как элемента налогообложения в экономико-правовом механизме уплаты НДС в том, что она, налоговая база, не используется продавцом непосредственно для исчисления НДС, подлежащего взносу в бюджет, как это было бы в случае с любым прямым налогом. Налоговая база так же, как и юридический объект НДС, опосредует связь продавца и покупателя. Исходя из налоговой базы как элемента юридической конструкции налога определяется сумма налога, которая будет представлена покупателю товара в составе окончательной цены товара (работ, услуг), для которой она, налоговая база, служит правовым механизмом расчета суммы НДС, вводимой в цену товара¹⁹. Сумма НДС, так же как и сумма налога с оборота, который как косвенный налог использовался в Европе и СССР до 1992 г., всегда является фиксированной долей в цене товара, на что обращалось внимание еще в советское время, если учитывать, что налог с оборота был предшественником НДС в нашей стране²⁰. Ныне эта доля составляет 1/6 (20/120) при ставке налога в 20% или 1/11 (10/110) при ставке налога в 10%, или 1/21 (5/105) при ставке налога 5%. С экономической точки зрения это объясняется тем, что «интересы продавца и покупателя всегда сталкиваются в цене»²¹. И это в экономическом понимании НДС главное. Без согласования окончательной цены сделки между продавцом и покупателем невозможна, а соответственно, невозможна и реализация товаров (работ, услуг) как юридический объект НДС (ст. 146 НК РФ), проявляющий себя в гражданско-правовом сегменте юридического механизма взимания НДС. Это подтверждается в п. 1 и 2 ст. 424 ГК РФ, где установлено, что исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон.

На налоговую базу по НДС и окончательную цену товара сегодня стоит обратить особое внимание по той причине, что в литературе

¹⁹ См.: Зарипов В.М. Указ. соч.

²⁰ См.: Финансы и кредит СССР: учеб. / под ред. Л.А. Дробозиной. С. 147.

²¹ Янберисов Р.Г. Экономическая теория. М., 2010. С. 146.

и судебной практике по этому вопросу появились разночтения.

Что касается экономического механизма НДС, то в том случае, если бы сумма НДС исчислялась из окончательной цены товара (работ, услуг), которая равнялась бы налоговой базе, продавец должен был бы дополнительно к этой цене добавить покупателю еще и сумму НДС. Но очевидно, что в таком случае связка продавца и покупателя, которая обязательно осуществляется благодаря цене, была бы невозможна. У покупателя объективно, в любой сделке, нет и не может быть интереса выходить за пределы цены, производить к цене товара еще какие-то доплаты. Поэтому если бы НДС был прямым налогом, т.е. налогом, который устанавливался бы на цену товара, равную налоговой базе, как иногда это трактуется в правовой литературе, то его переложение на покупателя, что характерно для всякого косвенного налога, каким является и НДС, оказалось бы невозможным. Иными словами, НДС в механизме переложения не мог бы существовать. Ведь переложение налога потому и возникло в практике налогообложения, что благодаря включению налога (суммы налога) именно в цену товара, предлагаемую продавцом покупателю, т.е. в окончательную цену, и стало возможным появление еще одного способа уклонения от налога²². С точки зрения психологии налогообложения бремя НДС смягчается для покупателя заинтересованностью в товаре, предложенном продавцом, и приемлемостью цены, по которой достигнуто с продавцом соглашение.

Что касается экономической теории ценообразования, то она рассматривает цену товара, работ, услуг как сумму по крайней мере двух составляющих: 1) затрат предприятия на производство и реализацию продукции и 2) наценки. Затраты предприятия представляют собой себестоимость товара исходя из действующих цен, а наценка включает в себя планируемую прибыль, снабженческо-сбытовую (посредническую) надбавку, торговую надбавку, а также акциз (в случае подакцизной продукции) и отдельно сумму НДС²³. Из этого

следует, что налоговая база есть та часть цены товара (работ, услуг), которая включает в себя и затраты предприятия, и наценку без включения в последнюю суммы НДС. Сумма НДС определяется согласно ст. 166 НК РФ «как соответствующая налоговой ставке процентная доля налоговой базы». Эта сумма добавляется продавцом к той части цены, которая составляет налоговую базу, и вместе они формируют окончательную цену товара.

Таким образом, необходимо иметь в виду, что с содержательной стороны понять налоговую базу по НДС можно лишь опираясь на экономические знания. В этом отношении НДС специфичен тем, что в нем, в отличие от большинства других налогов, дуальность налога, т.е. его экономико-правовая сущность, проявляется наиболее ярко. Здесь наряду с юридическим объектом имеют место еще и два экономических объекта. А также налоговая база как некая стоимость, выраженная в ценах, которая требует понимания с опорой прежде всего на экономические знания о цене и ценообразовании. С теоретической точки зрения важно понимать и то, что именно налоговая база, установленная в ст. 154 НК РФ, является тем узлом, который «связывает» гражданско-правовую и налогово-правовую ипостаси НДС. Налоговая база, будучи элементом юридической конструкции налога, служит функцией, от которой через ставку НДС идет производная — сумма НДС. Последняя не уплачивается в бюджет, а перелажается через окончательную цену товара, установленную в договоре, т.е. в гражданско-правовом режиме, на покупателя.

Равным образом неоднозначно сегодня понимается и п. 1 ст. 168 НК РФ, определяющий сумму налога, предъявляемую продавцом покупателю.

Толкование ст. 168 НК РФ иногда в литературе сводится к ее пониманию как статьи, показывающей, что «налог и цена рассматриваются законодателем как отдельные объекты регулирования»²⁴.

Такое понимание не верно. Систематический анализ ст. 168 и следующей за ней ст. 169 НК РФ приводит к выводу, что в п. 1 ст. 168 НК РФ речь идет об информации, которую продавец должен представить покупателю. Следовательно, в следующей статье, т.е. в ст. 169 НК РФ, речь идет о тех документах, в которых эта информация должна быть отражена. Таким документом является счет-фактура, предъявляемая продавцом покупателю для

²² См.: Соколов А.А. Теория налогов. М., 2003 (Сер. «Научное наследие»). С. 355. Стоит обратить внимание, что, по мнению А.А. Соколова, высказанному еще в 1927 г., под переложением налога следует понимать такое «вызванное налогом изменение цен товаров, работ и услуг или такое обусловленное налогом же предупреждение изменения этих цен, при котором налогоплательщик приобретает возможность приобрести все бремя налога или ту или иную его часть на других лиц, т.е. либо на своих покупателей (случай прямого переложения), либо на своих поставщиков (случай обратного переложения)» (см.: Соколов А.А. К теории переложения налогов // Вестник финансов. 1927. № 5–6).

²³ См.: Васильева Е.К., Ведерникова И.И., Дмитриев А.А. Цены и ценообразование; теория цены, цены и рыночная конъюнктура, формирование цены: учеб. / под ред.

В.Е. Есипова. СПб., 2005. С. 232; Герасименко В.В. Ценообразование: учеб. пособие. М., 2005. С. 35; Бахтигозина Э.И. Указ. соч. С. 264.

²⁴ Васильев А.Ю. Старое клише «НДС в цене» привело суды к ошибочным решениям // Налоговед. 2024. № 2. С. 41; Пеняева С.Г. Как еще подзаработать на НДС // Там же. 2023. № 12. С. 5.

принятия последним сумм налога (НДС) к вычету. Совершенно справедлив вывод, что по п. 1 ст. 168 НК РФ под «предъявлением налога к оплате покупателю следует понимать не требование уплатить дополнительную сумму помимо цены, а выделение НДС в цене, счете-фактуре и других документах, чтобы сделать НДС явным для покупателя и налоговых органов»²⁵.

Экономико-правовая теория НДС и современная судебная практика

Теория косвенных налогов, и в том числе НДС, активно развивалась в конце XIX в. и в особенности в начале XX в. В эти годы в России была осмыслена экономическая теория косвенного налогообложения²⁶. Что касается юридической теории косвенного налогообложения, и прежде всего НДС, то в нашей стране она последовательно создавалась судебной практикой и научными исследованиями. Однако, несмотря, казалось бы, на уже устоявшиеся постулаты этой теории, нашедшие подтверждение в судебной практике²⁷, некоторые судебные решения, появившиеся в последние годы, заставляют юридическую науку задуматься над рядом юридических подходов к НДС²⁸. Так, в Определении СКЭС Верховного Суда РФ от 4 апреля 2024 г. по делу А 40-236292/2022 Суд фактически установил, что цена договора, заключенного продавцом с покупателем, должна быть автоматически увеличена на 20% по той причине, что у продавца, в силу изменений налогового законодательства, возникла обязанность уплачивать НДС в бюджет, которая ранее, при заключении договора, отсутствовала.

Возникает вопрос: можно ли в связи с изменением налогового законодательства в части увеличения, уменьшения ставки НДС или в связи с отменой налоговой льготы по НДС автоматически

увеличивать или уменьшать цену договора, уже ранее заключенного сторонами сделки? Такой вопрос возникает исходя из анализа прежде всего вышеупомянутого Определения СКЭС Верховного Суда РФ от 4 апреля 2024 г.

Представляется, что с позиций экономико-правового анализа НДС нужно говорить об экономическом и правовом решении данного вопроса отдельно, так как экономический и правовой подходы будут различаться. Дело в том, что с точки зрения экономического подхода к решению проблемы вполне естественно предполагать, что, поскольку НДС, являясь косвенным налогом, включен в цену товара (работ, услуг), постольку увеличение в законодательстве ставки налога, равно как и лишение налогоплательщика налоговой льготы по НДС, должно приводить к увеличению цены реализуемого товара. Соответственно, уменьшение ставки налога, либо предоставление налогоплательщику налоговой льготы по НДС, должно иметь следствием уменьшение договорной цены. Именно так, как показывает практика, иногда поступают суды при разрешении налоговых споров по НДС. Однако если рассматривать юридический аспект данной проблемы, то все оказывается гораздо сложнее.

С юридической точки зрения вопрос о цене товара зачастую является существенным условием гражданского договора. При этом стороны могут договариваться о цене и даже о ее структуре (за исключением суммы НДС в цене), если это будет предусмотрено их соглашением. Однако о сумме НДС в цене они договариваться не могут потому, что эта сумма является в цене фиксированной долей, определяемой в соответствии с нормами налогового законодательства. Суверенная воля законодателя к установлению налога требует ее принятия без всяких юридических компенсаций. Иными словами, в связи с изменением ставки налога по воле законодателя цена договора не может быть изменена автоматически²⁹. Однако в гражданском законодательстве предусмотрена возможность изменения договора по соглашению сторон (ст. 424 ГК РФ) в сторону увеличения договорной цены или ее уменьшения. Таким образом, при таком решении сторон воля законодателя, выраженная в налоговом законодательстве на изменение ставки налога, без каких-либо последствий никак не будет затронута. Поэтому в условиях действующего договора, влияющего в связи с изменением ставки НДС на экономические показатели сторон договора, они имеют право договориться об изменении цены в сторону

²⁵ Зарипов В. М. Указ. соч.

²⁶ См.: Миропольский Д. А. Косвенные налоги в России (1855–1889). СПб., 1880; Нольде Э. Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб., 1882–1883. Ч. 1–2; Иловайский С. И. Косвенное налогообложение в теории и на практике. Одесса, 1892; Фридман М. И. Современные косвенные налоги на предметы потребления. СПб., 1908. Т. 1; Твердохлебов В. Н. Теория переложения налогов. Историко-литературный очерк. СПб., 1914; Соколов А. А. Теория налогов. М., 1928; Соловей Г. Н. Косвенные налоги. М., 1928; и др.

²⁷ См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 22.09.2009 № 5451/09 // В официальных источниках опубликовано не было.

²⁸ См.: Пенелеев С. Г. Указ. соч. С. 4–8; Васильев А. Ю. Указ. соч. С. 36–43; Попкова Ж. Г. НДС и убытки: новая практика ВС РФ в соотношении с правовой позицией ВАС РФ // Налоговед. 2024. № 12. С. 43–52; Пауль А. Г. Налог на добавленную стоимость, предъявляемый покупателю, и цена договора: проблемы соотношения и взаимовлияния // Финансовое право. 2025. № 5. С. 16–19.

²⁹ Следует заметить, что ФНС ориентирует стороны договора именно на такое решение вопроса (см.: Письмо ФНС России от 17.10.2024 № СД-4/-/3/118156@ // В официальных источниках опубликовано не было).

ее увеличения или уменьшения (ст. 421 ГК РФ). Равным образом они имеют право заранее, до заключения договора договориться об уменьшении или увеличении цены договора в связи с экономическими рисками возможного изменения ставки НДС в законодательстве (ст. 424 ГК РФ).

Практика показывает, что часто стороны не достигают соглашения об изменении цены договора в связи с изменением ставки НДС, в связи с чем обращаются в суд и суды иногда решают вопрос исходя из его экономического понимания.

Что касается налогового законодательства, то в нем нет указания на возможность применения его норм к гражданскому правоотношению по причине того, что до сих пор в этом почти не возникало практической необходимости, да и теоретическая вероятность того, что нормы налогового права потребуются применять к гражданским правоотношениям на сегодняшний день очень не велика. Это объясняется тем, что гражданское право в принципе не нуждается в применении норм налогового законодательства и налогово-правовых механизмов для разрешения гражданско-правовых ситуаций, ибо является весьма самостоятельной системой, наработавшей собственные правовые механизмы за многие годы своего существования. Кроме того, диспозитивный метод гражданско-правового регулирования позволяет сторонам гражданско-правовых отношений дополнять эти механизмы собственными наработками. В этих условиях нет прямой необходимости устанавливать в Налоговом кодексе РФ правовую норму, зеркальную п. 3 ст. 2 ГК РФ о том, что к гражданским правоотношениям налоговое законодательство не применяется, за исключением случаев, установленных в законе, или же оговаривать это как-то иначе.

Однако для законодателя, выступающего всегда от имени государства как суверена, нет пределов в законотворчестве. В этой связи, если потребуется правило о защите сторон гражданского правоотношения в связи с непредвиденными рисками изменения налогового законодательства или по другой причине, в законодательстве может быть установлена, к примеру, норма, допускающая автоматическое изменение цены в условиях заключенного гражданско-правового договора в случаях высокого уровня убытков у продавца из-за изменения ставки НДС или прекращения налоговой льготы по НДС, или что-то тому подобное. А в каком законе в принципе такое может быть установлено? Конечно же, в гражданском, поскольку такое явление возможно лишь в том случае, если к этому возникнет интерес в сфере гражданско-правового регулирования.

Представляется, что вышеуказанное Определение Верховного Суда РФ вызывает сомнения и с точки зрения регулирующей функции НДС,

которая, как было отмечено выше, должна учитываться при рассмотрении судами дел по НДС. Ведь очевидно, что, увеличивая или уменьшая сумму НДС в цене уже заключенного сторонами договора в случае увеличения или уменьшения ставки НДС законодателем, суд тем самым парализует регулируемую функцию НДС, предусмотренную законодателем. Возникает коллизия. Получается, что воля законодателя на стимулирование или сдерживание развития определенных секторов экономики через оперирование налоговыми ставками или льготами по НДС может не вызвать ответной экономической реакции у юридического и фактического плательщика НДС при соответствующим автоматическом передвижении цены судом в договоре в сторону ее увеличения или уменьшения. Ведь в этом случае стороны экономически не ущемлены или, напротив, не поощрены, что как раз, по замыслу законодателя, и должно стимулировать стороны менять сферу производства или искать замещение потребляемых товаров, работ, услуг и т.д. Другое дело, когда они по собственной инициативе (ст. 424 ГК РФ), в индивидуальном порядке, исходя из индивидуальных рисков, увеличивают договорную цену в связи с увеличением ставки НДС, тем самым выражая экономическую готовность остаться в том же сегменте производства товаров, выполнения работ, оказания услуг.

Вместе с тем на практике возникают и другие ситуации, связанные с изменением цены договора, к которым, как представляется, надо подходить иначе, нежели в вышеописанных случаях. Это те случаи, когда продавец в условиях заключенного гражданско-правового договора с покупателем по собственной инициативе меняет свой налогово-правовой статус и освобождается от исполнения обязанностей налогоплательщика в соответствии со ст. 145 НК РФ.

В законодательстве действуют два правовых режима поведения продавца, освобожденного от исполнения обязанности по уплате НДС (п. 5 ст. 168 НК РФ).

Первый режим заключается в том, что в соответствии с абзацем первым п. 5 ст. 168 НК РФ «при реализации товаров (работ, услуг) налогоплательщиками, освобожденными в соответствии с абзацем 1 ст. 45 НК РФ от исполнения обязанностей налогоплательщика, счета-фактуры составляются без выделения соответствующих сумм налога. При этом на указанных документах делается соответствующая надпись или ставится штамп «Без налога (НДС)»».

В рамках данного правового режима получается, что если продавец (арендодатель) заключил с покупателем договор, цена которого включала в себя сумму НДС, а впоследствии изменил по собственной инициативе свой налогово-правовой статус и был, в силу закона, освобожден от исполнения обязанности по уплате налога, то он направляет покупателю

счет фактуру без выделения в ней суммы НДС, о чем на нем делается надпись или ставится штамп «Без налога (НДС)».

В такой ситуации у покупателя вполне закономерно возникает вопрос: а не должен ли продавец в такой ситуации исключить сумму НДС из первоначальной договорной цены? Причина этого в том, что если продавец после перехода на правовой режим освобождения от уплаты налога в период действия заключенного гражданско-правового договора сохраняет сумму НДС в договорной цене, то это создает в ценообразовании ничем не обоснованную надбавку, выходящую за рамки структуры цены³⁰. Как результат, в этих условиях покупатель предположительно оказывается в худших договорных условиях с этим продавцом, чем иные покупатели в аналогичных условиях, но только что заключившие договоры с продавцами, освобожденными от исполнения обязанностей по уплате НДС по ст. 145 НК РФ и выставляющие счет-фактуру без выделения соответствующих сумм НДС. Что касается продавца, то предположительно у него в таком случае возникают необоснованные экономические преимущества по сравнению с другими продавцами, освобожденными от исполнения обязанности по уплате НДС и только что заключившими гражданско-правовые договоры или намеревающимися их заключить. А потому допущение практики изменения налогово-правового статуса продавца (ст. 145 НК РФ) и освобождение его от исполнения обязанности по уплате НДС в период действия заключенного гражданско-правового договора без изменения цены сделки на минусовку суммы НДС может служить для последнего законным способом манипуляции с целью получения экономических преимуществ. Однако следует учитывать, что это имеет место только в случае, если он выставляет счет-фактуру покупателю без учета НДС (п. 5 ст. 168 НК РФ).

При разрешении данного вопроса необходимо иметь в виду, что уплата НДС, как уже было отмечено, построена на движении цивильно-фискального механизма. А потому необходимо учитывать не только нормы гражданского, но и налогового права. Применительно к данной ситуации в законодательстве имеются и те и другие.

Так, из анализа п. 4 ст. 421 и ст. 424 ГК РФ следует, что изменение условий договора, в том числе цены, невозможно без соглашения сторон. Однако если стороны не достигли соглашения по этому вопросу, то покупатель может обращаться в суд с заявлением об исключении из договорной цены суммы НДС в связи с нарушением его гражданских прав из-за неосновательного обогащения продавца.

В этой ситуации суд должен принять во внимание прежде всего толкование п. 5 ст. 168 НК РФ, данное Конституционным Судом РФ в Определении от 7 ноября 2008 г. № 1049-0-0³¹. В нем установлено, что «при освобождении налогоплательщика в соответствии со ст. 145 НК РФ от исполнения обязанности налогоплательщика расчетные документы, первичные учетные документы оформляются и счета-фактуры выставляются без выделения соответствующих сумм налога; на указанных документах делается соответствующая надпись или ставится штамп “Без налога (НДС)”». Эти требования Налогового кодекса РФ обеспечивают достоверность налогового учета, исключают возможность введения контрагента в заблуждение относительно цены товара и, соответственно, неосновательное обогащение поставщика товаров, а также выступают гарантией надлежащего информирования контрагента относительно предпосылок получения им налогового вычета». Таким образом, норма налогового права (абзац первый п. 5 ст. 168 НК РФ) в истолковании Конституционного Суда РФ гарантирует покупателю гражданско-правовую позицию относительно цены договора, обеспечивает недопустимость неосновательного обогащения продавца за его счет, а также информирует его о невозможности получения в таком случае налогового вычета по НДС. Однако факт неосновательного обогащения должен быть доказан истцом в суде в соответствии с требованиями ст. 1102–1105 ГК РФ. При невозможности его доказать истец имеет право обращаться в суд об исключении из договорной цены суммы НДС в порядке ст. 451 ГК РФ, т.е. в связи с существенным изменением обстоятельств.

Рассматривая данную ситуацию, возникает вопрос: а не применяем ли мы норму налогового законодательства в истолковании, данном Конституционным Судом РФ в вышеназванном Определении, к гражданскому правоотношению?

Рассматривая вышеназванную ситуацию, следует заметить, что толкование, данное Конституционным Судом РФ в названном Определении, не является правовой позицией Конституционного Суда РФ. Поэтому его использование в юридической практике является не применением норм налогового права к праву гражданскому, а просто ориентирующей информацией, ибо очевидно, что факт неосновательного обогащения не может быть принят как данность, исходя из толкования Конституционным Судом РФ ст. 168 НК РФ, а должен быть доказан.

С 1 января 2025 г. п. 5 ст. 168 НК РФ дополнен абзацем вторым, в соответствии с которым налогоплательщики, применяющие единый сельскохозяйственный налог или упрощенную систему налогообложения и при этом освобожденные от исполнения

³⁰ См.: Герасименко В. В. Указ соч. С. 35.

³¹ В официальных источниках опубликовано не было.

обязанностей плательщика НДС, счета фактуры не составляют. Представляется, что несмотря на это, методология защиты покупателем своих прав в связи с сохранением продавцом в цене товара суммы НДС при переходе им на УСН или единый сельхозналог, т.е. правовой режим освобождения от исполнения обязанности по уплате НДС в условиях действующего гражданско-правового договора, должен сохраниться.

Заключение

Налог на добавленную стоимость имеет экономическую и правовую природу. Он является косвенным налогом, фактическое бремя уплаты которого несет покупатель, заключая договор по согласованной с продавцом цене. Смысл ст. 168 НК РФ может быть понят только при ее системном толковании со ст. 169 НК РФ. Движение суммы НДС в составе договорной цены, т.е. ее увеличение, уменьшение или полное исключение, возможно только в соответствии с требованиями гражданского законодательства Российской Федерации. Однако движения суммы НДС в договорной цене различаются применительно к различным ситуациям, подпадающим под действие ст. 421, 424, 451 и 1102–1105 ГК РФ. Так, в тех случаях, когда налогово-правовой статус плательщика НДС в условиях действующего гражданско-правового договора изменяется по воле законодателя (ставка налога увеличивается, уменьшается и др.), то цена договора не может быть изменена автоматически в сторону ее увеличения или уменьшения, за исключением случаев достижения об этом соглашения по воле сторон договора в порядке ст. 421, 424 ГК РФ. В тех же случаях, когда налогово-правовой статус изменяется налогоплательщиком по его инициативе и он получает освобождение от исполнения обязанности по уплате НДС в силу ст. 145 НК РФ, то в случае не достижения соглашения об изменении цены истец может ставить вопрос об исключении суммы НДС из договора в порядке ст. 451 или 1102–1105 ГК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтигозина З.И. Влияние НДС на цену товаров, работ, услуг // Научные труды Вольного экономического общества России. М., 2010. С. 264.
2. Болдырев Г.И. Лекции по финансовой науке М., 1928. С. 249.
3. Васильев А.Ю. Старое клише «НДС в цене» привело суды к ошибочным решениям // Налоговед. 2024. № 2. С. 36–43.
4. Васильева Е.К., Ведерникова И.И., Дмитриев А.А. Цены и ценообразование; теория цены, цены и рыночная конъюнктура, формирование цены: учеб. / под ред. В.Е. Есипова. СПб., 2005. С. 232.
5. Герасименко В.В. Ценообразование: учеб. пособие. М., 2005. С. 35.

6. Иловайский С.И. Косвенное налогообложение в теории и на практике. Одесса, 1892.
7. Карасева М.В. НДС: экономические объекты и юридическая конструкция // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Право». 2022. № 4 (51). С. 253–260.
8. Кудряшова Е.В. Правовые аспекты косвенного налогообложения. М., 2006. С. 40.
9. Миропольский Д.А. Косвенные налоги в России (1855–1889). СПб., 1880.
10. Налоговое право: учеб. / под ред. С.Г. Пепеляева. М., 2015. С. 67, 69.
11. Нольде Э.Ф. Питейное дело и акцизная система. СПб., 1882–1883. Ч. 1–2.
12. Пауль А.Г. Налог на добавленную стоимость, предъявляемый покупателю, и цена договора: проблемы соотношения и взаимовлияния // Финансовое право. 2025. № 5. С. 16–19.
13. Пепеляев С.Г. Как еще подзаработать на НДС // Налоговед. 2023. № 12. С. 4–8.
14. Попкова Ж.Г. НДС и убытки: новая практика ВС РФ в соотношении с правовой позицией ВАС РФ // Налоговед. 2024. № 12. С. 43–52.
15. Пушкарева Е.М. История финансовой мысли и политики налогов: учеб. пособие. М., 1996. С. 172–199.
16. Рау К.Г. Основные начала финансовой науки. СПб., 1868. Т. 2. С. 151.
17. Соколов А.А. К теории переложения налогов // Вестник финансов. 1927. № 5–6.
18. Соколов А.А. Теория налогов. М., 1928.
19. Соколов А.А. Теория налогов. М., 2003 (Серия «Научное наследие»). С. 355.
20. Соловей Г.Н. Косвенные налоги. М., 1928.
21. Твердохлебов В.Н. Теория переложения налогов. Историко-литературный очерк. СПб., 1914.
22. Финансы: учеб. / под ред. В.В. Ковалева. М., 2001. С. 101.
23. Финансы и кредит СССР: учеб. / под ред. Л.А. Дробозиной. М., 1988. С. 147.
24. Фридман М.И. Современные косвенные налоги на предметы потребления. СПб., 1908. Т. 1.
25. Янберисов Р.Г. Экономическая теория. М., 2010. С. 146.

REFERENCES

1. Bakhtigozina Z.I. The impact of VAT on the price of goods, works, and services // Scientific papers of the Free Economic Society of Russia. M., 2010. P. 264 (in Russ.).
2. Boldyrev G.I. Lectures on financial science. M., 1928. P. 249 (in Russ.).
3. Vasiliev A. Yu. The old cliché “VAT in the price” led courts to erroneous decisions // Tax expert. 2024. No. 2. Pp. 36–43 (in Russ.).
4. Vasilyeva E.K., Vedernikova I.I., Dmitriev A.A. Prices and pricing; theory of prices, prices and market conditions, price

- formation: textbook / ed. by V.E. Esipov. SPb., 2005. P. 232 (in Russ.).
5. *Gerasimenko V.V.* Pricing: textbook. M., 2005. P. 35 (in Russ.).
 6. *Ilovaisky S.I.* Indirect taxation in theory and in practice. Odessa, 1892 (in Russ.).
 7. *Karaseva M.V.* VAT: economic objects and legal structure // Herald of the Voronezh State University. Ser. "Law". 2022. No. 4 (51). Pp. 253–260 (in Russ.).
 8. *Kudryashova E.V.* Legal aspects of indirect taxation. M., 2006. P. 40 (in Russ.).
 9. *Miropolsky D.A.* Indirect taxes in Russia (1855–1889). St. Petersburg, 1880 (in Russ.).
 10. Tax Law: textbook / ed. by S.G. Pepelyaev. M., 2015. Pp. 67, 69 (in Russ.).
 11. *Nolde E.F.* The drinking business and the excise system. St. Petersburg, 1882–1883. Parts 1–2 (in Russ.).
 12. *Paul A.G.* Value added tax imposed on the buyer and the price of the contract: problems of correlation and mutual influence // Financial Law. 2025. No. 5. Pp. 16–19 (in Russ.).
 13. *Pepelyaev S.G.* How else to earn extra money on VAT // Tax Scientist. 2023. No. 12. Pp. 4–8 (in Russ.).
 14. *Popkova Zh. G.* VAT and losses: new practice of the Supreme Court of the Russian Federation in relation to the legal position of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation // Tax Scientist. 2024. No. 12. Pp. 43–52 (in Russ.).
 15. *Pushkareva E.M.* The history of financial thought and tax policy: textbook. M., 1996. Pp. 172–199 (in Russ.).
 16. *Rau K. G.* Basic principles of financial science. St. Petersburg, 1868. Vol. 2. P. 151 (in Russ.).
 17. *Sokolov A.A.* On the theory of tax transfer // Herald of Finance. 1927. No. 5–6 (in Russ.).
 18. *Sokolov A.A.* Theory of taxes. M., 1928 (in Russ.).
 19. *Sokolov A.A.* Theory of taxes. M., 2003 (Series "Scientific heritage"). P. 355 (in Russ.).
 20. *Solovey G.N.* Indirect taxes. M., 1928 (in Russ.).
 21. *Tverdokhlebov V.N.* Theory of tax transfer. Historical and literary essay. St. Petersburg, 1914 (in Russ.).
 22. Finance: textbook / ed. by V.V. Kovalev. M., 2001. P. 101 (in Russ.).
 23. Finance and credit of the USSR: textbook / ed. by L.A. Drobozina. M., 1988. P. 147 (in Russ.).
 24. *Fridman M.I.* Modern indirect taxes on consumer goods. St. Petersburg, 1908. Vol. 1 (in Russ.).
 25. *Yanberisov R.G.* Economic theory. M., 2010. P. 146 (in Russ.).

Сведения об авторе

КАРАСЕВА Марина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета; 304006 г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

Authors' information

KARASEVA Marina V. — Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation; Head of the Financial Law Department, Voronezh State University; 1 Universitetskaya Square, 304006 Voronezh, Russia

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 34

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАК ПРАВОВОЙ ФЕНОМЕН И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

© 2025 г. Т. А. Полякова^{1, *}, А. В. Минбалеев^{1, 2, **}, Н. В. Кроткова^{1, ***}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

^{1, 2}Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

*E-mail: polyakova_ta@mail.ru

**E-mail: alexmin@bk.ru

*** E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.09.2025 г.

Аннотация. В статье анализируются современные тенденции и направления происходящей цифровой трансформации, а также развитие доктрины информационного права и информационного законодательства в условиях новых национальных целей и национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Авторами исследуются категории «цифровизация» и «цифровая трансформация». Отмечается, что цифровизация должна предполагать возможность осуществления тех или иных функций без участия человека, но для ряда процессов такая возможность всегда должна сохраняться как минимум в режиме альтернативной возможности. Цифровая трансформация предполагает изменение целевых установок и показателей, ценностных установок, особенностей управленческих технологий, каналов и форм коммуникации. В отличие от цифровизации цифровая трансформация — более сложный феномен и охватывает более широкий спектр изменений, связанных с применением цифровых технологий, так как ориентирована на комплексное, стратегическое преобразование процессов с целью адаптации к изменяющимся условиям и использования цифровых возможностей для создания новых ценностей и достижения конкурентного преимущества. Цифровизацию в этом плане необходимо рассматривать как один из важнейших процессов цифровой трансформации, связанный с активным внедрением и применением информационных, в том числе цифровых, технологий.

Авторами делается вывод, что в рамках цифровой трансформации как правового феномена в современных условиях происходит четкое выделение направления по цифровизации, связанного с внедрением, усовершенствованием использования информационных технологий, обеспечения эффективного информационного взаимодействия. Кроме того, отмечается значение новых направлений по обеспечению технологической независимости и промышленного суверенитета (обеспечение научно-технического и промышленного развития для создания и поддержания

на территории Российской Федерации информационных технологий и инфраструктуры, достаточных для гарантии независимости от иностранных технологий в сфере информационных технологий), а также обеспечению безопасности, в том числе кибербезопасности. Проводимые фундаментальные исследования комплексного характера и формирующаяся на их основе государственная политика для решения стоящих перед Российской Федерацией стратегических задач в данной области объективно свидетельствуют о необходимости активизации государственных мер, в том числе нормативного правового регулирования, поскольку цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы является одной из национальных целей развития Российского государства на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, а также расширения технологических горизонтов.

Под цифровой трансформацией предложено понимать комплексное преобразование того или иного субъекта, процесса, явления или иного феномена, направленное на его совершенствование и достижение стратегических целей развития и отвечающее критерию экономической эффективности на основе реализации системы инициатив по приоритетному внедрению новейших отечественных цифровых технологий, обороту цифровых данных, развитию кадров, компетенций и культуры для цифровой трансформации, современным подходам к управлению внедрением цифровых решений и обеспечению национальной и международной информационной безопасности.

На основе анализа основных характеристик цифровой трансформации на современном этапе выявлены особенности влияния цифровой трансформации на развитие информационного права и информационного права в условиях цифровой трансформации, а также определяющие необходимость развития доктрины информационного права.

В связи с этим приводится анализ основных обсуждавшихся проблем информационного права и его развития под влиянием цифровой трансформации на Восьмых Бачиловских чтениях, прошедших в 2025 г. в Институте государства и права Российской академии наук.

Ключевые слова: Восьмые Бачиловские чтения, доктрина информационного права, информационное законодательство, информационное право, искусственный интеллект, ИТ-активы, наука информационного права, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая трансформация государства, цифровая трансформация права, цифровое право.

Цитирование: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Цифровая трансформация как правовой феномен и ее влияние на развитие информационного права и законодательства // Государство и право. 2025. № 11. С. 204–219.

Статья подготовлена в рамках Государственного задания FMUZ-2024-0035 «Обеспечение цифрового суверенитета и информационной безопасности правовыми средствами».

DOI: 10.7868/S3034543X25110171

DIGITAL TRANSFORMATION AS A LEGAL PHENOMENON AND ITS IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF INFORMATION LAW AND LEGISLATION

© 2025 T. A. Polyakova^{1, *}, A. V. Minbaleev^{1, 2, **}, N. V. Krotkova^{1, ***}

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

²Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

*E-mail: polyakova_ta@mail.ru

**E-mail: alexmin@bk.ru

***E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 12.09.2025

Abstract. The article analyzes modern trends and directions of the ongoing digital transformation, as well as the development of the doctrine of Information Law and information legislation in the context of new national goals and the national project “Data Economy and Digital Transformation of the State”. The authors examine the categories of “digitalization” and “digital transformation”. It is noted that digitalization should imply the possibility of implementing certain functions without human participation, but for a number of processes such an opportunity should always be maintained at least in the alternative possibility mode. Digital transformation

involves a change in target settings and indicators, value systems, features of management technologies, channels and forms of communication. Unlike digitalization, digital transformation is a more complex phenomenon and covers a wider range of changes associated with the use of digital technologies, since it is focused on a comprehensive, strategic transformation of processes in order to adapt to changing conditions and use digital capabilities to create new values and achieve a competitive advantage. Digitalization in this regard should be considered as one of the most important processes of digital transformation associated with the active implementation and use of information, including digital, technologies.

The authors conclude that within the framework of digital transformation as a legal phenomenon in modern conditions, there is a clear identification of the direction of digitalization associated with the implementation, improvement of the use of information technologies, ensuring effective information interaction, as well as new directions for ensuring technological independence and industrial sovereignty (ensuring scientific, technical, and industrial development to create and maintain information technologies and infrastructure in the territory of the Russian Federation sufficient to guarantee independence from foreign technologies in the field of information technology), as well as ensuring security, including cybersecurity. Such a comprehensive perception is objectively necessary, since the digital transformation of state and municipal administration, the economy and the social sphere is one of the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036. It is proposed to understand digital transformation as a comprehensive transformation of a particular subject, process, phenomenon or other phenomenon aimed at its improvement and achievement of strategic development goals and meeting the criterion of economic efficiency based on the implementation of a system of initiatives for the introduction of the latest priority domestic digital technologies, the use of data, the development of personnel, competencies and culture for digital transformation, modern approaches to managing the implementation of digital solutions and ensuring information security.

The main characteristics of digital transformation are identified and highlighted. The features of the influence of digital transformation on the development of Information Law and information legislation are analyzed.

It also examines how digital transformation influences the doctrine of Information Law. In this regard, a brief analysis of the discussed issues of information law and its development under the influence of digital transformation at the Eighth Bachilov Readings, held in 2025 at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, is given.

Key words: the Eighth Bachilov Readings, the doctrine of Information Law, information legislation, Information Law, artificial intelligence, IT assets, the science of Information Law, digitalization, digital transformation, digital transformation of the state, digital transformation of law, digital law.

For citation: Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V., Krotkova, N.V. (2025). Digital transformation as a legal phenomenon and its impact on the development of Information Law and legislation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 204–219.

The article was prepared within the framework of the State Assignment FMUZ-2024-0035 “Ensuring digital sovereignty and information security by legal means”.

*К 100-летию Института государства и права
Российской академии наук*

Введение

Цифровая трансформация выступает одним из ключевых феноменов нашей современной реальности, носит фундаментальный характер, поскольку реализуется практически во всем мире и объективно сформирована под влиянием научно-технологического прогресса общества.

Цифровая трансформация представляет собой «комплексный процесс, который связан с радикальными изменениями в бизнес-процессах, культуре организации, организационной структуре, взаимодействии с партнерами и потребителями, инфраструктуре»¹.

¹ Цифровая трансформация. Основные принципы, этапы и результаты реализации. URL: <https://roskachestvo.gov.ru/about/competence/digital/docs/standart.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

С позиции фундаментальной юридической науки весьма важным является изучение данного феномена, поскольку цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы есть одна из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года².

Наиболее активное воздействие цифровая трансформация оказывает на современное информационное право³, что отражается на развитии

² См.: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

³ Более подробно см.: Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87; Их же. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной

информационных правоотношений и выделении в рамках них цифровых правоотношений, а также развитии его доктрины.

Современные методологические подходы к развитию информационного права в условиях цифровой трансформации

Цифровая трансформация во многом сегодня рассматривается как важнейшая часть эволюционного развития человечества под влиянием научно-технологического прогресса и общей логики. В связи с этим и выявление природы феномена цифровой трансформации необходимо осуществлять на основе общелогических методов, в том числе системного, а также диалектического развития. Они принципиально важны прежде всего потому, что цифровая трансформация — это совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов, которые так или иначе отражают объективные условия и предпосылки внедрения и активного развития любых новейших технологий, в том числе цифровых, при развитии как общественных отношений, так и человеческого общества в целом. В этой связи используемый метод системного анализа позволяет определять цифровую трансформацию как систему некоторой совокупности процессов, связанных с преобразованием и развитием использования информационных технологий, в первую очередь их разновидности — цифровых, на качественно новом уровне.

Метод диалектического развития применительно к исследованию цифровой трансформации имеет особое значение, поскольку развитие данной системы происходит эволюционно, начиная с базовых процессов цифровизации и ее регулирования, которые с развитием цифровой среды, ее усложнением, увеличением вовлеченности государства и всей системы публичного управления стали реализовываться в ней с определенной спецификой. Последняя во многом связана с развитием новых общественных отношений, необходимостью использования гибкого правового регулирования, основанного на экспериментах, стимулировании и иных механизмах. Модернизация и рост объемов использования современных цифровых технологий, в том числе включение в нашу жизнь технологий искусственного интеллекта, также влияют на процессы цифровой трансформации

и их регулирование, обуславливают потребность активного взаимодействия права с этическим, техническим и иными регуляторными механизмами. Разнообразие сфер использования таких цифровых отношений и процессов постоянно увеличивается, в связи с чем мы говорим о явном переходе от количественного фактора к качественному, поскольку они усложняются, требуют научных исследований, их типологизации, использования специальных правовых приемов при их регулировании (например, юридической фикции применительно к правам, связанным с функционированием электронных лиц-агентов на основе агентского искусственного интеллекта). Выделяются специальные субъекты, объекты права, что свидетельствует о качественном развитии цифровой трансформации и необходимости перехода исследований в данной сфере в новую стадию.

Все это методологически обуславливает необходимость более пристального внимания к цифровой трансформации и ее влиянию на развитие системы права, особенно информационного права.

Понятия «цифровизация» и «цифровая трансформация»

Прежде чем говорить о цифровой трансформации российского права, необходимо определиться со значением самого термина «цифровая трансформация». В настоящее время данная категория используется как в системе публичного управления, так и на уровне различных бизнес-процессов, а также любых общественных отношений, в рамках которых происходит внедрение современных цифровых технологий и процессов, оказывающих качественное влияние на их развитие. Чаше всего при обсуждении проблематики цифровой трансформации говорят о цифровизации как процессе, детерминирующем непосредственно цифровую трансформацию общества и государства⁴. Однако официально на уровне федеральных законов, что такое цифровизация, российский законодатель пока прямо не определяет. Имеются только отдельные разъяснения на уровне подзаконных нормативных правовых актов для решения определенных целей и задач. Так, для целей разработки региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» цифровизация (цифровое развитие) определяется как «процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями

школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108; *Их же*. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Там же. 2022. № 9. С. 94–104; *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Троян Н.А.* Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Там же. 2023. № 5. С. 131–144.

⁴ См.: *Савенков А.Н.* Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024; *Трансформация информационного права* / отв. ред.: Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М., 2023.

без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий⁵. В связи с этим отдельные авторы в качестве характеристики цифровизации выделяют такой признак, «как наличие цифровой среды и организации в ее рамках всех функций и деятельности без участия людей»⁶. Полагаем, что с этим вряд ли можно согласиться. Цифровизация должна предполагать возможность осуществления тех или иных функций без участия человека, но для ряда процессов такая возможность всегда должна сохраняться как минимум в режиме альтернативной возможности. Как справедливо в этой связи пишут М. Кондратьева и А. Комахина, цифровизация — это «процесс перехода на цифровые технологии, распространяющийся на все сферы жизни общества, в результате чего появляется *возможность* использования новейших технологий для наиболее эффективного выполнения операций, а также *возможность* использования цифровых технологий для осуществления деятельности, осуществление которой ранее не было возможным»⁷.

Принимаемые государственные стандарты Российской Федерации и Республики Беларусь в рамках Союзного государства имеют общее применение, поэтому с нормативно-технического уровня можно руководствоваться и стандартом Республики Беларусь «Цифровая трансформация. Термины и определения», в котором цифровизация определяется как «новый этап автоматизации и информатизации экономической деятельности и государственного управления»⁸, в «основе которого находится не просто накопление информации, а ее активное использование в целях прогнозирования и оптимизации»⁹.

Анализ зарубежного опыта в рассматриваемой сфере свидетельствует о том, что при описании сущности цифровизации отмечаются следующие

признаки данного процесса: «изменение бизнес-процессов (управленческих процессов), отличающихся от традиционных, создание новых социальных технических структур с цифровыми артефактами, формирование новых каналов коммуникации либо изменение существующих, цифровые технологии позволяют оптимизировать все процессы, обеспечивая более эффективную коммуникацию между процессами и создание дополнительной ценности для граждан»¹⁰. Полагаем, что такой подход в большей степени можно рассматривать как стремление дать определенную характеристику цифровой трансформации как более сложной по своей природе феномена, который должен учитывать не только процесс обновления в связи с цифровыми и иными информационными технологиями, но и изменение целевых показателей, ценностных установок, особенностей управленческих технологий, каналов и форм коммуникации. В отличие от цифровизации цифровая трансформация охватывает более широкий спектр изменений, связанных с применением цифровых технологий, так как ориентирована на комплексное, стратегическое преобразование процессов с целью адаптации к изменяющимся условиям и использования цифровых возможностей для создания новых ценностей и достижения конкурентного преимущества¹¹. Цифровизацию в этом плане необходимо рассматривать как один из важнейших процессов цифровой трансформации, связанный с активным внедрением информационных, в том числе цифровых, технологий. В этой связи вряд ли можно признать удачным рассмотрение отдельными авторами цифровизации применительно к государственному управлению в узком смысле как *трансформацию* «системы государственного управления и создание “электронного правительства”», а в широком смысле как *трансформацию* широкого круга социальных процессов и явлений под воздействием цифровых технологий»¹².

Обратимся теперь непосредственно к категории «цифровая трансформация», которая преимущественно применяется к экономике, субъектам права, в частности к государству, органам государственной власти, юридическим лицам, а также иным субъектам. При этом используется для обозначения активного внедрения цифровых решений и технологий, а также качественных изменений

⁵ См.: Разъяснения (методические рекомендации) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утв. приказом Минкомсвязи России от 01.08.2019 № 428 // Документ официально опубликован не был.

⁶ Антропцева И. О. Цифровизация публичного финансового контроля. М., 2024.

⁷ Кондратьева М., Комахина А. Цифровизация: исследование основных терминов // Экономика и управление. 2022. № 3 (165). С. 138.

⁸ Цифровая трансформация. Термины и определения. СТБ 2583-2020. Утв. и введен в действие постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 08.12.2020 № 9 // Национальная академия наук Беларуси. URL: <http://nmo.basnet.by/documents/normative/standarts.php> (дата обращения: 20.07.2025).

⁹ Потапенко С. В. Трансформация авторского права от аналогового к цифровому // Власть Закона. 2025. № 2 (62). С. 97.

¹⁰ Verhoef P.C., Broekhuizen Th., Bart Ya. et al. Digital transformation: a multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. 2021. Vol. 122. Pp. 889, 890.

¹¹ См.: Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // Государство и право. 2022. № 11. С. 139–147.

¹² Артемова С. Т. Влияние цифровизации на развитие доктрины конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 9–13.

различных производственных, управленческих и иных процессов, касающихся данных субъектов. Среди официальных определений цифровой трансформации законодатель закрепляет понятие «цифровая трансформация региона», под которой понимаются «глубокие и всесторонние изменения в производственных и социальных процессах, связанные с заменой аналоговых технических систем цифровыми и широкомасштабным применением цифровых технологий». Следует согласиться, что «цифровая трансформация охватывает не только производственную деятельность, но и изменение организационных структур компаний и бизнес-моделей, а также процессы жизнедеятельности населения»¹³. В последние годы цифровая трансформация также определяется не только «как внедрение цифровых технологий в систему управления, но и как ее связь с проектом по реализации задачи импортозамещения, реализуемой в Российской Федерации. В связи с этим в условиях цифровизации приоритетное значение имеет реализация политики, направленной на достижение технологического лидерства на основе развития отечественного программного обеспечения и ИТ-сервисов, а также обеспечения импортонезависимости»¹⁴.

Стандартом «Цифровая трансформация. Основные принципы, этапы и результаты реализации», разработанным Роскачеством и Минцифры России совместно с АНО «Цифровая экономика», закрепляется понятие «цифровая трансформация организации», под которой понимается «комплексное преобразование бизнес-модели, продуктов и услуг и/или процессов организации, направленное на рост конкурентоспособности организации и достижение стратегических целей организации и отвечающее критерию экономической эффективности на основе реализации портфеля инициатив по внедрению цифровых технологий, использованию данных, развития кадров, компетенций и культуры для цифровой трансформации, современных подходов к управлению внедрением цифровых решений и финансированию внедрения цифровых решений»¹⁵. Вместе с тем кроме данного определения представляется необходимым также

учитывать Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием, разработанные с целью методического обеспечения порядка разработки и актуализации стратегий (программ) цифровой трансформации государственными корпорациями и компаниями с государственным участием¹⁶. Анализ указанных Рекомендаций позволяет выделить характеристики цифровой трансформации, которые официально рассматриваются государством как ключевые.

Следует иметь в виду, что законодатель также закрепляет понятие «цифровая трансформация» и применительно к отдельным процессам и сферам. Так, в части деятельности по учету ИТ-активов дефиниция этого понятия включает «совокупность действий, осуществляемых субъектом учета, направленных на изменение (трансформацию) государственного (муниципального) управления и деятельности субъекта учета по предоставлению им государственных (муниципальных) услуг и исполнению государственных (муниципальных) функций либо по обеспечению реализации полномочий по предоставлению указанных услуг и исполнению указанных функций в электронном виде за счет использования в указанных целях ИТ-активов»¹⁷. Таким образом, цифровая трансформация определяется посредством повышения эффективности применения ИТ-активов в процессе оказания государственных (муниципальных) услуг, т.е. рассматривается достаточно узко.

Полагаем, что для понимания сущности цифровой трансформации и выделения ее базовых характеристик важно обратиться к национальному проекту (программе) «Экономика данных и цифровая трансформация государства», утвержденному протоколом заочного голосования членов президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 20 декабря 2024 г. № 12пр. Это позволяет выделить ключевые характеристики цифровой трансформации государства, что также обеспечивает

¹³ См.: Разъяснения (методические рекомендации) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Утв. приказом Минкомсвязи России от 01.08.2019 № 428 // Документ официально опубликован не был.

¹⁴ Полякова Т.А., Троян Н.А. Вопросы развития научно-технологической политики в Российской Федерации: правовое обеспечение национального суверенитета и технологического лидерства // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2 (100). С. 252–254.

¹⁵ Цифровая трансформация. Основные принципы, этапы и результаты реализации. М., 2024. URL: <https://roskachestvo.gov.ru/about/competence/digital/docs/standart.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁶ См.: Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием. Одобрены протоколом президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 04.07.2025 № 29пр. URL: <https://docs.cntd.ru/document/565890783> (дата обращения: 20.06.2025).

¹⁷ См.: постановление Правительства РФ от 01.07.2024 № 900 (ред. от 18.03.2025) «О порядке учета ИТ-активов, используемых для осуществления деятельности по цифровой трансформации системы государственного (муниципального) управления» (вместе с «Положением об учете ИТ-активов, используемых для осуществления деятельности по цифровой трансформации системы государственного (муниципального) управления») // СЗ РФ. 2024. № 28, ст. 4028.

возможность выявления сущностных особенностей категории «цифровая трансформация»¹⁸. Паспорт нацпроекта, разработанный во исполнение Указа Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», включает девять федеральных проектов: «Инфраструктура доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет», «Цифровые платформы в отраслях социальной сферы», «Искусственный интеллект», «Цифровое государственное управление», «Отечественные решения», «Прикладные исследования и перспективные разработки», «Инфраструктура кибербезопасности», «Кадры для цифровой трансформации» и «Государственная статистика»¹⁹.

Целью «национального проекта является цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы за счет обеспечения кибербезопасности, бесперебойного доступа к Интернету, подготовки квалифицированных кадров для ИТ-отрасли, цифрового госуправления, развития отечественных цифровых платформ, программного обеспечения, перспективных разработок и искусственного интеллекта»²⁰. Указанный проект направлен на достижение национальной цели развития «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Цели цифровой трансформации фактически определяют ключевые направления ее развития. Так, целью стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления сегодня «является обеспечение свободного, устойчивого, безопасного информационного взаимодействия между органами государственной власти Российской Федерации, гражданами, бизнесом, а также технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры»²¹. Таким образом, мы наблюдаем, что происходит четкое выделение направления по базовой цифровизации, связанного с внедрением, усовершенствованием применения информационных технологий, обеспечения эффективного

информационного взаимодействия, новых направлений по обеспечению технологической независимости и промышленного суверенитета (обеспечение научно-технического и промышленного развития для создания и поддержания на территории Российской Федерации информационных технологий и инфраструктуры, достаточных для гарантии независимости от иностранных технологий в сфере информационных технологий), а также обеспечению безопасности, в том числе кибербезопасности. Представляется, что такое комплексное восприятие объективно и особенно необходимо, поскольку цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы — одна из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года²².

Таким образом, под цифровой трансформацией, на наш взгляд, необходимо понимать комплексное преобразование того или иного субъекта, процесса, явления или иного феномена, направленное на его совершенствование и достижение стратегических целей развития и отвечающее критерию экономической эффективности на основе реализации системы инициатив по приоритетному внедрению новейших отечественных цифровых технологий, обороту цифровых данных, развития кадров, компетенций и культуры для цифровой трансформации, современных подходов к управлению внедрением цифровых решений и обеспечению национальной и международной информационной безопасности.

Анализ приведенных и иных документов, посвященных вопросам цифровой трансформации, позволяет выделить ряд таких ее характеристик, которые применимы к цифровой трансформации в отношении того или иного феномена (государства, права (правовой системы), органа власти, организации и др.):

цели цифровой трансформации;

направления цифровой трансформации;

ключевые вызовы и возможности, которые цифровая трансформация создает для повышения конкурентоспособности и развития объекта такой трансформации;

ключевые факторы и барьеры, препятствующие эффективной цифровой трансформации;

риски и угрозы информационной безопасности, которые могут возникнуть в ходе реализации цифровой трансформации при внедрении современных цифровых технологий;

¹⁸ Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171.

¹⁹ См.: Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». URL: <http://government.ru/rugovclassifier/923/about/> (дата обращения: 21.07.2025).

²⁰ См.: там же.

²¹ См.: распоряжение Правительства РФ от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // СЗ РФ. 2024. № 13, ст. 1837.

²² См.: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2584.

эффективность цифровой трансформации, включая показатель цифровой зрелости и ключевые показатели эффективности цифровой трансформации.

Влияние цифровой трансформации на развитие информационного права и законодательства

В результате происходящей цифровой трансформации наблюдается активное ее влияние на развитие всей правовой системы России, всех отраслей права, но особенно, и даже в первую очередь, на информационное право. К сожалению, в связи с небольшими изначальными ресурсными возможностями как в части правотворческого опыта, так и незначительного временного периода развития доктрины такой довольно молодой отрасли, как информационное право, оно пока не справляется со стремительными процессами цифровизации. Между тем сегодня можно констатировать ряд трансформационных процессов, произошедших и продолжающихся в информационном праве. В первую очередь это развитие его теории, в том числе понятийного аппарата. Так, активно внедрены и используются в праве новые категории — искусственный интеллект²³, цифровой профиль и цифровое профилирование²⁴, цифровая зрелость²⁵, цифровое государство и цифровое право²⁶ и др.

²³ См.: Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // Государство и право. 2022. № 1. С. 168–178; Минбалева А.В., Титова Е.В. Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № S2. С. 114–119; Егорова М.А., Минбалева А.В., Кожеева О.В., Дюффо А. Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250–262; Полякова Т.А., Камалова Г.Г. «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 133–145.

²⁴ См.: Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалева А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19; Минбалева А.В., Титова Е.В. Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S2. С. 154–160.

²⁵ См.: Полякова Т.А., Минбалева А.В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116.

²⁶ См.: Евсиков К.С. Цифровое право в цифровом государстве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5 (209). С. 131–134; Его же. К вопросу о формировании концепции «цифрового государства» // Информационное право. 2021. № 2. С. 17–21; Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая

Ряд категорий специально формируется для обеспечения процессов цифровой трансформации. Так, в числе категорий, сравнительно недавно вошедших в правовую систему России, выделяются «ИТ-активы». Изначально они рассматривались в качестве разновидности ИТ-ресурсов в виде информационных систем, программ для ЭВМ, баз данных и др. В рамках программы «Экономика данных и цифровая трансформация управления» в 2024 г. выделяются уже ИТ-активы. Данная категория более эффективно позволила определить и учесть конкретные информационные объекты, создаваемые в рамках цифровой трансформации системы государственного (муниципального) управления, а также сформировать их учет и привязать их к показателям цифровой зрелости. Для целей цифровой трансформации системы государственного (муниципального) управления ИТ-активы рассматриваются как «информационные технологии, информационные системы, в том числе государственные и муниципальные информационные системы, компоненты информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, информационно-телекоммуникационные сети, программные, программно-технические комплексы, отдельные программы для электронных вычислительных машин и оборудование, необходимые для реализации полномочий субъектов учета и обеспечения их деятельности по цифровой трансформации»²⁷. Точно так же официально определяются ИТ-активы, финансовое обеспечение которых осуществляется (планируется осуществлять) за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов²⁸. Таким образом, полагаем, что можно сделать вывод о применении данного определения для понимания ИТ-активов

академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128.

²⁷ См.: постановление Правительства РФ от 01.07.2024 № 900 (ред. от 18.03.2025) «О порядке учета ИТ-активов, используемых для осуществления деятельности по цифровой трансформации системы государственного (муниципального) управления» (вместе с «Положением об учете ИТ-активов, используемых для осуществления деятельности по цифровой трансформации системы государственного (муниципального) управления») // СЗ РФ. 2024. № 28, ст. 4028.

²⁸ См.: постановление Правительства РФ от 10.10.2020 № 1646 (ред. от 18.03.2025) «О мерах по обеспечению эффективности мероприятий по использованию информационно-коммуникационных технологий, финансовое обеспечение которых осуществляется (планируется осуществлять) за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов» (вместе с «Положением о формировании и ведении реестра ИТ-расходов на создание, развитие, ввод в эксплуатацию, эксплуатацию и вывод из эксплуатации ИТ-активов, финансовое обеспечение которых осуществляется (планируется осуществлять) за счет средств федерального бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов», «Положением о ведомственных программах цифровой трансформации») // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.03.2025).

при использовании этой категории в целом в сфере публичного управления.

Под воздействием цифровой трансформации, безусловно, происходит развитие информационного законодательства. Можно выделить следующие направления:

активное правотворчество в сфере использования экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций, а также в целом с использованием механизма эксперимента для внедрения цифровизации и иных составляющих цифровой трансформации;

развитие технико-юридического подхода к регулированию цифровых процессов, обусловленных взаимодействием нормативного правового и нормативно-технического регулирования. Так, сегодня нормативно-техническое регулирование фактически определяет основные векторы развития отрасли квантовых коммуникаций²⁹. Нормативное правовое регулирование при этом во многом зависит как в части понятийного аппарата, так и формирования пределов правового регулирования складывающихся отношений в сфере квантовых коммуникаций. Цифровая трансформация при этом во многом способствует тому, что право оказывает влияние на прогнозирование технологического развития, формирует повестку для технического регулирования. Например, в Концепции регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года закреплены основные направления нормативно-технического регулирования данной сферы³⁰;

изменение подходов к взаимодействию этического и правового регулирования. Этическое регулирование становится все более связанным с правовым, опирается на него (например, явно закреплено в Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта)³¹. Такой подход способствует их взаимному проникновению и более стремительной имплементации в право базовых этических принципов и правил. Причем в условиях цифровой трансформации приходится ускоренно формировать как этические нормы, так и в кратчайшие

сроки трансформировать механизм этического регулирования в правовой;

развитие систематизации, в том числе кодификации, информационного законодательства³². Государственные задачи по разработке нормативного правового регулирования цифровой трансформации, а также по разработке Цифрового кодекса России во многом способствовали активизации вопросов о разработке Информационного кодекса России. Это, бесспорно, является важнейшим стимулом и для развития доктрины информационного права, формирования теории и моделирования законодательных конструкций в части систематизации информационного законодательства;

появление и развитие новых субъектов и их системы³³, объектов информационных правоотношений, а также субъективных информационных прав. В рамках цифровой трансформации ключевым объектом становится искусственный интеллект, а также его новые разновидности, в том числе генеративный, агентский, физический искусственный интеллект и др. Особое место в системе цифровой трансформации занимают цифровые права. В связи со спецификой функционирования многих цифровых технологий, а также цифровых платформ и сервисов появляются и новые права, которые не могут быть реализованы иначе как в цифровой среде или даже в рамках конкурентного цифрового пространства. Такие специализированные права имеют значительную специфику, обусловленную включением в соответствующие правоотношения, в которых они реализуются, тех или иных цифровых технологий. Следует признать, что назрела необходимость регулирования цифровых прав как группы субъективных прав цифровой среды в качестве отдельной категории.

Развитие науки информационного права под влиянием цифровой трансформации. Восьмые Бачиловские чтения и развитие науки информационного права

Информационное право подвергается наибольшему влиянию и воздействию происходящей цифровой трансформации. Это находит свое отражение как на уровне развития законодательства, так и доктрины, в частности в тематике проводимых

²⁹ См.: Полякова Т.А., Минбалева А.В., Наумов В.Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.

³⁰ См.: Концепция регулирования отрасли квантовых коммуникаций в Российской Федерации до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 11.07.2023 № 1856-р // СЗ РФ. 2023. № 30, ст. 5712.

³¹ См.: Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.

³² См.: Полякова Т.А., Минбалева А.В., Наумов В.Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Там же. № 1. С. 81–91.

³³ См.: Чубукова С.Г. Системы субъектов информационного права: направления цифровой трансформации // Вестник Московского ун-та. Сер. 26: Государственный аудит. 2019. № 3. С. 17–27.

исследований, защищаемых диссертациях³⁴ и научных форумах. Одним из таких научных мероприятий является ежегодно проводимая в Институте государства и права РАН посвященная памяти Илларию Лаврентьевны Бачило³⁵ Международная научно-практическая конференция по информационному праву и правовому обеспечению информационной безопасности «Бачиловские чтения»³⁶.

На пленарном заседании Восьмой Международной научно-практической конференции «Бачиловские чтения» был обсужден ряд ключевых проблем, направлений и векторов развития исследований, детерминированных происходящими процессами цифровой трансформации общества, государства и права. На данном научном форуме ежегодно обсуждаются приоритетные (ключевые) вопросы права в эпоху внедрения цифровых технологий, правового режима кибернетического суверенитета, перспективы развития международной информационной безопасности, рассматриваются новые векторы обеспечения национального суверенитета в информационном пространстве, проблемы регулирования цифровых платформ, цифровая личность в системе категорий информационного права³⁷.

По сложившейся уже традиции и, что особенно важно отметить, в год 100-летия Института государства и права РАН участников данной Конференции поприветствовал и открыл ее программу доклад **директора Института, чл.- корр. РАН (ныне — акад. РАН), д-ра юрид. наук, проф. А.Н. Савенкова «Социогуманитарные вызовы нового времени»**. В приветственном слове А.Н. Савенков заострил внимание на вопросе о рисках и угрозах в современном информационном обществе,

связанных с использованием технологий искусственного интеллекта, проблемах информационной безопасности в связи с использованием новейших информационных технологий. В частности, были подняты проблемы утечки персональных данных, в том числе особенно в банковском сегменте. Социогуманитарные вызовы, связанные с искусственным интеллектом, нарастают с каждым днем, в том числе проблемы его саморегулирования и самообучения, контроля над этим процессом со стороны человека. Сегодня возникает вопрос: насколько человечество готово к этому процессу, сможет ли контролировать процессы обучения искусственного интеллекта? На примере электронного правосудия отмечена важность защиты современного человека от рисков, связанных с использованием технологий, в том числе искусственного интеллекта. Отмечен большой вклад в поднятую проблематику со стороны сектора информационного права и международной информационной безопасности и лично Т.А. Поляковой и В.Б. Наумова.

Как было указано, с гуманитарной точки зрения активное внедрение искусственного интеллекта пока несет больше рисков, от человечества нужно более пристальное внимание к этим вопросам, которые требуют не только обеспечения информационной безопасности, но и решения морально-этических и иных вопросов. А.Н. Савенков отметил особую роль правовых регуляторов в развитии социально-экономического уклада индустриального общества, необходимости разработки этических документов по правилам применения искусственного интеллекта, выработки международных правил для регулирования искусственного интеллекта. Был критически оценен опыт Европейского Союза³⁸. На основе анализа обширных статистических данных, работ отечественных и зарубежных ученых директором Института представлены тенденции технологического развития государств, соответствующих рисков цифровизации, внедрения искусственного интеллекта.

Кроме того, особое внимание привлекло выступление (по сложившейся доброй традиции как одного из основных докладчиков) **Ю.М. Батурина, Героя Российской Федерации, чл.- корр. РАН, д-ра юрид. наук, проф., зав. кафедрой компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова**. Им были высказаны важные, ключевые идеи относительно кибернетического суверенитета и особенностей его правового режима. Особый научный интерес вызвал вопрос о соотношении кибернетического суверенитета с информационным

³⁴ См.: Камалова Г.Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020; Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021; Смирнов А.А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

³⁵ См.: Кроткова Н.В. Интервью с доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ И.Л. Бачило // Государство и право. 2012. № 1. С. 86–88; Троян Н.А., Полякова Т.А., Кроткова Н.В. Бачило Илларию Лаврентьевна // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/bachilo-illariia-lavrent-evna-36a9bd>, 25.10.2023.

³⁶ См.: Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» — Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148.

³⁷ См.: Восьмая Международная научно-практическая конференция по информационному праву и правовому обеспечению информационной безопасности «Бачиловские чтения». URL: <http://igpran.ru/konferentsii/programma-megopriyatiy/11219/> (дата обращения: 03.05.2025).

³⁸ См.: Савенков А.Н. Новый технологический уклад и социогуманитарные вызовы // Государство и право. 2025. № 1. С. 14–36.

и технологическим. Отмечено, что обеспечение информационного суверенитета — это исключительная компетенция (полномочия) государства, но сегодня пока нет его детального нормативного правового регулирования. В докладе был сделан акцент на том, что уже более полувека вопросы информационного суверенитета поднимаются, много усилий было предпринято для формирования международных основ информационного суверенитета. С наступлением эпохи Интернета появились новые проблемы, связанные с возможностью свободного перемещения границ государств в рамках сетевого пространства, так как это пространство является непрерывным, мультиграничным. Юристы пока еще не в полной мере определились, каким образом проводить эту границу. В докладе была отмечена также близость к информационному суверенитету технологического суверенитета. Докладчиком была справедливо обозначена связь кибернетического суверенитета с информационным и технологическим через информационную безопасность, «осложненную искусственным интеллектом».

В связи с этим кибернетический суверенитет предложено рассматривать как способность государства обеспечивать разграничение реального мира, которым оно управляет, от виртуальных, фейковых и иных иллюзорных миров. Кроме того, проф. Ю.М. Батурин высказал свою позицию об отсутствии необходимости выделения и специального регулирования кибернетического пространства. Особенно были отмечены риски, связанные с искусственным интеллектом: «Современный потребитель сегодня хочет получать информацию тогда, когда он хочет, и такую, как он хочет. И такую информацию предоставляет ему искусственный интеллект, поэтому информация становится индивидуальной. В связи с этим возникают значительные риски для информационного суверенитета». Необходимость кибернетического суверенитета обусловлена прежде всего значительным увеличением количества недостоверных данных. Это связано с тем, что упростилось преобразование реальности для нейронных сетей — основы современного искусственного интеллекта, характерны встроенная предвзятость и галлюцинации.

Президент Национальной ассоциации международной информационной безопасности, канд. юрид. наук Б.Н. Мирошников в своем выступлении *«Перспективы развития системы международной информационной безопасности: правовые аспекты»* отметил, что тема международной информационной безопасности очень сложная с позиции реализации, особенно в современных условиях, и указал на сложности, связанные с принятием российских инициатив в сфере информационной безопасности международным сообществом. Преимуществом

нашего государства является российская школа борьбы с киберпреступностью и в целом обеспечения информационной безопасности, основанной на отечественной школе программирования и кибернетики. Проанализирован опыт и проблемы международного регулирования вопросов информационной безопасности.

Пленарную часть конференции продолжила модератор, главный научный сотрудник, и.о. зав. сектором информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ Т.А. Полякова. В своем выступлении *«Национальный суверенитет в информационной сфере: новые векторы правового обеспечения»* она подчеркнула, что в условиях реализации новых стратегических задач научно-технологического развития государства вопросы, связанные с обеспечением национального суверенитета, включая все его составляющие, имеют фундаментальный характер, являются межведомственной задачей. Эта тема требует продолжения научных исследований, в том числе на уровне диссертационных исследований, которых явно недостаточно. Проблемы, связанные с цифровой трансформацией, сегодня активно обсуждаются практически на всех научных площадках, требуют закрепления как в новых редакциях актуализированных национальных актов стратегического планирования в области информационной безопасности, над которыми в настоящее время ведется работа, так и в форматах региональных объединений для продвижения российской позиции.

В пленарном заседании с большим интересом также был встречен доклад главного научного сотрудника сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, управляющего партнера офиса в г. Санкт-Петербурге юридической фирмы NEXTONS, руководителя проекта *«Сохраненная культура»*, д-ра юрид. наук В.Б. Наумова на тему *«Право и “Батлерианский джихад”: о роли права в эпоху безоглядного внедрения цифровых технологий»*. Он отметил, что «количество часов “подключения” человека к цифровому миру стало настолько большим, что это приводит к его постепенному удалению от природы и окружающего материального мира и, что важно, других людей. Но “человек смартфонный” в ближайшей перспективе получит возможность сделать шаг в сторону “человека киберфизического” с его новыми техническими возможностями. Описание опыта внедрения таких устройств становится данностью, и пока незаметно возникает новая психофизиологическая и социальная реальность “дивного нового мира” <...> В современных условиях именно право должно определить “красные линии” реализации и воздействия научно-технического прогресса, за которые нельзя переступать. Они будут

служить и видовому сохранению, и государственному суверенитету. <...> Представляется, что в государственном управлении и праве пора вводить концепцию, противодействующую все более подчиненному и безвольному положению человека и гражданина в цифровом мире. Для этого можно предложить в качестве базиса для будущих правовых конструкций модель “человек — слабая сторона”, и она должна строиться с учетом существующей правовой доктрины в отношении автономии воли и свободы договора для слабой стороны»³⁹. Докладчиком также были выделены основные задачи, которые стоят перед правом для обеспечения защиты прав человека в связи с угрозами расширения использования информационных технологий. Отмечено в том числе, что законодательство должно быть человекоцентричным, обязательна комплексная экспертиза массового внедрения использования информационных технологий, важно признать право на отказ от технологий и развивать пространство доверия в цифровой среде.

Главный научный сотрудник ИГП РАН, зав. кафедрой информационного права и цифровых технологий Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., эксперт РАН А.В. Минбалеев свое выступление сфокусировал на теме «*Проблемы и перспективы правового регулирования цифровых платформ*». Он обратил внимание на то, что в юридической литературе нет однозначного подхода к пониманию цифровых платформ. Определение, которое дает законодатель, не отражает всех особенностей данного объекта, что может вызвать ряд сложностей в процессе правоприменения. Предложено рассматривать цифровые платформы как сложный информационный объект современной цифровой среды, который всегда включает в себя несколько информационных объектов. К ним относятся следующие: информационные системы, включая программы для ЭВМ и базы данных, а также информационно-телекоммуникационные сети, информацию, информационные, в том числе цифровые, технологии. Цифровые технологии выступают объектом комплексного правового регулирования, поэтому нормативную основу правового режима цифровых платформ всегда составляют нормы информационного законодательства, а также отраслевого законодательства, отражающего содержательную специфику общественных отношений, реализуемых посредством цифровой платформы. Предложено на уровне Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» закрепить более четкое определение цифровых платформ,

которое могло бы применяться не только для целей платформенной экономики. В данном определении важно учесть, что цифровая платформа — это сложный объект информационных отношений, сложная социотехническая система.

Заведующий кафедрой информационного права УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, д-р юрид. наук, проф. П.У. Кузнецов выступил с докладом об объективных основаниях и когнитивной неопределенности развития информационного права. Им были отмечены основные этапы развития информационного права, а также ключевые факторы, которые способствовали такому развитию. Показаны роль правовой кибернетики, правовой информатики в зарождении и развитии информационного права, а также значительный вклад В.Н. Кудрявцева, А.Б. Венгерова, Ю.М. Батурина, О.Е. Кутафина, И.Л. Бачило в развитие отрасли и доктрины информационного права. Подняты проблемы цифрового права и его современного понимания. Информационное право благодаря междисциплинарной «прививке» сегодня выступает правом научно-технологического развития, что обуславливает и комплексность информационного права.

В работе данного научного мероприятия, проведенного в год 100-летия Института государства и права РАН, приняли участие директор Белорусского института стратегических исследований, д-р юрид. наук О.С. Макаров, заместитель директора Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь Е.В. Семашко, аспиранты Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) и РУДН им. Патриса Лумумбы из КНР, Узбекистана, директор Российского центра научной информации, канд. юрид. наук О.В. Белявский, а также другие крупнейшие отечественные и зарубежные ученые, специалисты-практики в области информационного права и информационной безопасности, цифрового права, представители органов публичной власти и гражданского общества, в том числе А.В. Морозов, В.Б. Исаков, А.А. Стрельцов, Л.К. Терещенко, Н.Н. Ковалева, А.А. Тедеев, А.А. Чеботарева, Г.Г. Камалова, А.А. Ефремов и др. Особенно следует отметить интерес к работе проведенных в рамках конференции круглых столов «Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности и государственного суверенитета», «Проблемы развития информационного права и защиты прав человека в условиях цифровой трансформации: теория, методология и практика», «Искусственный интеллект и цифровые технологии: междисциплинарные и межатраслевые вопросы правового регулирования информационных отношений», по результатам которых готовятся монография и сборник материалов.

³⁹ Наумов В.Б. Право и «Батлерианский джихад»: размышления об угрозах использования искусственного интеллекта // Информационное общество. 2025. № 2. С. 131–147. DOI: 10.52605/16059921_2025_02_131

Заключение

В условиях активного развития процессов цифровой трансформации в современном российском обществе и государстве, несмотря на многочисленные дискуссии и проблемы, происходит значительное развитие информационного права и информационного законодательства, драйвером которых является цифровая трансформация, которой посвящено данное и многие другие исследования.

Безусловно, цифровая трансформация оказывает существенное влияние на изменение целевых установок и показателей, ценностных установок, особенностей управленческих технологий, каналов и форм коммуникации. В отличие от цифровизации цифровая трансформация — более сложный феномен, охватывающий широкий спектр изменений, связанных с применением цифровых технологий, так как ориентирована на комплексное, стратегическое преобразование процессов с целью адаптации к изменяющимся условиям и использования цифровых возможностей для создания новых ценностей и достижения конкурентного преимущества. Следует признать, что все эти особенности оказывают существенное влияние и на информационное право, которое подвергается трансформации во многом под влиянием указанных особенностей. В первую очередь это развитие его теории, в том числе понятийного аппарата. Ряд категорий специально формируется для обеспечения процессов цифровой трансформации. Так, к числу таких категорий, сравнительно недавно вошедших в правовую систему России, относятся «ИТ-активы».

Под воздействием цифровой трансформации происходит активное развитие информационного законодательства, связанное со следующими тенденциями: развитие правотворчества в области использования экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций, а также в целом использование механизма эксперимента для внедрения цифровизации и иных составляющих цифровой трансформации; развитие технико-юридического подхода к регулированию цифровых процессов, обусловленных взаимодействием нормативного правового и нормативно-технического регулирования; изменение подходов к взаимодействию этического и правового регулирования; развитие систематизации, в том числе кодификации информационного законодательства; появление и развитие новых субъектов, объектов информационных правоотношений, а также субъективных информационных прав; и др. Это развитие должно продолжаться на междисциплинарном уровне возрастающей роли информационного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Антропцева И.О.* Цифровизация публичного финансового контроля. М., 2024.
2. *Артемова С.Т.* Влияние цифровизации на развитие доктрины конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 3. С. 9–13.
3. *Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалеев А.В.* Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19.
4. *Евсиков К.С.* К вопросу о формировании концепции «цифрового государства» // Информационное право. 2021. № 2. С. 17–21.
5. *Евсиков К.С.* Цифровое право в цифровом государстве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5 (209). С. 131–134.
6. *Егорова М.А., Минбалеев А.В., Кожеева О.В., Дюфло А.* Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250–262.
7. *Камалова Г.Г.* Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020.
8. *Кондратьева М., Комахина А.* Цифровизация: исследование основных терминов // Экономика и управление. 2022. № 3 (165). С. 138.
9. *Кроткова Н.В.* Интервью с доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ И.Л. Бачило // Государство и право. 2012. № 1. С. 86–88.
10. *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128.
11. *Минбалеев А.В., Титова Е.В.* Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № S2. С. 114–119.
12. *Минбалеев А.В., Титова Е.В.* Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № S2. С. 154–160.
13. *Наумов В.Б.* Институт идентификации в информационном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021.
14. *Наумов В.Б.* Право и «Батлерианский джихад»: размышления об угрозах использования искусственного интеллекта // Информационное общество. 2025. № 2. С. 131–147. DOI: 10.52605/16059921_2025_02_131
15. *Полякова Т.А., Камалова Г.Г.* «Право искусственного интеллекта» и его место в системе информационного права // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 133–145.

16. Полякова Т.А., Минбалеев А.В. Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116.
17. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87.
18. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148.
19. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104.
20. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171.
21. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108.
22. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.
23. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91.
24. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Наумов В.Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.
25. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Троян Н.А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5. С. 131–144.
26. Полякова Т.А., Троян Н.А. Вопросы развития научно-технологической политики в Российской Федерации: правовое обеспечение национального суверенитета и технологического лидерства // Правовая политика и правовая жизнь. 2025. № 2 (100). С. 252–254.
27. Потапенко С.В. Трансформация авторского права от аналогового к цифровому // Власть Закона. 2025. № 2 (62). С. 97.
28. Савенков А.Н. Новый технологический уклад и социогуманитарные вызовы // Государство и право. 2025. № 1. С. 14–36.
29. Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024.
30. Смирнов А.А. Формирование системы правового обеспечения информационно-психологической безопасности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.
31. Трансформация информационного права / отв. ред.: Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. М., 2023.
32. Троян Н.А., Полякова Т.А., Кроткова Н.В. Бачило Иллариия Лаврентьевна // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/bachilo-illariia-lavrent-evna-36a9bd>, 25.10.2023.
33. Цифровая трансформация. Основные принципы, этапы и результаты реализации. М., 2024. URL: <https://rosk-achestvo.gov.ru/about/competence/digital/docs/standart.pdf> (дата обращения: 20.06.2025).
34. Чубукова С.Г. Системы субъектов информационного права: направления цифровой трансформации // Вестник Московского ун-та. Сер. 26: Государственный аудит. 2019. № 3. С. 17–27.
35. Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // Государство и право. 2022. № 1. С. 168–178.
36. Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V. Trust in the law during the digital transformation // Государство и право. 2022. № 11. С. 139–147.
37. Verhoef P.C., Broekhuizen Th., Bart Ya. et al. Digital transformation: a multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. 2021. Vol. 122. Pp. 889, 890.

REFERENCES

1. Antroptseva I.O. Digitalization of public financial control. М., 2024 (in Russ.).
2. Artemova S.T. The impact of digitalization on the development of the doctrine of Constitutional Law // Constitutional and Municipal Law. 2023. No. 3. Pp. 9–13 (in Russ.).
3. Vinogradova E.V., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. Digital profile: concept, regulatory mechanisms and problems of implementation // Law enforcement. 2021. Vol. 5. No. 4. Pp. 5–19 (in Russ.).
4. Evsikov K.S. On the formation of the concept of the “digital state” // Information Law. 2021. No. 2. Pp. 17–21 (in Russ.).
5. Evsikov K.S. Digital law in a digital state // Law and the State: theory and practice. 2022. No. 5 (209). Pp. 131–134 (in Russ.).
6. Egorova M.A., Minbaleev A.V., Kozhevina O.V., Duflo A. The main directions of legal regulation of the use of artificial intelligence in a pandemic // Herald of St. Petersburg State University. Law. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 250–262 (in Russ.).
7. Kamalova G.G. Legal assurance of information confidentiality in the context of the development of the information society: dis. ... Doctor of Law. М., 2020 (in Russ.).
8. Kondratieva M., Komakhina A. Digitalization: a study of basic terms // Economics and management. 2022. No. 3 (165). P. 138 (in Russ.).
9. Krotkova N.V. Interview with Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation I.L. Bachelo // State and Law. 2012. No. 1. Pp. 86–88 (in Russ.).

10. *Mal'ko A.V., Afanasyev S.F., Borisova V.F., Krotkova N.V.* Review of the methodological seminar on "Digital Law: research methodology" (April 18, 2019, Saratov State Law Academy, Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences) // *State and Law*. 2019. No. 8. Pp. 122–128 (in Russ.).
11. *Minbaleev A.V., Titova E.V.* Problems of using artificial intelligence technologies in the sports field and legal restrictions. *Sport. Medicine*. 2020. Vol. 20. No. S2. Pp. 114–119 (in Russ.).
12. *Minbaleev A.V., Titova E.V.* Digital profile of an athlete: problems of legal regulation and protection // *Human. Sport. Medicine*. 2021. Vol. 21. № S2. Pp. 154–160 (in Russ.).
13. *Naumov V.B.* Institute of identification in Information Law: dis. ... Doctor of Law. M., 2021 (in Russ.).
14. *Naumov V.B.* Law and the "Butlerian jihad": reflections on the threats of using artificial intelligence // *Information Society*. 2025. No. 2. Pp. 131–147. DOI: 10.52605/16059921_2025_02_131 (in Russ.).
15. *Polyakova T.A., Kamalova G.G.* "The law of artificial intelligence" and its place in the information law system // *The Rule of Law: theory and practice*. 2021. No. 3 (65). Pp. 133–145 (in Russ.).
16. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V.* The concept and legal nature of "digital maturity" // *State and Law*. 2021. No. 9. Pp. 107–116 (in Russ.).
17. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* New vectors of Information Law development in the context of the civilizational crisis and digital transformation // *State and Law*. 2020. No. 5. Pp. 75–87 (in Russ.).
18. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Review of the International Scientific and Practical Conference "Information Space: ensuring information security and law" – The First Bachilov readings // *State and Law*. 2018. No. 9. Pp. 138–148 (in Russ.).
19. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* The main trends and problems of the development of the science of Information Law // *State and Law*. 2022. No. 9. Pp. 94–104 (in Russ.).
20. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Development of the doctrine of Russian Information Law in the context of transition to a data economy // *State and Law*. 2023. No. 9. Pp. 158–171 (in Russ.).
21. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* The development of the science of Information Law and legal support for information security: the formation of a scientific school of Information Law (past and future) // *State and Law*. 2021. No. 12. Pp. 97–108 (in Russ.).
22. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V.* Transformation of the science of Information Law and information legislation: a new stage in the conditions of scientific and technological development of Russia // *State and Law*. 2024. No. 9. Pp. 166–179 (in Russ.).
23. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B.* On the issue of codification of information legislation in the context of digital transformation // *State and Law*. 2024. No. 1. Pp. 81–91 (in Russ.).
24. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B.* Legal regulation of quantum communications in Russia and in the world // *State and Law*. 2022. No. 5. Pp. 104–114 (in Russ.).
25. *Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Troyan N.A.* Formation of a culture of information security of citizens of the Russian Federation in the context of new challenges: public law problems // *State and Law*. 2023. No. 5. Pp. 131–144 (in Russ.).
26. *Polyakova T.A., Troyan N.A.* Issues of scientific and technological policy development in the Russian Federation: legal support for national sovereignty and technological leadership // *Legal policy and legal life*. 2025. No. 2 (100). Pp. 252–254 (in Russ.).
27. *Potapenko S.V.* Transformation of copyright from analog to digital // *The Rule of Law*. 2025. No. 2 (62). P. 97 (in Russ.).
28. *Savenkov A.N.* A new technological order and socio-humanitarian challenges // *State and Law*. 2025. No. 1. Pp. 14–36 (in Russ.).
29. *Savenkov A.N.* Philosophy of Law and the formation of the Russian state-civilization. M., 2024 (in Russ.).
30. *Smirnov A.A.* Formation of a system of legal support for information and psychological security in the Russian Federation: dis. ... Doctor of Law. M., 2022 (in Russ.).
31. Transformation of Information Law / ed. by T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev, V.B. Naumov. M., 2023 (in Russ.).
32. *Troyan N.A., Polyakova T.A., Krotkova N.V.* Bachilo Illaria Lavrentievna // *Great Russian Encyclopedia*. URL: <https://bigenc.ru/c/bachilo-illaria-lavrent-evna-36a9bd>, 25.10.2023 (in Russ.).
33. Digital transformation. Basic principles, stages and results of implementation. M., 2024. URL: <https://roskachestvo.gov.ru/about/competence/digital/docs/standart.pdf> (accessed: 20.06.2025) (in Russ.).
34. *Chubukova S.G.* Systems of subjects of Information Law: directions of digital transformation // *Herald of the Moscow University. Ser. 26: State Audit*. 2019. No. 3. Pp. 17–27 (in Russ.).
35. *Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B. et al.* Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach // *State and Law*. 2022. No. 1. Pp. 168–178.
36. *Polyakova T.A., Naumov V.B., Minbaleev A.V.* Trust in the law during the digital transformation // *State and Law*. 2022. No. 11. Pp. 139–147.
37. *Verhoef P.C., Broekhuizen Th., Bart Ya. et al.* Digital transformation: a multidisciplinary reflection and research agenda // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 122. Pp. 889, 890.

Сведения об авторах

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна —
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
и.о. заведующей сектором
информационного права
и международной информационной
безопасности
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-3791-2903

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович —
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой информационного права
и цифровых технологий Московского
государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская д.9, стр. 2;
главный научный сотрудник сектора
информационного права и международной
информационной безопасности
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0001-5995-1802

КРОТКОВА Наталья Викторовна —
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук;
заместитель главного редактора журнала
«Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

POLYAKOVA Tatyana A. —
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher, Acting Head
of the Information Law
and International Information Security Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MINBALEEV Alexey V. —
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Information Law
and Digital Technologies, Kutafin Moscow
State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia;
Chief Researcher, Information Law
and International Information Security Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KROTKOVA Natalya V. —
PhD in Law,
Leading Researcher, Constitutional Law
and Constitutional Justice Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Vice-Editor-in-Chief of the journal
“State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «СПРАВЕДЛИВОГО» ДОГОВОРА В ПРАВЕ ВИЗАНТИИ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

© 2025 г. О. Л. Лысенко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: ollysenko@mail.ru

Поступила в редакцию 09.06.2025 г.

Аннотация. В статье анализируются проявления принципа справедливости в регулировании договорных отношений в виде «равного масштаба», «соразмерности» прав участников договорных отношений, недопущения злоупотреблений одной из сторон и защиты «слабой» стороны в конкретных видах договоров под влиянием античного правового наследия и идей христианства в источниках права Византии, в том числе в Эклоге 726 (741) г., а также в произведениях Фомы Аквинского и других теологов и правоведов-канонистов католической церкви в эпоху развитого Средневековья.

Ключевые слова: история государства и права, гражданское право, договор, принцип справедливости, право Византии, рецепция римского права, Фома Аквинский, Франциско де Витория.

Цитирование: Лысенко О.Л. К вопросу о понятии «справедливого» договора в праве Византии и средневековой Европы // Государство и право. 2025. № 11. С. 220–228.

DOI: 10.7868/S3034543X25110181

ON THE CONCEPT OF A “JUST” TREATY IN BYZANTINE AND MEDIEVAL EUROPEAN LAW

© 2025 O. L. Lysenko

Lomonosov Moscow State University

E-mail: ollysenko@mail.ru

Received 09.06.2025

Annotation. The article analyzes the manifestations of the principle of equity in the regulation of contractual relations in the form of “equal scope”, “proportionality” of the rights of parties to contractual relations, prevention of abuse by one of the parties and protection of the “weak” side in specific types of contracts under the influence of the ancient legal heritage and the ideas of Christianity in the sources of law of Byzantium, including the Eclogue 726 (741), as well as in the works of T. Aquinas and other theologians and canonists of the Catholic Church in the era of the advanced Middle Ages.

Key words: history of the state and the rights, Civil Law, contract, principle of equity, history of the Middle Ages, law of Byzantium, reception of Roman law, Thomas Aquinas, Francisco de Vitoria.

For citation: Lysenko, O.L. (2025). On the concept of a “just” treaty in Byzantine and medieval European law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 220–228.

Договор — один из важнейших институтов гражданского права, выступающий в качестве ведущего частноправового средства регулирования экономических отношений. Выдающийся французский правовед конца XIX — начала XX в. Л. Дюги отмечал, что в системе гражданского права договор — это «основной юридический акт», поскольку в сфере частного права «принципиально, во взаимоотношениях двух лиц, если нет какого-либо формального исключения, предусмотренного законом, юридическое состояние возникает лишь из договора»¹.

Принцип справедливости частноправового договора является одним из принципов правовой науки.

По мнению известных германских правоведов-компаративистов К. Цвайгерта и Х. Кетца, «задача современного договорного права заключается именно в том, чтобы “осуществлять на практике ‘договорную’ справедливость”, а также защищать более “слабую” сторону в договоре, обязывать партнеров учитывать интересы друг друга и побуждать их строить свои договорные отношения на основе сотрудничества и добросовестности»².

Начиная с эпохи Древнего мира, с античных времен в большинстве источников права принцип справедливости в гражданско-правовом договоре понимался прежде всего как юридическое равенство сторон, соразмерность в предоставлении прав субъектам договорных правоотношений³. Это во многом достигалось благодаря запрещению различных злоупотреблений сторон и усиленной защите «слабой» стороны в договоре.

С точки зрения проф. В.В. Момотова, в области гражданского, в том числе договорного, права «понятие “справедливость” созвучно “соразмерности”». Свою позицию он подтверждает ссылкой на позицию известного российского теоретика права С.С. Алексеева, который писал о том, что «справедливость... приобретает значение правового принципа в той мере, в какой она воплощается в нормативно-правовом способе регулирования в тех началах “соразмерности”, “равного масштаба”

и т.д., которые присущи самому построению правовых инструментов»⁴.

Уходя корнями в античную философию, а также классическое и постклассическое римское право, свою дальнейшую разработку принцип справедливости в частном, в том числе в договорном, праве получил в период Средних веков: в праве Византии, а также в праве средневековой Западной Европы, в трудах средневековых богословов и правоведов-канонистов (Аврелия Августина, Амвросия Медиоланского, Фомы Аквинского, испанских «вторых схоластов» и др.).

Значительное влияние на развитие принципа справедливости, в том числе в договорном праве, оказало утверждение **христианства**.

Красной нитью в учении Иисуса Христа проходит идея соблюдения двух основных заповедей — о любви к Богу и о любви к ближнему: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга» (Евангелие от Иоанна, 23. 34), «Кто любит ближнего, тот исполнил Закон».

В своей монографии «Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII—XVI вв.)» современный российский историк права проф. Д.Ю. Полдников отмечает, что *христианство принесло с собой «совсем иную оценку возмездности в договорных отношениях», в основу которой положены «осуждение богатства, сребролюбия, наживы за счет обмана ближнего; духовное смирение и презрение к материальным ценностям ради обретения благ духовных; призыв к благотворительности и честному труду»*⁵.

Глубокое влияние христианства на все стороны человеческой жизни, в том числе и на регулирование договорных отношений, ярко проявилось **в праве Византии**. В ходе формирования своеобразной и сложной правовой культуры Византийской империи, для которой были характерны процессы «эллинизации» и «христианизации» римского права⁶, принцип справедливости, в том числе и в договорном праве, начинает играть особую роль. «В византийское законодательство, — пишет чл.- корр. РАН, проф. Г.В. Мальцев, — вторгаются принципы общего блага, благополучия для всех, открыто и подчеркнуто декларируется обязанность императора творить благо и заботиться обо всех своих

¹ Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3. Европа. Америка XVII—XX вв. / рук. проекта Г.Ю. Семигин. М., 1999. С. 584.

² Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / пер. с нем.: в 2 т. М., 1998. С. 16. Т. 2.

³ См.: Савельев В.А. Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве классического периода // Государство и право. 2014. № 3. С. 63—65; см. также: Лысенко О.Л. К вопросу о принципе справедливости в римском праве // Там же. 2023. № 4. С. 202—205; Ее же. Понятие «справедливого» договора в праве Древнего мира // ЭНОЖ «История». 2024. Вып. 4 (138). Т. 15.

⁴ Цит. по: Момотов В.В. Принципы справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правовых порядков // Росс. правосудие. 2018. № 1 (141). С. 38.

⁵ По мнению Д.Ю. Полдникова, в этом вопросе христианское учение оказалось весьма созвучным с моральным учением античных стоиков (цит. по: там же. С. 90).

⁶ Медведев И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 22.

подданных». «Принцип справедливости, — далее отмечает он, — интерпретировался в духе римского правосознания — “воздавай каждому свое”, но принцип филантропии уже имел византийскую, близкую к христианским идеалам трактовку, — он требовал сострадания к другим, человеколюбия, стремления облегчать “бремена и тяготы” нуждающихся, бедных и больных»⁷.

Примером этого может служить регулирование договорных отношений в **Эклоге**, созданном на основе систематизации права при императоре Юстиниане I, — первом официальном законодательном своде византийского права, принятом императорами-иконоборцами Львом III и Константином V в 726 или 741 гг.⁸

В *Прологе* к Эклоге от лица византийского законодателя указывалось: «Мы полагаем, что ничем не можем воздать Богу должное скорее и лучше, чем управлением доверенными Им нами людьми — согласно закону и с правосудием — так, чтобы начиная с этого времени прекратились всякие незаконные объединения и чтобы были расторгнуты сети насильственных сделок по договорам и пресечены были стремления тех, кто грешит... И так как мы заняты подобного рода заботами и неуспешно устремляли разум в поисках того, что угодно Богу и полезно обществу, почитая более всего земного справедливость — представительницу Небесного, являющуюся у служащего ей более острой по своей силе, чем всякий меч в борьбе с врагами...»⁹. В этой связи вполне можно согласиться с проф. Г.В. Мальцевым в том, что «уже в вводной части Эклоги, несмотря на ее пафосность и декларативность, стрелки правового развития переводятся на цели, к которым римское право было безразличным, — равноправие, “истинная справедливость” как государственная задача, благотворительность, внимание к малоимущим и бедным, забота о детях»¹⁰.

Обращает на себя внимание, что при регулировании договора займа в этом документе (разд. X «О займе, сделанном в письменной или устной форме (и о даваемом под займы обеспечении)») вообще нет упоминания о даче займа под проценты. По мнению одних исследователей, например, российского историка-византиста Е.Э. Липшиц, это считалось само собой разумеющейся практикой и в силу этого не нашло своего законодательного закрепления; однако известный германский византист К.Э. Цахариэ фон Лингенталь

полагал, что отсутствие упоминания о процентах по займу связано с запретом Священного Писания взимать проценты. Он указывал на то, что из некоторых византийских источников известно, что император Никифор (802–811 гг.) вообще запретил взимать проценты по займам, ссылаясь на запрет Библии. Тем не менее разрешение взимать проценты при займах было сформулировано впоследствии новеллой императора Льва VI (886–911 гг.)¹¹.

Ярким примером реализации идеи «справедливого» договора в рамках «христианизации» права в Византии служит и следующее положение Эклоги: «Если кредитор, взявший залог, возьмет и детей своих должников или использует [букв. — наймет] их на рабской работе, да будет он лишен того, что дано в долг, и такой же еще суммы; [это] он обязан вернуть тому, кого он удерживает, или его родителям» (X, 3).

В средневековой Западной Европе в развитие понятия «справедливого» договора средневековые богословы и правоведы также неоднократно обращаются к Священному Писанию, произведениям Отцов христианской Церкви, учению Аристотеля, а также римским правовым источникам, прежде всего к Дигестам и Кодексу Юстиниана, в ходе рецепции римского права.

Так, повторяя и развивая важнейшие положения этического учения Аристотеля, один из Отцов Церкви, святой IV в. **Амвросий Медиоланский** рассматривал справедливость в качестве основной христианской добродетели, разделяя ее на «справедливость в собственном смысле» и «благотворительность» («щедрость») ¹².

Идеи Аристотеля о справедливости и двух ее видах («распределительной и «уравнивающей»), в том числе и применительно к договорным отношениям, а также достижения в данной области правовой мысли Древнего Рима получили свое дальнейшее развитие и детальную проработку и в учении знаменитого средневекового мыслителя и католического богослова XIII в. **Фомы Аквинского**. (В 1567 г. Фома Аквинский был провозглашен важнейшим учителем Римской католической церкви.)

Именно на идеях Аристотеля основываются, например, рассуждения Ф. Аквинского о справедливой цене, о явных и скрытых недостатках товара, о взимании процентов по «человеческому праву», о передаче имущества на основании

⁷ Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 368.

⁸ См.: Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965.

⁹ Там же. С. 41, 42.

¹⁰ Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 373.

¹¹ См.: Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. С. 136.

¹² См.: Полдников Д.Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.). М., 2016. С. 79.

купли-продажи, займа, аренды, в залог и др. (Aquinas. Sth. II—I. q. 61. a.3)¹³.

По поводу значения *рецепции римского права* в утверждении принципа справедливости в праве континентальной Европы, в том числе в договорном праве, проф. В.В. Момотов в своей статье «Принципы справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правовых порядков» отмечает: «Принцип справедливости стал важной составляющей права государств континентальной Европы благодаря рецепции римского права, ведь именно в римском праве категория справедливости впервые была детально проработана и приобрела юридическое значение»¹⁴.

В учении Фомы Аквинского справедливость, которую он называет «правосудностью», выступает в качестве одной из *важнейших христианских добродетелей*. Во второй части второй части (Secunda secundae) своей знаменитой работы «Сумма теологии» он пишет: «Нам известны четыре главные добродетели, а именно умеренность [или благоразумие], справедливость [или правосудность], рассудительность и мужество». Причем, подобно Августину, указанные четыре добродетели Фома Аквинский рассматривает в качестве «различных движений христианской любви». Он отмечает: «Все нравственные добродетели всеяны [в нас] вместе с любовью... Очевидно, что любовь, которая определяет человека к его конечной цели, является началом всех имеющих непосредственное отношение к его конечной цели добрых дел. Поэтому все нравственные добродетели необходимо должны быть всеяны вместе с любовью — ведь именно благодаря им человек может исполнять различные виды добрых дел... Весь Закон исполняется посредством любви, о чем читаем: “Любящий другого исполнил Закон” (Рим. 13:8)» (II—II, 61, 62)¹⁵.

Развивая учение Аристотеля о справедливости, в обосновании ее деления на «распределительную» и «уравнивающую» (компенсаторную) Фома Аквинский указывает: «Частная справедливость упорядочивает (отношения) некоего отдельного лица, которое относится к сообществу как часть к целому. Упорядочивать же часть можно двояко. Во-первых, часть к части, что напоминает соотношение двух частных лиц. Это соотношение регулирует компенсаторная справедливость, которая заключается в том, что стороны делают друг для друга. Другое соотношение касается целого к части, которому соответствует порядок соотношения общего

к отдельным лицам. Это соотношение регулирует распределительная справедливость, то есть пропорциональное распределение общего. Таким образом, существуют два вида справедливости: компенсаторная и распределительная»¹⁶.

В отличие от «щедрости», выражающейся, согласно учению Аристотеля, прежде всего в передаче «того, что следует, тому, кому следует», «компенсаторная справедливость» в договорных отношениях, по мнению Фомы Аквинского, предполагает *равноценный обмен*. Таким образом, нарушением «уравнивающей», или «компенсаторной», справедливости станет, например, продажа или передача вещи контрагенту по заведомо завышенной цене или под проценты¹⁷.

Раскрывая содержание «уравнивающей (компенсаторной) справедливости» (которую он также называет «правосудностью»), Фома Аквинский видит в ней «некоторую правильность ума, благодаря которой человек во всех случаях делает то, что должно». Стремясь определить место «справедливости» в качестве основной добродетели, направленной на отношение к ближнему¹⁸, он приводит следующий диспут: «Кажется, что правосудность не главенствует над нравственными добродетелями. В самом деле, лучше отдать кому-то свое, нежели оплатить то, что должно. Но первое принадлежит щедрости, а второе — правосудности». Тем не менее, по мнению Фомы Аквинского, любой «акт щедрости должен основываться на акте правосудности [справедливости], поскольку «щедрость называется именно при возможности распоряжаться своим добром», поэтому «без правосудности, различающей “мое” и “твое”, щедрость невозможна, тогда как правосудность может существовать и без щедрости». «Следовательно, — как далее отмечает Фома Аквинский, — правосудность [справедливость] больше щедрости просто, поскольку она является главной и более универсальной [добродетелью], в то время как щедрость более относительна, поскольку она украшает и дополняет правосудность» (II—II, 61, 62).

В «Сумме теологии» Фомы Аквинского не только содержатся общие рассуждения о добродетели справедливости (правосудности) и ее отличиях от других видов христианских добродетелей, но и предпринимается попытка применить данное понятие к конкретным видам договоров, и прежде

¹³ См.: Полдников Д. Ю. Фома Аквинский как теоретик договорного права // История государства и права. 2011. № 11. С. 25.

¹⁴ Момотов В. В. Указ. соч. С. 36.

¹⁵ Фома Аквинский. Сумма теологии. URL: <http://librebook.me>

¹⁶ Цит. по: Полдников Д. Ю. Фома Аквинский как теоретик договорного права // История государства и права. С. 25.

¹⁷ См.: там же.

¹⁸ «В самом деле, из уже ранее сказанного (62, 1, 2, 3) очевидно, что теологические добродетели направляют человека к Богу, умеренность и мужество — к себе, а справедливость [или правосудность] — к ближнему» (см.: Фома Аквинский. Указ. соч. II—II).

всего к договорам купли-продажи и займа. Так, представленный во второй части второй части данного произведения *диалог 77* носит название «*О совершаемых при купле-продаже грехах [и в первую очередь] об имеющем место при купле-продаже мошенничестве*» («*De fraudulentia quae committitur in emptionibus et venditionibus*»); *диалог 78* называется «*О грехах, совершаемых при ссудах [а именно] о грехе ростовщичества*» («*De pecato usurae*»).

В самом начале диалога 77 Фома Аквинский ставит вопрос: «*Законно ли продавать вещь дороже ее стоимости?*» И отвечает на него следующим образом: «Прибегать к уловкам ради продажи вещи дороже ее стоимости в целом является греховным, поскольку обман ближнего означает причинение ему ущерба». Но даже отходя от проблемы обмана, Фома Аквинский отмечает: «То, что существует ради общей выгоды, не должно быть для одной стороны более обременительным, чем для другой, и поэтому все заключенные между ними договоры должны соблюдать равенство между [обмениваемыми] вещами. Поэтому если стоимость превышает ценность вещи или, напротив, [ценность] вещи превышает стоимость, то налицо нарушение равенства правосудности¹⁹, и, следовательно, продавать вещь дороже ее стоимости или покупать ее дешевле ее стоимости само по себе является несправедливым [несправедливым] и незаконным» (II–II, 77).

Будучи богословом, Фома Аквинский обращает внимание на данный аспект купли-продажи, поскольку видит здесь возможность для греха, так как, по его мнению, «человеческий закон не в силах запретить все, что противно добродетели», в то время как «Божественный Закон не оставляет безнаказанным ничего, что противно добродетели». «Поэтому согласно Божественному Закону [любое] нарушение равенства правосудности [справедливости] при купле-продаже считается незаконным, и тот, кто получил больше, чем должно, обязан возместить тому, кто понес убыток, если этот убыток является хоть сколько-нибудь значительным».

Рассматривая возможные нарушения добродетели и принципа справедливости в договорах купли-продажи в диалоге 77, Фома Аквинский ставит также следующий вопрос: «*Можно ли считать незаконной продажу в том случае, если в проданной вещи обнаруживается тот или иной дефект?*» Отвечая на него, он выделяет *три вида дефектов* товара (предмета купли-продажи): 1. Дефект, относящийся к субстанции вещи; 2. Дефект, который выражается в количестве; и наконец, 3. Дефект, который относится к качеству вещи.

¹⁹ Этим термином Фома Аквинский обозначает «справедливость».

При первом дефекте — *дефекте, относящемся к субстанции вещи*, — «если продавец знает о нем, то он виновен в мошенничестве при продаже, и потому эта продажа представляется незаконной». (Здесь Фома Аквинский ссылается на текст Ветхого Завета, где говорится: «Серебро твое стало изгарью, вино твое испорчено водою» (Ис. 1, 22), т.е. повреждена сама субстанция вещи.)

При *дефекте товара, относящемся к количеству*, «поскольку если кто-либо при продаже сознательно использует неправильную меру, то он виновен в мошенничестве, а продажа считается незаконной». (Здесь Фома Аквинский также дает ссылки на Священное Писание: «В кисе твоей не должны быть двоякие гири (большие и меньшие), в доме твоем не должна быть двоякая ефа (большая и меньшая)» (Втор. 25, 13, 14) и «Мерзок пред Господом... всякий, делающий неправду» (Втор. 25, 16)).

По поводу количественной характеристики продаваемых товаров Фома Аквинский также отмечает, что «поскольку меры ходовых товаров в разных местах необходимо должны различаться, <...> в каждом конкретном месте правитель должен устанавливать правильные меры ходовых вещей с учетом всех обстоятельств времени и места. <...> Следовательно, пренебрегать такими мерами незаконно постольку, поскольку они установлены общественной властью или обычаем» (II–II, 77).

Наконец, *третий дефект* может быть связан с *качеством вещи*, когда кто-нибудь, например, продает больное животное, выдавая его за здоровое. По мнению Фомы Аквинского, если он делает это сознательно, «то он виновен в мошенничестве при продаже, вследствие чего продажа является незаконной».

Фома Аквинский отмечает, что во всех вышеуказанных случаях продавец не только виновен в мошенничестве при продаже, но и должен компенсировать ее стоимость потерпевшей стороне. Однако, «если продавец не знал о том, что в проданной им вещи присутствует один из вышеперечисленных изъянов, то он не совершил греха... Тем не менее, узнав об изъяне, он [тут же] обязан воздать покупателю». Те же самые требования Фома Аквинский предъявляет и *к покупателю*: «В самом деле, подчас случается так, что продавец по незнанию занижает цену своих товаров, как когда человек продает золото вместо меди, и если покупателю об этом известно, то его покупка является несправедливой [несправедливой] и он обязан воздать [возместить продавцу разницу в цене], и то же самое можно сказать об изъянах со стороны количества и качества» (II–II, 77).

В диалоге 77, рассуждая о принципе справедливости в договоре купли-продажи, Фома Аквинский

ставит также вопрос: «Обязан ли продавец сообщать [покупателю] об изъянах продаваемой вещи?»

С одной стороны, Фома Аквинский отмечает: «Что может быть нелепее ситуации, когда продающий свой товар на улице продавец кричит “Спешите! Продается хромая лошадь!”» Тем не менее далее он ссылается на суждение Амвросия Медиоланского о том, что «при заключении договоров надлежит указывать все изъяны предложенных к продаже товаров, а если продавец сообщает о них после приобретения покупателем соответствующих прав, то договор должен быть аннулирован по причине открывшегося мошенничества».

Раскрывая и детализируя данное положение, Фома Аквинский говорит: «Делать то, что может подвергнуть другого [человека] опасности или причинить ему ущерб, незаконно всегда... Но продающий товар с изъяном продавец делает то, что может подвергнуть покупателя опасности или причинить ему ущерб... Поэтому если такого рода изъяны неочевидны [т.е. не могут быть обнаружены покупателем при осмотре] и продавец не сообщает о них, то продажа является незаконной и мошеннической и продавец обязан возместить причиненный ею ущерб». Однако если «изъян очевиден, например, если лошадь одноглазая, или если товар, оказавшись бесполезным для покупателя, тем не менее может принести пользу кому-то другому, и если при этом продавец получает за него справедливую цену, то он не обязан сообщать об изъяне...» (II—II, 77).

Суммируя все вышесказанное по поводу возможных дефектов товаров в договорах купли-продажи, Фома Аквинский делает следующий вывод, с которым нельзя не согласиться: «Нет никакой необходимости в том, чтобы уличный зазывала заранее оповещал всех об изъянах предлагаемого к продаже товара. В самом деле, если бы он начинал [зывать] с перечисления этих изъянов, то этим бы отпугивал покупателей, еще не знающих о других качествах [товара], благодаря которым эта вещь может быть полезной и пригодной к использованию. О таких изъянах должно индивидуально сообщать тому, кто выявил намерение купить, и тогда он сможет сопоставить те и другие, хорошие и плохие стороны продаваемой вещи, поскольку ничто не препятствует тому, чтобы являющееся дефектным в одном отношении могло оказаться полезным во многих других» (II—II, 77).

Таким образом, во второй части второй части (*Secunda secundae*) своей работы «Сумма теологии», основываясь на Священном Писании, этическом учении Аристотеля и Отцов христианской Церкви, Фома Аквинский не только дает более глубокое обоснование понятия справедливости и ее деления на «распределительную» и «уравнивающую» (компенсаторную), но и развивает его применительно к конкретным видам частноправовых договоров, и прежде

всего к договору купли-продажи. По мнению проф. Д.Ю. Полдникова, с которым вполне можно согласиться, «именно томистская интерпретация этики отношений обмена значительно приблизила ее применение к договорному праву по сравнению с первоначальным замыслом Аристотеля»²⁰.

Другая проблема, связанная с реализацией понятия «справедливого» договора, которая интересовала не только Фому Аквинского, но и многих других теологов, а также правоведов-канонистов того времени, была связана с *вопросом возможности взимания процентов при заключении сделок в торговом обороте (usura)*, и прежде всего при договоре займа.

Данный вопрос теснейшим образом был связан с проблемой совершения греха «лихоимства», строго осуждаемого католической церковью. Согласно Декрету Грациана, уже в XII в. лежащему в основе канонического права, «все, чего требуют сверх основной суммы — это ростовщичество (*quicquid ultra sortem exigitur usura est*)»²¹.

Западноевропейские средневековые трактаты XII—XIII вв. изобилуют рассуждениями о «грехе», в том числе о грехе наживы или лихоимства, показывая страшные картины загробных мучений ростовщиков, поскольку «ростовщик — враг Бога и природы, посягающий на все законы и самое время. Все, с чем он соприкасается, заражено его греховностью... Ростовщик — слуга дьявола. Земное благополучие ростовщиков обманчиво. Зарабатывая все новые деньги, они только копят проклятье для своей души...»²².

В одном из французских трактатов XIII в. говорилось о том, что «ростовщичество» как дерзкое и неприкрытое нарушение важнейших христианских заповедей о «любви к Богу и к ближнему» «противоречит божественному праву, естественному праву и позитивному праву», поэтому оно враждебно Богу, природе и человеку. Грех ростовщичества и получения любой другого вида «наживы» (*usura*) в средневековой Западной Европе считался чрезвычайно тяжким и трудно искупаемым, потому что, по мнению средневековых теологов, «нет другого греха, который когда-нибудь

²⁰ Полдников Д. Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII—XVI вв.). С. 99.

²¹ Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги. Очерк исторической антропологии. СПб., 2010. С. 84, 85.

²² Часто на западных порталах европейских церквей, где обычно была изображена сцена Страшного суда и загробных мучений грешников, прихожане могли довольно просто найти фигуру ростовщика и отличить его от других грешников по большому кошельку с деньгами, висящему у него на шее. Возвращение всех накопленных ростовщиком денег тем, с кого он взыскивал проценты, считалось единственным средством искупления его греха (см.: Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Ехемпла XIII века). М., 1989. С. 207—215).

не отдыхал: прелюбодеи, развратники, убийцы, лжесвидетели, богохульники устают от своих грехов, между тем как ростовщичество действует непрерывно. Даже когда сам ростовщик спит, его дело бодрствует, и он продолжает получать наживу. Господь заповедал добывать хлеб насущный в поте лица, тогда как ростовщик наживается, не трудясь, и тем самым идет против Бога»²³.

Фома Аквинский в своей «Сумме теологии», непосредственно цитируя Августина, прямо указывает: «грех — это воля к тому, чтобы сохранить или получить нечто против справедливости» (II—II, 72).

Вопросу взимания ростовщических процентов по договорам займа в «Сумме теологии» Фомы Аквинского посвящен отдельный диалог 78, который так и называется «О грехах, совершаемых при ссудах, а именно о грехе ростовщичества».

Ставя вопрос «грешно ли получать ростовщический процент за ссуженные деньги?», Фома Аквинский отвечает на него утвердительно. При этом он делает ссылку на Священное Писание, где прямо сказано: «Если даешь займы бедному из народа Моего, то не притесняй его и не налагай на него роста» (Исх. 22, 25). Далее он отмечает, что «брать ростовщический процент за данные займы деньги несправедливо само по себе, поскольку это означает продавать то, чего не существует, что, со своей стороны, приводит к неравенству, которое противно правосудности [справедливости]» (II—II, 78). Тем не менее взимание процентов при заключении сделок — обычная и широко распространенная практика средневековой европейской торговли в эпоху развитого Средневековья. Так, в знаменитом своей активной торговлей г. Брюгге (Фландрия) современники выделяли *три вида ростовщиков*. Первых называли «ломбардцами» (т.е. итальянцами) или «кагорцами» (поскольку Италия и французский г. Кагор выступали изначально главными центрами международных займов). Это были ростовщики, дающие деньги под залог, причем их деятельность была гораздо более масштабной, чем деятельность евреев-ростовщиков, дающих деньги под проценты. Следующий вид европейских ростовщиков — *лица, занимающиеся обменом денег* ввиду существования в Средние века множества различных денежных систем. Наконец, третьим видом ростовщиков являлись «маклеры» или «камбисты»²⁴, под которыми понимались купцы, занимающиеся банковскими

и вексельными сделками или посредничеством при их заключении»²⁵.

Как отмечает известный французский историк-медиевист Ж. Эрс в своей работе «Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты», понятие «банк», появившееся во Франции только в XVII в., а в Италии еще позднее, «своим происхождением обязано скамьям (banc), какие на ярмарке, на городской площади или в порту ставили менялы — не только умелые торговцы золотом и серебром, драгоценностями и монетами, но еще и займодавцы»²⁶.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением Г. Бермана: «Перед нами встает поразительный парадокс: говорят, что “spiritus capitalisticus” (слова Пиренна) появился в то время, когда господствующая система убеждений делала наибольший акцент на мистических и аскетических сторонах жизни и на наградах и наказаниях после смерти, <...> а коммерция при этом процветала»²⁷.

Ответ на это состоит в том, что, как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным, католическая церковь «была убеждена в возможности примирить коммерческую деятельность с христианской жизнью», что «в целом западная церковь конца XI—XII в. не только не осуждала деньги или богатство как таковые, а даже приветствовала стремление к ним, при условии, что это стремление преследовало бы определенную цель и соответствовало определенным принципам»²⁸. Просто «тем, кто занимался коммерческими делами, следовало вести свою мирскую деятельность так, чтобы они были спасены от греха алчности». То есть «купцам следовало объединяться в гильдии... и поддерживать нормы нравственности в торговых сделках»²⁹.

Ярким примером данного тезиса является учение о справедливости в договорных отношениях в трудах испанских канонистов XVI в. (т.н. поздних, или вторых схоластов) — представителей **саламанкской школы (Ф. де Витория, Ф. Суарес, Л. Лессий, Л. Де Молина, Д. де Сото и др.)**, где оно достигло своего наивысшего развития³⁰.

²³ См.: Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 113—115.

²⁶ Эрс Ж. Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты / пер. с франц. М.Ю. Некрасов. СПб., 2014. С. 7.

²⁷ Берман Г. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М., 1994. С. 318.

²⁸ Там же. С. 319.

²⁹ Там же. С. 320.

³⁰ Данных испанских правоведов называют «поздними», или «вторыми схоластами», потому что, вопреки новым, гуманистическим тенденциям, проявившимся в европейском праве в XVI в., они продолжали придерживаться старой, т.н. томистской

²³ Цит. по: Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 197.

²⁴ В средневековой Европе латинским термином *cambium* обозначали валютный обмен или вексель. Утвердившийся впоследствии, в том числе и в русском языке, термин «вексель» (*Wechsel*) также переводится с немецкого языка как «обмен».

Так, красной нитью через все учение знаменитого испанского второго схоласта, основателя саламанкской школы, доминиканца **Франциско де Витория (Francisco de Vitoria)** (1483–1546) проходит идея недопущения ростовщичества и любых других способов получения несправедливой выгоды за счет ближнего, «наживы» (*usura*) в гражданско-правовых и торгово-правовых договорах. Подобно Фоме Аквинскому и многим другим средневековым теологам и канонистам, Ф. де Витория рассматривает ростовщичество, а также любую другую подобную «наживу», в качестве яркого отступления от принципа справедливости в праве и одного из тягчайших грехов — греха лихоимства³¹.

Тем не менее новаторство идей Ф. де Витория проявилось в том, что он был очень хорошо осведомлен о происходивших в тот период бурных экономических процессах и активной торговой деятельности не только в Испании, но и в других европейских странах, и в своих трактатах о «добродетели» и «естественном порядке вещей» глубоко их анализировал, давал им оценку с точки зрения морально-нравственных установок католической церкви. Подробно рассматривая различные виды договоров (договор займа, договор о создании коммандитного товарищества, договор купли-продажи, в том числе в кредит, договор залога, договор страхования, вексельные сделки и др.), Ф. де Витория очень тонко проводит различие между проявлением греховной и в силу этого осуждаемой им «наживы» (*usura*), с одной стороны, и правомерно полученной прибылью средневековых торговцев — с другой.

Анализ учения Ф. де Витория о договорах позволяет сделать вывод о том, что в определенных случаях он допускает получение процентов и любого другого имущественного «приращения», дополнительных платежей в гражданско-правовых и торгово-правовых договорах: если они выступают в качестве своеобразной компенсации рисков (возможных убытков) в виде «амортизации» выданного капитала; либо если данный платеж является платой за оказанную услугу (за пользование вещью, за обмен одной валюты на другую, за транспортировку денег и оплату за товар в другой местности, и др.); либо если повышение цены товара (например, при купле-продаже в кредит) вызвано объективными обстоятельствами (ввиду отсутствия товара в данный момент в данной

местности или из-за необходимости доставки редкого товара и др.)³².

Благодаря своим глубоким и новаторским идеям в области права Ф. де Витория — этот мыслитель из Испании — смог опередить свое время. Так, проф. Д. Ю. Полдников называет его «великим юристом среди теологов»³³.

Идеи Ф. де Витория о «добродетели» и «справедливости», в том числе применительно к договорному праву, в частности его учение о «справедливой цене» в договорах купли-продажи, получили свое дальнейшее развитие в произведениях его последователей и учеников — **Ф. Суареса, Л. Лессия, Л. Де Молины, Д. де Сото** и др.³⁴

Они также нашли свое отражение в правовой доктрине и в источниках права Нового и Новейшего времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Берман Г.* Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. М., 1994. С. 318–320.
2. *Гуревич А. Я.* Культура и общество средневековой Европы глазами современников (Exempla XIII века). М., 1989. С. 197, 207–215.
3. *Дюги Л.* Общие преобразования гражданского права со времени Кодекса Наполеона // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 3. Европа. Америка XVII–XX вв. / рук. проекта Г. Ю. Семигин. М., 1999. С. 584.
4. *Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги. Очерк исторической антропологии. СПб., 2010. С. 84, 85, 113–115.
5. *Лысенко О. Л.* К вопросу о принципе справедливости в римском праве // Государство и право. 2023. № 4. С. 202–205.
6. *Лысенко О. Л.* Понятие «справедливого» договора в праве Древнего мира // ЭНОЖ «История». 2024. Вып. 4 (138). Т. 15.
7. *Мальцев Г. В.* Культурные традиции права. М., 2013. С. 368, 373.
8. *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001. С. 22.
9. *Момотов В. В.* Принципы справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правопорядков // Росс. правосудие. 2018. № 1 (141). С. 36, 38, 90.
10. *Полдников Д. Ю.* Договорные теории классического *ius commune* (XIII–XVI вв.). М., 2011. С. 343–345.

(т.е. основанной на произведениях Фомы Аквинского) и «схоластической» традиции (см.: *Wieacker F.* *Privatrechtsgeschichte der Neuzeit.* Göttingen, 1967. S. 284, 285).

³¹ См.: *Otte G.* *Das Privatrecht bei Francisco de Vitoria.* Köln, 1964. S. 102.

³² См.: *Otte G.* *Op. cit.* S. 102–117.

³³ *Полдников Д. Ю.* Договорные теории классического *ius commune* (XIII–XVI вв.). М., 2011. С. 343.

³⁴ Там же. С. 344, 345.

11. Полдников Д. Ю. Фома Аквинский как теоретик договорного права // История государства и права. 2011. № 11. С. 25.
12. Полдников Д. Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы (XII–XVI вв.). М., 2016. С. 79, 99.
13. Савельев В. А. Справедливость (aequitas) и добросовестность (bona fides) в римском праве классического периода // Государство и право. 2014. № 3. С. 63–65.
14. Фома Аквинский. Сумма теологии. URL: <http://librebook.me>
15. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права / пер. с нем.: в 2 т. М., 1998. С. 16. Т. 2.
16. Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М., 1965. С. 41, 42, 136.
17. Эрс Ж. Рождение капитализма в средние века: менялы, ростовщики и крупные финансисты / пер. с франц. М. Ю. Некрасов. СПб., 2014. С. 7.
18. Otte G. Das Privatrecht bei Francisco de Vitoria. Köln, 1964. S. 102–117.
19. Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. Göttingen, 1967. S. 284, 285.
5. Lysenko O. L. On the question of the principle of justice in Roman law // State and Law. 2023. No. 4. Pp. 202–205 (in Russ.).
6. Lysenko O. L. The concept of a “fair” contract in the law of the Ancient World // ENOJ “Istoriya”. 2024. Iss. 4 (138). Vol. 15 (in Russ.).
7. Maltsev G. V. Cultural traditions of law. M., 2013. Pp. 368, 373 (in Russ.).
8. Medvedev I. P. The legal culture of the Byzantine Empire. SPb., 2001. P. 22 (in Russ.).
9. Momotov V. V. Principles of justice and expediency in the institutions of English-American and Continental European legal systems // Russ. Justice. 2018. No. 1 (141). Pp. 36, 38, 90 (in Russ.).
10. Poldnikov D. Yu. Contractual theories of the classical ius commune (XIII–XVI centuries). M., 2011. Pp. 343–345 (in Russ.).
11. Poldnikov D. Yu. Thomas Aquinas as a theorist of Contract Law // History of the State and Law. 2011 No. 11. P. 25 (in Russ.).
12. Poldnikov D. Yu. Formation of the doctrine of contract in the legal science of Western Europe (XII–XVI centuries). M., 2016. Pp. 79, 99 (in Russ.).
13. Savelyev V. A. Justice (aequitas) and good faith (bona fides) in the Roman law of the classical period // State and Law. 2014. No. 3. Pp. 63–65 (in Russ.).
14. Thomas Aquinas. The sum of theology. URL: <http://librebook.me> (in Russ.).
15. Zweigert K., Ketz H. Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law / transl. from German: in 2 vols. M., 1998. P. 16. Vol. 2 (in Russ.).
16. Eclogue. The Byzantine legislative code of the VIII century / intro art., transl., comment. E. E. Lipshits. M., 1965. Pp. 41, 42, 136 (in Russ.).
17. Ers J. The birth of capitalism in the Middle Ages: Money changers, Moneylenders and Big Financiers / transl. from French by M. Yu. Nekrasov. SPb., 2014. P. 7 (in Russ.).
18. Otte G. Das Privatrecht bei Francisco de Vitoria. Köln, 1964. S. 102–117.
19. Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. Göttingen, 1967. S. 284, 285.

REFERENCES

1. Berman G. The Western tradition of law: the epoch of formation / transl. from English. M., 1994. Pp. 318–320 (in Russ.).
2. Gurevich A. Ya. Culture and society of medieval Europe through the eyes of contemporaries (Exempla of the XIII century). M., 1989. Pp. 197, 207–215 (in Russ.).
3. Dugi L. General transformations of Civil Law from the time of the Napoleonic Code // Anthology of World Legal Thought: in 5 vols. Vol. 3. Europe. America of the XVII–XX centuries / head of project G. Yu. Semigin. M., 1999. P. 584 (in Russ.).
4. Le Goff J. The Middle Ages and money. An essay on historical anthropology. SPb., 2010. Pp. 84, 85, 113–115 (in Russ.).
5. Lysenko O. L. On the question of the principle of justice in Roman law // State and Law. 2023. No. 4. Pp. 202–205 (in Russ.).
6. Lysenko O. L. The concept of a “fair” contract in the law of the Ancient World // ENOJ “Istoriya”. 2024. Iss. 4 (138). Vol. 15 (in Russ.).
7. Maltsev G. V. Cultural traditions of law. M., 2013. Pp. 368, 373 (in Russ.).
8. Medvedev I. P. The legal culture of the Byzantine Empire. SPb., 2001. P. 22 (in Russ.).
9. Momotov V. V. Principles of justice and expediency in the institutions of English-American and Continental European legal systems // Russ. Justice. 2018. No. 1 (141). Pp. 36, 38, 90 (in Russ.).
10. Poldnikov D. Yu. Contractual theories of the classical ius commune (XIII–XVI centuries). M., 2011. Pp. 343–345 (in Russ.).
11. Poldnikov D. Yu. Thomas Aquinas as a theorist of Contract Law // History of the State and Law. 2011 No. 11. P. 25 (in Russ.).
12. Poldnikov D. Yu. Formation of the doctrine of contract in the legal science of Western Europe (XII–XVI centuries). M., 2016. Pp. 79, 99 (in Russ.).
13. Savelyev V. A. Justice (aequitas) and good faith (bona fides) in the Roman law of the classical period // State and Law. 2014. No. 3. Pp. 63–65 (in Russ.).
14. Thomas Aquinas. The sum of theology. URL: <http://librebook.me> (in Russ.).
15. Zweigert K., Ketz H. Introduction to comparative jurisprudence in the field of private law / transl. from German: in 2 vols. M., 1998. P. 16. Vol. 2 (in Russ.).
16. Eclogue. The Byzantine legislative code of the VIII century / intro art., transl., comment. E. E. Lipshits. M., 1965. Pp. 41, 42, 136 (in Russ.).
17. Ers J. The birth of capitalism in the Middle Ages: Money changers, Moneylenders and Big Financiers / transl. from French by M. Yu. Nekrasov. SPb., 2014. P. 7 (in Russ.).
18. Otte G. Das Privatrecht bei Francisco de Vitoria. Köln, 1964. S. 102–117.
19. Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. Göttingen, 1967. S. 284, 285.

Сведения об авторе

ЛЫСЕНКО Ольга Леоновна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; 119234 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13

Authors' information

LYSENKO Olga L. — PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; 1, bld. 13 Leninskie Gory, 119234 Moscow, Russia

УДК 349

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВО / под ред. Э.С. Антунеша и др.
Изд-во Springer Nature, 2024. – 456 с.**

© 2025 г. И. Р. Бегисhev^{1, *}, И. А. Филипова^{2, **}

¹Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова

²Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

*E-mail: begishev@mail.ru

**E-mail: irinafilipova@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.08.2025 г.

Аннотация. В рецензии проведен обзорный анализ монографии, подготовленной коллективом ученых, которые несколько лет трудились, изучая взаимное влияние технологий искусственного интеллекта и материи права. Авторами монографии рассмотрен широкий круг вопросов, входящих в исследуемую область, выделены основные проблемные зоны и предложены пути решения проблем с учетом возможностей междисциплинарного подхода. Монография включает три раздела, каждый из которых посвящен определенному блоку вопросов. Первый раздел касается наиболее общих вопросов, в том числе имеющих лишь косвенное отношение к праву. Во втором разделе обозначены основные этические и правовые проблемы, связанные с использованием искусственного интеллекта. Третий раздел содержит результаты исследований, непосредственно относящихся к созданию правового регулирования в исследуемой области. Итоги работы авторского коллектива заслуживают внимания правоведов, интересующихся проблематикой правового регулирования в сфере искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, общество, междисциплинарность, опережающее управление, правовое регулирование.

Цитирование: Бегисhev И.Р., Филипова И.А. Междисциплинарные взгляды на искусственный интеллект и право / под ред. Э.С. Антунеша и др. Изд-во Springer Nature, 2024 // Государство и право. 2025. № 11. С. 229–234.

DOI: 10.7868/S3034543X25110191

**MULTIDISCIPLINARY PERSPECTIVES ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE
AND THE LAW / ed. by H.S. Antunes et al.
Springer Publishing, 2024. – 456 pp.**

© 2025 I. R. Begishev^{1, *}, I. A. Filipova^{2, **}

¹Timiryasov Kazan Innovative University

²Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

*E-mail: begishev@mail.ru

**E-mail: irinafilipova@yandex.ru

Received 21.08.2025

Abstract. The review provides an overview analysis of the monograph prepared by a team of scientists who have worked for several years studying the mutual influence of artificial intelligence technologies and the matter of law. The authors of the monograph examined a wide range of issues within the area under study, identified the main problem areas, and proposed solutions to problems taking into account the possibilities of an interdisciplinary approach. The monograph includes three sections, each of which is devoted to a specific block of issues. The first section concerns the most general issues, including those that are only indirectly related to law. The second section identifies the main ethical and legal problems associated with the use of artificial intelligence. The third section includes the results of research directly related to the formation of legal regulation in the area under study. Familiarization with the results of the authors' work is of interest to legal scholars interested in the problems of legal regulation in the field of artificial intelligence.

Key words: artificial intelligence, society, interdisciplinarity, anticipatory governance, legal regulation.

For citation: Begishev, I.R., Filipova, I.A. (2025). Multidisciplinary perspectives on artificial intelligence and the law / ed. by H.S. Antunes et al. Springer Publishing, 2024 // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 11, pp. 229–234.

Монография, редакторами которой выступили ряд ученых из Португалии и один из Великобритании, стала результатом коллективного труда исследовательской группы «Право и искусственный интеллект», несколько лет назад созданной в Португальском католическом университете («католический» здесь не следует понимать буквально, как имеющий отношение к католической церкви, в странах Западной Европы и особенно в государствах Латинской Америки к наименованию многих вузов добавлено словосочетание «папский католический» либо просто «католический» университет). В данном университете функционирует исследовательский центр по вопросам будущего права, и в качестве одной из основных задач центра заявлено ведение «непрерывного научного диалога между учеными с различным опытом и интересами в области права, информатики, нейронауки и этики»¹. Совместное руководство деятельностью созданной при центре специализированной научной группы ученого-юриста Э.С. Антунеша из Португальского католического университета и исследователя в области цифровых технологий, проф. А. Оливейры из Лиссабонского университета стимулировало развитие междисциплинарных исследований, проводимых этой исследовательской группой.

Следует отметить, что Португалия в последнее десятилетие успешно реализует инициативу по превращению в один из крупнейших технологических хабов Европы, демонстрируя впечатляющий рост стартапов в области искусственного интеллекта и приток инвестиций для создания необходимой инфраструктуры, что не могло не отразиться на научных исследованиях, проводимых с участием португальских правоведов. К работе над книгой подключились не только члены исследовательской группы и ученые из ведущих португальских университетов, но также ряд сторонних

авторов, являющихся авторитетными иностранными специалистами, в числе которых создатель одного из первых трудов по «праву роботов» У. Палло² из Туринского университета. Формирование авторского коллектива путем объединения исследователей из разных университетов, стран и областей науки позволило расширить охват темы за счет анализа различных граней, некоторые из которых, к сожалению, мало знакомы юристам. Это отличает указанную книгу от исследований, проводимых учеными индивидуально, когда автор имеет возможность изложить свои взгляды более цельно и последовательно, но не в состоянии так широко охватить тему. В качестве сравнения можно соотнести рассматриваемую коллективную монографию с недавними работами П. Ксежака³, Э. Свана⁴ или М.С. Дэвиса⁵, близкими к ней по тематической направленности.

Монография включает три раздела, каждый из которых содержит ряд статей, посвященных определенному кругу вопросов, но в рамках блока, очерченного наименованием соответствующего раздела. Первый из трех разделов книги объединяет материалы наиболее широкого спектра, так как заявленная в его наименовании тема касается общенаучных, технологических и социальных достижений в сфере искусственного интеллекта. Результаты исследований, собранные в данном разделе, позволяют оценить направление и силу воздействия технологий искусственного интеллекта на общество и связанные с этим проблемы

² См.: Pagallo U. The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts (Law, Governance and Technology Series). Springer Science & Business Media, 2013.

³ См.: Księżak P. Artificial Intelligence and the Dawn of Cyborg Law: Key Legal Challenges for Private Law in the Era of Human Augmentation. Allerhand Publishing, 2024.

⁴ См.: Swan E. Artificial Intelligence Law. Kluwer Law International, 2024.

⁵ См.: Davies M.S. Artificial Intelligence: Law & Litigation. Lexis Nexis, 2023.

¹ Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law / ed. by H.S. Antunes et al. Law, Governance and Technology Series. Vol. 58. Cham: Springer, 2024. — 456 pp. P. V.

правового характера. В открывающей раздел статье А.Л. Оливейры и М.А. Фигейредо освещаются история и предыстория развития искусственного интеллекта, представлен обзор аргументов за и против «разумности» машин с акцентом на возможности новых методов машинного обучения, прежде всего глубокого обучения, сделавшие искусственный интеллект главной технологией четвертой промышленной революции. С одной стороны, развитие технологий позволило использовать данные, извлекая из них экономическую выгоду, что стало источником дохода для многих крупнейших компаний. С другой стороны, это запустило автоматизацию производства, замену людей машинами при выполнении растущего с каждым годом объема задач, подтолкнув к кардинальным социальным трансформациям.

Вероятным социальным последствиям от использования искусственного интеллекта на практике посвящена статья Ж. Гонсалвес-Са и Ф. Пиньейру, отмечающих распространение рекомендательных систем искусственного интеллекта, все чаще используемых для выявления закономерностей, сегментации профилей, прогнозирования поведения в бизнесе, здравоохранении и государственном управлении. Растущее взаимодействие человека с машиной влечет фундаментальные угрозы, связанные с изменением процессов принятия решений и трудностями в сохранении конфиденциальности с технической точки зрения. Продолжая эту тему, М. Коррейя и Л. Родригес указывают на наличие серьезных проблем в сфере безопасности и защиты данных при функционировании систем искусственного интеллекта, но также отмечают научные и технологические достижения, позволяющие рассчитывать на улучшение ситуации в дальнейшем. В двух оставшихся статьях первого раздела содержится обзор использования приложений на основе искусственного интеллекта в медицине и юриспруденции.

Принципиально новые возможности, открывшиеся человечеству с развитием искусственного интеллекта, вполне закономерно провоцируют желание направить все силы на извлечение максимальной пользы, внедряя «умные» машины повсеместно. Исходя из этого, во втором разделе книги упор сделан на иллюстрацию этических и правовых проблем, связанных с внедрением продуктов на основе искусственного интеллекта на практике. Авторами анализируются многочисленные риски, возникающие при распространении систем искусственного интеллекта. В качестве одной из главных проблем этического характера, упоминаемых М.П. Невешем и А.Б. де Альмейдой в статье, открывающей второй раздел, обозначено ожидаемое появление искусственных интеллектуальных систем с характеристиками, во всем превосходящими

человеческие. Это создает риск обрушения существующей модели социальных ценностей, постепенной девальвации возможностей человека с отступлением от общества свободного познания к «обществу, подчиняющемуся правилам, навязываемым технологиями неограниченных инноваций, оправдывая это оптимизацией рациональности и эффективности»⁶. По словам упомянутых выше исследователей, человечество рискует скатиться к удовольствиям от обретения технологических продуктов с иллюзорностью устранения всех проблем и к подчинению решениям, принимаемым искусственным интеллектом. В конечном счете это может довести до реализации знаменитого пророчества С. Хокинга о конце человеческой расы, сделанного в 2014 г. Избежать подобного исхода, по мнению авторов, поможет образование, особенно междисциплинарность академического обучения, позволяющая уберечься от ограничений узкой специализации, которые зачастую не оставляют возможности взглянуть на проблему более широко. Публичное обсуждение будущего регулирования в сфере искусственного интеллекта и иных цифровых технологий – еще один шаг вперед на пути к повышению шансов того, что сбудутся оптимистичные прогнозы, а не пессимистичные ожидания. С позицией М.П. Невеша и А.Б. де Альмейды согласны и другие члены авторского коллектива, в частности Э. Маграни и П.Г. да Силва, но последние дополнительно высказывают опасения, связанные с растущей информационной перегрузкой, интеллектуальным мониторингом и анализом персональных данных в целях прогнозирования предпочтений и дальнейшего поведения людей. По их мнению, при сохранении имеющейся степени непрозрачности в работе искусственного интеллекта, решение встающих перед человеческой цивилизацией проблем невозможно без комплексного межсекторального подхода на основе права, этики, экономики и ряда иных немаловажных составляющих.

Как известно, системы искусственного интеллекта могут иметь киберфизическую оболочку, это утверждение относится в первую очередь к интеллектуальным роботам. Именно соединение возможностей технологий искусственного интеллекта с достижениями робототехники способно, по словам П.У. Лимы и А. Пайвы, стать движущей силой предстоящих социальных изменений. Чтобы эти изменения способствовали интересам человечества и повышали уровень гуманности в социальных процессах, необходимо прочно опираться на законы робототехники, предложенные еще

⁶ *Neves M.P., de Almeida A.B. Before and Beyond Artificial Intelligence: Opportunities and Challenges // Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law / ed. by H.S. Antunes et al. P. 107.*

в 1939 г. «выдающимся российско-американским писателем»⁷ А. Азимовым. Техническое совершенствование интеллектуальных роботов все острее ставит перед людьми вопрос о потенциальной правосубъектности «продвинутых» систем искусственного интеллекта. По мнению Б.А. Рибейру, Х. Коэльо, А.Э. Феррейры и Ж. Бранкинью, в решении данного вопроса следует опираться на совокупный опыт философии, психологии, информатики и права, опять же вырабатывая общий междисциплинарный подход. Авторы предлагают исходить из дихотомии «объект — агент» в стремлении выяснить, к какой категории можно отнести искусственный интеллект. В данном ключе системы искусственного интеллекта, которые являются лишь инструментами, пусть и с определенной степенью автономии (слабый искусственный интеллект), могут быть отнесены исключительно к объектам. Агентные системы пока не достигли уровня сильного искусственного интеллекта, но в перспективе появление столь совершенных искусственных интеллектуальных систем не оставит обществу выбора: решать вопрос о правосубъектности или убрать его из повестки.

Оставшаяся часть второго раздела книги объединяет статьи, касающиеся возможностей использования искусственного интеллекта в медицинской сфере и сопутствующих этому рисков, устранение которых лежит не только в плоскости права, а требует привлечения биоэтики. Биоэтический фундамент необходим при разработке руководящих принципов, способных обеспечить непрерывный аудит процессов и предотвратить использование искусственных интеллектуальных систем в целях, противоречащих интересам человечества. Крайне важным это становится с появлением ИИ-врачей — систем искусственного интеллекта, в автономном режиме осуществляющих медицинскую диагностику, прогнозирование, принятие терапевтических решений, то есть выполняющих те действия, которые ранее были прерогативой лечащего врача, хотя «этические, нормативные и правовые режимы, регулирующие медицинскую практику и врачебную халатность, не предназначены для врачей, не являющихся людьми»⁸. Упоминая о недостатке прозрачности в применении искусственного интеллекта в медицинских целях, авторы выделяют следующие аспекты: непрозрачность из-за недостаточного понимания медицинским работником правил, применяемых системой искусственного интеллекта при прогнозировании и принятии решений; непрозрачность, обусловленная

отсутствием раскрытия информации врачом об использовании системы поддержки принятия решений медицинского характера; непрозрачность как следствие неудовлетворительного объяснения пациентам технологии, используемой для поддержки принятия решений. Две последние, по заключению авторов, требуют выработки новой модели согласия пациента, учитывающей использование искусственного интеллекта.

В третьем разделе книги сосредоточены результаты научных исследований, непосредственно относящиеся к правовому регулированию искусственного интеллекта. Открывает третий раздел статья одного из наиболее известных исследователей-юристов в сфере искусственного интеллекта и робототехники — профессора Туринского университета У. Пагалло. Анализируя европейское законодательство, У. Пагалло приходит к выводу, что несмотря на подготовку и принятие ряда актов европейского права, касающихся использования искусственного интеллекта, большее внимание в публичном пространстве уделяется броским формулировкам типа цифрового суверенитета, цифрового конституционализма, антропоцентрического подхода к искусственному интеллекту и т.д. Последнее способствует определенной мифологизации темы, в то время как многие реальные вопросы, как полагает У. Пагалло, по-прежнему остаются неразрешенными. Формируемое европейское законодательство об искусственном интеллекте рассматривается на предмет его соответствия потребностям современного общества и другими авторами коллективной монографии, в частности Ж.К. де Абреу, А. Келлером, К.М. Перейрой и М.Л. Пирешем.

Преобладающая часть проблем правового характера, упоминаемых авторами в третьем разделе книги, относится не к законодательному регулированию, а к отправлению правосудия. Так, Л.М. Перейра, Ф.К. Сантос и А.Б. Лопес обсуждают возможности использования агентных систем искусственного интеллекта для выработки судебного обоснования — аргументации, позволяющей суду прийти к вынесению судебного решения по конкретному делу. Еще одна грань использования искусственного интеллекта продемонстрирована В.Х. Грэветтом на примере внедрения искусственного интеллекта в систему уголовного правосудия. Речь идет об алгоритмической оценке вероятности рецидива преступления, опыт применения которой имеется в США. Анализируя использование интеллектуальных инструментов оценки рисков при вынесении судебного решения, автор выделяет два особо настораживающих его момента. Первым выступает склонность людей к чрезмерному оптимизму в принятии решений с помощью цифровых технологий. Вторым,

⁷ Lima P.U., Paiva A. Autonomous and Intelligent Robots: Social, Legal and Ethical Issues // *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law* / ed. by H.S. Antunes et al. P. 139.

⁸ Duffourc M.N., Giovanniello D.S. The Autonomous AI Physician: Medical Ethics and Legal Liability // *Ibid.* P. 207.

вытекающим из предыдущего, является принятие судьей рекомендаций автоматизированной системы и прекращение поиска подтверждающих доказательств, то есть фактическое перекалывание ответственности за принятие решения на машину⁹. На существование проблемы с использованием интеллектуальных инструментов по прогнозированию риска рецидива обращает внимание еще один член авторского коллектива — П. Г. Маркес, другие соавторы, среди которых Д. Дураес, П. М. Фрейтас и П. Новайс, отмечают, что проблема усугубляется распространением дипфейков, которые не всегда легко распознаются не только людьми, но и системами искусственного интеллекта.

Завершает третий раздел статья, подготовленная К. Йордановой и Н. Бертель, в которой резюмируются постепенно вырисовывающиеся перспективы развития правового регулирования в сфере искусственного интеллекта. Немаловажной здесь выступает опция введения экспериментальных правовых режимов — регуляторных песочниц, позволяющих протестировать применение технологий на практике, исключив при этом излишние административные барьеры. В результате упомянутого выше преимущества данный «довольно молодой подход к регулированию распространился на различные секторы и юрисдикции»¹⁰, получив, как следствие, весомые шансы на дальнейшее использование.

Представленное в монографии видение авторами траектории развития технологий и адекватного ей правового регулирования в сфере искусственного интеллекта базируется в основном на европейском опыте, что легко объяснить составом авторского коллектива и лидерованием Европейского Союза на пути создания комплексного правового регулирования в исследуемой области. Однако это не помешало при необходимости вставлять в текст отсылки и к опыту стран, расположенных за пределами европейского контура. Наиболее последовательно отстаиваемой на страницах книги идеей является акцентирование на необходимости проведения междисциплинарных по характеру исследований, позволяющих учесть моменты, которые недоступны специалистам, представляющим только одну какую-либо область.

* * *

В заключение следует отметить, что рецензируемая книга стала частью специальной серии «Право, управление и технологии» (“Law, Governance

and Technology”). Общими редакторами серии выступают авторитетные европейские ученые П. Казановас (Институт права Автономного университета Барселоны) и Дж. Сартор (Болонский университет, Европейский университетский институт во Флоренции). Указанная серия преследует цель преодоления разрыва между юридическими исследованиями и сферой цифровых технологий и включает публикации, определяющие направления новых междисциплинарных разработок, прежде всего в области права, искусственного интеллекта и нейротехнологий.

REFERENCES

1. *Davies M.S.* Artificial Intelligence: Law & Litigation. Lexis Nexis, 2023.
2. *Duffourc M.N., Giovanniello D.S.* The Autonomous AI Physician Medical Ethics and Legal Liability // *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law* / ed. by H.S. Antunes et al. Law, Governance and Technology Series. Vol. 58. Springer, 2024. P. 207.
3. *Gravett W.H.* Judicial Decision-Making in the Age of Artificial Intelligence // *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law* / ed. by H.S. Antunes et al. Law, Governance and Technology Series. Vol. 58. Springer, 2024. P. 281.
4. *Księżak P.* Artificial Intelligence and the Dawn of Cyborg Law: Key Legal Challenges for Private Law in the Era of Human Augmentation. Allerhand Publishing, 2024.
5. *Lima P.U., Paiva A.* Autonomous and Intelligent Robots: Social, Legal and Ethical Issues // *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law* / ed. by H.S. Antunes et al. Law, Governance and Technology Series. Vol. 58. Springer, 2024. P. 139.
6. *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law* / ed. by H.S. Antunes et al. Law, Governance and Technology Series. Vol. 58. Springer, 2024. P. V.
7. *Neves M.P., de Almeida A.B.* Before and Beyond Artificial Intelligence: Opportunities and Challenges // *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law* / ed. by H.S. Antunes et al. Law, Governance and Technology Series. Vol. 58. Springer, 2024. P. 107.
8. *Pagallo U.* The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts (Law, Governance and Technology Series). Springer Science & Business Media, 2013.
9. *Swan E.* Artificial Intelligence Law. Kluwer Law International, 2024.
10. *Yordanova K., Bertels N.* Regulating AI: Challenges and the Way Forward Through Regulatory Sandboxes // *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law* / ed. by H.S. Antunes et al. Law, Governance and Technology Series. Vol. 58. Springer, 2024. P. 441.

⁹ См.: *Gravett W.H.* Judicial Decision-Making in the Age of Artificial Intelligence // *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law*, ed. by H.S. Antunes et al. P. 281.

¹⁰ *Yordanova K., Bertels N.* Regulating AI: Challenges and the Way Forward Through Regulatory Sandboxes // *Ibid.* P. 441.

Сведения об авторах

БЕГИШЕВ Ильдар Рустамович —
доктор юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Республики Татарстан,
главный научный сотрудник
НИИ цифровых технологий и права;
профессор кафедры уголовного права
и процесса Казанского инновационного
университета им. В.Г. Тимирязова;
420111 г. Казань, ул. Московская, д. 42

ФИЛИПОВА Ирина Анатольевна —
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры трудового
и экологического права
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского;
603022 г. Нижний Новгород,
проспект Гагарина, д. 23

Authors' information

BEGISHEV Ildar R. —
Doctor of Law, Associate Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan,
Chief Researcher, Research Institute of Digital
Technologies and Law;
Professor, Department
of Criminal Law and Process,
Timiryasov Kazan Innovative University;
42 Moskovskaya str., 420111 Kazan, Russia

FILIPOVA Irina A. —
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Labor and Environmental Law,
National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod;
23 Gagarin Ave., 603022 Nizhny Novgorod, Russia

ПОРЯДОК НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ГОСУДАРСТВО И ПРАВО»

Уважаемые авторы!

Статья должна иметь убедительные доказательства, подтверждающие умозаключения автора; обладать новизной; представлять интерес не только для ученых данной области, но и для исследователей других родственных дисциплин.

Редакционная коллегия и редакция журнала «Государство и право» рассматривают статьи, объем которых не превышает 20 страниц (1 п.л., или около 40 тыс. знаков). По согласованию с руководством журнала статьи могут быть приняты и большего объема.

В отдельном файле размещаются сведения об авторе:

фамилия, имя, отчество автора (соавтора) полностью;

ученая степень или научное звание (если имеются);

должность;

место работы или учебы (с полным указанием наименования учреждения или вуза и его адреса);

контактная информация (адрес, телефон, e-mail).

Автором должно быть отмечено, что статья предназначена для журнала «Государство и право». К рассмотрению не принимаются материалы, направленные в несколько изданий, в случае выявления факта направления рукописи в другие издания в дальнейшем материалы автора не будут приниматься к рассмотрению.

Статьи, поступившие от студентов, магистрантов, аспирантов, а также авторов без ученой степени, не регистрируются и не рассматриваются.

Плата за публикацию статей в журнале не взимается.

Рукописи не возвращаются.

Напоминаем требования к оформлению статей, представляемых для опубликования:

1. Формат текста:

стиль – Times New Roman;

междустрочный интервал – 1.5;

размер шрифта текста – 14, сноска – 10.

Поля страницы: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1 см.

2. Образец оформления “шапки” статьи, в том числе рецензии, обзора и т.п.

3. Аннотация – не менее 65 слов, ключевые слова – 10 (междустрочный интервал – 1.0, размер шрифта – 12).

4. Обращаем внимание на кавычки – «...». Если фраза или слово внутри цитаты, то следует оформлять так: «...“...”...».

5. Нумерация сносок **постраничная, сквозная**.

6. Страницы должны быть **пронумерованы**.

7. Объем статьи не должен превышать 20 страниц, информации о научных конференциях – 25, научного сообщения – 12, рецензии – 8 страниц.

8. Автор в конце статьи должен указать, что текст статьи (цитаты, цифры, сноски) вычитан и сверен. За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы.

9. Автор перед отправкой рукописи в журнал должен тщательно проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

10. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff, eps**. Не желательно использовать файлы в формате jpg. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы). При дальнейшем масштабировании изображений более чем на 20% разрешение сканирования увеличивается пропорционально.

Если работа выполнена в Corel Draw, желательно предоставление двух вариантов: родной и экспортированный. Если в изображении содержатся только векторные объекты, то экспортировать в Adobe Illustrator (.ai) со следующими установками:

- версия 10.0
- Destination – Macintosh

- Export text as — Curver
- Флажки все.

Если в файле имеются растровые объекты, то экспортировать в TIFF (300 dpi) и прилагать связанные растровые изображения отдельными файлами.

Если Вы не уверены в качестве отсканированного или изготовленного Вами материала, **лучше предоставить оригинал**.

Если нет возможности предоставить оригинал, то должна присутствовать сопроводительная записка о не предъявлении претензий к качеству изображений.

Иллюстрации, вставленные в WORD, не являются оригиналами, должны быть представлены отдельные файлы.

11. После принятия статьи к опубликованию автор высылает **лицензионный договор** о предоставлении права использования статьи в научном журнале на русском языке, учредителем (соучредителем) которого является Российская академия наук, по e-mail: gospravo@igrgan.ru Договор можно скачать на сайте журнала.

12. В случае несоблюдения настоящих правил по оформлению статьи (обзора, рецензии) редакция оставляет за собой право не рассматривать ее.

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ

1. Издание осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки. **Статьи рецензируются в обязательном порядке членами редакционной коллегии журнала**, которые являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.
2. Член редколлегии, являющийся научным руководителем автора или сотрудником подразделения, в котором работает автор, не может выступать в качестве рецензента.
3. Основная цель рецензирования — предоставить редакции аргументированную информацию для принятия решения об опубликовании материала. Положительная рецензия должна содержать рекомендации авторам по улучшению статьи. Отрицательная рецензия должна указывать авторам на слабые места рукописи, чтобы авторы, чьи работы отклонили, понимали, на чем было основано решение.
4. Редакция в случае принятия или отказа статьи к опубликованию доводит до сведения авторов решение редакционной коллегии журнала.
5. Редакция оставляет за собой право не предоставлять автору статьи сведения о рецензенте.
6. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.
7. Редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

ОПУБЛИКОВАНИЕ

Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с произведенными изменениями и исправлениями в тексте по e-mail: gospravo@igrgan.ru с пометкой: статья после доработки.

Статьи, авторы которых не устранили конструктивные замечания рецензента, к опубликованию не принимаются.

Окончательное решение о дате публикации статьи принимается в рабочем порядке в процессе формирования содержания очередных номеров и утверждается главным редактором либо его заместителем.

Статьи, не принятые к опубликованию, возврату не подлежат.

Информацию о статусе статьи (поступление в редакцию, сроки рассмотрения на редколлегии, опубликования) можно получить по e-mail: gospravo@igrgan.ru

Электронные файлы статей (оттиски) после их опубликования в журнале направляются авторам на указанные ими e-mail в формате PDF, их можно прочитать при помощи свободно распространяемой программы Acrobat Reader.

Необходимо отметить, что полученная авторами электронная версия может быть использована ими только для персональных научных нужд (лекций, обсуждений, дальнейших разработок и пр.). Ссылка на оригинал публикации обязательна.

Кроме того, просим учесть, что, так как высылаемая статья уже передана на печать, **то исправления для внесения их в текст статьи не принимаются**. В случае необходимости авторы могут обратиться в редакцию журнала с просьбой о публикации “Поправки”.